

ПОБЕГ

Один из наиболее выдающихся деятелей в эпоху, предшествующую восстанию, был Краевский, студент медицинского факультета Высшей Школы, в Варшаве.

Он принимал участие во всех «манифестациях». Красивый малый, высокого роста, львиной силы и львиной отваги, и именно благодаря этой неустрашимой отваге, такой его смелости, присутствию духа, находчивости и пренебрежению к опасности, ему удавалось в столь «горячую» пору, во время «манифестаций», долго и удачно избегать арестов.

Но как-то в Старом Городе Владислав попал в западню...

Его уже успели схватить и скрутить несколько полицейских...

Но он рванулся – раз, второй... и, оставив в их руках свой сюртук, вырвался из схвативших его рук и убежал, лишив всех милостей, которыми пользовался обер-полицмейстер Трепов, и который на всю свою жизнь запомнил это происшествие в Старом Городе.

В конце концов, всё же Владислава Краевского постигла та же судьба, что и тысячи других...

Его арестовали, засудили, и сослали в изгнание в Минусинск.

Под предлогом необходимости практических занятий, он добился позволения посещать городскую больницу и лечить там больных.

И хотя Владислав Краевский последних экзаменов не сдал и не имел ещё диплома, он своими знаниями медицины, способностью быстро ориентироваться при осмотре больного и ставить диагноз, значительно превышал возможности местного Эскулапа.

На счастье изгнанника, Минусинский Эскулап, человек уже немолодой, усталый, богатый, завистливый, и больше, чем медициной, озабоченный торговыми спекуляциями и домашними делами своей семьи, – по крайней мере, не препятствовал Владиславу Краевскому в его лекарских занятиях.

Так что после нескольких случаев, когда ему удалось добиться успешного излечения, по Минусинску пронёсся слух, что Поляк Владислав Краевский¹ является «поселенцем» – что никак не мешает ему быть знаменитым доктором.

Источник:

Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru. – Warszawa, 1913. [Токаржевский Ш. Побег: воспоминания о Сибири. – Варшава, 1913. – На польском языке].

Слава доктора-«поселенца» росла ото дня, число пациентов умножалось, так что он едва успевал лечить их и готовить лекарство.

Поскольку нагрузка у него получалась двойная, врачебная и фармацевтическая, Владислав Краевский был безмерно рад, когда для аптекарской деятельности нашёл помощника в лице поселенца Кароля Матушевского².

Участник восстания, студент Варшавской Школы изящных искусств, Кароль Матушевский, хотя и не имел никакой квалификации аптекаря, но будучи всесторонне и высоко образованным человеком, вскоре ознакомился с фармакопеей и так искусно крутил пилюльки, готовил микстуры и порошки, – как будто до тех пор занимался не изучением изящных искусств, а аптекарскими, теоретическими и практическими курсами.

Эта общая работа, благородно и возвышенно воспринимаемая обоими, приносила ощутимое добро для местных жителей, однако и Краевского с Матушевским спасала от нужды, которая при массовых депортациях несла беду многим изгнанникам во время пребывания в отдалённых сибирских регионах, а также в России, где нельзя было найти никакой доходной работы, никакого источника заработка...

* * *

– Люди говорят, что только поп и петух поют на голодный желудок, *видно* и вы, господа, тоже из этой компании, так? А? Пан доктор и пан аптекарь?

С такими словами обратился богатый Минусинский купец Павел Федорович к Владиславу и Каролу, которые в своём жилище громко пели хорал Корнеля Ужейского.

Пока ссыльные придумывали, как ответить, Павел Федорович уже успел просунуть в открытое окно голову в бархатной шапочке.

– Можно к вам зайти, *господа*?

Краевский пригласил его в избу, а Кароль Матушевский, живой, как искра, и весьма честолубивый, порывисто обернулся:

– С чего вы взяли, Павел Федорович, что мы голодные?

Купец широким жестом указал на стол, на котором стоял погасший самовар, печеная картошка, соль и непочатая буханка чёрного хлеба.

И притом, ещё хитровато и насмешливо усмехался...

– Наш стол и в самом деле не очень обильный, похвастаться нечем, – сказал Краевский, – но то, что мы до сих пор не дотронулись до него, и он стоит непочатым, говорит о том, что мы никак не голодны, так что вы, Павел Федорович, ошибаетесь в ваших предположениях... Впрочем, это второстепенное дело, – главное, чем мы обязаны чести вашего визита?

– Честь и благодарность – это с моей стороны, – любезно ответил купец и, отвесив низкий поклон Краевскому, а потом Матушевскому, добавил:

– Я к вам пришёл с покорной просьбой, господин доктор и господин аптекарь.

– Если выполнить её зависит только от нас, – сказал Краевский, – я и мой коллега охотно вам поможем, Павел Федорович, – так что же именно вам угодно?

– Я хотел бы, и покорно прошу, чтобы господа поехали со мной в Абаканскую Управу.

– И зачем?

– Ну-с, дело обстоит так, что моя жена и дочки ежегодно там отдыхают пару недель... Но этим летом Абаканская управа как-то плохо помогает моей Катеньке Трифоновне: она всё болеет, моя жёнушка. Вот направила ко мне посланца с письмом:

– «Милый Павел Федорович, пойдёшь к польским поселенцам и с низким поклоном проси у них совета, а также какие-нибудь лекарства для меня!».

– Вот я и пришёл к вам, господа, и не только исполняя просьбу Екатерины Трифоновны, а ещё от себя сообщить, что паром уже заказан, а моя телега ожидает ваших распоряжений, *господа*, позволение на выезд для вас уже у *исправника* получено. – Как хотите, господа, но уж позвольте... Нехорошо ведь отказывать Катерине Трифоновне.

– Он прав, нельзя отказать во врачебной помощи жене такого увесистого туза! Правда ведь, Кароль? – спросил Краевский.

И через пару часов после этого разговора два поселенца в сопровождении купца Павла Федоровича ехали в Абаканскую Управу.

* * *

Так называемая Абаканская Управа была татарским аулом на расстоянии нескольких сот вёрст от Минусинска.

В этом ауле находилось степное татарское управление, – и сюда из разных городов Восточной Сибири съезжаются больные для лечения кумысом.

По поверью татар, кумыс является универсальным лекарством, не только при физических болезнях и недомоганиях, но и от всяческих печалей, поскольку изгоняет из человеческого тела злых духов, что угнездились в нём, и присутствие коих приводит к разным заболеваниям и несчастьям, одолевающим некоторых людей.

Придерживаясь этой веры, татары считают изготовление кумыса неким религиозным обрядом, который положено проводить под наблюдением шамана вместе с *неполным шаманом*³.

Кобылиц, поставляющих молоко для кумыса, шаман и его помощник окуривают ромашкой.

Над свежим молоком и после того, как оно уже начало бродить, шаман произносит разные заклинания, вызывая к покровительственным богам...

Согласно татарским понятиям, подразумевается, что именно от этих заклятий и воззваний зависит чудодейственная лечебная сила кумыса...

Абаканская Управа состоит из нескольких десятков юрт, заселённых многочисленными татарскими семьями.

Юрта *князя* сразу же бросается в глаза, она больше всех остальных и лучше всех обихожена.

Вдали от юрт на небольших склонах взгорий стоят деревянные дома, составляющие совершенно отдельный посёлок, без названия.

В этих домиках, принадлежащих нескольким богатым жителям Минусинска, в летнее время селились больные, которым лекари прописали лечение кумысом.

Один из этих домов, самый большой и обставленный внутри уютно и даже богато, занимала Катерина Трифоновна, жена Минусинского креста, та самая, по вызову которой отправились в Абаканскую Управу Владислав Краевский и Кароль Матушевский.

Оказалось, что пациентка, лишённая городских сплетен, посиделок с кумушками и соседями, не имея возможности еженедельно

красоваться в церкви своими нарядами, окруженная полудикими степняками, пациентка досадовала и злилась – но меньше всего сетовала на здоровье.

Владислав Краевский и Кароль Матушевский, оба были очень статные, элегантные и остроумные, и хотя их разговор с купеческим семейством не был образцом классического остроумия, и пересыпался довольно откровенными издёвками, – тем не менее, приводил супругов в искренний восторг.

А Павел Федорович поминутно раздражался громким смехом и хлопал по спине то Владислава, то Кароля, радостно и удовлетворённо восклицая:

– Ай да молодцы! Славно! Славно!

.....

Водный треугольник, образованный тремя притоками Енисея, отделял Абаканскую Управу от Минусинска.

Поэтому связь между аулом и городом была нелёгкой, тогда как сухопутная дорога оказывалась гораздо короче водной, которой она помогала.

Лишь после полуночи поселенцам удалось избавиться от назойливой гостеприимности Павла Федоровича и его супруги, и чуть не силой вырваться из их дома после обильного угощения и множества напитков, а Владислав Краевский – ещё и вознаграждённый щедрым гонораром.

Павел Федорович оплатил паром за свой счёт, но именно на этом пароме расшатались крепления, так что переправа на нём могла быть небезопасной.

Однако за отсутствием любого другого средства передвижения, Минусинский крез рад – не рад, поговорив с Краевским и с Каролем, заняли место на другом новом, крепком, недавно построенном пароме.

На нём уже разместилось довольно много людей...

Как только отплыли от берега, Павел Федорович забрался в свою телегу и крикнул перевозчикам:

– Не потопите нас, *душегубы*!

После чего сразу уснул.

Кони двинулись... Несколько человек тихо разговаривали...

Глухо журчало течение Енисея...

Лёгкий ветерок шелестел в прибрежных кустарниках...
Слегка зарумянившийся горизонт предвещал близкий рассвет...
Лёгкие тени, словно обрывки белой дымки, местами проносились над гладкой поверхностью величественной реки...

Владислав Краевский и Кароль Матушевский как можно дальше отодвинулись от телеги Павла Федоровича, приблизились к другим сотоварищам по переправе, что скопились на другом конце парома.

Среди этой группы, по большей части из татар с Абаканской Управы и иных соседних аулов, выделялся мужчина, сидящий в стороне.

Несмотря на жару, он был одет в кожаные штаны, потрёпанный пыжиковый кафтан и остроконечную китайскую шапку – притом, босой...

В руке держал большую деревянную вилку с надетым на неё куском мяса, от которого отрезал ножом и ел, как очень голодный человек.

Что-то было в нём, что не гармонировало ни с его одеждой, ни с жестами...

Было в нём что-то, что внимательного наблюдателя наталкивало на мысль, что этот мужчина, с какой-то важной целью, умышленно пытается стереть со своего облика следы, свидетельствующие, что он Европеец, притом обладающий европейской культурой...

Владислав Краевский среди Россиян и аборигенов был личностью известной и высоко почитаемой.

И как только его узнали, к нему подошёл пастух-табунщик, которого он недавно вылечил от тяжёлой болезни, а за табунщиком – теснилась толпа излечённых им пациентов, которые благодарили «доброго господина доктора», горячо и искренне благодарили.

Краевский не мог вырваться из кружка степняков, которые обступили его плотным кольцом...

Так ему и не удалось приблизиться и заговорить с тем мужчиной, с такой выразительной физиономией, которая его поразила, – но он дал себе слово, что не спустит с него глаз и, как только начнётся высадка, под первым подвернувшимся предлогом, заговорит с ним и приведёт его к себе...

Тем временем паром причалил к берегу...

Купец Павел Федорович вылез из телеги, щедро заплатил перевозчику и, остря, по своему обычаю, пригласил поселенцев *на похмелье* и очень огорчился, что они приглашения не приняли, а вежливо отказались...

Татары и другие попутчики со своими пожитками толпились на помосте.

Среди толпы, в шапке, ещё больше натянутой на лоб, был и тот, по разумению Краевского, «культурный европеец».

На берегу около помоста стояли двое детин в шинелях и шапках, с ружьями наперевес.

Они явно присматривались к мужчине, которого, видно, и поджидали...

Вдруг Краевский увидел, что солдаты схватили за плечи человека в остроконечной шапке и пыжиковом кафтане.

Он не подал голоса...

Стонал...

Потом пришёл в себя от бессилия, которое его на мгновение охватило...

Вырвался из держащих его лап... и кинулся к дорожкам, что кончались над яром.

На дне протекал шумливый ручей меж обломков гигантских скал...

Беглец остановился над яром...

Задержался на одну секунду...

И тут... грохнули два выстрела...

Пули попали ему в плечо и в голову, он закачался и упал...

Отломился кусок скалы, поросшей травой, и раненый человек сорвался головой вниз в бездонную пропасть...

.....

Поселенцы устремились за беглецом, и когда он исчез в пропасти, остолбенели от неожиданности.

Инвалиды, наоборот, торжествовали победу...

– *Прощайтесь, голубчик! Прощайтесь!* – орали они в пропасть, размахивая шапками.

Несмотря на ужасающий случай, кроме Поляков и татар, все заходились от смеха...

– Так и *слава Богу*, что мы его цапнули! – кричал один из инвалидов, а Владислав Краевский спросил:

– Кто же он был, этот человек?

– Глупый вопрос! – парировал инвалид, глядя на Владислава. – Неужели господин, пан молодой человек, думает, что это был какой-нибудь *статский советник* или хотя бы *исправник*, – каторжник он был, никто больше!

– Не выглядел он как беглый каторжник, – сказал Краевский, пытаясь добыть от солдат хоть какие-то сведения об убитом.

– Ну-с, не выглядел, не выглядел! – злобно передразнил инвалид. – А был, однако, политический преступник! Сбежал от нас на этапе... И такой хитрый прохвост, столько дней водил нас по своим следам, аж *пока что*... А если бы живьём его поймали и привели... Ну-с! Хотя бы до капитана Муровец, он бы приказал ему шкуру потрепать *ладно*!

– А как звали этого каторжника?...

– Кто же его знает...

– Ну-с, чёрт знает, и капитан Муровец, – сказал молчавший до сих пор инвалид, – а вам-то что за дело, молодой человек, до этого каторжника... Чего вы-то нас так выпрашиваете?...

Спрашивая, инвалид оглядел Владислава Краевского пронзительным и подозрительным взглядом.

Купец, Павел Федорович, вступил в разговор:

– Это мой милейший друг! Это знаменитый господин доктор!

Подошёл к Владиславу и, хлопая по плечу, сказал:

– И чего вы так расстроились, *голубчик*?

Почему, *друг миленький*?

Это же был каторжник, просто беглый!... Ну и что?... Убил-ся... Ну, что за беда?... Господа инвалиды напишут красивый рапорт и рапорт предложат *начальству*, и конец... и всё будет в полном порядке...

Разве не так? А?

* * *

Люди расходились, спеша в город...

Восходящее солнце слегка касалось зеркальной глади величественного Енисея.

С древесных листьев роса капала, как чистые, обильные слёзы.

ВСТРЕЧА

Тунгусы, которые привезли из материковой тайги на Большой Участок шкуры убитых зверей, собирались возвращаться в свои чумы⁴ в Енисейской губернии.

Во временном складе, возведённом посреди огромного участка, громоздились груды лисьего меха, с серебристо-голубоватым отливом, и коричнево-золотистых соболей...

Посреди этих груд меха, за большим длинным столом, сидел владелец Большого Участка, Егор Петрович Светилкин.

Он любовался драгоценными мехами...

Гладил их широкой ладонью, и мысленно заранее подсчитывал, за какие цены сможет их продать на ежегодной ярмарке в Барнауле.

Видимо, подсчитав, пришёл к выводу, что эти цены принесут ему весьма приличный доход и, соответственно, сиял от счастья...

Весь этот драгоценный товар, эти редкие прекрасные меха он приобрёл истинно задаром: за сотню пачек прессованного чая и чуть больше ста фунтов скверного табака.

Закоренелые и непритязательные потребители табака и страстные любители чая, тунгусы, доставившие эти меха, также, как и Егор Светилкин, тоже считали себя весьма удачливыми в проведённой обменной торговле.

Небольшие ростом, подвижные, выраженного монгольского типа, и притом очень симпатичные кочевники быстро управлялись с упаковкой своих «сокровищ», причём непрерывно курили *сикле*⁵, подвешенные через плечо на длинных железных цепочках, и временами победно выкрикивали:

– Е-гор! Е-гор! – и все вместе трясли туго набитые табаком кисеты, подвешенные к поясу, и были эти кожаные мешочки украшены вышивкой, бусами и серебряной нитью.

Егор Петрович Светилкин смеялся, глядя на эти весёлые и подвижные сборища, и в приступах щедрости вручал кочевникам, то пакетик чая, то свёрток табака...

Простодушные тунгусы принимали такие дары с наивной и шумной благодарностью...

Егора Петровича Светилкина очень забавляли подобные сцены – он даже рад был бы подольше задержать тунгусов.

Но поскольку все их тюки были уже мастерски перевязаны и погружены в санки, и притом они уже сообразили, что ничего больше не получат, начальник этого племени и одновременно руководитель торговой операции поднял руку над головой и его сотоварищи тут же стали около в полукруг, а он призывал благословление *Тенгри*⁶ на Егора Петровича Светилкина, на всех его слуг и на всех домочадцев... Потом все тунгусы одновременно склонились к земле.

Это был отголосок местного старинного обычая и одновременно означало прощание с хозяином.

Потом тунгусы с Большого Участка отбыли.

Маленькие саночки везли огромные палевые, мохнатые беспородные собаки, запряжённые по шесть в ряд, одна за другой, галопом они выехали из ворот, проехали по двору, покрытому смёрзшимся снегом, помчались к далёким аулам кочевников с удивительной скоростью...

Через минуту эти саночки уже маячили вдалеке, как тёмные точки, что постоянно уменьшались и, наконец, совсем исчезли...

* * *

Наступил последний день года 1856-го, последний день по новому стилю.

Мой хозяин Светилкин предложил мне этот новый год, первый после моего освобождения с каторги, провести в Омске, среди поселенцев-Поляков и моих сотоварищей из *острога*.

Предложение Егора Петровича Светилкина было так заманчиво, что я не замедлил им воспользоваться.

Правда, от Большого Участка до Омска все сто вёрст «с большим припуском», как здесь принято говорить.

Однако, в бескрайних сибирских просторах, – местности, расположенные на расстоянии ста вёрст друг от друга, считаются близким соседством.

Причём, обычно, высылаются кони заранее для перегона, во избежание долгих задержек.

Такая предусмотрительность и скорость огнистых рысаков значительно сокращают расстояния.

Я не хотел уезжать, не попрощавшись со своим хозяином, а тот как раз осматривал меха, сложенные на складе.

В это время я и вышел за частокол, окружающий дом, хозяйственный пристройки, словом, всю усадьбу Егора Петровича Светилкина.

Мороз был такой сильный, что дух захватывало.

Западная часть небосвода пламенела пожаром и ярким огнём отражалась на покрытой снегом околище. После беспрестанных сверок счетов, в этот час полного одиночества, среди пустынной тиши, я дал волю своим мыслям. Быстро летят мысли... Быстро...

Вот уж перевалили за Урал... К земле Любельской...

Завернули в Ходлу... в убогий приход Ходельского пробста...

Заглянули в те хаты, в которые я заходил, как посланец ксёндза Щегленного, чтобы нести их сермяжным обитателям «добрую весть».

Заглянули мои мысли в родной край...

Вновь участвовали в собрании, которое там состоялось 24 октября 1844г.

Остановились у горы Швиентокжистье, у гостеприимного монастыря Бенедиктинцев...

Клубок воспоминаний разматывался в моём воображении... Воспоминаний то светлых, солнечных, а то и печальных и болезненных развивался передо мной... когда вдруг затопотали чьи-то шаги по мёрзлому снегу и чей-то голос крикнул:

– Ну и холодище!... Сретенский зверь: идёт от Святого Моржа и всё по дороге уничтожает и убивает...

Я с любопытством подождал...

Ко мне приближался какой-то незнакомец, как видно, в Сибири привычный человек... в меховой, полностью облысевшей, шапке, в залатанной солдатской шинели, плохо одетый, плохо обутый, он выглядел бродягой.

Говорил на народном наречии, ибо только сибирские мужики называют такой мороз «Сретенской бестией», а Байкал «Святым Моржом», – но, взглядевшись в стройную и крепкую постать этого человека, который заговорил со мной, можно было предположить, что он принадлежит к высшему обществу.

Заметив это, я спросил его напрямик:

– Пан идёт к нам?... На Большой Участок?

Непроизвольно я назвал его «пан».

Он взглянул на меня...

Видя мою благожелательность и весьма ею удивлённый, в знак приветствия слегка наклонил шапку:

– Вообще-то, Большой Участок не то место, куда я направляюсь, моя цель дальше, куда дальше, – ответил он.

Теперь, когда он встал напротив меня, я увидел, что он дрожит всем телом и в зазеленелых от мороза руках едва держит суковатый посох, о который опирался...

Его лицо, с деликатными, благородными чертами, было так измучено и выглядело так болезненно, его голос, мягкий и звучный, вызывали такое сочувствие и такую сердечную симпатию, что по первому же порыву я без колебаний предложил:

– Куда бы пан ни направлялся, отдохнуть и согреться не помешает... Согласен ли пан принять приглашение в моё скромное жилище?

Он оглядел меня с любопытством, и, рассмеявшись, ответил:

– О, неосторожная молодость! Пан приглашает меня к себе, не зная, кого хочет угостить под своей крышей?

Я могу быть бродягой, беглым каторжником... или рецидивистом, убегающим от карающей руки справедливости... или дезертиром, который нашкодил в своём полку и теперь преследуется властями...

Но к счастью для нас обоих, ни к одной из названных категорий я не принадлежу. Я – Андрей Константинович...

И назвал свою фамилию. Древнего исторического вельможного рода, хорошо известного в первой четверти прошлого века⁷ в Польше и в России.

Я глубоко склонился перед ним, назвал свою фамилию и добавил:

– Поляк и экс-каторжник из Омской крепости.

– Экс-каторжник? Значит, коллеги... Брат? Ведь я тоже политический преступник, освобождённый последней амнистией с Петровской каторги.

– Неудивительно, – вскричал он радостно, – что вы инстинктивно, сразу же, и обратились ко мне! Нас связывает «вина по собственному желанию».

Он снял рукавицу и подал мне ладонь, маленькую, сухощавую ладонь, которую я пожал сердечно и горячо.

.....

В огромном очаге камина, в моей комнате, бушевал огонь из смолистых поленьев, рассыпая искры и весело треща.

Внушительных размеров самовар кипел на столе, обильно заставленном пирогами, мясными блюдами, которые Измарагда Адриановна Светилкина, жена моего хозяина, прислала для меня и моего гостя.

Он, уступив моим настойчивым просьбам, снял с себя тряпье, в которое был одет, и принял мою скромную, но чистую пристойную одежду, которая точно пришлась ему в пору, так как мы были одного роста, только я – значительно плотнее.

Он много и охотно выпил чая, но от еды беспрестанно отказывался.

– Но дорогой мой брат и коллега, – протестовал он, – ваши запасы рассчитаны на аппетит какого-нибудь Гаргантюа...

Не требуйте от меня, чтобы я поглотил всё это до последней крошки...

– Но я-то по собственному опыту знаю, что в карательных заведениях для каторжников *les plaisirs de la table*⁸ недоступны.

– Да, и в Петровске тоже пришлось отказаться от закусок и привыкнуть к абсолютной воздержанности...

– А долго ли вы пребывали в Петровске?

– С 1827 года, до последней амнистии по случаю коронации царя Александра II.

– Господи! – крикнул я, схватившись за голову обеими руками. – Тридцать лет!

– Вы немного сбились со счёта, только двадцать девять!

– Только!...

– Не очень сокрушайтесь обо мне!... ведь я был не один в Петровске... Там нас был внушительный контингент, одни – легитимисты.

– Ах так!... – оба мы рассмеялись.

– Целых два месяца фельдъегерь вёз из Петровска в Петербург царю Николаю I рапорт коменданта о нашем поведении.

– И хорошо вы себя вели?

– О, безусловно..., – он умолк, надолго задумался и продолжал:

– Самым тяжким наказанием показалось время, что мы провели в общей тюрьме. Когда нас начали посылать на работы, наш мир отшельников воспрял духом. На рабочих площадках, после многих лет расставания, встречались приятели, родственники, сомышленники...

Дозорные и конвойные по приказу коменданта строжайше наблюдали, чтобы мы не разговаривали между собой.

Но вам, дорогие братья, по собственному опыту известно, что, несмотря на надзор, заключённые каторжники очень быстро научаются понимать друг друга... Один мимолетный взгляд, полслова, сказанное мимоходом вполголоса, порождают целый ряд домыслов, логически связываются друг с другом и в стократ лучше объясняют многое, чем долгие разговоры и дебаты свободных людей, ни от кого не зависимых и пребывающих на воле...

Он говорил медленно, как бы воскрешая померкшие воспоминания...

Глаза его то угасали, то горячечно блестели...

Его деликатное лицо порозовело от отблесков огня, но высокий широкий лоб пожелтел у висков, как старая слоновая кость...

Свет висячей лампы окружил его слегка приподнятую седую голову серебристым нимбом.

– Андрей Константинович! – воскликнул я. – Удивляюсь абсолютному спокойствию, с которым вы рассказываете о ваших былых страданиях.

– Наверное, – мудрец смотрит на всё с недоступных для обобщения надземных высот.

– А каким красивым, брат, – был ты, наверное!

Он рассмеялся.

– Ох, как ты легко зажигаешься... Как всё поэтизируешь, какой ты ещё энтузиаст, юноша!

Энтузиазм – отличительная черта вашего народа...

Энтузиастами были все те поляки, которых я знал, с которыми дружил и не раз сотрудничал, пока ещё жил в свете... Он снова погрузился в задумчивость.

Старинные часы, тикающие в углу моей комнаты, начали отбивать полночь...

С последним ударом в избу вошла служанка Антя.

– Измарагда Адриановна Светилкина поздравляет вас с новым годом, Шимон Себастьянович! И поздравляет также вашего гостя! И прислала вам этот напиток, чтобы вы отметили ваш новый год, чтобы он был счастливым и здоровым!

Она быстро глянула на гостя, состроила смешную гримаску и, высунув кончик языка, расхохоталась и убежала, захлопнув за собой дверь.

Я наполнил бокал напитком, который оказался наливкой из ягод облепихи, и спросил:

– Послушаем совет Измарагды Адриановны и обмоем начинающийся новый год, чтобы был счастливый и здоровый?

– Конечно же! Конечно! – усмехнулся Андрей Константинович, поднёс бокал к губам и воскликнул:

– За братство всех народов!

Одним махом мы опорожнили бокалы.

Андрей поставил свой так порывисто, что бутылка затряслась, наклонилась и рубиновая жидкость широкой струёй разлилась по белой скатерти.

– Символ! – шепнул я.

– О! Несомненно, – воскликнул в унисон мой гость, – что потоки крови ещё будут, но за ними наступит... непременно наступит... должно наступить...

– Наступить должно... наступит... это точно... но когда?

– В близком ли, отдалённом ли будущем, – через десяток лет, или через столетия, – хотя, – меньше!

Но нет никаких сомнений, что идея братства народов уже посеяна. Может, уже появились даже корешки, и ты ещё увидишь, юноша, какой получится урожай.

– Дал бы Бог поскорее! – вздохнул я.

Потом выпили ещё тост:

– За равенство всех состояний!

И:

– За единомыслие всего человечества!

– ...Конечно, – продолжил Андрей Константинович, – конечно, ты бы рад узнать, как это мне удалось бродить по свету в образе нищего?

– Разумеется: был бы рад... и, если моё любопытство не слишком нескромно...

– Да нисколько! Знаешь, вспоминая все перипетии моей истории, я дополню её тем, что переплывая через Байкал, при выгрузке багажа из *баржи*, у меня украли кофр с гардеробом и с деньгами... Наверное, это случилось из-за моей неприспособленности и непрактичности...

И на самом деле, как-то не умею я в дороге управляться...

Как человек свободный, я путешествовал всегда с камердинером и *valet de pied*⁹, которые следили за моим багажом и удобствами... И, надо сказать, хорошо исполняли свои обязанности.

Как осуждённый, я опять ехал под присмотром казаков, которые, конечно, не заботились ни о моём багаже, а о моей выгоде и того меньше, им бы только, чтоб я не убежал в пути...

Позднее на ночлеге у меня украли все меха и остаток одежды, которую я ещё имел, так что всего моего богатства – оставалось рублей шесть...

Ради бога, юноша, не стройте такой трагичной мины!

Конечно, положение моё не было роскошным. Но я ограничил свои потребности до минимума... И, на самом деле, пришёл к выводу, что случаются ситуации несравненно худшие... Вот мне, например, повезло, что я в дороге встретил тебя... Теперь мне бы скорее добраться до Омска...

– Я тоже как раз собираюсь в Омск. Поедем вместе.

– Вот удача! Позволь мне только тебя оставить ненадолго... Позволь, я на минуту отлучусь.

– Мы можем выехать отсюда хоть через полчаса... Но зачем так скоро?...

Он взглянул на меня удивлёнными, мутными глазами и таинственно усмехнулся:

– Прими мои заверения, брат...

Усталым, неловким движением опёрся о ручку кресла, поднял глаза и долго постоял молча в задумчивости, шептал отрывки своих мыслей, или воспоминаний.

– ...была прекрасна в платье из белой дымки, в уборе из бледно-розовых цветов шиповника... этот наряд так дивно подходил к её воздушной и нежной красоте...

...меня коробило, что в моей штатской одежде я выгляжу непригляднее, чем толпа сверкающих золотом мундиров, дипломатов и военных на том придворном балу...

...и всё ж – она, Екатерина Васильевна, отличила меня... меня одного...

Он шептал всё тише, всё невразумительнее... Я дотронулся до его руки... Рука была горячая, как пламя...

– Горячка у него! – подумал я. И, чтобы вернуть больного к действительности, прервал его шёпот:

– Андрей Константинович, жду ваших распоряжений, о которых вы изволили говорить...

Он высвободился, протёр глаза, как человек, пробуждающийся от сна, и сказал:

– Надо тебе сказать, ведь в Петербурге я оставил невесту... При последней нашей встрече Екатерина Васильевна обещала, что как только меня амнистируют, она выедет ко мне на встречу в Омск...

Наверное, весть об амнистии каторжников из Петровска уже разнеслась по всей Российской Империи... И потому я хочу знать, сдержала ли слово Екатерина Васильевна...

Может, она и не узнает меня?...

Может, она, дорогая моя голубка, воображает, что перед ней предстанет тот самый красивый молодой человек, любимец петербургских салонов, тот шармант во фраке, с жабо, обутый по моде, с копной густых волос, уложенных *a la Byron*¹⁰ над беззаботным челом... А когда увидит престарелого неудачника, захочет ли сдержать своё обещание?

Наверное, этот вопрос мучил его всё время, когда он был в одиночестве.

И тут он сорвался с места и схватил свой посох.

Накинул на плечи залатанную шинель и быстро направился к двери.

Я заступил ему дорогу, обхватил за туловище, пытаюсь переубедить:

– Андрей Константинович, мы можем выехать через двадцать, нет, через десять минут... сейчас поторопливо возницу, чтоб скорее заложил коней... сани уже готовы к пути... ночь, лютый мороз... вы чересчур рискуете... оставайтесь! Прошу вас!

Зловещий блеск, как у разгневанного льва, сверкнул в зрачках Андрея, топнув ногой, он крикнул:

– Двадцать девять лет я был прахом, что топтали грубые стопы... двадцать девять лет ежечасно, ежеминутно волю мою ломали...

Понимаешь?

Теперь я снова свободный человек, и поступаю, как хочу... понимаешь... пусти меня.

Он оттолкнул меня с такой силой, которую трудно было ожидать от человека столь слабого на вид, и вышел.

– Он сошёл с ума! – мелькнула у меня мысль.

Я выбежал за ним, наказав пареньку, что нёс ночную службу, чтобы он отворил ворота в частоколе.

.....

Через какие-нибудь полчаса трое резвых рысаков уносили мои санки в Омск к ожидавшим меня гостям.

Я надеялся вскоре встретить Андрея Константиновича.

Но напрасно высматривал я его...

Меня охватила бешеная тревога при мысли, что Андрей Константинович мог отправиться в противоположном направлении...

А, может, свернул в лес... Он ведь был как бы в бессознании...

Ужас!

.....

Вдруг рысаки резко остановились...

Возница Тагил, недавно окрещённый тунгус, повернулся ко мне:

– Господин! – крестясь, зашептал он. – Душа вскочила мне в горло, во имя Отца и Сына, на веки веков. Аминь!

– Что случилось?

– Что-то лежит на дороге – может, чёрт?... А, может, *красная бабуля*¹¹. Я испугался насмерть, и кони испугались. На веки веков! Аминь!

Я выскочил из саней...

На дороге, без сознания, лежал Андрей Константинович, с окровавленными плечами... около него лежал посох, который выпал из рук...

Попытаться поднять это бесчувственное тело в одиночку было бы безумием...

А Тагил должен был очень крепко держать вожжи, чтобы напуганные рысаки не понесли...

Пока я стоял обессиленный, вдруг долетел звон множества *колокольчиков*, из ближнего бора появилось несколько ездовых с зажженными факелами...

Среди них мелькало несколько саней, в которых сидели мужчины, закутанные в меха...

В моём сердце проснулась надежда...

Я догадался, что это мог быть комендант крепости, Алексей Федорович де Граве, который возвращается с охоты из какой-нибудь дальней чащобы...

Этот благородный человек, несомненно, окажет нам помощь... Я был уверен!

Кортеж мчался быстро, то по широкой дороге, то скрываясь за купами сосен, или за цепочкой взгорья...

Но вот уже слышен топот конских копыт и крики:

– *С дороги! С дороги!*

Тут я крикнул изо всех сил:

– Остановитесь! Ради Бога, спасите!

Кортеж остановился в нескольких шагах от нас.

Я побежал к первым саням, в которых сидел комендант де Граве.

– Ваше Превосходительство!... Спасите!... Умоляю! На дороге неподвижно лежит человек, может, умирающий...

– Ах, это вы, Шимон Себастьянович, здравствуйте! Этот больной, он кто, а?

– Приятель!

– Ну, приятель, или враг, всё равно – человек, надо его спасти... так, мы заберём его в Омск. Уложим в госпиталь.

– Ах, только не в госпиталь, Ваше Превосходительство! Лишь бы не в госпиталь!... Это человек знатного рода, интеллигентный... Лучше, Ваше Превосходительство, отвезти его в больницу к доктору Борису.

– Воля Ваша, Шимон Себастьянович, отвезём к этому учёному аристократу, доктору Борису...

– Эй, вы, там, поднесите больного господина.

– Кто из вас, господа, уделит больному место в своих санях? Мы бы рады его принять, но мы тут сами такие старые толстяки...

– Кто желает, молодые господа, прошу!

Молодые адъютанты повыскакивали из саней и уложили Андрея Константиновича.

Не легко и не сразу удалось привести его в чувство.

Он подавал признаки жизни, но был совершенно без сознания.

Его укутали мехами, удобно уложили в сани и повезли в Омск...

Я следовал за ними и, испытывая такое чувство, словно замыкаю погребальный кортеж.

* * *

«Дорогой друг, Шимон Себастьянович!

Всё, что вам рассказал Андрей Константинович, не было фантазией и, тем более, не было неправдой...

Его невеста, Екатерина Васильевна, прибыла в Омск, как и обещала несчастному осуждённому, прощаясь с ним в Петербурге, двадцать девять лет тому назад...

Несмотря на седые, как серебро, волосы, Екатерина Васильевна кажется молодой и ещё сейчас очень, очень хороша собой.

Наш губернатор, Петр Дмитриевич Горчаков, который был в приятельстве с её отцом, говорит, что в пору расцвета её красоты она была восхитительна, и что известный художник Брюллов, как об особой милости, просил, чтобы она позволила написать свой портрет.

Все мы тут: Поляки и Россияне, неустанно и сердечно ухаживали за Андреем Константиновичем.

Невеста и Тереза Игнатевна¹² постоянно дежурили около него...

Андрей Константинович отдал Богу чистую свою душу на руках его невесты.

Если бы вам описать все подробности...

Но сейчас не могу... не могу, честное слово...

Не вините себя, дорогой друг, Шимон Себастьянович, что силой не задержали Андрея Константиновича, и не думайте, что его

внезапный выход из тёплой избы на мороз вызвал обморок, – а потом и смерть.

Нет! Нет! Сто раз нет!

Андрей Константинович уже носил в груди зачатки смертельной болезни, когда переступил порог вашего дома.

Представьте себе человека из круга Андрея Константиновича, идущего *per pedes apostolorum*¹³ от Байкала аж до Омска, и это после двадцати лет каторги, с шестью рублями в кармане... Разве не выпали на его долю все беды, которые заставили вспыхнуть смертельное воспаление лёгких?...

Он убежал от вас в приступе беспамятства, в горячке!...

Шимон Себастьянович! Отчего же человеческая жизнь так полна горечи, слёз и печали?

Почему душу человеческую теснит столько горя! Мечтает, к чему-то стремится, будто в погоне за каким-то недостижимым маревом?

Почему?... Почему?... Почему?...

А то братство народов, о котором Андрей Константинович всегда мечтал во время двадцати девяти лет каторги, о котором говорил в предсмертные свои часы, – это братство народов не является ли также ещё одним недостижимым миражом, верой в который человечество пытается облегчить свои горести и всяческие невзгоды?...

Это братство народов наступит ли когда-нибудь на земле?

Ответьте, дорогой мой друг, Шимон Себастьянович?...

Борис».

Так в последних днях января года 1856-го писал ко мне омский лекарь, сын декабриста.

НА ЗОЛОТОНОСНЫХ ПРИИСКАХ СИБИРИ

ак-то в некий воскресный день необыкновенное оживление охватило каторжников, содержащихся в омской крепости.

Непривычная беготня и движение царили по всему *острогу*.

По углам казематов, за столами на кухне, у частокола, в разных закоулках на плацу и по всей территории – везде собирались

малые и многочисленные группы заключённых, которые разговаривали друг с другом очень тихо, одновременно размашисто жестикулируя.

От этих групп, что-то обсуждающих приглушённым голосом, видно, что-то чрезвычайно важное, порой, доносились то громкие окрики, то странные названия с непривычным нероссийским звучанием, вроде *Джин-шан*, *Алтун*, то энергичные протесты, то обеспокоенные вопросы и ответы:

- И сколько же «сменят свою судьбу»?
- Кого выберет «Восьмиглазый»?
- Неизвестно!

Прозвищем «Восьмиглазый» каторжники наделили плац-майора омской крепости, Василия Григорьевича Кривцова.

«Изменить свою судьбу» на языке заключённых значило перевоз в другое место наказания.

Во время моей двукратной каторги в Сибири, часто происходили дислокации осуждённых из одного карательного батальона в другой, из одной крепости в другую, ещё более далёкую от трактов, ведущих в *свет*, как в то время сибиряки называли Европу.

Нередко случалось, что в какой-нибудь тюрьме просто не хватало места из-за неожиданно многочисленной ссылки или из-за слишком большого числа рецидивистов или политических преступников. И тогда превышающих «норму» осуждённых отправляли куда попало, – туда, где ещё оставались свободные места.

Иногда на серебряных, медных, железных и оловянных рудниках, на золотonosных месторождениях и при промывке золота тоже не хватало рабочих рук для добычи неисчерпаемых минеральных богатств, которыми изобилует Сибирь, – и тогда тюрьмы и крепости пополняли недостающие рабочие силы.

Для «бандитов» такая смена места была особенно счастливой и они о ней горячо мечтали.

Долгий или короткий поход, через незнакомые места, после однообразия тюремной жизни, был для них желанной «встряской» привычной жизни и надоевшего однообразия.

В пути по безлюдной тайге, по неизведанным дорогам, через боры, в течение многих дней подобного пути, они окончательно

раскрепощались от царящего в *остроге* распорядка, и нередко им представлялась лёгкая возможность для побега.

Отряды солдат, что конвоировали партии арестантов, обычно были малочисленны, так что преследование беглецов оказывалось просто невозможным.

Впрочем, офицер, начальник конвоя, не очень волновался из-за такого события, как побег из партии какого-нибудь арестанта, если он был просто рецидивистом, а не политическим преступником, Поляком или Россиянином.

– Ну-с, – говорил, весело смеясь, офицер, без всякого раздражения. – Произошёл побег. Невелика важность! А?... Раньше или позже медведь, или другая дикая зверюга сожрёт его в тайге, или всё равно помрёт от голода и холода... А для работы – не этот, так другой сыщется... Сотня найдётся или несколько сот других... Слава Богу, у нас в Сибири везде каторжников хватает!...

– Ваша правда! Ваше Благородие! – поддакивал начальству тот солдат, которого офицер осчастливил беседой.

Поддакивал-то поддакивал, хотя солдат и все его сотоварищи от всей души слали вслед беглецу самые искренние пожелания: «счастливого пути»...

Прозвище плац-майора Кривцова, упомянутое в связи со «сменной судьбы», которая, якобы, намечалась для некоторых заключённых, – эхо и урывки разговоров, которые мы невольно схватывали, повергли нас, Поляков, в страшное беспокойство и страх.

Мы уже понемногу приспособились к местности, к дозорным, ко всему окружению...

Уже как-то освоились с сотоварищами по тюрьме...

Уже немного привыкли к работе и обычаям, царящим в омском *остроге*.

Нас уже знали в крепости и в городе как людей спокойных, вежливых и сговорчивых...

А если нас перегонят в другое место, может, мы попадём в ещё более недоброжелательное окружение, где ещё больше бродяг и рецидивистов, ещё больше врагов, особенно для политических преступников-Поляков...

И всё, что мы претерпели, всё, что пережили в первые дни нашего бытования в Омске, всё это, наверно, пришлось бы

терпеть и переживать на новом месте вторично... И, Бог знает, не в ещё ли более унижительной и во сто крат более острой форме...

Поэтому, так называемая среди каторжников «перемена участи» встала перед нами как новая угроза, как страшное невезение, тем более, что в Омске жило множество наших земляков и поселенцев-изгнанников, с которыми нас связывали самые сердечные, истинно братские чувства и привычные отношения... А среди местных жителей у нас тоже было столько искренних и сочувствующих нам приятелей, и просто знакомых!

Хотя мы и маялись в зловещих предчувствиях и опасениях, и посещали нас чёрные мысли, мы всё же убедились, что не только мы, Поляки, заметили необычные обстоятельства, таинственные переговоры, шёпоты, озабоченные лица каторжан, их непонятные окрики.

Обратил внимание на всё это также и единственный представитель еврейского народа в омском *остроге*: каторжник Исай Фомич Бумштейн.

За убийство полицейского, который поймал его на месте преступления при изготовлении фальшивых денег, он был осужден на двадцать лет тяжёлых каторжных работ и пожизненное поселение в Сибири. На каторге Исай Бумштейн особенно не страдал.

По профессии позолотчик и ювелир, в Омске он был единственным квалифицированным мастером этого искусства. При посредничестве своих единоверцев он всё время получал множество заказов из города и его окрестностей.

Даже видные чиновные лица часто доверяли ему починки и переделки по его специальности.

В таких случаях ювелир-каторжник работал в *остроге*, под присмотром ефрейтора, который ежевечерне относил заказы их владельцам.

Ювелирными работами Бумштейн зарабатывал довольно много, и благодаря тому, что, как человек с «хорошим прошлым», экс-фальшивомонетчик и экс-убийца пользовался уважением и вниманием других каторжан-рецидивистов.

Капиталами своими он распоряжался весьма осторожно и доходно, занимая деньги сотоварищам по каторге.

Даже за пределами *острога* Исай Бумштейн вёл дела и имел много должников. Когда-то он был женат...

Но после приговора, осудившего его на каторгу и поселение, его жена Хана воспользовалась правом отказаться от мужа, «умершего для Общества», и завязала новые отношения.

Отвергнутый муж, тем не менее, не чувствовал особой обиды на неверность своей Ханы.

— А я тоже женюсь! — планировал он, двигаясь вместе со стулом по полу. — Как только отбуду каторгу, женюсь! Что, только в Тверской губернии есть еврейки? Ай-ай-ай! И в Сибири *тоже* их хватает! И в Сибири их множество... Есть купцы, наживающие большие капиталы, есть и такие еврейки — «самый цимес¹⁴»! Ай! Ай!...

Бродячий знахарь, с которым Бумштейн как-то познакомился в походе, за хорошие деньги продал ему рецепт лекарства, которое после многократного использования, якобы должно было вернуть юношескую живость и гладкость испещрённому оспинами лицу.

Со слепой верой в силу этого средства Исай Бумштейн прятал рецепт, как драгоценное сокровище, намереваясь использовать лекарство, когда приблизится срок увольнения с каторги.

А этот срок, при нормальных обстоятельствах, должен был закончиться только через шестнадцать лет!...

Корыстолюбивый, скупой, униженно-покорный, и вместе с тем тщеславный, трусливый, но хвастун, под маской мнимой глупости и добродушия он скрывал удивительную шустрость, хитрость и наблюдательность, — назойливый и проныра, был человеком, прекрасно проинформированным обо всём, что творится в мире, или по крайней мере в городе, и добытыми сведениями делился с каторжанами, когда считал это выгодным и прибыльным для себя.

Притом при всём, Исай Бумштейн был личностью весьма необычной и архикомической.

В то воскресенье он, крадучись, подходил то к одной, то к другой группе заключённых, подслушивая их шёпотки.

В конце концов, это заметили и в его адрес посыпался град оскорблений и угроз.

— Ты же Христа продал, осповатый *варнак*¹⁵, не приставай к нам, людям, которых правове́рный поп крестил в церкви!

— *Пошёл вон! Деревянная морда*, ты чего ещё здесь стоишь?...

Исай глотал обиды, как лакомые конфеты, нисколько за них не сердился, усмехался, гримасничал и заискивающе умильно говорил:

– Низко кланяюсь и прошу покорно, *не сердитесь*, господа *шляхта*, ну что такого? Что это вы? Я не стою!... Воробей на острие частокола дольше стоит, чем я около вас.

В ответ послышался взрыв громкого смеха...

– Да ну его! Исай Фомич, ты же ястребок, а не воробей.

Еврей тоже смеётся...

– Ладно, пусть ястребок!... Так разве это мешает?... Всё равно, что ничего!

– Ты ещё тут, нехристь? У нас *за постой* платят! Что, не знаешь?

– Платят? А я не знал, – шепчет Бумштейн и обдумывает услышанное...

Его разбирает любопытство, но – борется со скупостью.

Наконец, побеждает любопытство.

– А сколько у вас платят за *постой*, любезный Лучко Петрович, – спрашивает Бумштейн, – и шарит за пазухой.

Все знают, что Исай Бумштейн носит и прячет свои деньги на груди.

Потому этот жест и вопрос вызывает сенсацию.

От оскорблений каторжане переходят к лести.

– Исай Фомич! Молодец! Умница! Славный! – кричат они и множество рук тянутся к еврею.

Он спрашивает:

– Ну-с, *господа*, благородная *шляхта*, *ваши светлости*, допускаете меня к секрету?

– Допускаем! – отвечают. – Допускаем, только за *постой* и за секрет плати!

Бумштейн задумчиво постоял, потом вытаскивает и развязывает кожаный мешочек, копается в нём искривленными пальцами, выбирает мелкие медные монеты и, наконец, высыпав довольно много на вытянутую ладонь, отсчитывает их по копейке.

– Что? Только по одной? Мог бы, поганец, заплатить хоть по паре *никлашек*, дать каждому из нас. Это сколько наших денег прилипло к твоей паршивой шкуре! – ругаются обделённые.

И всё же согласие и взаимопонимание достигается без труда: заключённые и еврей несколько минут шепчутся между собой, потом Бумштейн отходит от группы...

Он излучает сияние...

Шипящим дискантом выдавливая из горла монотонные звуки, которые, по его мнению, составляют ту самую песню, что бесчисленные тысячи евреев, в один голос, пели, когда, после исхода из Египта, Моисей перевёл их через Красное море... То есть – это та самая песня, которую, как утверждает Бумштейн, согласно правилам Талмуда, евреи обязаны до конца света петь в дни торжественных праздников и в минуты радостной победы...

С архикомичными ужимками Исай подходит к нам...

Щёлкает пальцами, кивает бритым лбом и говорит:

– Ай! Ай! Господа *поляки* (он выказывал нам особое уважение и большую симпатию), чего только не бывает на свете?... Вы ничего не знаете?... Исай Фомич знает и вам, *господа*, секрет откроет бесплатно... Слушайте! В горах Джин-шан (так по-китайски зовётся Алтай) в цехах, где моют золото, не хватает *рабочих*. В нашем остроге рабочего люду – навалом... Кто посильнее, того возьмут на Алтай, кто послабее – останется здесь!...

Вот я, например, – не сильный!...

Исай Бумштейн, которому, конечно же, было бы весьма невыгодно оставить Омск, где он уже акклиматизировался и обзавёлся хозяйством, радостно констатирует, что он «не сильный»...

Счастливый, он оглядывает свои костлявые ноги, кривые пальцы, худые и сухощавые, как у скелета, руки...

Пожимает плечами, двигает их, причмокивает языком, пальцами хлопает себя по туловищу, худому, впалому, обтянутому тёмной, морщинистой кожей...

Зато во мне как гром грянула весть, которую нам сообщил еврей...

– Разлучат нас, – думал я, – но кто же попадёт на Алтай? И кто останется в этом *остроге*?

Треожно мне...

Гляжу на седую, благообразную голову профессора Жоховского...

– О! Этот останется здесь! – думаю. – Останется, потому что старый, изнурённый, бессильный...

Гляжу на юную фигуру Юзика Богуславского...

У него вид бодрый, хотя и чахоточный...¹⁶

О нём тоже не может быть и речи, — останется. Мой взор блуждает далее... Озирает Александра Мирецкого... Задерживается на других братьях и вдруг... у меня уже не хватает смелости, чтобы строить предположения...

Но относительно себя самого у меня складывается самый печальный гороскоп...

Несколько месяцев тому исполнилось моё совершеннолетие... К тому же я высокого роста, хорошо сложен, а от лесов и полей моей родной Земли Любельской я почерпнул здоровье и недюжинную физическую силу.

И тогда?

Меня просто-таки одолевает чернейшая зависть, почему я не сторбленный и бессильный старец, или тоже чахоточный...

— Что, если только меня, одного меня, увезут отсюда на Алтай, на промывку золота?... Господи!

Тут за частоколом послышался звон колокольчиков, скрип колёс, топот конских копыт и крик:

— Отворить ворота!

Исай Бумштейн испуганно спросил:

— Ну? Что это такое? — и быстро убежал в каземат...

На территорию галопом въехала двуколка... Сторожа выставляют оружие...

Офицеры, дежурные караульные выбегают из канцелярии.

Салютуют...

Из двуколки сходит плац-майор Кривцов и какой-то другой незнакомый мужчина средних лет.

Плац-майор отдаёт офицерам какой-то короткий приказ...

И сразу же по всему острогу раздаётся барабанный бой...

На этот призыв изо всех уголков появляется каторжный люд... Дежурный вахмистр командует:

— Встать на смотр!

Мы становимся полукругом...

Незнакомец, с чёрной, как смоль, порослью на лице и с чёрными густыми кудрявыми волосами, явно семитского типа, вытаскивает из футляра лорнет...

Манипулирует лорнетом флегматично, осторожно, с такой осторожностью, будто готовится по крайней мере изучать какое-то необычное явление.

Наконец, величественным жестом прикладывает лорнет к глазам...

После долгого наблюдения и долгих размышлений приглушённым голосом сообщает свои соображения плац-майору...

А тот, всякий раз бесцеремонно подходит и выкатывает на нас выпученные сердитые глаза... А со всем, что говорит незнакомец, соглашается кивком головы... И что-то тихо приказывает поручику, который его сопровождает...

Поручик, всякий раз что-то записывает в своём блокноте...

Меня охватывает возмущение, тем мучительнее, что оно бесильно и не находит выхода...

В этой тюрьме нас, людей, разглядывают, как тягловых животных, выставленных на рынке для продажи...

Сколько длился этот просмотр?...

Ей-богу, понятия не имею!...

Я утратил сознание того, что с нами происходит...

Я утратил ощущение той несправедливости, что творилась над нами, унижая и перечёркивая веру в человеческое достоинство.

* * *

Добычей драгоценных руд в Алтайских горах, в весьма далёкие времена, занимались племена аборигенов и наиболее давнишнее здесь население — племя Чудей.

В начале семнадцатого столетия Никита Демидов, известный тульский мастер кузнечного дела, обиженный несправедливым наказанием Петра Великого, задумал развивать горные промыслы на Алтае.

И взялся за дело весьма энергично.

Однако вскоре отказался от своих намерений из-за огромных затрат и трудностей, связанных с их осуществлением.

Тогда все горные предприятия, основанные Никитой Демидовым, перешли во владение Короны, а Царский Кабинет при помощи генерал-губернатора Западной Сибири обязался заняться эксплуатацией минеральных богатств Алтая и ведать там всеми работами.

Рабочую силу для добычи серебряной, медной, железной руды и для промывки золота, по большей части, вербовали из жителей Томской губернии, приписанных к царскому горному округу или из так называемых местных *биргалов*¹⁷, то есть из государственных горняков.

Но немало *поселенцев*, а также мужиков из других сибирских губерний, к горным работам привлекали умелые вербовщики.

После нескольких суток беспрестанной гулянки, за счёт данного рудника, получив задаток деньгами и одеждой, а также выпивкой до полного бесчувствия, пьяные мужики подписывали контракты, не отдавая себе отчёта, что надолго запродадут себя душой и телом, что по собственной воле впрягаются в ярмо.

Горные работы бывали намного тяжелее, чем сельские и даже более тяжкие, чем каторжные...

Работы по добыче золота начинались задолго до рассвета.

В летнее время – во втором часу ночи и с короткими перерывами на завтрак и обед продолжались до темноты.

На берегу золотоносных рек и ручьёв заступы *биргалов* раскапывали золотоносный песок, который потом свозили на *таратайках* в машины, обслуживающие промывку песка.

Машины приводились в движение конской силой или водой, и были весьма примитивными и плохо построенными конструкциями.

Они состояли из дырчатого цилиндра, в который ссыпали золотоносный песок из желобка с высокими краями, в котором после промывки оседали маленькие крупы драгоценной руды.

Работа с машинами была не очень тяжёлой; но она разрушала здоровье рабочих, которые всё время находились по колено в воде, что особенно весной и поздней осенью была холодной, как лёд.

Биргалов кормило за их собственный счёт управление рудника.

С этими обязанностями начальство справлялось по своему усмотрению, выделяя на питание рабочих убогие крохи.

Еда, которую они получали, по качеству была несъедобна, а по количеству – мизерна, так что их, по сути, морили голодом, притом удерживая из их заработка оплату за еду, назначенную «с потолка», так что рабочие таким образом лишались своего заработка.

Нередко заработанных денег не хватало для оплаты даже сведённых до минимума жизненно необходимых расходов горняков, так что они ещё и «обрастали» долгами...

Долги эти не уменьшались никогда...

Таким образом, вопреки всякому здравому смыслу, они лишь увеличивались и приковывали несчастных горняков к их работам бессрочно, потому что расплатиться рабочие не могли и вынуждены были влечить свою поистине трагичную судьбу до конца дней...

И лишь после долгих лет неимоверных изнурительных усилий их увольняли, когда они уже были непригодны для какой-либо работы.

И только тогда могли они вернуться в свои хозяйства с подорванным здоровьем и преждевременно состарившиеся, так что их не узнавали и часто не принимала даже самая близкая родня.

Кадры *биргалов* на всех сибирских рудниках пополнялись всякого рода бродягами, приговорёнными к принудительным работам, или политическими преступниками, Россиянами и Поляками, приговорёнными к каторге.

Например: в моё время на Нерчинских *заводах* среди нескольких тысяч работников две трети составляли сосланные.

* * *

Тисуль, крупное, заселённое состоятельными крестьянами, село, посреди Телецкой долины, одной из тех длинных и глубоких долин, что тянутся на пару сот вёрст у подножья Малого Алтая.

Дома в Тисуле из кедрового дерева, большие, одноэтажные, с высокими покатыми крышами, с искусно резанным деревянным декором, украшающим косяки дверей, оконные рамы, фронтоны этажей и крыши.

По сибирскому обычаю, дома отгорожены друг от друга, как бы защищены, заострённым частоколом, с окованными калитками, запёртыми со стороны улицы на железные засовы, днём и ночью.

Эти дома по виду и всей структуре даже в мельчайших подробностях, похожи как близнецы, выстроены вдоль одной прямой

линии широкой дороги и казались бы скучными, если бы банальность построек полностью не искупалась бы великолепием и живописностью природы, окружающей укрытую среди горной цепи местность, где расположен Тисуль.

Над древним синеющим лесом, растущем по склонам Малого Алтая, местами возносятся голые, скалистые выступы, кое-где поросшие мелколесьем, полные обрывов, глубоких трещин, бездонных пропастей.

А над всем этим царят, так называемые аборигенами *белки*, или те хребты Алтая, которые покрыты вечным снегом и увенчаны ледниками.

У подножья гор, у окраин боров, по всей Телецкой долине, тянутся красивейшие, заросшие великолепными растениями, поляны.

Буйно кустятся здесь пахучий ядрышник, полосы горечавки, на фоне яркой зелени образуют как бы широкие светло-голубые ленты; пламенно-пурпурные *жарки*, клонятся перед сибирской белой, душистой, стройной и гибкой лилией, лиловые анемоны здесь обретают необычайные гигантские размеры.

А посреди золотистых лютиков с очень длинными копьевидными листьями, среди махровых, разноцветных гвоздик, среди сибирских *Слѣз Богородицы*, – среди можжевельника, высотой и обликом напоминающего кипарисы, среди кустов дикого розмарина и боярышника, – между прекрасных кустарников выются розовые лианы.

Среди множества пёстрых цветов, что при каждом дуновении ветерка легко колышутся на высоких ветках, на нежных стебельках, кажется, что опустились миллиарды бабочек с яркими прозрачными крылышками.

И вот по этой чудесной цветущей поляне, в погожий летний солнечный день, в предполуденный час проходили две женщины.

Лишь взглянув на них, по одежде и общему облику можно было судить, что это не сибирские крестьянки и не постоянные жительницы Тисуля.

Движения их были легки и изящны, мягкая и звучная модуляция голосов, способ выражаться – всё это знаменовало, что эти скромно одетые женщины, повязанные платочками и несущие

тяжёлые корзины, – это европейки, причём из образованного и, может, высшего общества.

Шли они быстро, но младшая и более смуглая просила поспешить, сказав по-русски:

– Сегодня опоздаем! Точно опоздаем! Уверю тебя, Тереза Игнатьевна.

– Позволю себе считать, что ты, Кася, как обычно, себя саму и меня тоже напрасно тревожишь... Уверена, что, как и каждый день, сегодня тоже мы поспеем вовремя, – ответила по-польски женщина, названная Терезой Игнатьевной.

И всё же обе сразу же прибавили шаг... Шли молча...

Ясно было, что им нелегко нести большие тяжёлые корзины...

Но вдруг, дорога, по которой шли, свернула с поляны в заросли, где опустилась в глубокий, каменистый и тёмный яр...

Из этого яра, узенькой, каменистой тропкой, обе женщины вышли на обширную песчаную площадку, с двух сторон замкнутую скалами, с третьей граничащую с непролазной тайгой, и тут явился им Малый Алтай, каким он был в этот час нашего повествования, – когда, наверняка, ни одна людская нога там ещё не ступала...

На этой площадке, прорезанной несколькими ручьями, и находились златоносные промывочные.

В первой половине прошлого¹⁸ века в пучинах речных притоков Телецкой долины, в её неизведанной части, иногда попадались драгоценные крупы и в песчаных залежах находились золотые *самородки*¹⁹. И сразу же здесь закипела жизнь, и забурлила горячим потоком...

Сперва были построены дома, привезены машины для промывки золотоносного песка, и сразу же из Томской губернии завезли государственных *биргалов*.

При самой форсированной эксплуатации, количество золотых песчинок не только не уменьшалось, но и число находящихся там *самородков* превзошло все ожидания и самые смелые расчёты хозяев.

Но тогда и местных рабочих сил уже не хватало.

Сократили и так нечастые и недолгие минуты отдыха и время, отпущенное на еду...

Увеличили число рабочих часов...

И всё равно *биргалам* не одолеть было работу, хотя рабочее время превышало все нормы...

В это время и решил начальник промывочной площадки, Владимир Данович Гросс увеличить и укрепить рабочую силу за счёт каторжан.

С этой целью он и отправился в Омск, чтобы в тамошнем *остроге* отобрать самых молодых, самых здоровых и самых сильных заключённых, наиболее выносливо и безропотно выполняющих самые тяжкие работы.

И, как мы видели, своего добился!...

Против вербовки Поляков высказался комендант омской крепости Алексей Федорович де Граве.

Благодаря ему нас и не разлучили...

Вся община Поляков-каторжан, «политических преступников» осталась на месте в Омске.

* * *

— Закончили!

Так, откладывая в сторону перо, сказал Томаш Булгак, не первой молодости литовский шляхтич, сосланный на вечное поселение в Сибирь в 1839 году, за участие в списке Конарского.

Жена Томаша Булгака, Тереза, урождённая Вьежбицкая, из самого высшего общества, оказалась женой горячо любимого Вильнюсского заключённого, разлучённой с ним. И после неслыханно тяжёлого пути и опасностей, казалось бы, непреодолимых для женских сил, ей удалось всё же разыскать Томаша в Телецкой долине, в Тисуле, где он выполнял канцелярские работы на золотоносной площадке, зарабатывая на своё скудное содержание.

Молодые товарищи Томаша по канцелярии ничего собой не представляли. Лишь Сава Львович Милорадов учился в Москве в Университете и, помимо университетской учёбы, занимался также литературой и политикой.

Пописывал статьи общественного направления, был приятелем критика Белинского и близким родичем известного Олимпия Милорадова, попа староверцев, который с тремя тысячами своих сомышленников, бежал из России в Галицию и создал общину в Покутье, где сам исполнял обязанности духовного пастыря...

Сава Львович Милорадов участвовал в заговоре, целью которого было освобождение российских крестьян.

Отправленный на каторгу, перемещённый из разных мест наказания в другие, наконец, попал на Телецкую золотоносную площадку на Малом Алтае.

Здесь он иногда обслуживал машину, промывающую золото, иногда возил на тачках золотоносный песок и, наконец, работал с Томашем Булгаком в канцелярии, преимущественно подчиняясь нуждам, а, скорее, произволу начальника золотоносного месторождения, Владимира Гросса...

— Наконец, я освободился от зависимости! — повторил Булгак непринуждённым весёлым тоном.

Сава Милорадов ничего ему не ответил.

Он выглядел так, словно душа его пребывала далеко... далеко...

Его красивое молодое лицо омрачала какая-то невесёлая дума...

Его крепкое, хорошо сложенное тело сгорбилось, как будто под гнётом какой-то безмерной тяжести...

Томаш Булгак подошёл к окну и громко рассмеялся:

— Пан ожидает свою красавицу-жёнущку? Правда, я угадал, Сава Львович?

Молодой человек не ответил... казалось, он даже не слышал, что Томаш обратился к нему... Тогда умолк и Булгак, и тоже глядел на золотоносную площадку.

Люди, как муравьи, работали здесь очень быстро под пристальным взглядом строгих дозорных...

Стук лопат, молотов и кирок раздавался громко и неустанно...

Скрип таратаечных колёс; шум воды, верчение машин и топот лошадей; бряцание каторжных цепей и кандалов, — всё это составляло оглушающую, грозную, истинно адскую какофонию...

Вдруг раздался громкий звон колокола... Это был сигнал на обеденный перерыв...

Ещё звон не утих, как *биргалы* выскакивают из воды...

Те, кто был занят на загрузке, бросают тачки, лопаты, отпрягают коней от *таратаек* и, запыхавшись, спешат, мешая друг другу, к своим баракам.

Бегут без оглядки... Потому что, кто первый покажется в бараке, где на столах уже стоят миски с едой, тот быстрее дорвётся до еды. Вообще же все они еле живы от голода...

Кроме кусочка чёрного хлеба, похожего на глину, с утра ничего не брали в рот.

Какой желанной кажется им неудобоваримая еда, которая их ждёт!

Да и как необходима и долгожданна короткая передышка для этих нравственно и физически искалеченных людей!

В это время *доверенный* Владимира Гросса забирает добытые крупинки золота в маленьких мешочках и уносит в магазин, где господин начальник Гросс ежедневно в полдень и вечером ожидает этот драгоценный урожай, и, приняв его, уносит в свой дом, которым владеет в Тисуле, где и живёт.

Колокол снова слышится троекратно через каждые две минуты...

С последним ударом в канцелярии появляются две женщины, те самые, что так спешили попасть через поляны из Тисуля на промывочную площадку.

Булгак и Сава Милорадов бегут им навстречу.

Звучат радостные приветствия:

– Любимая моя Тереня!

– Дорогой мой Томаш!

– Сава, миленький мой!

– Мой самый прекрасный цветочек, моя Катенька, самая драгоценная! Сокровище моё! – восклицает Милорадов, который стряхнул с себя тревожные думы, прижал к сердцу свою молоденькую красавицу-жену, на её золотоволосую головку и розовое личико так и сыплются горячие поцелуи.

Потом, держась за руки, садятся на скамью, и Катя рассказывает мужу, что делала, о чём думала со вчерашнего расставания...

Этот искренний, сердечный разговор постоянно прерывается объятиями и поцелуями – милыми эпитетами и ласковыми прозвищами, которыми постоянно обмениваются молодожёны...

Булгаки – уже старшее поколение.

Они поженились намного раньше, чем Кася и Милорадов... Они и старше Милорадовых, притом Томаш проводит в канцелярии и на площадке только рабочие часы.

По вечерам он возвращается домой, а дом Булгаков – в Тисуле. Ему хватает времени на личные дела и на разговоры с женой.

А сейчас, поздоровавшись, семейство тут же принимается за домашние занятия.

Он разжигает огонь в печи, хвастаясь, что насобирал дрова, собственноручно разрубил их и высушил.

Пани Тереза вынимает из корзины разные блюда, которые приготовила дома вместе с Касей, разогревает их, а когда они уже горячие, весело приглашает к столу молодую пару.

– Кася Андреевна! Сава Львович! Хватит нежностей! Хватит! Прошу к столу.

– Не задерживайтесь!... Поспешите! Обед совсем остынет. Еда заветрится... Кася, не забывай, что твой муж голоден.

– Успокойся, Тереня, а то я подумаю, что у тебя ледяное сердце, – шутит Булгак, – помни, что «не хлебом единым жив человек».

– Да уж! – смеётся пани Тереза. – В самом деле, без хлеба человек жить не может.

– Тереза Игнатьевна права! – воскликнула Кася. – Я такая эгоистка! – быстро поднимается и за руку тянет мужа к доске на козлах, покрытой небелёным полотном вместо скатерти.

Все садятся на нестроганные табуретки.

Во время обеда прислуживает Кася: подаёт миски, тарелки, нарезает кусками чёрный хлеб, наливает воду в деревянные ковшики.

Всё это она делает с изящной простотой и доброжелательностью.

Сава Милорадов сияет от восхищения.

– Разве моя Катенька не выглядит королевной, которой нравится играть в домовитую хозяйку?

– Разве моя жёнушка не похожа на фею, которая опустилась на землю из зачарованной страны, чтобы ласково похлопотать среди убогих людей?...

– Разве я преувеличиваю?... Уважаемая Тереза Игнатьевна, почтенный Томаш Юзефович, скажите, прошу вас!

Семейство Булгаков разделяет восхищение Савы Касей и искренне поддакивает влюблённому мужу. Беспечная весёлость охватила всех.

В их оживлённом разговоре так и сыплются добродушные шутки, поэтические сравнения, научные цитаты...

Если не обращать внимания на эту грязную, обросшую паутиной избу, не присматриваться к этим людям, – можно бы поклясться, что слышится свободная остроумная беседа компании образованных богачей, развеселившихся в приятной, содержательной беседе...

Поистине, трудно было поверить, что так могут разговаривать: каторжник и *поселенцы*, добровольные изгнанники – четверо человек, живущих в пустынной глуши, за тысячи миль от Отчизны, – четверо человек, ежедневно притесняемых, угнетённых обстоятельствами, изнурённых тяжёлым физическим трудом, обременённых хлопотами, тоской, бедностью...

Скромный обед изгнанников закончился...

Кася с беспокойством следит за стрелками висячих часов...

Видит, что уже кончаются короткие мгновения, когда Сава и Булгак свободно отдыхают...

– Ах! Эти часы так противно тикают!... Какие они безжалостные... Какие неугомонные! Как они спешат, как сумасшедшие!... Если бы можно, хоть на короткое время, замедлить их бешеный бег!...

Так думала Катя Милорадова...

Её светлое чело нахмурилось. Побледнело розовое личико...

Вздыхает... и всё же энергично принимается ставить самовар...

А в это время, тихим шагом подкрадывающегося лиса в канцелярии появился Владимир Гросс...

«Господин управляющий» сейчас разодет особо старательно, видно, что он хочет произвести впечатление своим богатством и элегантностью.

Он одет в новый, облегающий, чёрный люстриновый сюртук, жёлтые нанкиновые брюки, жилет из тёмно-голубого китайского шёлка, вышитый выпуклыми птицами и драконами, застёгнутый большими пуговицами из Телецкого золота; а белая сорочка уж точно образец элегантности в Сибири.

Кудрявую шевелюру Владимир Гросс смазал какой-то липкой помадой с острым, душистым, но неприятным и раздражающим запахом.

Шапку с красным околышком и значком чиновничьего разряда он держит в руке, на указательном пальце которой сверкает огромная, широкая, массивная печатка с инициалами владельца.

Владимир Гросс останавливается посреди избы и, повернувшись к пани Терезе, а потом к Кате Милорадовой, здоровается с ними.

– Низко кланяюсь вам, мои *миленькие* госпожи Тереза Игнатьевна и Катерина Андреевна, и покорно напрашиваюсь в вашу компанию, – говорит Гросс, не считая нужным поприветствовать ни Булгака, ни Милорадова.

– Быдло! – сквозь зубы по-французски шепчет Томаш Булгак Сава и оба удаляются в противоположный угол избы, где находится печь, в которой Кася расшевелила угли и с подчёркнутым вниманием закладывает их в самовар.

Тем временем Тереза Булгак пытается оживить и поддержать разговор с господином *управляющим*.

Он же расселся на табурете и, опираясь локтями о стол, делает вид, что внимательно слушает... Но отвечает «через губу» и с напряжённым вниманием и разгоревшимися глазами следит за Касей и явно пытается уловить каждое словечко, сказанное ею мужу или Булгаку.

Окружающие, заметив неуважение Владимира Гросса к изгнанникам, не знают, как избавиться от этого господина и владыки их участи...

А самовар начал ворчать и закипел.

Гросс радостно это уловил и голосом, который пытается казаться любезным и приятным, но звучит, как жабые кваканье, заявляет:

– Рад бы я попить чаю из ваших ручек, Катерина Андреевна, напоишь чаем твоего покорного слугу, панночка? Очень хочется чаю!

– Искренне жалею, что вынуждена отложить на другой раз приготовление чая для вас, Владимир Данович, – но именно сегодня Терезу Игнатьевну и меня ждёт особенно много работы дома, притом нам надо побыстрее возвращаться, ведь наши мужья скоро придут на ужин.

– Томаш Юзефович и Сава, мой муж, не очень ждут от меня приличного чая, во всяком случае, не скоро... Притом, боюсь, что

вам, Владимир Данович, очень трудно потрафить по вашему вкусу, ведь вы привыкли пить превосходный чай в Китае, в разных богатых и роскошных городах по всему миру...

Не обращая внимание на «жаждущего», Катя Милорадова отвечала ему очень уважительно, спокойно.

Пани Тереза поняла её мысли на лету, ибо уже давно заметила сильное увлечение Гросса красавицей Касей, которое тот не умел ни скрыть, ни совладать с ним.

Обе женщины поспешили собрать принесённые из Тисуля горшочки и миски, всё это сложили в корзины и, не стесняясь присутствием Гросса, каждая из них попрощалась со своим мужем сердечным объёмом и горячим поцелуем...

Гроссу женщины очень вежливо и учтиво поклонились, на что он не ответил, а остался в бешенстве и, молча, переживал своё бешенство, не в силах с ним справиться...

Булгакова и Кася вышли в сени.

Вдруг Кася отдаёт свою корзину Томашу и, будто в каком-то непривычном порыве, ведомая внезапным импульсом, возвращается в канцелярию. Подходит к Саве...

Падает перед ним на колени... Обнимает колени мужа... И, прежде чем он что-то понял, целует его ноги, его кандалы целует...

Потом срывается с места и убегает...

Теперь Тереза и Кася уходят окончательно...

— Этот мерзкий человек испортил нам так хорошо начавшийся день... И из-за него я всего раз, один только раз, поцеловала моего Саву... И так мне грустно расставаться с ним сегодня... Так грустно, как никогда до сих пор!

Так жаловалась Кася Милорадова...

Пани Тереза с нежностью и сочувствием старшей сестры, как умела, пыталась успокоить удручённую Касю...

Едва отошли на несколько десятков шагов, Милорадова остановилась и обернулась...

Её печальные глаза всматриваются в длинные и узкие бараки, построенные из нетёсанных бревён, низкие, без окон...

Нары, покрытые соломой — единственный предмет обихода в этих бараках... Здесь ночуют и проводят всё свободное от работы время *биргалы*.

А для каторжников выкопаны ямы под бараками, ямы без окон и печей...

Зима же на Малом Алтае неслыханно морозная и сменяется летом обессиливающей жарой...

Сколько же приходится терпеть тем, кто вынужден гнездиться в этих бараках, в этих ямах...

— Подумать только, мой дорогой, мой умный, мой благородный Сава, наилучшие годы своей жизни проводит здесь! — говорит Катя и, обуреваемая нестерпимой жалостью, раздражается слезами...

— Только *этим* здесь сплошная выгода!... Только о *них* заботятся в этом проклятом Эльдorado! — возмущённо говорит Катя, показывая Булгаковой просторный, прочно и солидно построенный дом с большими остеклёнными окнами, с большими дверьми, перед которыми стоят столы и лавки...

Это кошара бригады казаков...

Казаки в Телецкой долине, — как, впрочем, на всех рудниках и золотых приисках в Сибири, — казаки, единственные люди, которые пользуются вниманием и привилегиями у местных властей.

Единственно они в этой Геенне ведут беспечную и развесёлую жизнь.

Даже для чистки своих коней и их кормления, для уборки конюшен и своих квартир они используют каторжан.

Пьянством и карточной игрой казаки услаждают своё привольное, ничем не омрачённое житьё.

Около казачьих кошар стоит конюшня для их коней.

Обширное, светлое, хорошо проветренное здание, а перед ним большой плац, посыпанный песком.

Поблизости видно совсем другого вида строение.

На нём висит огромная, написанная яркими красками, вывеска, торжественно оповещающая, что здесь находится:

*Больница для биргалов и иных рабочих
Телецкого золотоносного месторождения*

— Будь это не так противно, не так больно, не так постыдно, можно бы умереть со смеха, стоит только сравнить эту «больницу» с тем стойлом, — говорит Кася, не переставая всхлипывать.

Пани Тереза утешает её, успокаивает, и лишь когда они из ущелья вышли на цветочную поляну, сказала:

– Дорогая Касенька, прости, что оставляю тебя одну! Тебе спешить не за чем, а мне придётся, что есть силы, шагать в Тисуль, чтобы не опоздать к Голубевым. Сегодня у меня последний урок у них в этом месяце, и я должна получить зарплату, а ты знаешь, – наша касса совсем опустела. До скорой встречи, дорогая!

Попрошавшись с Милорадовой, пани Тереза быстро уходит.

Она думает, что кроме урока с шестью маленькими отпрысками Голубевых, её ещё ждёт много другой работы...

Нужно поухаживать за горохом в своём маленьком огороде, время уже почти вышло...

Нужно развесить бельё, которое она выстирала вместе с Касей...

Томашу тоже не годится ждать ужина, – надо, чтоб к его приходу всё было готово...

Но Томаш вернётся только после десяти, так что ей удастся справиться со всем этим, а, может, даже ещё что-нибудь сделать сверх намеченного...

Сегодня Томаш выглядит бодрее и непринуждённой, чем обычно... Так! Значит, он, возможно, захочет просмотреть и разобрать материалы, которые уже собрал для описания этого золотого прииска...

Может, он захочет вместе прочитать собранные замечания и размышления, которые в последнее время изложил на бумаге: *О предназначении женщин, о стремлениях нашего века*²⁰, *в развитии*...

Госпожа Тереза Булгак была женщиной особого склада души и сердца и необычных умственных способностей. Она была также непривычно высоко образованной, по сравнению с общим уровнем своего времени²¹.

Она обладала литературными способностями, и несмотря на то, что её одолевала домашняя и ручная работа, она много писала.

Но рукописи её исчезли во время долголетнего изгнания, а потом – во время многократных обысков в их доме после возвращения семьи Булгаков в Литву.

.....

А Кася Милорадова, меж тем, медленным, прогулочным шагом шла к дому...

Веял лёгкий ветерок, разнося медовый аромат цветущих растений и сильный, упоительный запах живицы, что от древней пуши ряял над всей Телецкой долиной...

Белки, покрытые вечным снегом и льдами, слали в долину холод, который во время летней жары оживлял и укреплял...

Очарование этой дивной природы понемногу успокаивало опечаленную Касю.

Она перестала плакать, вытерла слёзы и незаметно стала мечтать о вещах приятных:

– Нарву – ка я незабудок. Свяжу из них круглый букет... А в самую серёдку посажу *жарок*²².

А утром Томаш Юзефович возьмёт букет в канцелярию и отдаст от меня моему дорогому Саве, вроде символического послания, которое ему расскажет, что я о нём всё время думаю и так горячо его люблю!... Люблю!... Люблю!...

Всё это Кася говорит вслух и деловито принимается собирать незабудки и искать *жарки*.

Это занятие надолго и полностью её поглощает, а когда она уже собрала огромный сноп цветов, мысли её обернулись к более практическим сторонам жизни...

– У меня есть фазан, которого поймал старший Голубев и подарил Терезе Игнатъевне... А ещё у меня целая квашня *княженики*²³, которую я насобираала...

У меня хороший запас мёда...

– Значит, завтра я приготовлю такой обед: печёный фазан и компот из княженики... Важный, королевский обед получат наши господа!

Так!... Есть жаркое, есть десерт, но с супом – провал!... Впрочем, Тереза Игнатъевна, конечно, какой-нибудь суп сообразит...

Я испеку пирог... Мой букет развеселит их паскудную рабочую нору...

– Всё будет великолепно! – радуется Кася, как маленькая девочка, и вздыхает:

– Ах! Если бы завтра настало побыстрее! Господи! Сделай, чтобы побыстрее наступило!...

* * *

Владимир Данович Гросс в юном возрасте от иудаизма перешёл в православие.

Не получив никакого образования, пробовал зарабатывать по всякому, но нигде «места не согрел».

Карьера, о которой он мечтал, сменив вероисповедание, не сложилась. Хотя он исколесил вдоль и поперёк всю Сибирь, и даже европейскую Россию. Наконец, после невероятных стараний получил место управляющего золотым прииском в Телецкой долине.

Это было место сказочно выгодное, вожаемое всеми, кто хотел быстро и легко разбогатеть...

И Владимир сын Дана Гросса на этом месте очень быстро нажил себе состояние, тем, что присваивал львиную долю самородков, равно и добытого золотого песка.

Никакая самая строгая проверка не могла бы ему помешать, потому что тем же способом в то время наживались состояния на месторождениях драгоценных руд всеми, кто был причастен к начальству.

Большие доходы приносила Гроссу и лавка для *биргалов*, которую он основал, как бы на имя своей давнишней знакомой и приятельницы, которая в этой лавке пребывала как *экономка*.

Следует знать, что основание и содержание такой лавки, торгующей продуктами и одеждой, было привилегией господ управляющих, причём весьма прибыльной.

Именно в подобных лавках возникали и до сказочных высот росли долги несчастных *биргалов*.

Когда Саву Милорадова привезли на Телецкую площадку, а сразу за ним прибыла и поселилась в Тисуле его жена, красавица Кася, Владимир Гросс сразу «положил на неё глаз».

Решил искать её взаимности.

Сперва имел ввиду мимолётную тайную связь...

Чем холоднее была Милорадова, тем более возгорался управляющий.

С каждым днём его страсть всё возрастала и, в конце концов, одолела его с такой силой, так необоримо, что он решил на Касе жениться.

Что у неё был муж – не велика беда!

Ведь Сава Милорадов, как лишённый всех прав каторжник, вообще считался «умершим для Общества», его жена легко могла расторгнуть брак и вступить в новый.

Могла бы!

Да!... Если бы захотела.

Но захочет ли?...

Пока мало было на то похоже...

Красавица Кася столько ласки, столько нежности, столько обожания выказывала своему мужу, каторжнику Саве, так неумоимо старалась облегчить его судьбу, что Владимир Гросс, не отрекаясь от своих надежд, тем не менее, понял и каждый день в том убеждался, что надежды его не столь близки к исполнению, как ему сперва казалось...

Тем не менее, он испытывал все возможные способы привлечь к себе внимание Каси, часто впадая в ярость, оттого, что все его усилия тщетны...

Комплименты, всякие знаки внимания, ценные подарки Кася отвергала с разумной горделивой вежливостью...

От его визитов пряталась у пани Терезы, что было нетрудно, поскольку Милорадова проживала с той в одном доме.

Владимир Гросс чувствовал себя глубоко уязвлённым, оттого, что его ухаживаниями постоянно пренебрегали...

Его ухаживаниями, его, который всё же управляющий золотым прииском!...

Его, который обладал недюжинным состоянием, возрастающим что ни день!...

И кто же та привередница, что отказывалась от милости Владимира Гросса?...

Кто?...

Жена преступника, осуждённого на вечную каторгу.

Сибирский Адонис впадал в бешенство...

И всё ж для покорения Каси Милорадовой так ничего и не мог придумать!...

* * *

Когда пани Тереза и Кася вышли из канцелярии, Владимир Гросс принялся свирепствовать и браниться.

Чашку чая, которую любезно подал ему Томаш, кинул на пол, крича:

– Сам лакай свой чай, *поселенец*.

Саве коротко приказал:

– Берись за переписку, каторжник, а то тут же на месте отведаешь кнута!...

И после такой угрозы в ярости выскочил из канцелярии.

По пути любимую собаку огрел нагайкой, с которой никогда не расставался.

Напал с оскорблениями и придирками на нескольких появившихся навстречу *биргалов*.

Даже казака-десятника, с которым обычно обходился более чем любезно, за что-то обругал.

И, посеяв в окружающих страх и угрозы, подался в Тисуль, где владел большим, богатым домом, как, впрочем, и женой.

По дороге же всячески бранил Милорадову.

– *Козья мать её*, кого бы спросить! *Скотина!*... Дразнит меня... Пререкается со мной, с *управляющим*, с Владимиром Дановичем Гроссом! – сказать бы кому, где ещё видано такое?...

Так он продолжал свой монолог, всё яростнее...

И вдруг увидел собирающую цветы Касю Милорадову...

В мгновение ока ярость утихла и переросла в пылкую радость.

– Ну-с! Повезло же мне сегодня!... Встретил *мадамочку* с глазу на глаз! Подожди же, *козья твоя мать!*

Он отёр потное лицо, застегнул расхристанную сорочку, пригладил волосы, пальцами расчесал бороду, шапку лихо сдвинул набекрень, остановился и крикнул:

– Катерина Андреевна! *Мадамочка*... Как я счастлив, что вас встретил, голубка! Кланяюсь вам низко и покорно.

Кася глубоко поражена, но со спокойным лицом, холодно и высокомерно, как обычно, говорит:

– Что вам угодно, Владимир Данович?

– Что мне угодно? Ну-с, от души и от сердца хотел бы вам сказать открыто и внятно, что я вас люблю, что...

– Замолчите! Я вам приказываю, Владимир Данович! Следует же вам припомнить, что такие признания, как ваши, смертельное оскорбление для приличной замужней женщины.

– Ну-с, чёрт побери, всех приличных женщин и все смертельные оскорбления во всём мире! Я, голубушка, милая Катенька Андреевна, и не думал вас обидеть... Только я от всей души, от всего сердца желал бы завести с вами роман, *мадамочка*, ну, хотя бы немножко... всё равно, что ничего, я человек деликатный... добрый... сердечный, русский человек...

Он приблизился... Схватил её за плечи...

Касю обдало его дыханием, от которого несло горилкой...

В первый момент обида совершенно её обессилела...

Затем она почувствовала необыкновенный прилив мужества...

Она вырывается из объятий насильника...

Отталкивает Гросса...

Корзина со всем содержимым катится ему под ноги...

Сноп сорванных цветов она отважно одевает ему на голову...

Убегает...

И начинается погоня...

Гросс несколько раз догоняет беглянку...

Несколько раз уже хватал её за плечи...

Схватил и стиснул её маленькую ладонь...

Несколько раз обнимал её гибкий стан...

Несколько раз ударил Касю нагайкой по голове, по плечам...

Но она постоянно ускользает...

Она не замечает боли...

И убегает, будто каким-то чудом за плечами у неё выросли крылья...

Зверская сила Владимира Гросса, конечно, одолела бы Касю Милорадову...

Но не может престарелый, ленивый, отяжелевший толстяк состязаться в ловкости, проворности и быстром беге с лёгкой, подвижной, гибкой, как косуля, молодой женщиной.

Владимир Гросс постоянно спотыкается на неровной тропинке.

Падает...

С великим трудом поднимается и вновь, разъярённый, продолжает бежать... бежит вслепую...

А тем временем расстояние между ним и Милорадовой всё увеличивается...

Уже видны зелёные купола Тисульской церкви...

Уже слышны колокола, призывающие на молебен...

Уже видны щитки тюремной крыши...
 И тут Гросса вновь охватывает прилив ярости...
 Своей собаке, которая шаг в шаг ступает за ним, показывает
 убегающую Милорадову и кричит:
 – Панфил! Хватай!
 Огромный пёс в несколько скачков догоняет добычу...
 Отрывает кусок её платья и приносит хозяину...
 Тот пенится от злости, что пёс не так его понял...
 – Панфил! Быдло безмозглое! – рычит преследователь нечеловеческим голосом. – Хватай! Держи её!
 На этот раз Панфил приказ понял...
 Он перебегает дорогу несчастной Касе...
 Кусает за ноги...
 Огромными лапами опирается о плечи... впивается клыками в шею...
 Вгрызается в грудь бедняге...
 Заливаясь кровью, Кася Милорадова упала на землю...

* * *

Пана Тереза Булгак прервала свой рассказ, который слушали все мы, экс-каторжники, нынешние поселенцы Омска...
 Во время амнистии Томаш и Тереза Булгаковы немного приблизились к Европе.
 Им назначили временное пребывание в Омске... Здесь мы познакомились и привязались друг к другу тесными узами искреннего и горячего уважения и приязни.
 Для пани Терезы воспоминания о Телецких приисках противны и болезненны.
 Она расстроилась... Плачет...
 Мы тоже глубоко взволнованы.
 И всё-таки я хочу узнать о трагических судьбах Каси и Савы Милорадовых, так жестоко исковерканных.
 Кто-то из нас прерывает молчание, воцарившееся в избе, и робко задаёт рискованный вопрос:
 – И что случилось с Касей?
 Пани Булгак с трудом совладевает со слезами и волнением и рассказывает:

– Уже наступили сумерки, а её всё не было, я уже испугалась, не случилось ли с ней чего-нибудь.
 Сперва расспросила соседей.
 Но никто в Тисуле не видел Касю в тот день после обеда. Тут я уже не на шутку взволновалась и, взяв своих учеников, шестерых Голубевых, отправилась с ними на поляну искать подругу моих дел и нашей общей недоли.
 Ночь была безлунная и беззвёздная.
 Надвигалась буря...
 Воздух стоял душный и парной, так что трудно было дышать.
 Из древней пущи доносились какие-то шумы... какие-то таинственные голоса и бормотание... а на поляне слышались какие-то шелесты, шипение, словно миллионы гадов ползали по цветистой траве.
 Подвижные ветви можжевельника походили на больших нетопырей с распростёртыми крыльями...
 Всё это ещё усиливало мою тревогу, тем более, что было так темно и лишь изредка сверкали молнии.
 Мои ученики, а в этот миг и мои сотоварищи Голубевы обычно были апатичные, ленивые, с хитрецей, но при всём при том – неплохие пареньки, с добрым сердцем, а сильные – как молодые львята.
 То один, то другой зажигал смоляной факел, который на мгновение освещал маленький круг и угасал...
 После каждого такого угасания мне казалось, что я погружаюсь в пропасть, всё глубже, страшнее, и всё чернее...

 После долгих, очень долгих поисков мы, наконец, нашли Касю.
 В одежде, порванной в локуты, страшно искусанную собакой, нашли мы её лежащей в луже собственной крови.
 Видно, этот бандит лютвал изо всех сил, её прекрасное личико и шея, и лоб, были покрыты сине-кровавыми полосами, от ударов нагайки.
 Мы подняли её, неподвижную, без всяких признаков жизни, и понесли в наш дом... Мальчики Голубевы подняли тревогу, все обсуждали происшествие с Милорадовой, причину которого никто не мог угадать, кроме нас с Томашем.
 Некоторые считали, что виновником был какой-нибудь беглый бродяга.

Все жители Тисуля сбежались в наш дом, потому что Кася пользовалась большой симпатией соседей.

Спокойная, мягкая, вежливая, образованная и такая красивая, она была предметом общего уважения, за то, что, будучи дочерью из богатого аристократического рода, покинула дом, богатство, родных и всех родичей, чтобы разделить кровавую участь любимого мужа, осуждённого на каторгу и вечное поселение...

Нелегко удалось нам привести Касю в чувство после обморока...

Не скоро бедолага выздоровела, хотя мы оба с Томашем оберегали её так заботливо, как если бы она была нашей единственной и самой дорогой...

Когда она, наконец, поднакопила сил, старший Голубев отвёз её в Барнаул, где уже ожидал кто-то из её родни и повёз в Москву.

— А Сава Милорадов ещё долго работал на Телецком месторождении?

— На следующую ночь после той страшной погони Саву, под конвоем казаков, вывезли из Телецкой долины неизвестно куда...

Владимир Гросс говорил, что в Москве следствие обнаружило очень важные улики, связанные со списком, участником коего был Сава Милорадов, и что того привезли в Москву для доследования.

Но говорили и так, причём не раз, что Гросс о Саве всё лжёт...

Он сам приказал Касиного мужа перевезти в другое место наказания. И ему нетрудно было так поступить, нужно было лишь подать высшей власти рапорт, что Сава Милорадов — опасный *бунтовщик и зачинщик*, подстрекающий *биргалов* к бунту...

— И не только эту милую, прелестную Касю мы любили, — говорит Тереза Булгак, — мы любили и Саву Милорадова, хотя и были у нас с ним разные мнения по многим политическим и общественным вопросам, так что часто мы спорили не на шутку...

Заговорщик Поляк и заговорщик Россиянин в своих стремлениях по многим вопросам были очень близки, но ещё больше разногласий их разделяло.

Хотя сердце Савы Милорадова и наши сердца были едины в уважении к некоторым идеалам и к некоторым идеям...

А общей точкой согласия у нас была идея абсолютной демократии...

КНЯЗЬ ДЖЕММАЛ-ЕДДИН ИЗ ГЕР-ЗЕ-АУЛА

абардинец Раджеба Хассан-Гусейн, мой сотоварищ по каторге в омской крепости, несомненно, был выдающимся рассказчиком.

Пока слабо владел российским языком, он не проявлял своего таланта.

Однако очень легко, в течение одной зимы, научился говорить по-русски, и не только на бытовом языке! Удивительно быстро усвоил он выражения и обороты речи образованных и просвещённых людей, с которыми, хотя редко и мимолётно, однако встречался в инженерных кругах.

Раджеба Хассан-Гусейн обычно был молчалив и как бы погружён в глубокую задумчивость, будто не имел никакого отношения ко всему, что его окружало, но притом обладал необычной наблюдательностью, приметливостью, пылким сердцем и был личностью мечтательно-поэтической и буйной.

Ему явно доставляло большое удовольствие, когда мы просили его, чтобы он нам рассказал о своей любимой Отчизне, в которую, как он говорил, душа его, с помощью таинственной силы, часто перемещалась...

Хотя он происходил из той части Кавказа, какая уже много лет была покорена Россией, — он всё же всем сердцем примыкал к независимым горцам и всю жизнь, пока его с оружием в руках не взяли в плен, раненого, он постоянно участвовал в партизанских боях с регулярными русскими войсками.

Весь Кавказ точно знал, что этот земляк на своём ветроном коне не один раз пролетал через всю страну от края до края, задерживаясь там, где чаще шли бои.

Живописно и поэтически рассказывал Раджеба Хассан-Гусейн о дагестанских, соприкасающихся с небом, скалах, о боях воинственных горцев...

О тех тропах, таких крутых и змеящихся, что коням нужно закрывать глаза буркой, чтобы они не пугались при виде бездонных пропастей...

О тех гранитных горах, вершины которых оживают, когда вечерней порой в аулах едва мигают светильники, как звёзды, которые упали с неба на землю...

О тех безлюдных бездорожьях, где единым компасом служили звёзды и листики щавеля нередко служили единственной пищей...

О тех бездорожьях, которые надо было превозмочь, чтобы зайти с фланга, как часть регулярной русской армии, или чтобы окружить и напасть на какой-нибудь русский пост...

О тех маршах через пустыни, покрытые раскалённым песком, и увядшей травой, – пустыни, над которыми летают коршуны в поисках добычи...

О караулах и пикетах в скальных расщелинах, где гнездятся орлы, где не раз *джуваны*²⁴ от солнечного удара и от жажды теряли сознание и умирали, если какой-нибудь *чопан*²⁵ не приносил им вовремя немного козьего молока в кожаном мешке...

О мудрости и богатырских подвигах Шамиля...

О *Керемз-ауле*, естественной крепости в неприступных скалах, об этой резиденции Шамиля, над которой реял чёрный флаг, а выше два каменных огромных льва, держащие в лапах полумесяц, как будто стерегли крепость.

Поистине! В рассказанных кабардинцем Раджебой Хассаном-Гусейном деяниях могло содержаться множество фактов, достойных увековечивания на карте истории этих народов, которые храбро и пламенно обороняли свою независимость...

Автор мог бы извлечь из них бесчисленные темы для интереснейших повестей и поэм.

Но в омской крепости в моё время не было ни одного историка...

Был лишь один писатель, причём выдающийся, – Фёдор Достоевский.

Однако, Достоевский к кабардинцу Раджебе Хассану-Гусейну никакого интереса не испытывал, никогда с ним не разговаривал, его рассказов никогда не слышал, по вполне понятным причинам, возможно, и уважительным.

* * *

Воскресенье и всякие праздники, мы, Поляки, считали самыми невыносимыми днями в омской Геенне.

В праздники, в *остроге* нарушались все правила регламента, которые в обычные дни строго соблюдал каждый каторжник, с большей или меньше охотой.

В воскресные дни и в праздники строгость дозорных, инвалидов и караульного офицера обычно смягчалась, зоркость властей ослабевала, они делались более понятливыми, давали поблажки на то, что в обычные дни было бы недозволенно и сурово наказано.

– Не удивляйся, пан, таким нашим праздничным попустительством, – сказал мне как-то некий офицер, из службистов крепости, с которым я встретился после моего освобождения, – если бы не такие попустительства, в праздники происходили бы всякие эксцессы, которые усмирить было бы невозможно, кроме как расстрелами. Безделье, обычно, – худой советник, особенно среди каторжного люда.

Должен признать, что этот офицер в известной степени был, несомненно, прав, поскольку, несмотря на наказание каторжан в тюрьмах, в человеке невозможно подавить его индивидуальность, всех его инстинктов, желаний, привычек и надежд...

Итак, в праздничные дни вся территория тюрьмы сотрясалась от злобных разговоров...

Каторжники снимали с себя тюремную форму, надевали парадную одежду и красные перкалевые рубахи, поясные ремни, обвешенные блестящими бляхами и разными брелоками, надевали большущие шапки, по молодёжному заломленными набекрень.

– Сейчас мы «гражданские, которые живут на воле», – хвастались разодетые арестанты, слоняясь из угла в угол по всему *острогу*.

По мере количества выпитой горилки, конечно, потребляемой тайно, росло их возбуждение и увеличивалась активность.

Они задирали и оскорбляли друг друга и каждого, кто случайно встречался им на пути, и вообще тех, кто им не нравился, вызывали на *кулачный бой*.

Понятно, что мы, Поляки, ещё старательнее, чем обычно, сторонились наших коллег-каторжан и их праздничных и воскресных развлечений, ещё осторожнее избегали всяких встреч, контактов и соприкосновений с ними.

Зимой это было особенно трудно.

Летом, в погожие дни, всё обходилось легче...

* * *

– Опять этот плетёт языком! Ух! Немец!

«Немец» был одной из самых унижительных и обидных кличек среди каторжников, в среде, особенно изобретательной и богатой на оскорбления...

Поэтому мы удивились, когда Аким Акимыч этим прозвищем задел кабардинца Раджебу Хассана, который рассказывал нам одно из тех бесчисленных и правдивых происшествий, участником которых был он сам во время баталий на Кавказе...

Аким Акимыч, дворянин и экс-военный, прятельствовал с Сергеем Дуровым, обожал Федора Достоевского, кабардинцев ненавидел, а на нас, Поляков, сразу же смотрел неуважительно и неприветливо, а тут вдруг поглядел на нас приязненно, однако держался вдалеке и до сих пор не начинал разговора с нами.

Так что же произошло?

То ли он был пьян?

А случилось это именно в воскресенье... и, насколько мы смогли уловить из услышанных разговоров каторжан, *спиртонос*²⁶ Газин вчера удачно доставил в острог двойную порцию водки...

Между частоколом, окружавшим крепость, и одной из стен каземата, в котором помещались заключённые, тянулась узкая полоса буйной, пушистой травы.

Это был самый чистый и приятный уголок на территории омского *острога*.

От Иртыша и киргизских степей сюда веяло свежим воздухом.

В некоторые часы этот уголок заливал настоящий поток солнечных лучей.

Однако, бандиты сторонились этого славного уголка, потому что сразу же за частоколом, на высоком земляном валу, днём и ночью ходил стражник...

Могло случиться, что он подслушал бы какие-нибудь тайные переговоры или планы, или подсмотрел бы какие-нибудь недозволенные времяпрепровождения, и о таковых тут же рапортовал бы начальству, что втравило бы каторжан в опасную для них коллизию с плац-майором Василием Григорьевичем Кривцовым.

Но мы, Поляки, поскольку не опасались зоркого ока стражника, ни его любопытных ушей, мы во всякий праздничный день вступали во владение этим чистым и отстранённым закоулком, и вместе с нашими неизменными товарищами кабардинцами размещались тут, вдали от визгливой ватаги остальных заключённых.

Аким Акимыч – заводила, авантюрист, и, как его называли каторжане, *зачинщик*, подошёл к нам и профессор Жоховский, опасаясь, чтобы он не начал задирать кабардинцев, обернулся к нему очень любезно:

– Что вам угодно, Аким Акимович?

– Я бы хотел напроситься в вашу компанию, *господа*, – ответил он, учтиво раскланиваясь.

– Пожалуйста! – отвечали мы. – Пожалуйста, милости просим, если это вам доставит удовольствие, Аким Акимович.

Тот вновь поклонился.

И тут кабардинец Раджеба Хассан-Гусейн отошёл от нас, послав какое-то проклятье на своём родном языке в адрес экс-офицера.

Другие кабардинцы удалялись один за другим.

Вскоре отошли от нас все и исчезли из виду, а Аким Акимыч сел около нас на траву и начал разговор с вопроса:

– А знаете ли, господа *Поляки*, что я – дворянин?

– Фёдор Достоевский поминал об этом.

– И что я был офицером и комендантом крепости на Кавказе?

– Знаем и это.

Он умолк... Задумался... Пальцами потирал лоб, словно выискивая тему для дальнейшей беседы...

Мы же иногда понимали друг друга с одного взгляда.

– Ага! Своим дворянством, своим рангом офицера он надеется нам импонировать, хочет расположить нас к себе и завязать близкое знакомство...

После долгого молчания он снова спросил:

– А Федор Михайлович и Сергей Федорович не говорили вам когда-либо, за что меня сослали в Сибирь... на каторгу в этот *острог*?

– Об этом у нас не было никаких разговоров.

– Так я сейчас, дорогие мои господа Поляки, расскажу вам, что, как и почему так получилось. Хотите того или не хотите, – а я расскажу... Ибо я уверен, что я заслужил *чин и кресты*, а не каторгу... И буду счастлив, если вы это подтвердите...

Тогда, если хотите, если вы так любезны, слушайте!

Рассказывая, Аким Акимыч уносился в недавнее прошлое и загорался своими воспоминаниями...

Он проклинал эти воспоминания...

А иногда любовался ими...

Рассказывал горячечно, хаотично, бессвязно...

Главную нить этих воспоминаний привожу тут.

Сын богатого помещика, Аким Акимыч прямо из кадетского корпуса в ранге юнкера был послан на Кавказ, как раз во время самых горячих и жестоких боёв той войны. Молодой юнкер храбро сражался...

Не раз в стычках кровь проливал – однако по непонятным для него причинам, о которых он догадаться не может, в течение ряда лет его минули и продвижение по службе, и ордена, и даже почётные упоминания в рапортах, что шли в Петербург.

Продвижение, ордена и упоминания доставались другим, менее отважным, а Аким Акимычу – нет!

Наконец, наступил и его счастливый час «свершения справедливости».

Из Петербурга ему прислали орден Святой Анны «За мужество и усердие по службе», а также – назначение офицером и комендантом небольшой крепости в горах.

Наконец-то душа отважного сына Марсова, душа Аким Акимыча причастилась ко всем прелестям военного ремесла.

Каждую ночь господин комендант фальшивой тревогой будил службистов крепости...

Дробь барабанов звала их на подвиги...

Горное эхо тысячекратно повторяло тревожные побудки...

Солдаты хватались за оружие, готовясь мужественно отражать атаки кавказских горцев...

Подобные бесконечные «тревоги» должны были хорошо запомниться подчинённым коменданта крепости Аким Акимыча...

В этих краях уже столько было пролито крови, что без официальных переговоров наступило временное замирение...

Вблизи от крепости, которой командовал Аким Акимыч, высоко в горах находился Гер-зе-аул мирного Черкеса Джеммал-Еддина.

«Мирными» черкесами называли кавказских князей, владения которых ещё не были присоединены к российской империи, и которые всё ещё считали себя независимыми владыками, – тем не менее, с Россией жили в согласии, в согласии временном и мнимом...

И вот князь Джеммал-Еддин, очевидно, чтобы доказать свою лояльность русским, как-то пригласил в гости в свою резиденцию в Гер-зе-аул коменданта Аким Акимыча.

Наскучившись однообразной жизнью в отдалённой крепости, комендант, молодой человек, жаждущий развлечений, приглашение князя принял охотно, со всей любезностью, и в назначенный день, вместе со старшинами прибыл в Гер-зе-аул...

Князь Джеммал-Еддин принял Аким Акимыча и его товарищей со всем торжественным церемониалом, принятым у гостеприимных кавказских горцев при приёме знатных и почитаемых гостей.

Для забавы Аким Акимыча были показаны бои *пельванов*²⁷, которые, как гладиаторы в римских цирках, обнажённые, выступали на арене – площадке, посыпанной песком...

Показаны были также гонки юнцов на конях в чепраках, при приспущенных великолепных турецких шальях, в сбруе, украшенной серебром.

Гостям подавали чай, сыр, несолёные лепёшки, а потом разные мясные блюда...

На виноградных листьях, вместо тарелок, подавали *шашлык*, *плов*, овощи с рисом, фиги, изюм, апельсины и сладкий миндаль, обильно политый кисловатым соком граната.

Щедро подавали гостям *чахир*²⁸, который, хотя и запрещён исламом, однако, хранится в каждом ауле в кожаных мешках.

.....

После так прекрасно проведённого дня в Гер-зе-ауле поздно ночью комендант Аким Акимыч сотоварищи вернулся в крепость.

Он был пьян после обильных возлияний.

А тёплая, благоуханная ясная летняя ночь располагала к мечтаниям... к разговорам... о смуглых горянках, которые, в сафьяновых сапожках и белых чадрах, сидели на лавках, укрытых роскошными коврами из Смирны и Бухары – и любовались борьбой *пельванов* и гонками юнцов.

Конечно, меж ними должны были быть и красавицы... Что можно было угадать по их движениям и по их стану... Но они сидели недвижимые, как деревянные куклы, ни одна из них, – мать их шелудивая сука! – ни одна даже не взглянула на гостей... Разве что украдкой... Разве что искоса!...

Вот если бы можно было сорвать у них чадру с головы!... Вот была бы потеха!...

– Ну-с, надо испробовать такую игру! Скоро князь Джеммал-Еддин ещё раз пригласит нас в Гер-зе-аул, тогда попробуем! Честное слово дворянина! – мечтал Аким Акимыч, а его товарищи охотно поддакивали такому плану своего коменданта.

Горы вторили смеху и задорным песням вояк...

Уже светало, когда они вернулись в крепость.

Здесь всё находилось в тревоге и переполохе...

С вечера стражник под одними воротами почувствовал запах тлеющих тряпок и дерева...

Сейчас же забили тревогу... Выявили факел...

Огонь разгорелся, затем распалился, распространился и охватил древние деревянные строения крепости...

Удвоили дозорных на палисадах. Удвоили зоркость стражей, изъяты были все предметы, могущие вызвать катастрофу, и все уверились, что кто-то намеревался сжечь крепость дотла.

Так!

Но кто?...

Было ли это преступлением, осуществлённым несколькими племенами независимых горцев?

Был ли это замысел одного отдельного человека?

Об этом в крепости спорили несколько дней...

Наконец, один из участников визита в Гер-зе-аул упомянул князя Джеммал-Еддина...

Комендант подхватил это подозрение...

– Ваша правда, – закричал он, – тот нас чествовал, развлекал, поил чахиром, а в это время приказал устроить здесь поджог...

И вместо нашей крепости мы могли найти один лишь пепел!...

– Погоди же, нехристь поганый, если ты со мной так, то я тебя отблагодарю и отвечу, как положено!

.....

Под началом Аким Акимыча старшина крепостной команды собрал военный совет, чтобы решить, как покарать князя Джеммал-Еддина...

И решили, что им удалось додуматься до вершин дипломатии и справедливости...

.....

Сразу же после этого совета в Гер-зе-аул послали гонца с приглашением, чтобы князь Джеммал-Еддин прибыл в крепость на вечер, который в его честь даёт комендант Аким Акимыч...

Князь приглашение принял охотно и в назначенный день явился в крепость.

– Я хотел одолжить у ветра крылья, чтобы скорее прибыть к вам, дорогой Аким Акимыч! – сказал князь, вручая коменданту богатые подарки, что привёз с собой.

Аким Акимыч любезно принял дары, после чего объявил, что князь подлежит суду.

И, как председательствующий на этом суде, прочитал князю правила, им же самим сочинённые, и перечисляющие «мирным черкесам» их повинности перед россиянами.

Далее: сурово отчитал князя, не скупясь на брань и оскорбления, за его преступное намерение сжечь русскую крепость, и, наконец: прочитал ему смертный приговор через немедленный расстрел.

Напрасно несчастный Джеммал-Еддин опровергал все бредовые обвинения, напрасно присягал на Коране, что ничего общего с поджогом не имел; напрасно протестовал, что Аким Акимыч не имеет права ни судить, а тем более приговаривать к смертной казни *мирного* независимого князя.

Все заверения, все аргументы разбивались об упрямый и неуступчивый нрав Акима Акимыча, об убожество его понятий и убеждений...

Несчастливого князя Джеммал-Еддина из Гер-зе-аула расстреляли...

— Один из моих подчинённых, — рассказывал далее Аким Акимыч, — был литератором, ну-с, не такой известный и знаменитый, как Федор Михайлович Достоевский, но этот литератор составил рапорт обо всём происшествии с князем Джеммал-Еддином.

— Ах, что это был за рапорт! Просто *чудеса*, поверьте мне, господа Поляки.

Фельдгегерь повёз этот чудо-рапорт в Петербург... Я погнал фельдгегеря, как только рапорт был готов...

А как военный трофей я приложил к рапорту пояс и кинжал князя Джеммал-Еддина.

— Вы представляете, что это был за пояс? Весь украшен драгоценными камнями, прямо-таки весь!

— А что за кинжал! Чудо-кинжал! В ножнах, украшенных серебром, с рукояткой из слоновой кости, усаженный бирюзой...

После расстрела князя Джеммал-Еддина военный пожар разгорелся ещё пуще.

И *мирные Черкесы*, и независимые горцы, и даже те, кто уже были присоединены к Российской Империи, все схватились за оружие...

Во время постоянных нападений и наскоков, защита крепости всё более ослабевала с каждым днём.

Положение этой горстки, обороняющей российский пост, стало критическим. Казалось, уничтожение ожидает каждого солдата...

А в это время комендант Аким Акимыч витал в радужных надеждах.

В его тайных видениях, перед его воображением уже мелькали кресты, ордена, почётные сабли, наивысшие чины...

С какой горячечной нетерпеливостью военный комендант ожидал вестей из Петербурга!

И, наконец, дождался ответа на свой рапорт...

(Сейчас я вновь передаю слова коменданта).

— Из Петербурга приехал генерал... Ну-с, известно, генерал генералу рознь, но этот был, видно, важной особой, наверное, *знатный вельможа*, потому и одурачил меня, как последнего...

Вместо наград, знаете, господа Поляки, что я получил? Выговор и приказ о деградации, у меня отняли орден Св. Анны, я не получил почётное оружие, меня лишили всех прав и дали двенадцать лет каторги... Вот что мне выпало!... И всё это за расстрел одного мерзкого черкеса!... Разве это правильно? Разве справедливо?... Посудите сами!...

— Аким Акимыч! — сказал Александр Мирецкий. — Мы не юристы, мы не знаем военного кодекса, а *Свода Законов* и не видели никогда... Так что...

— А вы посудите *по совести*!

— И по совести нам тоже трудно судить, надо бы расследовать многие обстоятельства, надо бы поподробнее их изучить, а для этого у нас нет времени...

Слышите?...

* * *

Три раза пробил барабан, извещая, что для каторжан праздничный день кончился...

Солнце ещё высоко стояло над Иртышем, золотые полосы ещё ложились на зелёную траву нашего закутка, — а нас уже посылали в казематы.

Дежурный офицер с крепостного батальона спешил в город на какую-то вечеринку у генерал-губернатора и, чтобы поскорее освободиться от немилой службы, приказал раньше времени загнать заключённых по местам.

Каторжный люд неохотно принял такое укорочение праздничного дня и медленно из разных уголков и закоулков *острога* потянулся на плац, где каждое утро и каждый вечер происходил досмотр заключённых, все ли тут, никто ли не сбежал?

Конвойный азартно бил в барабан.

Ефрейтор командовал во всё горло:

— *Скорее!*

— Становись по двое!

— Двойками в каземат марш!

— Ещё куры во дворах скребутся в мусоре, в обозе ещё не били отбой, а нас уже загоняли спать... Почему это? То ли мы последние твари, хуже каких-нибудь пятнистых кур?... То ли мы,

люди, хуже солдат? – возмутился острожный остряк горбун Скуратов.

– Завтра же надо *предъявить претензию*.

– И, наверное, ты, Скуратов, с той *претензией* пойдёшь к плац-майору?

– А и пойду, так и знай!

Послышались приглушённые смешки, над которыми гремела команда ефрейтора:

– Двойками марш!

* * *

Долго, очень долго, этих людей, обесчещенных, меченых постыдными клеймами на лице, этих разуверившихся во всём людей, среди которых я вынужден был жить, долго заслоняло для меня такое видение:

Лезгин со стройной гордой статью и благородными чертами: несчастный князь Джеммал-Еддин с простреленной грудью, из которой хлещет кровь...

БЕЗЫМЯННЫЙ

*Кто угас как солнце –
Тот как оно же восстанет.*

ледно-розовые, искрящиеся, летящие хлопья вертелись в воздухе...

Казалось, некая милостивая богиня несётся в своей колеснице поверх облачных высот над Иркутском, над окраинами Восточной Сибири и щедрой рукой разбрасывает весенние дары: лепестки яблоневого цвета, как миллиарды бабочек с блестящими прозрачными крылышками...

Но это было лишь обманное оптическое явление...

Это была игра золотисто-пурпурных отблесков на западной части горизонта.

Эти кружащиеся неугомонные бабочки с тонкими, как бы осыпанными бриллиантами, крыльями, – эти нежные розовые цветочные лепестки – на самом деле всего лишь сильно смёрзшиеся

снежинки, освещённые солнечными лучами, которые отражались в них, как в кристаллах.

Непрестанный колокольный звон двенадцати иркутских церквей и двух монастырей из предместий «завис» над городом.

Перезвон колоколов, среди которых лидировал колокол Красной Церкви, гудел в чистом воздухе и его низкий рокот просто сотрясал городские дома, особенно одноэтажные, низкие, построенные из забайкальского кедра...

Из *кабаков* и из всех триста-сколько-то-десятков заведений, в которых в Иркутске продают спиртные напитки, слышны были громкие песни, смех и задорное треньканье балалайки...

У лавок и магазинов теснились покупатели...

По улицам двигались пёстрые, разноплеменные толпы...

Деревянные тротуары аж трещали и сгибались под натиском прохожих, которые спешили и толкались, направляясь в разные стороны, кто в церковь и монастыри, на предвечерние богослужения и молитвы, кто в столовые, или опять же в развлекательные заведения.

Во всём Иркутске спокойное обычное неспешное течение жизни всполошилось горячечным темпом.

Повсюду царило оживление необычное, чрезвычайное...

Ибо в этот день, день 26 ноября по старому стилю состоялось торжественное празднование, во славу Св. Иннокентия Кульчицкого.

Мощи святого покровителя столицы Восточной Сибири хранятся у монахов в часовне монастыря под Иркутском.

Поэтому ежегодно в день 26 ноября в Иркутск съезжались паломники не только из ближних околиц, но и из Забайкальского края, и с берегов Онона, Уссури, Зеи, из Надамурского края, с границ Китая и Монголии, отовсюду прибывали правоверные православной церкви...

Одновременно прибывали и кочевники: буряты, тунгусы, якуты, которые, на самом деле, были шаманистами, или ламаистами, – но официально считались «обращёнными в православие».

Правоверные паломники, чтобы попросить опеки и милости покровителя, оставляли в монастыре богатые дары и значительные

суммы денег, после чего занимались своими торговыми делами, не жалея на гулянки и развлечения ни денег, ни времени...

Богатые паломники размещались в одном иркутском отеле, под названием *Амурская гостиница*.

Бедные же ютились в предместьях, в так называемой *Ремесленной слободке*, либо в частных домах.

Описанное торжественное празднование дня Св. Иннокентия происходило в 70-х годах²⁹, то есть во время правления Синельникова, генерал-губернатора Восточной Сибири.

Как никогда ранее, в этот день 26 ноября не прибывали в Иркутск столь численные ряды паломников, как во время названного вельможи, который, как бы там ни было, являлся фигурой *sui generis*³⁰.

Не имея никакого образования, с удивительной убежденностью считал себя великим учёным, и притом твердил и настаивал, что самое важное и нужное для блага общества – чтобы в головах низших чинов «не водилось вообще никаких мозгов».

Лицемерный, корыстолюбивый и жестокий в высшей степени, он был убеждённым святошей, святошей суеверным, который в перерывах между церковными службами совершал такие поступки, которые не только ничего общего не имели с христианской этикой, но и попросту с Десятью Заповедями...

Нам, Полякам, изгнанникам, генерал-губернатор Синельников постоянно давал почувствовать свой нрав...

Это он приказал расстрелять Поляка, нашего доброго коллегу Эйхмилера...

А в семидесятых годах³¹ в Иркутске пребывало много, очень много Поляков, из экс-каторжников и поселенцев.

Бытовали там и выдающиеся деятели из предпосланческой эпохи и со времени самого восстания.

Пребывали такие, которые со временем прославились, как известные писатели, учёные, исследователи, естествоиспытатели, врачи, как достойные священники...

Некоторые неплохо зарабатывали уроками.

Другие занимались торговлей.

Жил в Иркутске бывший начальник города Варшавы, Павел Ландовский, держал лавочку и торговал табаком и мелкой галантереей.

Валенций Левандовский, вождь восстания в Подлесье, тоже держал маленькую лавочку.

Нельзя сказать, что эти многочисленные поляки-поселенцы, собравшиеся в Иркутске, жили в полном согласии между собой, как мы, заговорщики сороковых годов...

Нельзя сказать, что нас, *рецидивистов*, и *новых*, а также *новых* между собой связывало столь же многолетняя горячая сердечность, какая связывала некогда нас.

Нет, этого не было.

Мы, те, были другими.

А обмениваясь мыслями, даже по поводу давно минувших дел, даже обстоятельств близких, даже по поводу *того*, что нас загнало в Сибирь, многие, теперь, рассматривали всё это с очень разных точек зрения...

Не раз также, о! очень часто, разбирая разницу во взглядах и убеждений, мы доходили до обмена острыми мнениями, до громких споров, распаляясь до ярости.

А вообще-то жили мы мирно.

Жили как-то со дня на день, ожидая возвращения в любимую Отчизну...

* * *

– Вот и выпей это, *душенька*, выпей, мой *миленький*, это святая вода... А святая вода, знаешь ли, *душенька*?... святая вода это лучшее лекарство от всякой *скуки*, это лучшее лекарство от всех болезней, которые *он*, знаешь? *он*, злодей, напускает на нас, бедных путников по земной юдоли.

Так вещала Эмеренцианна Трифоновна, вдова, владелица маленького дома, мимо которого я проходил, возвращаясь с почты к себе.

Эмеренцианна Трифоновна, постоянная клиентка моего магазина, представляла себе, что Варшава находится в какой-то зачарованной местности, на краю света; так что всё, что прибывало из этой чудесной страны, в глазах Эмеренцианны Трифоновны было прекрасным и бесценным.

Она гордилась каждой мелочью, прибывшей из Варшавы и купленной в моём магазине...

Эта добрая женщина проявляла к нам, Полякам, горячую сердечность и участие.

Эмеренцианна Трифоновна была чувствительна, милосердна, и, при весьма скудных материальных возможностях, творила добро для своих родственников и знакомых, притом, склоняя всех к искренней вере.

От незамужних за помещение и питание брала самую малую плату.

Бедных содержала вовсе бесплатно.

Когда 26 ноября я проходил по улице около её дома, она, закутанная в мех, стояла на пороге входной двери, открытой настежь.

В сенцах, в очаге большой печи, бушевал и гудел яркий огонь.

Волны сильно нагретого воздуха валили из сеней... а, попадая на двор и сливаясь с морозной атмосферой, образовывали как бы молочно-белое облако, на котором выделялись две фигуры: Эмеренцианны Трифоновны и стоящего рядом мужчины.

Мужчина был высокий, стройный и прямой, как тополь.

Одет был в грубый коричневый войлочный тулуп.

Притом видно было, что это обычная незамысловатая мужицкая одежда скрывает худощавую, ладную статью молодого человека из высших сфер общества.

Светлая, густая, несколько встрёпанная длинная борода достигала ему до груди.

Из-под буйных усов видны были бледноватые изящного рисунка губы, на которых суеверные убеждения Эмеренцианны Трифоновны вызвали улыбку, слегка насмешливую – слегка печальную.

Меня этот незнакомец заинтриговал. Я окинул его внимательным взглядом.

Нет!... Точно!... Этот молодой человек в войлочном тулупе, в высокой пыжиковой шапке, – конечно, не сибиряк...

Он и не правоверный паломник, прибывший в Иркутск бить поклоны в монастыре и часовне у мощей св. Иннокентия...

Я задержался чуть поотдаль...

– Вот и выпей святой воды, голубчик! – продолжает убеждать Эмеренцианна. – Увидишь, все твои печали тут же отлетят в далёкую тайгу... увидишь, как ты сразу станешь весело и мило жить на свете...

– Раз вы так уверяете, матушка, выпью святой воды, – решительно сказал молодой человек.

Из рук Эмеренцианны Трифоновны берёт позолоченную серебряную чарку и единым духом осушает до дна.

И выходит, хоть он и знал, что этот напиток, по мнению Эмеренцианны Трифоновны, обладает чудесной способностью, даёт здоровье, весёлость, забвение всех забот, и выпил враз, но – с отвращением, которое даже не пытался преодолеть или скрыть.

Только набожная и суеверная женщина этого не заметила, и сияла от радости. Она хлопает в ладоши и победно вскрикивает:

– Вот и выпил ты, *душенька*, миленький голубчик.

Вдруг замечает меня...

Моё неожиданное появление меняет ход её мысли и привлекает всё её внимание.

Как всегда, здоровается со мной очень любезно и гостеприимно приглашает, чтобы я «изволил посетить её убогий угол».

Я любезно благодарю Эмеренцианну...

Но зайти отказываюсь, хотя я заинтересован и рад был бы поближе узнать этого молодого человека.

Я хотел бы с ним поговорить...

И всё же отказываюсь, потому что какой-то инстинкт остерегает меня, предупреждая, что, если я войду в её домик, то сотворю несправедливость или зло против него...

Чем же?

Я не смог бы на это ответить...

Я не смог бы вразумительно самому себе это объяснить, – но догадываюсь, предчувствую, что так бы непременно случилось.

Во время короткого разговора с Эмеренцианной этот молодой человек быстро входит в сени и исчезает в каком-то тёмном закоулке дома...

* * *

Михаил Грушецкий и я поздним вечером после встречи у одного из коллег-поселенцев возвращались домой.

После солнечного, погожего дня, ночь тоже выдалась погожая. Снегопад прекратился.

Зато мороз всё крепчал и вскоре термометр показывал более тридцати градусов ниже нуля.

Стояло полнолуние.

Было так ясно и светло, что в этом бледном, призрачном свете Иркутск казался выкованным из серебра, зачарованным и неземным городом.

Было так ясно и светло, что даже тени, что отбрасывали дома, казались не чёрными, как обычно, а сине-лиловыми, словно отсвет от цветов сирени.

Иркутск погрузился в сон...

Отдыхал после непривычного шума...

Отдыхал после переполюха праздничного дня...

Я рассказал Михаилу Грушецкому о моей встрече, вернее, о столкновении с незнакомым молодым человеком, который меня так заинтриговал.

– Наверное, это был какой-нибудь родственник Эмеренцианны Трифоновны, если эта набожная женщина так горячо желала ему счастья и, в благой надежде, что её протееже такого счастья добьётся, напоила его святой водой...

– Не похоже, что это был сибирский парень, который прибыл в Иркутск поклониться святому покровителю и заодно, при возможности, «погулять».

– Ты, мой дорогой Шимон, позволь уж сказать тебе, вообще всегда сентиментален и экзальтирован, и в этом парне выискиваешь сходство с нашим земляком, выдумываешь целую трагедию и создаёшь себе ненужные заботы.

Так сказал Михаил Грушецкий и во время всего пути, с присущим ему юмором, подтрунивал над моей экзальтацией и сентиментальностью.

Я оборонялся, как мог, отделялся шутками по поводу практичности и трезвости рассудка самого Михаила.

К счастью, оба мы рассмеялись, как вдруг...

Царящую вокруг тишину нарушил приближающийся топот ног...

Откуда-то из ближнего *переул*ка вынырнула группа мужчин, крепких, рослых бородачей, с узелками, повешенными через плечо, и кедровыми посохами в руках.

Это были паломники, которые после торжественных мероприятий в часовне загородного монастыря возвращались по домам.

Они ступали тяжёлыми сапогами, пытаясь отдышаться, так что их дыхание, пропитанное горилкой, облачками сгущённого пара носилось над ними.

Среди этой группы выделялся один человек...

Как и прочие, был в грубом войлочном тулупе.

Носил такую же пыжиковую высокую шапку.

Такой же кедровый посох и небольшой узелок держал в руках – и притом выделялся среди прочих своей сухошавой, стройной постатью, своей лёгкой, гибкой и ловкой походкой.

Я сразу его заметил...

А также заметил, что этот выделяющийся среди других мужчина шёл медленнее всех, даже украдкой понемногу отставал от группы своих сотоварищей.

Поскольку те шли поспешно, значительно опередив нас, мы вскоре потеряли из виду всю эту компанию.

И вдруг возле нашего, католического, костёла мы увидели того самого мужчину, которого я встретил в доме Эмеренцианны Трифоновны, – того самого, которого минутой раньше видел среди богомольцев, покидающих Иркутск после паломничества.

Он встал посреди улицы...

Стоял с непокрытой головой.

Его шапка, посох и узелок брошены на землю.

На заснеженной площадке, гладкой, как белый полированный мрамор, выделялся силуэт этого молодого человека с рослой стройной постатью.

Взор его вперился в наш костёл и к нему он протянул руки...

И в напряжении этих рук, в согнутых плечах, в стиснутых ладонях ощущалось наивысшее напряжение всех чувств...

Видно было, что этот молодой человек горячо молится...

Что его душа с неизбывной верой взывает и стонет:

– Христос, помоги! Спаси!...

– Смотри, Михаил: это он, тот самый, которого я видел в доме у Эмеренцианны Трифоновны, – шепнул я.

Михаил Грушецкий в знак молчания приложил палец к губам.

Мы встали недалеко.

Однако шелест наших шагов, хоть и тихих, всполошил незнакомца.

Быстрым движением он опустил руки, надел шапку, надвинул на лоб...

Схватил свой посох и свой узелок и быстро пошёл вперёд.

А мы сразу же пошли к дому приходского священника, где ещё светились окна. Значит, каноник иркутского прихода, ксёндз Кшиштоф Швермицкий, ещё не спал, видно, читал свой требник...

— Очень похоже, что это Поляк, — сказал ксёндз Кшиштоф, когда мы рассказали ему наши предположения, — весьма возможно, что это Поляк и, может, один из тех Поляков, которые в походе встретились с Серно-Соловьевичем, то есть один из тех Поляков, которых Серно-Соловьевич пытался вовлечь в мечты о *свободославии*...

Возможно, это сосланный из какой-то пустыни... Может, он сбежал от самого берега Ледовитого Океана... и движется к Монголии или Китаю, надеясь добраться в Европу...

Лишь Бог знает, откуда взялся этот человек?...

И только сам Бог ведаёт, сколько пропастей ждут его на крутой дороге такого маршрута?...

— Что он прибил к какой-то партии православных богомольцев, это очень мудро, прозорливо и дипломатично с его стороны...

— И так же прозорливо и умно, что здесь он не сблизился с земляками...

Во всяком случае, я точно знаю, что Юзеф Шленкер счастливо сумел бы сбежать, если бы не решил проведать своих земляков и знакомых в Красноярске...

Знаю также, что именно из-за этого своего товарищеского порыва бедолага попал аж в Киренск.

— Знаете, дорогие мои, взвесив все обстоятельства, я бы считал, что наилучшую услугу этому молодому человеку мы оказали бы, никому о нём не поминая, никому не сообщая о наших предположениях и домыслах относительно него... Словом, лучше совершенно забыть об этом нашем безымянном, предположительном земляке...

— По крайней мере, таков мой личный вывод, который позволю себе высказать, и вы тоже, милейшие, несомненно, разделите его полностью...

* * *

Честнейший иркутский священник, ксёндз Кшиштоф Швермицкий в этом случае, единственный раз в жизни, позволил себе не сдерживать слова: он всё-таки не забыл о «безымянном, предположительном нашем земляке, поселенце».

В ближайшее воскресенье, после 26 ноября, торжественно отправив молебен в нашем католическом костёле, ксёндз Кшиштоф встал у подножья алтаря и призвал присутствующих к общей молитве:

«За путников, которые среди всяческих тягот и опасностей, одинокие, всеми покинутые, влекомы стремлением к цели своего пути...

Аве Мария.

За тех, имена которых никогда не будут вписаны в наш Мартиролог.

Аве Мария».

.....

Кроме Михаила Грушецкого и меня из остальных присутствующих в костёле никто не представлял, кого имел ввиду ксёндз Швермицкий, призывая нас к такой молитве...

Тем не менее, молившиеся от всего сердца горячо благодарили его.

ИСТОРИЯ ЧЁРНОГО ЛИСА

Глубокоуважаемый Пан и Земляк!

Вы уже неоднократно выказывали искреннюю заботу о сыне моём Юзефе...

.....

Поскольку понимаете наше и *наших* положение...

.....

Приходится и сейчас опять просить об опеке над Юзефом и вследствие вашего расположения, поддержать его своими советами, основанными на собственном *опыте*!...

.....
Он молодой, бойкий и часто неосторожный, немало навредил себе необдуманным поведением...

.....
Сейчас мне ещё более оттого, что всяческие усердные наши старания³² пока остались безрезультатны...

.....
Письмо Юзефу со следующей почтой посылаю Пану, потому что не могу знать, не сменил ли Юзеф своего теперешнего местопребывания, однако я уверен, что его адрес Пану, тем не менее, известен...»

.....
.....
Так, дня 19 июля 1869г. писал ко мне из Дрездена мой знакомый и приятель Ксаверий Шленкер.

Его сын Юзеф действительно прошёл тяжёлый путь!...

Пытался сбежать из Сибири...

Но эта рискованная попытка бедняге не удалась...

Обнаруженный в Красноярске и уличённый в побеге, ...потом отправленный в тюрьму, после долгих мытарств и мучительных допросов был сослан в Киренск...

Хотя согласно приговору Юзефу Шленкеру нельзя было отлучаться из Киренска – всё же он, лишь редким гостем, бывал в этой малой столице убогого округа.

Каким образом сумел Юзеф Шленкер добиться у местных властей свободы передвижения?

Не знаю. Никогда не спрашивал его об этом обстоятельстве.

Я мог лишь, на основании многолетних наблюдений, предположить, что золотой ключ настежь отворяет любые накрепко запертые двери...

Итак, Юзеф Шленкер бывал в продолжительных разъездах...

В целях, частично туристических, частично торговых, энергичный и предприимчивый, этот молодой человек бывал во всей Качуге, расположенной на берегу Лены, пока там проходили знаменитые весенние ярмарки, и из местностей, отдалённых на тысячи вёрст, тянулись сюда купцы, владельцы золотых приисков, и кочевники, словом, все те, кто хотел что-нибудь продать или

купить, в общем: кто хотел провести какие-либо торговые операции.

Порой, в благоприятное для поездок время года, Юзеф Шленкер добирался аж до Якутска и даже дальше – по дороге, пролегающей вдоль гигантской, величественной и прекрасной реки Лены, которая при бурных волнах иногда похожа на море...

Во время своих поездок на льды в *тундру*, Юзеф Шленкер видел много такого, что неведомо Европейцам и может заинтересовать мыслящего и образованного человека...

А когда получил, наконец, позволение обитать в столице Восточной Сибири, своими рассказами он услаждал вечерние посиделки ссыльных...

Нередко какая-нибудь незначительная подробность вызвала у Юзефа череду воспоминаний и становилась объектом захватывающего рассказа!

.....
В посёлке, состоящем из нескольких якутских юрт, небольшой часовенки и поповского дома, – в посёлке, что тянулся далеко на север, на расстоянии всего лишь нескольких десятков вёрст от Океана, – случилось счастливое происшествие, причём редкое: в капкан одного из беднейших жителей посёлка попался чёрный лис.

Якуты, живущие в северной тундре, располагают очень скудным достатком, они – бедняки.

Занимаются рыболовством, охотой на морских котиков, на диких оленей, и на лис, мех которых для этих полярных жителей представляет наичценнейший дар Вселенной.

Шкуры лисов с серебристо-белым, длинным и густым мехом в этих северных краях заменяют деньги, каждая шкура стоит один рубль пятьдесят копеек.

Шкурками белых лисов якуты платят государственные налоги, – на местном наречии *ясак*.

Мех белых лисов действительно прекрасно подходит для лёгкой и тёплой одежды, как для местных жителей, так и для приезжих, которых в эти полярные края приводит либо жажда обогащения, либо научные изыскания...

Насколько в тундрах обычны и многочисленны белые, палевые и светло-серые лисы, настолько редок такой великолепный образец сибирской фауны, как лис с чудесным, длинным, мягким блестящим мехом, с голубоватым оттенком, тёмный, почти чёрный...

В чей капкан попадёт чёрный лис – тот среди якутов считается любимцем Фортуны, как у нас игрок, который получает главный приз на лотерее, или срывает банк в карточной игре...

Сто шкур белого лиса едва являются эквивалентом одной шкурки чёрного *песца*, конечно, на месте, в самой тундре...

Этот счастливый охотник, владелец драгоценной шкуры, то есть именно тот якут, о котором рассказывал нам Юзеф Шленкер, на лёгкой лодочке из берёзовой коры отправился в Якутск, чтобы продать своё сокровище.

Дорога была неблизкая, полторы тысячи вёрст по реке Лене, капризной и бурливой, но дорога не казалась слишком длинной одинокому путнику, объётому радостной надеждой...

В первых днях июня, вечером, около десятого часа, обладатель драгоценной шкуры счастливо прибыл к якутской пристани.

Соплеменник-перевозчик посоветовал ему убежище, где он мог провести ночь.

На Западе ещё светило солнце...

Над притоком Лены, Хатын-тус, царило оживление.

По городку кружило множество людей...

Наш якут, житель далёкой тундры, неустрашимый в схватке с разбушевавшимися стихиями, удивительно предприимчивый на своей территории, но до сих пор никогда не столкнувшийся с иноплемennыми людьми, – в этом городском круговороте и хаосе полностью потерял голову...

Необычная одежда якута привлекала к нему внимание прохожих, и около него собралась толпа зевак – толпа, с которой сын северной тундры не мог столкнуться, совершенно не зная русского языка.

И вдруг, просяив от счастья, он услышал, что один прохожий обращается к нему на его родном языке и, узнав о цели приезда в Якутск, причём – что цель это продажа чёрного *курса*³³, предложил ему остановиться у себя.

Этим гостеприимным хозяином, прибывшим из пустыни, оказался некий Григорий Ефимович, экс-каторжник.

Много лет прожив в якутской области, он научился местному языку, и после отбытия наказания осел в Якутске, чтобы в этом городе *искать судьбу*.

Григорий Ефимович ценность меха чёрного лиса знал, и при встрече с якутом сразу понял, что «удача» вот она, сама идёт к нему навстречу, хотя до сих пор он искал её непрестанно.

В трудовой, однообразной, крайне убогой жизни в своей северной тундре обладатель чёрного лиса никогда не встречался с обманом, коварством, хитростью...

Когда добродушный якут прибыл в свою юрту в северной тундре, он на лодке из берёзовой коры привёз чай, старое ружьё, табак и коробку каких-то приглянувшихся ему в городе мелочей, что и составляло часть оплаты за ценный мех. А тем временем Григорий Ефимович, которому так посчастливилось с этой необычайно выгодной торговой сделкой – *пил*; *пил*, как поётся в одной песенке, «с вечера до утра, с утра до вечера». *Пил*, так что после нескольких суток гулянки настолько задолжал в *кабаке*, что хозяин отказал ему в кредите, и более того, поскольку не мог получить долг иначе, забрал у должника единственную ценную вещь, что была при нём, – забрал в счёт долга, – шкуру чёрного лиса...

Григорий Ефимович ещё раз напился в кредит...

После чего повесился в сених того самого *кабака*, в котором несколько дней тому так славно «погулял»...

Скоро по Якутску пошла весть о самоубийстве Григория Ефимовича и о драгоценном мехе, который у него был, и вскоре эта весть дошла до городских властей, так что представитель тех властей появился в *кабаке* и отобрал у его хозяина шкуру чёрного лиса на том основании, что: «состояние бывшего каторжника-поселенца Григория Ефимовича попадает под опеку *начальства*, пока не объявятся законные наследники умершего».

Рад – не рад, кабатчик должен был драгоценную шкурку отдать...

Тем временем, по прошествии «срока, предусмотренного законом», объявились наследники экс-каторжника Григория Ефимовича, требуя наследства, что было невозможно, потому что

чиновник, что взял мех чёрного лиса под опеку, – проиграл его в карты.

Новый, уже четвёртый, обладатель, разбитной, предприимчивый, опытный человек, торгующий всем, что только можно продать, опасаясь неприятностей из-за этой чёрной лисьей шкурки, решил продать её при первой возможности.

Такая возможность появилась аж в Охотске...

Какой-то богатый английский турист на собственной яхте путешествовал по разным морям и, наконец, попал в Охотск. Познакомился с продавцом лиса и, подождав удобного случая, чёрную шкурку купил...

За сколько?

Неизвестно.

Хотя ни продавец, ни покупатель никого не посвящали в обстоятельства сделки, всё же продажная цена должна была быть очень высокой, поскольку продавец сразу же начал располагать значительными деньгами...

Понемногу в Охотске затерялся след этой драгоценной шкурки, которая стала объектом обмана охотника, убогого якута из северной тундры, но несла на себе все грехи махинаций её мимолётных обладателей...

* * *

Оптимист во всём, что касалось нашей Отчизны...

Оптимист во всём, что касалось результатов его намерений и работы...

Человек железного здоровья, непреклонной воли, нескисаемой энергии, что среди нас, Поляков, далеко не каждому прищущё...

Несмотря на многие неудачи и разочарования, всегда глядевший в будущее со светлыми надеждами...

Таким был пан Петр Боравский, двукратный каторжанин с Нерчинских заводов, а потом мой коллега-поселенец в Сибири.

Освобождённый с каторги после амнистии 1868г., Петр Боравский не имел никаких материальных достатков, но надумал разбогатеть...

Я уверен, что в этом его желании всего меньше было корысти, поскольку у Петра Боравского и сердце было сочувственное к людским невзгодам, и рука открытая и щедрая...

В поисках свободы действий, Пётр Боравский подался на золотые прииски. Пробовал счастья в Первостретенском, в Успенском и, наконец, на Баргузинском приисках.

Но, несмотря на его порядочность (а, может, именно из-за того, что он был слишком порядочным?...), трудолюбие и оборотистость, не везло Петру Боравскому в его начинаниях.

Плоды непосильной горячечной работы, прибыли одного года исчезали в следующем.

И это повторялось неизменно, так что он потерял «кураж» и, после моего отъезда из Иркутска, один из оставшихся ещё там земляков, сообщил мне в Галич, что Петр Боравский иногда бывает в Сретенске, иногда в других местностях над Амуром и служит *приказчиком* Верхне-Амурской торговой компании.

Но в году 1870 слишком порядочный пан Петр ещё был полон светлейших надежд и, хотя в своём Первостретенском *прииске* на пути в Кяхту раз в пару месяцев получал почту, и за каждую платил по десять рублей, – всё же, помимо разных своих занятий, много получал журналов, много читал и когда находил в газете нечто привлекавшее его внимание, – сразу же посылал нам такие интересные номера в Иркутск, не скупясь в письмах на соображения, касательно посланных статей.

Таким образом, прислал он нам как-то *Отечественные записки* за август, сентябрь и октябрь 1869г.

Интересные статьи Максимова о Декабристах и Поляках, одновременно отбывавших каторгу в Нерчинске, мы прочитали с тем большим интересом, что в них Михаил Грушецкий и Гервазий Гзовский³⁴ нашли свои силуэты, обозначенные в очерках мимолётно, но доброжелательно...

Фельетоны *Голоса Москвы*, фельетоны *Разбитые иллюзии* о последних событиях в нашем крае³⁵, полные насмешек и издёвки, немало нас огорчили...

Чтобы настроиться на более весёлый лад, начали просматривать том английских Иллюстраций, которые внимательный пан Петр выписывал специально для Юзефа Шленкера. А этот номер

он получил от англичанина Карла Михаила Гранта, который жил в Кяхте, как помощник и корреспондент некоей торговой компании, имевшей свою факторию в Китае.

Мы, не знавшие английского языка, ограничились просмотром рисунков – но Юзеф Шленкер, открыв том Иллюстрации, углубился в чтение и вдруг громко расхохотался:

– Помните, дорогие мои, – сказал он, успокоившись, – вы, конечно, помните, истинную историю о шкурке чёрного лиса – историю, которую я узнал в Якутске и как-то вам рассказал...

Так вот, вообразите себе, что тот турист, на собственной яхте, тот англичанин, который эту шкурку купил в Охотске, в этом журнале описывает всякие чудеса об охоте в северной якутской тундре, где ему повезло и он собственноручно застрелил чёрного лиса...

Конечно, своим рассказом он вызвал общий интерес, а счастливым результатом своей охоты возбудил зависть всех Немвродов Великобритании.

– Может, это какой-то другой турист? – возразила жена Михаила Грушецкого. – Может, это какой-то другой европейский Немврод, весть о котором ещё не дошла до столицы Восточной Сибири, до нас...

– Уверяю панну, что это был тот самый англичанин, о котором мне рассказывали в Якутске, – настаивал Юзеф Шленкер, – могу смело и уверенно так утверждать, потому что не только запомнил, но и записал себе на память его фамилию.

* * *

Таков был эпилог истории чёрного лиса, попавшего в капкан в северной якутской тундре...

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕГИОНЕРА

Необычным путём развернулась жизнь Юзефа, родного сына епископа Адама Нарушевича, историка и поэта.

Отец Юзи Нарушевича умер, тому едва минуло семь лет. Но до того ксёндз епископ решил всерьёз заняться воспитанием своего сына.

Первым шагом на этом пути было зачисление Юзи в кадетскую школу, которая тогда имелась в Варшаве.

Когда Суворов занял Варшаву, по его словам, он вывез оттуда в Петербург ученика кадетской школы Юзи Нарушевича.

Причём ближайшие родственники ничего не знали, что с ним случилось.

Горящая мать не щадила ни трудов, ни стараний, равно и затрат, чтобы хоть что-нибудь узнать о своём единственном сыне. Но годы надежд, страданий и затрат оказались бесплодны.

Иногда пани Нарушевич присылали ложные и путанные вести.

И, наконец, пришло точное известие, что уже взрослый Юзя послан на Кавказ в чине кадета, в ряды русской армии, которая завоёвывала этот край, ещё в то время по большей части независимый, и свою независимость мужественно и отважно защищавший.

Получив такие вести, пани Нарушевич тут же отправилась в Петербург, где приложив массу энергии и силы добилась от царя увольнения единственного сына из действующей армии, воюющей на Кавказе.

Осчастливленная царской милостью, пани Нарушевич вернулась домой, где вместе с дочкой Анелей, в замужестве Тухановской, взволнованно и нетерпеливо ждала прибытия сына, которого почти не знала.

Не скоро, однако, Юзеф Нарушевич вернулся в родные края...

Проходили дни, недели, месяцы, и приносили панам Нарушевич и Тухановской только горечь сомнений и отчаяние полного неведения.

– Наверное, он погиб в какой-нибудь стычке с горцами... Теперь мы его уже не увидим на этом свете! – думали удручённые женщины, утратившие всякую надежду...

Но как-то раз, в разгар осени, поздним вечером, когда паны Нарушевич и Тухановская собирались на покой, на дворе раздался шум въезжающего возка, какие-то шумные перемещения, а потом ещё более тревожный стук во входную дверь и громкий, нетерпеливый гневный голос кричал по-русски:

– Откройте! Откройте сейчас же!

Этот приказ повторялся пару раз, всё более грубым, всё более нетерпеливым голосом, в сопровождении ударов саблей в старосветские дубовые двери, густо забитые гвоздями с широкими остроугольными шляпками. И всё же приказ этот выполнен был не сразу.

Перепуганные жильцы усадьбы сбежались в сени узнать, что происходит.

И только когда прибывший объявил, а, вернее, выкрикнул своё имя – ему отворили.

Молодцеватым, уверенным, гибким шагом хорошо вымуштрованного военного в сени вошёл высокий мужчина в киргизской бурке, впопыхах надвинутой на лоб, с волочащейся за ним саблей и огромной собакой у ноги.

Он принялся что-то говорить на повышенных тонах, непривычных для цивилизованных и хорошо воспитанных людей, но привычных для докладов или военных команд, причём с выражениями, незнакомыми в Литве.

– Господи! – подумала пани Нарушевич, от волнения просто не имевшая сил приветствовать новоприбывшего. – Неужели этот юнец в черкесской одежде, этот полудикий человек с заросшим хмурым лицом, говорящий на непонятном для нас языке, неужели это мой любимый Юзя?...

Да! Это в самом деле был он!...

Это был родной сын поэта и историка, епископа Адама Нарушевича, маленьким мальчиком вырванный из родного гнезда, – Юзеф Нарушевич.

* * *

Под влиянием матери и сестры, под воздействием всего окружения Юзеф Нарушевич вновь из дикаря превратился в цивилизованного молодого человека.

Одновременно пробудились в его сердце дремавшие до сих пор чувства мирного человека и любовь к Отчизне, и понимание своих обязательств по отношению к ней.

До сих пор, за сотни миль от родной земли, он сражался, воевал, неустрашимый, как лев...

Под общим флагом он воевал, не задумываясь, хотя бы о том, – ради чего воюет? Не отдавая себе отчёта о целях этих долголетних обоюдно подогреваемых войн...

В родном гнезде – прозрел...

И пожелал посвятить свою службу родному собственному делу...

Наполеон обещал освободить Польшу...

Юзеф Нарушевич решил довериться орлам «маленького корсиканца».

С благословения матери и сестры, с небольшим запасом одежды и денег, в сопровождении верного слуги Гарасима – Юзеф Нарушевич отправился из дому на войну.

Ему посчастливилось перейти границу и попасть под начальство генерала Хлопицкого...

Он участвовал в бою под Сомсьеррой, участвовал при штурме Сарагосы, принимал участие во многих боях и в компании 1812 года.

После отречения императора Наполеона, Юзеф Нарушевич решил вернуться домой, уже в чине капитана.

За неимением денег на хоть какое-нибудь средство передвижения, вынужден был пан капитан отправиться в путь пешком...

Он продал седло, которое сам себе добыл и хотел спрятать, как самое дорогое воспоминание о своём военном прошлом...

Гарасим нёс узелок с остатками белья и одежды...

И так, голодая и в крайней нужде, Юзеф Нарушевич и Гарасим добрались, наконец, до Кракова...

Когда эти два легионера вступили в Краков, под старым городом разразилась такая необычайная буря, что по улицам текли реки воды, которые с трудом преодолевали Нарушевич и его товарищ.

Промокшие до костей и почти терявшие сознание от усталости и голода, они постучались в усадьбу на Клепаже и хозяин усадьбы гостеприимно принял их под свой кров.

И не только пустил под свой кров, но помог согреться, приодел, сытно накормил, заранее предупредив, что никакой

оплаты от них не примет, и что как самым дорогим и близким сердцу гостям предоставит на ночь свой собственный альков...

С момента, когда они вышли из дома, отправляясь на войну, ни капитан Нарушевич, ни его верный товарищ Гарасим и не мечтали о таком ночлеге, как в этой усадьбе на Клепаже!

Но каково же было изумление Юзефа Нарушевича, когда утром в своём маленьком мешочке для денег он нашёл десять дукатов золота!

Накануне вечером там было всего несколько мелких монет...

Так откуда же из этих грошиков вдруг сотворилось золото?

Кто его туда положил?...

Кто пожелал поддержать легионеров этой милостыней?...

Да! Именно *милостыней*!

Ибо эти дукаты были положены таким непривычным способом, — но тем не менее это была всё-таки милостыня, — но так деликатно предложенная.

Опрошенный хозяин заверил, и даже поклялся, что не он положил дукаты в мешочек пана капитана Нарушевича, что понятия не имел, кто бы мог это сделать... Однако, рассудив своим «глупым разумом», он считает, что эта помощь послана небом... Ведь недаром же в старопольской песне вразумительно сказано: «Там, где творится невозможное, — для Божьей милости невозможного нет».

Отсюда следует, считал хозяин усадьбы, что пан капитан помощью, посланной свыше, побрезговать *не в праве*, и даже *обязан* принять её с охотой и благодарностью.

Успокоив свои сомнения, Юзеф Нарушевич прислушался к такому совету, и эта истинно таинственная помощь, которая никогда так и не разъяснилась, позволила ему, избежав крайней нужды, пуститься в дорогу и вернуться в Литву...

* * *

Довольно большим состоянием, которое оставил после себя ксёндз епископ Адам Нарушевич, поделилась его сестрица, поминая всегда сыночка Юзефа.

Вернувшись в Литву, легионер не поминал о своём праве на наследство, но, оставшись без гроша, одолжил тысячу дукатов у одного из тех кузенов, что завладели состоянием епископа, а именно у Томаша Дубровского.

Располагая такой значительной суммой, капитан Юзеф Нарушевич прикупил фольварков у Доминиканских монахинь Новогородских. Хозяйство он вёл дельно, не щадя сил, но и от слуг, и от крестьян требовал не меньше, то есть много, очень много! Так много, что военная строгость, введённая в него и к которой он привык, казалась крестьянам слишком тяжкой.

Крестьяне беспрестанно жаловались Доминиканским монахиням.

Доминиканки за них просили, заступались...

Только заступничество их было тщетно...

Никогда им не удавалось ни для кого выпросить у Нарушевича никаких поблажек...

Материальные обстоятельства после всех пережитых бурь житейских, теперь стали уж истинно «легионерские».

Со временем Нарушевич приобрёл имение Савиче в Новогрудском.

Это было значительное имение и, для того времени, умело управляемое и содержанное, оно пополнилось необычайно красивыми строениями.

Капитан Юзеф сам чертил планы, сам следил за доскональным и точным их исполнением, сам рисовал даже образцы мебели и образцы всякой утвари для общего обихода и для пользования служащих.

И надо признать, что все придумки капитана Юзефа Нарушевича были проникнуты художественным вкусом, которым одарила его сама природа.

Капитан Юзеф Нарушевич, легионер, женился на пани Аустотович, воспитаннице княжны, жены Доминика Радзивилла.

*В Мицкевичах,
под Несвижем,
в 1887г. записал по рассказу
Терезы Булгак*

PRO PATRIA

то случилось в Усть-Каменогорске, за обрывом тамошней крепости.

Вчерашняя шумная буря сорвала и унесла часть моста, разрушила окружающий крепость частокол и палисады, то есть попросту высокие земляные валы.

Чтобы между двумя просветами успеть исправить эти аварии, заключённых послали на работы двумя часами раньше, чем предписывал регламент.

Мы таскали тачки, рубили и обтёсывали брёвна.

А как только собиралось достаточно количество материалов для ремонта моста, на работу посылали бандитов.

При реставрации палисад остались только мы, политические преступники, Поляки...

Когда дозорный позволил нам немного отдохнуть, солнце уже взошло из-под призрачной предрассветной мглы и поднялось на небосводе величественно и победно – отчего розовели и золотились снежные склоны Малого Алтая, синеющие боры, что росли на склонах гор, низкие дома Усть-Каменогорска, круглые луковичи церковных куполов, стройные, похожие на стрелы, минареты мечетей, деревянные строения крепости, убогие будки стражников – Иртыш, по которому в разных направлениях сновали маленькие рыбацкие лодки, названные *дусегубки*.

Муэдзин, только что кончив петь *езан*, призывал верных мусульман к молитве...

С небесной синевы лились золотые отблески, от земли шёл аромат трав, взбодрённых вчерашним ливнем, – от древней пущи доносились таинственные дуновения и шёпоты...

Те ароматы, те проблески, те дуновения творили чудную гармоничную симфонию, которую как резкий и жёсткий диссонанс вдруг врывается треск колёс, скрипящих на плохо смазанных осях, бряцание кандалов и топот ног тяжело обутой людей...

На дороге, со стороны Сикисовки показалась партия арестантов, которую конвоем казаков вёл к Усть-Каменогорской

крепости. За партией тащилась пара кибиток, гружённых узлами и ящиками с пожитками арестантов.

Окинувши взглядом эти толпы людей, приговорённых к каторжным работам, сразу же можно было узнать между ними преступников.

Их выдавали набрякшие, словно опухшие, лица, выражение лихое и вызывающее, глумливые усмешки на мясистых и толстых губах, – шапки, одетые набекрень.

Они спускались с горы, шли бодро, бряцая кандалами, как бы желая привлечь внимание встречающихся на дороге жителей Усть-Каменогорска, а также и заключённых, что работали на дорожном ремонте...

В этой партии новопришедших наших коллег выделялись фигуры четырёх мужчин, щуплых, неуверенных, как бы стыдящихся своей арестантской униформы и кандалов, в которых вынуждены ходить...

– Хвала Иисусу Христу!

– Навеки веков, аминь! – ответили четыре голоса.

Показались четыре головы – головы этих выделяющихся среди других мужчин.

– Слава Богу, неклеймёные! Значит, не бандиты, а политические преступники, – повернулся к ним Адольф Грушецкий и крикнул им:

– Здравствуйте, братья! Бог с вами, за пару часов все перезнакомимся!

.....

Вечером мы узнали четырёх новых сотоварищей.

Это были портные из Варшавы: Казимир Барильский, Феликс Фиалковский, Констанций Калиновский и Ян Маршанд.

По приказу наместника Паскевича, князя Эриванского, перед высылкой всех велено было выпороть на плацу.

* * *

Душная, тяжёлая атмосфера парной июльской ночи витает над Усть-Каменогорском... Серп нового месяца мелькает из-за туч, освещающая серебристо-зеленоватым светом туман, который быстро мчится над Иртышем, словно лёгкая зачарованная флотилия, которая стремится к таинственной далёкой цели...

Над надречными лугами носятся бесчисленные плеяды желтоватых огоньков. Они движутся... сближаются... образуют большие светлые пятна...

Огоньки то ползают низко, то поднимаются ввысь, то, движимые какой-то чародейской силой, образуют пламенистые колонны...

Ветер охватывает их, рушит, сперва слегка, потом всё сильнее сотрясает их... они склоняются... кивают... и, наконец, под этим натиском распыляются на миллиарды световых атомов, исчезающих так быстро, будто вдруг упали в бездонную пустоту...

В другое время, в других обстоятельствах, с великой охотой и полной отдачей любовался бы я на этот живописный электрический танец бледных огоньков...

Сейчас нет у меня охоты и рвения с восхищением наблюдать за красотами природных явлений...

Моё тело после многодневной работы на открытом поле, всё пропитано насквозь солнечным жаром, а душа моя сомлела от тоски...

Сижу на плоском, гранитном выступе, заменяющем скамью перед низким, вколоченном в землю домиком, который в номенклатуре строений Усть-Каменогорской крепости числится как *Больница Св. Николая Чудотворца*.

В этой больнице обычно пребывает Феликс Фиалковский, наш земляк, которого так недавно мы по-братски встречали в нашей группе изгнанников...

После болезни, которую местный Эскулап не может ни определить, ни назвать, ни тем более вылечить, – Феликс Фиалковский угасает...

Кроме плац-майора Гусева остальные военные чины Усть-Каменогорска с Поляками справедливы, в них даже чувствуется по отношению к нам, Полякам, даже некоторая приязнь...

По заступничеству офицера инженерных войск Якублевича и других, комендант Гусев позволил, чтобы мы по очереди дежурили в больнице около больного земляка.

Сегодня ночью – моя очередь.

В больничной избе под образом постоянно горит маленькая масляная лампа.

Глиняный горшочек, подвешенный на ржавых железных цепочках, издаёт противный запах прогорклого жира и сильно коптит,

так что в воздухе носятся чёрные ниточки гари. Это всё лампа, которая мало светит, но много чадит.

Духота и мрак захватили во всю силу больничную избу.

На низких *нарах* лежат больные каторжане.

Многие во сне стонут от боли и перенесённых страданий...

Другие беспрестанно мечутся в горячке...

Разные обстоятельства, болезненные, обидные, из их бродяжного жития, глубоко врезались в мозг и этим людям, сморённым физическими болезнями, сейчас представляется, что они всё это вновь переживают в своих кошмарах.

– Бей... убей... режь... стукни просто в лоб!... *Сквозь строй* пусть нашего брата!... Сквозь строй...³⁶ Думаешь, ты скрылся? Ты, помесь жабы и ежа... Забодай тебя сибирская хвороба!...

Такие и тому подобные вскрики, прозвища, проклятья, иногда ночной порой эхом раздаются по больнице...

Кажется, больничная изба – это один из предбанников ада – будто бы в каждом её углу таится какое-то страшное видение...

Феликс Фиалковский угасает...

И всё-таки улыбается...

Может, в эту предсмертную пору его душа последний раз гостит в Варшаве, навещает в старом городе маленький домик, где в небольших комнатах на третьем этаже остались его родители и родственники...

И всё же он улыбается.

Я наклоняюсь к нарам, вглядываюсь в лицо умирающего, прилагаю все силы, чтобы не всхлипывать, но слёзы бурно рвутся у меня из груди...

По больничной избе, постукивая деревянной ногой, крадётся высокий старик в белом длинном полотняном кителе, с бородой и волосами, крашеными хной в рыжий цвет.

Это мусульманин, перс, русский экс-солдат.

В течение долгих лет он служил при военной медпомощи.

Он – постоянный дозорный при Усть-Каменогорской больнице.

Старый Алей знает лечебные свойства трав, такой богатой сибирской флоры, он умеет из трав готовить отвары, которые часто подкрепляют больных лучше, чем предписанные им лекарствами препараты латинской кухни.

В отличие от других больничных служащих, Алей очень хорошо обходится с больными каторжанами, хотя говорит о них неохотно и с некоторым пренебрежением.

Зато политическим преступникам, Полякам и Россиянам, выказывает симпатию и относится к ним с большим уважением, причём в сто раз лучше заботится о них, чем о других.

Около нар Феликса, Алей поставил несколько сосенок, животительный запах которых освежает убийственный воздух больницы, а зелень приятно радует взор больного.

Алей стирает ему пот с лица, смачивает губы водой, потом сильно пожимает мне руку и выпроваживает из избы.

— Ваш брат уснул спокойно, теперь вы тоже вздремните, — говорит.

Уставший от работы, измученный болезненными впечатлениями, опускаюсь на гранитный блок.

Алей подносит мне ко рту кубок... Приглаживает мне волосы и заставляет попить.

Единым духом выпил я содержимое кубка: холодная, как лёд, вода, родниковая, заправленная каким-то освежающим, кисловатым соком...

* * *

Потом через несколько дней Феликс Фиалковский скончался...

На старом, уже закрытом, кладбище, где больше не хоронят, на склоне Малого Алтая, в синеватом древнем лесу, мы уложили его останки в гробу из не остроганных досок, который сами смастерили...

Стараниями вдовы майора Бартошевича, Елизаветы Ефремовны³⁷, на могиле Феликса установлена гранитная плита с надписью:

*Здесь покоится
Феликс Фиалковский,
Поляк из Варшавы.
Он отдал Богу чистую свою душу
Pro Patria.*

**Шимон Токаржевский
ИЗ ЗАПИСОК 1863 ГОДА
и последующих лет
Варшава-Львов, 1912¹**

Часть первая
В СВОЁМ КРАЮ

Молодой помещик Поланувки Пшемислав Хожевский пользовался славой превосходного землевладельца и садовода в округе в несколько десятков миль.

Притом, надо признать, что слава эта была вполне заслуженной. Пшемислав Хожевский в ту пору, то есть в конце 50-х годов девятнадцатого века, был личностью *sui generis*², то есть земледельцем, со специальным образованием.

Он с отличием закончил агрономическую школу в Гриньоне, прошёл практику в одном из известных хозяйств, а поскольку был необычайно деятельным и неутомимо трудолюбивым, ухоженная земля в Поланувке давала хорошие урожаи, намного лучше, чем во всей округе, за исключением тех лет, когда повсюду свирепствовали стихии: грады, половодья и иные бедствия, и даже во время общего неурожая.

В Поланувских садах старательно ухоженные деревья приносили превосходные плоды, небольшая теплица полна была редкими экзотическими растениями, а перед помещичьим домом на дворе, в клумбах, по старинному обычаю, обсаженных самшитом, от ранней весны до поздней осени цвели цветы.

В сияющий пополуденный августовский день Пшемислав Хожевский прохаживался по своему красивому двору. Пару раз прошёл вокруг клумб *Gloire de France*³ и кустов, овейных ароматом цветов, срывал самые красивые розы, потом узкой, круто вьющейся тропкой поспешил к дому.

Через одну из застеклённых и в эту пору отворённых двустворчатых дверей, с террасы, заставленной горшками пунцовых пеларгоний, заходит в большой, обставленный старинной мебелью, зал, потом проходит через сени «на прострел», делящие дом на две половины и посыпанные по старопольскому обычаю свежими пихтовыми иглами, и оказывается на крыльце, которое кажется живописным и радостным, из-за плюща и дикого винограда, что буйными фестонами ниспадают с самой крыши.

Источник:

Tokarzewsky Szymon. Z roku 1863 i lat następnych... – Warszawa, Lwow, {1912} [*Токаржевский III. Из записок 1863 года и последующих лет.* – Варшава-Львов {1912}. – На польском языке].

Стереотипное издание:

Tokarzewsky Szymon. Z roku 1863 i lat następnych... – Lwow, {1912} [*Токаржевский III. Из записок 1863 года и последующих лет.* – Львов {1912}. – На польском языке].

– Панич уже едет? – спрашивает старичок в длинном полотняном кителе с чёрными петлицами, поднимаясь с лавки, на которой сидел.

– Еду, разве ещё не время? – отвечает помещик Поланувки.

– Конечно, уже пора! Вот уже солнце зашло за горы. Только я думаю, что лучше было бы сегодня остаться дома и отдохнуть хоть немного после дальнего пути.

– Стыдись, Томаш! – весело рассмеялся Хожевский. – Стыдно тебе уговаривать меня сидеть без дела и лениться. Слыханно ли дело? Бывший наполеоновский воин хочет затолкать в кровать юнца, который в удобной коляске на рессорах проехал всего несколько десятков миль!

– Несколько десятков миль, разве же мало?

– А разве много?... Шутишь, Томаш, вспомни другие дороги, форсированные марши в холоде и голоде. Разве вы после них отлёживались на мягких перинах?

– Этого ещё не хватало, чтоб после солдатских маршей разнеживаться на перьях и пухах. У нас и горсти соломы не было, чтобы подстелить под озябшие кости, а и времени отдыхать тоже не было, так на голой земле приляжешь, и всё...

– Вот видишь, Томаш!

– Да вижу я, что прежде люди были выносливее, сильнее, – тут же ответил старый слуга, покручивая белый ус.

– Тогда все были: мужик к мужику – как дубы. Неудобства переносили – песни пели, а с бедой, с несчастьем, с болезнью отважно боролись и брали верх. А сейчас?... А сейчас вот что: панички, щеголеватые куколочки, деликатные, слабые, вот-вот переломятся, ай! Ай! Ветер, дождь, работа, недосып, разные неудобства, им всё во вред. А что, не так? Скажи, панич. Только то и умеют, что приударять за юбками и плести французскую чепуху барышням, которые тоже, прости господи! до наших прежних пань не дотянутся. А нет? Ну, скажи, панич!

Пшемыслав громко расхохотался.

– Спасибо вам, Томаш, – сказал, – от имени молодёжи, которую ты так здорово расписал. Интересно, а меня, твоего воспитанника, ты тоже считаешь разодетой куколочкой, франтиком?

– Обороны Христос! – обиделся Томаш. – Панич такой, каким должен быть сын Легионера Хожевского, такой, каким Бог велел быть Поляку...

– Не улещай меня похвалами, – прервал молодой человек, – и не задерживай, кому в путь – тому пора. Доброй ночи Вам, мои дорогие!

– Доброй ночи паничу! Доброй ночи, – кричал Томаш, когда Пшемыслав вскочил на коня, который галопом поскакал через ворота поместья и вмиг исчез за плетнями.

Только облака пыли клубились следом за конём и наездником.

– Точнохонько, не вернётся сегодня до самого рассвета... – бурчал старик. – Так что я ему вместо «день добрый» спою: «оторваться от неё нелегко», – шепчет он перед образом Богоматери Ченстоховской, повешенным на одной из огромных лип, оттеняющих старый поланувский дом.

Хожевский, осторожно оберегая букет роз, который недавно сорвал в своём дворе, отпустил вожжи на волю коня.

Умный арабский скакун, который во время отсутствия Пшемыслава хорошо отдохнул, теперь летел, едва касаясь земли. Сердце молодого человека трепетало от волнения и нетерпения.

Как бы желал он в одну минуту оказаться у цели своей поездки...

* * *

С Поланувкой граничит большое поместье Хута. Эта резиденция, что называется, настоящая панская, с великолепным дворцом, оранжереей, теплицей и парком, – поместье, которое постоянно расширялось и украшалось с огромным вкусом и затратами.

Хозяином Хуты был пан Кацпер Теренкочи, из венгерского рода, который лишь во втором поколении «ополячился».

Пан Кацпер Теренкочи уже совсем не владел языком своих предков.

Однако, любил в разговоре вставлять венгерские словечки, что должно было подтверждать его мажарские корни.

В Хуту и прибыл Пшемыслав Хожевский из Поланувки.

– *Eljen! Eljen!*⁴ – закричал Теренкочи, когда Хожевский подъезжал к дому, окружив клумбы посреди большого двора.

– Приветствую тебя, дорогой «сосед».

«Сосед» соскочил с коня, передал вожжи конюху, который сердечно приветствовал гостя.

– Ну ты и задержался, братец, – сказал Теренкочи, – а тут у нас в жнивье была дьявольская сарабанда.

– Знаю, – сказал Пшемыслав, – в самом деле, была страшная непогода...

– Да что непогода!... Что четыре дня бури, что два дня дождя! Нет, потоки, ливни, я уже думал, – говорил Теренкочи, порывисто указывая на дворец, – я уже думал, что эту мою будку снесёт, как Ноев ковчег. И скажу тебе, братец, мы зерно доставляли на гумно, как воры. Страх!... В таком настроении человек может взбеситься, или пустить себе пулю в лоб в отчаянии... И скажу тебе, братец, я бы точно учинил то или другое, если бы не блеснула у меня мысль.

– Спасительная мысль, – усмехнулся Пшемыслав.

– Вот именно! Ты угадал, братец, представь себе: мы притащили в парк целые морги березняка, понимаешь?... Там полянка со скалой, оврагом и ручейком... Восьмое чудо света! Наверное, хочешь посмотреть, – спросил пан Кацпер и, не ожидая согласия гостя, взял его под руку и повёл вглубь парка.

Хожевский учтиво хвалил и березняк, и ручеёк, и скалы, и вообще «гениальную идею» пана Кацпера, и, наконец, вежливой улыбкой прикрывая охватившее его нетерпение, спросил:

– Как поживает панни?

– Панни? Конечно, она здорова. Ещё бы не хватало, чтобы она хворала! Только моя жена сейчас очень занята, потому что, видишь ли, братец, – сегодня день съезда гостей и канун бала, а это для хозяйки дома то же самое, что канун битвы для начальника взвода. Моя жена, наверняка, ещё не кончила приготовления. Отправляет гонцов в город по делам, совещается с дворецким, с экономкой, с кухарками, с ключницей и *tutti quanti*⁵... Сейчас даёт последние указы.

– Понимаю, – прервал Хожевский, – пани Ада не имеет времени принять такого раннего гостя, как я, но панна Хелена...

– Что до Хельцы, ничего достоверного сказать не могу, братец, но, наверное, забралась в самую густую клумбу и читает. Смотри –

форейтор Якуш идёт к нам прытким маршем. Это значит, что ветеринар приехал. Представь себе, братец: мой Каштан захромал. Жена конюха занята и пришлось гнать форейтора за коновалом.

– Неприятный казус! – с притворным сочувствием сказал Пшемыслав.

– Вот именно казус, ты прав. Но, давай, идём скорее на конюшню.

– Если пан позволит, я останусь в парке.

– Как хочешь, братец, и вообще. Если Хельцу нигде не обнаружишь, крикни несколько раз: «Ху! Ха!» Я всегда так делаю, и девочка сейчас же отвечает.

Но Пшемыслав советом не воспользовался, а просто вернулся во дворец.

Вошёл.

Видимо, он хорошо знал расположение комнат, прошёл несколько прекрасно обставленных залов, и пару меньших покоев, и задержался у двери, завешанной узорным гобеленом.

Легонько постучал.

– Пожалуйста, – отозвался звонкий и приятный женский голос.

В маленьком кабинете, в который вошёл Пшемыслав Хожевский, находилась молоденькая барышня, поистине несравненной красоты. Черты у неё были мелкие, классические, при тёмных волосах – прозрачность, белизна и нежность кожи ослепляли, овал лица поражал тонкостью, сапфировые глаза блестели.

Девушка была среднего роста, её движения отличались лёгкостью, изяществом, непринуждённостью.

Около неё на столах и ширмах были разбросаны яркие и дорогие предметы бального туалета: вееры, перчатки, драгоценности, банты, гирлянды из искусственных цветов. Стоя перед огромным, вправленным в стену, зеркалом, она как раз надевала на голову такую гирлянду, когда в дверь постучал Хожевский.

– Пан Пшемыслав! – вскрикнула девушка, увидев в зеркале входящего молодого человека. – Пан Пшемыслав!

Она быстро к нему обернулась, подала обе руки, которые он взял в свои ладони, она ответила ему сердечным пожатием и радостно заявила:

– Гость тем милее, что неожиданный!
– Неожданный! – повторил Хожевский. – Но я ведь предупредил, что 20 августа буду в Хуте.

– Правда! – но я хотела ещё добавить: *l'exactitude est la politesse de rois*⁶. Хотя пан точностью напоминает рыцарскую молодёжь, я всё же надеялась, что он вернётся раньше, а когда эта надежда угасла, уже начала удивляться затянувшемуся возвращению. Долго был пан в отсутствии?

– Целый месяц от 20 июля. Я помню дату, потому что это был для меня день...

– Какой это был день?

– День отъезда, – с особым выражением ответил Пшемислав. – Пусть эти слова объяснят...

– Большое огорчение и печаль, – с воодушевлением прервала девушка. – Ах! Понимаю, понимаю, что они значат!

– Пани понимает? – вскрикнул Пшемислав и голос его радостно вибрировал, он не выпускал рук девушки. – Значит, кто-то на самом деле скучал здесь обо мне?... Кто-то слал отсюда отсутствующему добрые пожелания?... Кто-то здесь вспоминал минуты, проведённые со мной?... Пожалуйста, о! пожалуйста, скажи мне, пани.

И столько было рвения, столько нежности в вопрошающем взоре, которым Пшемислав глядел в Хеленку, что слова любовного признания чуть было не сорвались с её уст... но она не могла ответить на эту просьбу, и опустила глаза, и, сразу высвободив руки из дрожащих ладоней молодого человека, шепнула:

– Какая, однако, настойчивость!... А я именно назло пану не отвечу!

– Спасибо, пани Хелена, – рассмеялся Хожевский, – спасибо! Именно «назло» я и так уже всё знаю... А в награду за мою сообразительность прошу принять от меня эти розы.

– *Gloire de France*? ... Чудесные! – радостно воскликнула Хелена. – Сейчас поставлю их в воду, чтоб не завяли, и возьму их с собой на завтрашний бал... Я очень пану благодарна! Прощу тебя, Расскажи, чем так долго занимался в этих Мазовецких равнинах?... Разумеется, я не спрашиваю о всяких деловых

интересах, о «грязной кухни жизни», а только о впечатлениях, знакомствах, развлечениях?

– Для них, – ответил Хожевский, – не было ни времени, ни возможности, а, главное, об этом и думать не хотелось. Знаете, пани, меня вызвал школьный коллега помочь уладить печальные, часто мерзкие и запутанные дела, которые возникают при смерти главы семьи. Так что у моего коллеги меня ждало много работы, и довольно тяжёлой. Время шло быстро, тем более, там богатая библиотека, которая может заменить и приятелей, и развлечения. Зароешься в книги, и тени великанов былых времён, тени богатырей заполняют мою комнату, я им вверяю себя, жалуюсь... прошу совета... можно ли в таком окружении чувствовать себя одиноким?

– Конечно, нет, если пан так считает... Хотя мне трудно понять, как могут воскрешённые воображением исторические персонажи заслонить мысли о живых.

– К живым у меня совсем другие чувства, дорогая пани Хелена. О живых возлюбленных и далёких нам напоминает каждый удар сердца, напоминают сонеты Адама... прекрасные строфы Юлиуша... Впрочем, кто искренно и правдиво любит, тот ни на минуту не забывает о предмете своей любви.

Взволнованный Хожевский умолк... Хелена невольно глубоко вздохнула.

Вдруг в поместье послышался грохот въезжающей кареты.

Оба они сорвались с козетки и взглянули в окно.

Хелена сильно побледнела...

– Знаешь, что?... Знаешь, что теперь будет?... – взволнованно шепнула она, схватив руку Пшемислава. Он взял её дрожащие руки в свои, прижал к своему сердцу и сказал:

– Я не сдамся! Как и подобает мужественным людям, уважающим друг друга, отважно выйдем навстречу опасности.

– Лишь бы не сейчас... По проектам Ады это должно было случиться завтра вечером... Позволь мне придти в себя. Я должна посоветоваться...

* * *

Гайдук в венгерской одежде соскочил с козел и помог выйти из кареты своему хозяину, гостю, что подъехал к дворцу.

Гость был среднего роста, в колпачке с бриллиантовой эгреткой.

Два лакея выбежали ему навстречу. Небрежным жестом он скинул с себя дорожный серый плащ и ни малейшим наклоном головы не ответил на низкие поклоны приветствующих его слуг.

И ни слова не сказал никому. Но как человек, хорошо знающий, где он находится, и что его здесь ждут, направился в парк.

Он прошёл вокруг могучих деревьев и клумб с цветущими кустами, перешёл по мостику через реку, струящую спокойные свои волны среди зелёных и цветущих берегов.

Он прошёл по извилистым аллеям, мимо тенистых шпалер и отблеск драгоценных камней и золотых застёжек отразился на его увядшем и морщинистом лице кирпичным румянцем, — он спешил к большому павильону, белизна стен и голубизна стёкол которого видны были среди тёмно-зелёных пихт издалека.

В павильон вели несколько настежь открытых двустворчатых остеклённых дверей.

Он вошёл.

Длинный стол на несколько десятков человек, накрытый изысканным фарфором, серебром и хрусталём, тянулся вдоль павильона, предназначенного для многочисленного сборища в летнее время.

Несколько садовников заканчивали укладывать букеты цветов в вазоны, украшать стены венками пихтовых ветвей, выделяющих сильный живичный аромат.

Свет, проходящий через голубые стёкла, освещал павильон поэтичным сиянием, мужчина отошёл, окинул всё быстрым взглядом.

— Никого нет, — шепнул по-французски.

Снял колпачок, положил его на консоль одного из больших зеркал, висящих между окнами, поправил завитые волосы и длинные усы.

И, наконец, сел.

Вытащил из бумажника листок бумаги, пахнувший фиалками, на котором женским почерком было написано:

«Дорогой Лолу!

20 августа, в шестом часу пополудни, жду тебя в Хуте. С нетерпением ожидаем: Хела, Кацпер и нижеподписавшаяся, всем сердцем преданная тебе, твоя

Ада».

— Двадцатого августа, — вполголоса по-французски сказал мужчина, — но сейчас и есть двадцатое августа... А час?...

Посмотрел на часы.

— Ага! Всего лишь чуть больше пяти! Значит, я поспешил с приездом на три четверти часа. Но пани Ада, такая проницательная, такая предусмотрительная, такая понятливая — могла бы и допустить, что некто, прибывающий из такой дали, не может быть точным до минуты. Ха! Делать нечего, надо ждать!

И ждал.

А неприятные минуты ожидания пытался скрасить, напевая:

*... Но я слишком люблю,
Чтоб открыть,
Кого я смею любить,
И умереть я готов,
Не назвав её,
Пока жив.*

Любовные строки Мюссе дивно звучали в устах человека немолодого, но он напевал их всё громче, и всё громче повторял:

*Но я слишком люблю,
Чтоб открыть,
Кого я смею любить...*

А, напевая, думал:

— Сто пар дьяволов! Почему не показывается никто из домашних?... Они уже должны знать о моём приезде!

Наконец, появился хозяин.

Пан Кацпер Теренкочи, отирая большим клетчатый платком раскрасневшееся и вспотевшее лицо, бежал, запыхавшись, выкрикивая своё обычное приветствие:

– *Eljen! Eljen!* Братец!

Вошёл в павильон, обнял гостя и запечатлел горячие поцелуи на его щеках.

– Приветствую тебя, дорогой Ласло!

«Дорогой Ласло» не без труда вырвался из объятий, которые грозили полной разрухой его тщательно завитой шевелюре.

Он покосился в зеркало и, убедившись, что причёска и усы в порядке, сказал:

– Как живёшь, дорогой Кацпер?... Видно, что хорошо, от тебя так и пышет здоровьем.

– Некогда мне болеть, дорогой мой, – ответил Кацпер. – Ну, ты, братец, отменную добыл себе четвёрку. Сам император Наполеон мог бы тебе позавидовать. Наверное, у него такой нет, даже не могу представить, что у него может быть подобная. Только возница у тебя – горе-возница. Как только он взял вожжи в свои лапы, одетые в перчатки, я сразу понял, что он такое есть! Попросту: каналья!... На мой нрав, ну! в пять минут выгнал бы его туда, где и перец не растёт.

Гость небрежно махнул рукой, а пан Кацпер спросил с нескрываемым любопытством:

– И сколько ты дал за эту четвёрку?

– Ох! – поморщился Ласло. – Не обижайся, но давай о конях поговорим как-нибудь потом. А сейчас скажи, будь любезен...

– Дорогой Лолу! Приехал?... Как же я рада, – слышался женский голос, дрожащий от смущения, и в павильон вбежала пани Теренкочи.

Это была брюнетка с чёрными пламенными глазами, с ярким румянцем на белом лице, как лепестки камелии, с устами цвета граната, высокая, с величественной осанкой, – её красота была из тех, что сразу бросается в глаза и навсегда привязывает к себе.

– Дорогой Лолу! Как же я рада, – ласково повторяла она, приближаясь к гостю с протянутыми руками, которые он взял в свои, пожал, притронулся к ним губами и, отпустив, сказал:

– Я благодарен тебе, Ада.

– Садись, отдохай, Лолу, прошу тебя. Ты, наверное, устал с дороги. Налить тебе чаю? А, может, Лолу, хочешь мороженого?

– Если можно выбирать, я попросил бы чаю.

– Кацпер! Будь добр, прикажи подавать чай. Я не видела, когда ты приехал, Лолу, я всегда так занята! Нам так не хватает хорошо вымуштрованных слуг.

– Хозяйки дома жалуются на это по всей Европе.

– Так вот! Всё надо самой решать, за всем самой смотреть, так что хозяйственные дела занимают у меня невероятно много времени...

– Бедняжка!

– Утешаюсь тем, что приготовления для приёма гостей всегда так приятны и не так уж затруднительны.

– От имени всех твоих гостей сердечно благодарю тебя, Ада!

– Ты прямо из Парижа, Лолу? Ты привёз нам, наверное, уйму политических новостей, и из области моды – тоже? Скажи мне, императрица Евгения ещё носит кринолины и такие невероятно широкие платья?... Я буду просто счастлива, когда эта гадкая мода отойдёт, хотя Хела и я не очень её придерживаемся.

– Это доказывает, что у вас более изысканный вкус, чем у других женщин.

– А императрица Евгения всё такая же красивая?

– Стоит ли говорить о красоте императрицы Евгении в твоём присутствии, Ада?

– Ты мне льстишь.

– Нисколько, просто констатирую факт.

Ада склонила свою красивую головку, как бы в знак благодарности.

– *Flatteur!*⁷ Всегда элегантный, всегда цветущий, – рассмеялась она, положив свою мягкую душистую ладошку на костистую сухощавую руку гостя.

– Ну, будь же любезен, Лолу, – начала разговор Ада после минуты затаившегося молчания, – расскажи, что видел и слышал в Париже и в пути?

Пани Теренкочи, поглядывая в парк, говорила с неестественным оживлением, вертя в руке батистовый платок, поправляя браслеты и перстни, и поглядывала на мужа.

Простак Теренкочи кашлял, потел, пожимал плечами и, наконец, расстроено воскликнул:

– Если бы я только знал, о чём речь, если бы знал, чего ты добиваешься, душенька моя любимая?

– Да уж, Кацпер догадливостью не грешит! – рассмеялся Ласло. «Любимая душенька» вторила ему принуждённым смехом.

Тем временем слуги внесли чай, а Кацпер, пользуясь маленькой уловкой, уже вошедшей в обиход, испарился под предлогом, что слышит грохот въезжающей кареты.

Ада и Ласло остались одни...

Дом семейства Теренкочи славился гостеприимством.

Ежегодно в Хуте проводились несколько охот, несколько собраний с танцами, которые длились по неделе и более, и гости на них съезжались из самых отдалённых околиц края.

В ту эпоху традиция настоящих охот у нас ещё сохранилась.

Ещё было о чём беседовать...

Трёхпольное хозяйство ещё приносило высокие доходы...

За пшеницу и шерсть нам ещё отлично платили.

А с другой стороны – со стороны чувств, раны, нанесённые польским семьям в сороковых годах⁸ уже несколько затянулись.

Уже во многих домах сняли траур, который носили с тех лет. Уже царский Манифест 1856 года вернул из Сибири под родные крыши многих участников событий сороковых годов.

На Парижском конгрессе, а потом также российский посол, князь Орлов, огласил на весь мир, что молодой царь Александр II настроен к Полякам наилучшим образом и намерен осыпать их милостями...

Итак, на польском небе зажглись светлые утренние надежды...

Магнетические порывы симпатии питал наш народ к молодому монарху...

И Александр II действительно вернул к жизни Жечь Посполиту.

В Вильно молодой монарх услышал, что: «Задрожали Ягеллоновы останки», когда он вступил в стены Гедиминова города.

Варшава тоже подготовила ему приём, полный энтузиазма...

И молодой красивый монарх в Лазьенковском театре милостиво изволил искренне восхищаться живыми картинами, в которых не последнюю роль играли красивые польки...

И в самом деле, на балу, устроенном городом, он изволил присутствовать и милостиво разговаривал со счастливыми участниками праздника.

Но к депутации чиновников обратился с такими словами: *point des reveries messieurs*⁹.

После этих слов наши большие надежды развеялись, как хрупкая, тонкая паутинка... как обманчивые миражи...

После этих решительных слов, над всем краем повеял морозный ветер, как от льдов Северного Океана...

Однако польская Душа крепка, непобедима, как сталь, закалённая в огне.

И Душа эта шепчет неустанно:

– Не теряй надежду!

Не было также в ту пору недостатка в обнадёживающих сведениях из-за границы.

Так: трое поляков, российских офицеров: Падлевский, Сераковский, Звёздовский, которых российская власть послала в Париж, чтобы ознакомиться с организацией французской армии с целью провести реформы в системе российского войска, привезли вести о том, что в Париже образовалось новое патриотическое движение, поскольку наша эмиграция время не теряла, а по-прежнему действовала.

Так: из польской военной школы в Кунео шли вести, что «в случае чего» Гарибальди поспешит к нам с действенной помощью.

Так: молчащий Сфинкс на французском троне, Наполеон III, загадочно улыбался, всякий раз, как в Тюильри кто-нибудь поминал о Польше...

Так: в английском парламенте в речи одного из виднейших мужей страны звучали намёки, благоприятные для Польши...

И всё это, вместе с многими иными конкретными действиями, должно было означать, что Европа не теряет из вида и не забывает «польский вопрос».

Английские и французские газеты бесцензурно получали из-за границы.

В каждом многочисленном собрании всегда находился гость, только что из-за границы, который привёз множество интересных политических новостей.

Их передавали друг другу вполголоса, их комментировали, согласно собственным убеждениям, надеждам... Эти новости радовали...

Прояснялись лица, улыбались уста, сердца ускоренно бились.

И тогда какой-нибудь шляхтич из старшего поколения, с огрубевшим лицом и поседевшими усами, экс-щегиевский, либо экс-участник Союза Молодёжи, либо сибиряк, садился за фортепьяно и узловатыми пальцами наигрывал на клавишах или напевал басом либо баритоном Марш Легионеров...

А потом кто-нибудь из молодёжи вставал посреди зала и с горячностью декламировал:

*Эй, плечом к плечу! Сомкните цепи,
Окружим земский круг,
Все мысли к единой цели,
Наши души – к единому очагу и т.д.*

В такие минуты невольно некая магическая волна притягивала сердца и души друг к другу в единую надежду.

Молодёжь спрашивала барышень:

– Сошьёт ли панне хоругви для уланских пик?

– Вы ещё спрашиваете!

А иной влюблённый тихонько шептал своей избраннице:

– Вы бы заплакали над моей могилой?

– Ах! Что пан говорит... Как можно думать о таких скорбных вещах! – со слезами на глазах отвечает барышня. – Я вышью пану бумажник и дам реликварий, который один из моих предков носил на груди, когда был под Псковом со Стефаном Баторием – и вражеская пуля не коснулась его ни разу.

Примерно так в шляхетских поместьях кончались вечера перед началом манифестаций...

*Slavus saltans*¹⁰ превращался в патриота-заговорщика.

.....
.....
.....
.....
.....¹¹

* * *

Вошли несколько молодых ближайших соседей Хуты и прервали весьма оживлённую и доверительную беседу Ады с Александром Теренкочи.

Прибывали всё новые и новые гости.

Пан Кацпер, приветствуя мужчин, каждого хватал в объятия и сердечно целовал в обе щёки.

Целовал ручки дам.

Приветственные возгласы, поцелуи, объятия, сердечные признания, разные вопросы, перекрещивающиеся ответы – всё это образовало в павильоне такой шум и гам, и такое оживление, что этим воспользовалась пани Ада, которая с улыбкой на устах, но с морщинкой меж бровями и хмурым выражением лица, подошла к мужу.

– Кацпер, – спросила он в полголоса, – где Хела?

Муж пожимал плечами, долго качал головой и ответил:

– Не знаю, дражайшая. Я Хелу не видел с обеда и понятия не имею, где она и что делает.

– Ах! какой ты недогадливый, Кацпер! Какой недогадливый! – сокрушалась пани Ада. – Как только приехал Ласло, я пыталась дать тебе понять, что ты должен поискать Хелу и привести её... А ты – ничего! Ну, ничего! Только таращил на меня удивлённые глаза. Нет в тебе никакой тонкости...

– О, это точно, точно, – нет у меня тонкости. А ещё я не умею отгадывать твои мысли, Ада, и не понимаю пересказанных тобой событий... Прости, моя дражайшая, – оправдывался проstack, обиженный выговором жены.

– Может быть, знаешь, Кацпер..., – продолжила Ада, расстроганная покладистостью мужа...

Он прервал её, радостно воскликнув:

– О волке речь, а волк – вот он!

– Какой же ты нехороший, шурин! Называешь меня волком, а по какому поводу? – со смехом ответила Хелена, входя в комнату.

За ней сразу же показался Пшемислав Хожевский. Явление этой красивой пары вызвало общее оживление.

Женщины разглядывали их завистливо и любопытно.

Мужчины поднялись со своих мест. Некоторые украдкой поглядывали в зеркало, поправляя галстук, шевелюру, подкручивая усы.

Для торжественного приёма они выстроились в два ряда, склонив голову перед Хеленой, как перед королевой.

Она вошла лёгким шагом, тоненькая, подвижная, улыбающаяся, в белом муслиновом платье, вопреки сегодняшней моде, слегка присборенном в талии, затянутой розовым кушаком, с пучком лесных гвоздик у горла и в волосах.

Раскланиваясь и обмениваясь любезностями с присутствующими, она шла вглубь павильона, где сидела самая старая и уважаемая матрона, которая на её искреннее и милое приветствие ответила множеством чувствительных слов любезностей и комплиментов, слишком цветистыми, чтобы быть искренними, а не простой лестью.

К ней подошёл Александр Теренкочи.

– Позволь, пана Хелена, высказать моё восхищение, низжайшее и полное почтение, – сказал он с глубоким поклоном, – разве ты не соизволишь меня, своего вернейшего почитателя и слугу, одарить хоть бы одним словечком, хоть одним благосклонным взглядом? Не соизволишь ли поприветствовать меня?

Он говорил с пафосом, с мелодраматическими позами и жестами.

Хелена подала ему руку и весело ответила:

– Приветствую пана Александра! Приветствую со всей сердечностью, как и положено к родственнику моего любимого шурина.

– Значит, только родством с Кацпером я обязан любезности пани? – октавой тише спросил Теренкочи.

Внимательно прислушиваясь к беседе сестры с Александром Теренкочи, пани Ада вмешалась, а Хелена удалилась.

– Ну что опять? *Quelle idee!*¹² Дорогой Ласло, ты сам убедись, что твои подозрения беспочвенны, совершенно беспочвенны! – упорно повторяла Ада.

Александр склонился в знак благодарности и взаимопонимания.

Тем временем общество поделилось на многочисленные группы – там были особы разного возраста, разных взглядов и разного умственного развития.

Наиболее численны, правда, и наиболее шумны были те группы, в которых старшие паны беседовали об ежегодных сборах урожая, что опаздывали из-за дождей, и одновременно составляли немыслимые гороскопы, что до цен на зерно и ожидаемых трудностей при сохранении инвентаря в зимнее время.

В группах из молодых людей и барышень говорили о литературе, более всего о повестях Крашевского и Жорж Санд... Сталкивались мнения и убеждения...

Остро спорили между собой критика и энтузиазм, то по поводу нашего писателя, который пытался возжечь в польском народе новые идеи, новые чувства, указать новые дороги и новые светочи, то по поводу реформаторских идей и призывов к эмансипации французской писательницы...

Дамы постарше сообщали друг другу разные секреты, конечно, не свои собственные, а лишь касающиеся самых дорогих и близких...

Рассказывали друг другу свежайшие соседские новинки, щедро приправленные если не «аттической солью» остроумия, то самым настоящим польским злословием.

Начало смеркаться.

Слуги зажгли лампы и свечи в канделябрах и жирандолях.

Пан Кацпер и пани Ада пригласили гостей к столу, на котором красовались печенье и сладости, в окружении фруктов, живописно разложенных на серебряных этажерках и хрустальных блюдах, среди ваз с букетами цветов и хрустальных амфор с мёдом и вином.

Приглашение на закуску порушило сложившиеся компании.

Дебаты, дискуссии, споры, болтовня утихли, как по команде.

А когда старшие заняли высшие места у стола, молодёжь на нижнем конце уселась парами, что образовались по мимолётной симпатии, либо по глубокому длительному чувству.

Александр Теренкочи, который до того разговаривал только с хозяйкой дома в укромном месте, издали наблюдал за группой, в

которой находилась Хелена, хмуро обратил внимание Ады на необычное оживление её сестры.

– Хела очень живо, очень горячо интересуется литературой и всем прекрасным, изящным, благородным... Я так её и воспитала, – ответила Ада, в душе разделяя, однако, сомнения своего привилегированного гостя.

Однако, если бы кто-нибудь вблизи внимательно присмотрелся к Хелене, легко заметил бы, что весёлость её показная и скрывает сильные смятения... Что в то время, как она спокойно улыбается и всякий раз подбрасывает в дискуссию остроумный поворот, – сердце её охвачено тайной тревогой, под покровом прозрачного муслина грудь её дышит бурно в предчувствии несчастья, которое вот-вот должно её настигнуть, которому она не сможет сопротивляться, с которым ей будет трудно, очень трудно бороться, и что борьба ей эта будет не по силам...

– Я должна бороться и победить, и так будет! – решает бедная девушка, и утешается свои решением.

Потом тревога охватывает её вновь... Она невольно глубоко вздыхает... Болезненная гримаска касается её прелестного ротика...

– Его что, тарантул укусил? Или он с ума сошёл внезапно?... Или что? Он – всегда такой любезный, такой «сладенький», как малиновая помадка, всегда выглядел воспитанным человеком из высших сфер общества, а сейчас... сторонится всех вокруг и держится, как пьяный мужик на ярмарке.

Примерно так говорила помещица, из волости, соседствующей с Хутой, дама в жёлтом бархатном *sachereign*^{e13} с бриллиантовой брошкой под обвисшим подбородком, в огромном кринолине, задрапированном жёлтой шёлковой юбкой с тремя воланами.

Высказанные претензии, правда, довольно обоснованные, относились к Александру Теренкочи.

Когда гости толпой двинулись к столу, он, желая застолбить себе место около Хелы, вопреки своим привычкам, забыл о вежливости, и пытался протолкнуться к группе, где царил сестра пани Ады.

Всего один шаг отделял его от Хелены...

Он уже протянул к ней элегантно закруглённую руку и с самой своей обворожительной улыбкой сказал:

– Я ваш слуга!

А в это время, быстрым, как молния, движением, его опередил Пшемислав Хожевский, и проводил к столу прекрасную барышню...

И так они сидели за столом, по обе стороны девушки, среди весёлой, непринуждённой, молодёжи.

Кто-то из молодых рассмеялся:

– Остался на бобах!

Последовал смех. Несколько голосов вторили этому смеху, и кто-то добавил:

– Плохая примета для бедолаги!

Этот смех, эти слова показались Александру смертельной обидой.

Охотно вызвал бы он на поединок и порубил бы всех этих бессовестных шутников, но сделать этого не мог.

Ибо – на каком основании?...

Никто из них не назвал ни его имени, ни фамилии...

Никто не обратился к нему с оскорблением или насмешкой.

Значит, надо совладать с обидой, с гневом, и он хмуро приглядывал место, где бы сесть, чтобы никто не заметил конфуза, в который он попал.

Хозяйка дома, однако, заметила озабоченность своего приятеля.

Быстро подошла она к Александру.

– Я тебя искала, Лолу, дорогой, – сказала она приязненно. – Смотри, там, посреди клумбы я велела приготовить семейный столик... Здесь мы сядем в самом тесном родственном кругу. Сядем вчетвером: Кацпер, я – ты и Хеленка...

– Дорогуша! – обратилась она к сестре. – Пойдём с нами!

– Если позволишь, – ответила Хела, подняв на Аду свои прекрасные прозрачные глаза, – я останусь, где сижу. Мне тут весело и приятно!

– Уверена, с нами тебе было бы не менее приятно и весело.

– Не хлопочи, дорогая Ада, согласишься: *le mieux est l'ennemi du bien*¹⁴, так что я останусь, где я есть, – решительно сказала Хелена.

* * *

Весь небосвод горел пурпуром, словно хотел вновь разжечь уже угасающий погожий день.

Пшемислав Хожевский доезжал до Хуты.

Четвёрка породистых сивых уносила его в коляске.

Кучер Вицуш, молочный брат Поланувского помещика, а потому очень с ним фамильярный в обращении, весёлый и озорной паренёк, в ливрее с пелериной, густо шитой золотыми и серебряными позументами, обернулся с козел и, сдвинув набекрень свою красную конфедератскую шапочку с павлиньим пером, сказал:

– Коняшек подгоним и вскоре будем в Хуте, панич!

Он весело рассмеялся и, многозначительно подмигнув, добавил:

– А кто больше всего пану обрадуется, это я знаю лучше всех.

– Слишком ты уверен в домыслах, Вицуш! – усмехнулся Пшемислав.

Хотя он тоже надеялся на сердечный приём и был уверен, что в Хуте есть некто, для кого он самый желанный и дорогой гость...

Со вчерашнего вечера золотые сны оведали его, а в душе он лелеял надежду на счастливейшее будущее...

Дворец в Хуте от подвалов до крыши был освещён *a giorno*¹⁵.

Когда прибыл Хожевский, изнутри доносился оживлённый и весёлый говор.

Теперь уж и вправду съехались гости из всей околицы. Те, что были из далёких околиц, оставались здесь с прошлого вечера.

Хотя залы были необычайно просторны, всё же в них толпе было тесно.

Хожевский с трудом протиснулся через толпу, занятую только собой, – толпу, где никто никого не приветствовал, а его появление вообще никто не заметил.

Для Пшемислава эта шумная толпа тоже как бы не существовала.

Он высматривал только Хелену...

Вчера они договорились, что она станет его ждать в одном из боковых малых кабинетов...

Она предложила это ему сама и торжественно обещала.

Однако же, ни в условленном месте, и нигде поблизости, да и вообще во всём этом сборище, Хелены не было...

Зато он сразу же встретил особу, которую менее всего хотел бы видеть, – панну Аду...

Задержавшись на минуту, она своим альтиновым голосом процедила сквозь зубы какие-то банальности и поспешно отошла, оставив за собой сильный аромат магнолий, которым пропитаны были её волосы и дорогое шёлковое платье.

Если бы Хожевский встретил хозяина, он прямо спросил бы его о Хеле.

Но пан Кацпер, всегда благодушный любитель поболтать, в этот вечер был в дурном настроении.

Кружил по залам, хмурый, задумчивый, часто останавливался где-нибудь в уголке и жестикулировал, как бы в ответ каким-то своим мыслям, которые его беспокоили, или каким-то событиям, с которыми ему трудно было согласиться, угнетённый какой-то ловушкой, из которой ему не удавалось выбраться...

А общество было поглощено беседой, новостями, которые привезли несколько варшавских гостей, – но некоторые заметили, что хозяйка дома, обычно полностью во власти гостей, и постоянно пребывающая среди них, – в этот вечер появлялась редко и мелькала, как метеор, а панна Хелена, которая всегда помогала сестре в приёме гостей, сейчас вообще не вышла... И Александр Теренкочи тоже не показывается... И по светлым и нарядным салонам, словно невидимая зловредная птица, кружила молва:

– Что-то здесь происходит...

Несколько особо любопытствующих дам осаждали пана Кацпера:

– Неужели мы не увидим сегодня вашу прекрасную сестрицу?... Ни вашего кузена, пана Александра Теренкочи?

– Странные вопросы! Почему нет? – отвечал озабоченный простак, пытаясь как-то уйти от ответа.

.....

Наконец, Пшемислав её увидел.

В столовой, у главного стола, накрытого богаче всех остальных, сидела она, прекрасная, как всегда, но как же непохожа на ту

Хелену, с которой он тут, в этом самом месте, вчера говорил, с которой вчера прощался, как же *эта* была не похожа на *ту* Хелу!

Длинные ресницы опущенных век наложили тени на её деликатные щёки, бледные, как лепестки белой камеи.

Уста её были решительно замкнуты, глубокая борозда наметилась на лбу между бровями.

Она была одета в светло-голубое платье из тяжёлого шёлка, слишком тяжёлого и неподобающего для такой юной девушки...

Вчера она собиралась украсить себя розами *Gloire de France*, которые Хожевский привёз ей из Поланувки.

Но украсила она себя не розами, а бриллиантами...

Их было на ней множество: кольцо и диадема, и браслеты... Так что словно лунное сияние окружало эту девичью фигурку, такую красивую, и в этом богатом уборе – такую холодную, печальную, молчаливую.

Около Хелы место занял Александр Теренкочи.

В своём дорогом живописном венгерском костюме, задиристо подкрученными усами, он оглядывал всех с видом победителя, который после долгой и упорной борьбы, наконец, достиг цели своих горячих надежд и желаний.

Теренкочи постоянно наклонялся к Хелене, притворно доверительным движением, и что-то ей говорил вполголоса...

Она отвечала наклоном головы, ни разу не подняв глаз.

Такое поведение обоих, эта печаль Хелены и необычайно сияющий вид Александра, просто бросались в глаза всему обществу, привлекало внимание всех, будоражило общее любопытство и вызывало комментарии и злословные предположения, которые кокетки и мужчины сообщали друг другу недомолвками, полуулыбками и выразительными взглядами.

– Что это? Что это всё значит? – думал Хожевский, издали наблюдая за любимой девушкой...

Страшное подозрение закралось в его сердце...

Он знал, что Александр Теренкочи давно пытался получить в жёны Хелену, видел все его попытки, равно и мощный напор пани Ады, который наталкивался на нежелание её сестры.

В то время, как Кацпер Теренкочи приобрёл Хуту и стал в ней жить, Пшемислав Хожевский вернулся из Гриньона в свою Поланувку.

Невдолге между соседями завязались тесные тёплые отношения.

Помещик Хуты искренно полюбил молодого человека, который познакомил его с местными условиями, он сам не раз пользовался его ценными советами в разных агрономических вопросах. Панне Аде тоже нравился удивительно красивый, интеллигентный, образованный Пшемислав Хожевский.

Она так приветливо приглашала его бывать в Хуте, что вскоре его визиты стали ежедневными, даже когда суровой зимой снега заматали все дороги, когда поместье Теренкочи, вблизи гор, оказывалось полностью изолировано от почты и всех средств связи.

Магнитом, что тянул владельца Поланувки в Хуту, была сестра Ады.

Хелена и Пшемислав сразу же полюбили друг друга. Сестра Хелены на это чувство молодых смотрела весьма благосклонно, поскольку кроме приданного, Хела ни на что не могла рассчитывать. Разве что на щедрость и добрую волю шурина. Так что владелец Поланувки, учитывая его имущество и привлекательные черты ума и характера, был, конечно, хорошей партией.

Правда, формальной помолвки ещё не было.

Однако Пшемислав и Хела поклялись друг другу пожениться, с полного согласия Кацпера и молчаливого позволения его жены Ады, так что они строили проекты счастливой совместной жизни в недалёком будущем.

Неожиданно в Хуте появился кровный родич владельца Хуты, Александр Теренкочи.

Пятидесятилетний эпикуреец, который на жизненном пиру долго вкушал всяческие утехи и был ими пресыщен – бывший сердцеед, благодаря женщинам совершенно потерявший голову, с первого взгляда на Хелу воспылал к ней любовью и при первом же приезде в Хуту попросил руку красивой девушки.

Эта просьба магната, владевшего несметными доходами, обрадовала и ослепила Аду.

С её помощью сестра оказалась обручённой вопреки собственному желанию и отнюдь не по своей воле.

Напрасно Ада соблазняла неопытную девушку, рисуя перед ней блистательную перспективу жить на арене большого света, среди сливок самого высшего общества европейских столиц.

— Мне не нужны ни светскость, ни богатство... Тихая жизнь в деревенском доме вполне достаточна для счастья... Пана Александра Теренкочи я не люблю и чувствую, что не могла бы пробудить в себе даже симпатии к нему, и никогда не смогу его полюбить, — так неизменно отвечала Хела на униженные просьбы влюблённого претендента и на соблазны сестры сопротивлялась долго и мужественно...

Наконец, согласилась...

— Какие аргументы победили её отпор?

— Чем склонили её дать согласие?

— Ведь не далее, чем вчера она ещё вся дрожала от тревоги перед помолвкой с Александром Теренкочи... — Ещё вчера перед завтраком она весьма выразительно дала ему понять, что его общество ей немило и нежеланно...

Так размышлял Пшемислав, пытаясь распутать этот ребус, который казался уже не поддающимся разгадке и рушил самые дорогие его надежды, перечеркнув счастье всей его жизни...

Между тем, обед близился к концу. Гостей обносят десертом...

Лакеи наливают шампанское в фужеры гостям.

Пан Томаш Бадушинский, стареющий кавалер, известный ритор Киелецкой и Сандомирской земель, который на всех празднествах и семейных торжествах выступал с речами, подымается и подаёт знак рукой, что сейчас будет говорить.

Шум стихает, глаза собеседников поворачиваются к нему.

Пан Томаш, встав, выпрямился, высоко подняв голову, задумчиво оглядел гостей.

Следует несколько минут молчания, будто оратор пытается внутренне сосредоточиться.

Наконец, свою речь он начинает с исторических воспоминаний.

Говорит о братстве оружия, объединяющем венгров и поляков... напоминает, что Венгрия и Польша взаимно давали друг другу королей.

— Начинает с «высших Парнасов, от давно минувших лясов», интересно, к чему он ведёт? — шепнул соседу один из молодых шляхтичей у бокового стола.

— Не бойся! — отвечает сосед. — Пан Тадеуш Бадушинский всегда знает заранее, что намеревается сказать, и какова его конечная цель. От него и мы узнаем, только нужно набраться терпения, потому что словесный поток пана Томаша исчерпывается нескоро.

Так оно и было!

Пан Томаш начинает закругляться, как раз когда, наконец, замечает, что внимание слушателей ослабевает и рассеивается...

И тогда, более или менее удачным поворотом, он заканчивает воспоминания из истории Венгрии и Польши, поднимает вверх фужер с шампанским и изо всех сил своих сильных лёгких кричит:

— Пание и пановие! Предлагаю тост за взаимопонимание обручённых: панны Хелены Ижевской и пана Александра Теренкочи! Да здравствует!

— Да здравствует! — повторяют сколько-то голосов.

Тост вызывает прежде всего огромное удивление, почти никакого восхищения, разве что искреннюю зависть, а, может, и энтузиазм.

— Влюблена была в Хожевского, а помолвилась с этим старым Ловеласом, нет, в этой прекрасной девице чёрная душа! — шепчутся между собой молодые приятели Пшемислава. Не скупятся они также на слова возмущения и презрения к Хелене, равно и на едкое злословие в адрес жениха.

— Продаётся за бриллианты, за парижские туалеты, за имения, которыми Теренкочи владеет в Галиции и в Венгрии... Этот отвратительный старик за своё золото покупает её, как рабыню в гарем.

Такие шёпотки кружат в обществе за столом.

Однако особа, в которую направлены все стрелы, сидит бледная, молчаливая, как жертва перед убийством.

На пожелания, которые она слышит в свой адрес, как бы по принуждению высказанные, отвечает очень тихо, опустив взор вниз.

Один только раз подняла она очи и тогда... встретились они со взором, пронзительно устремлённым в неё Пшемиславом...

Горячим румянцем покрылось её лицо под этим взглядом, пытающимся заглянуть в тайники и глубины её души...

Её прекрасные печальные, полные слёз глаза умоляли:

– Прости! Ах! Если бы ты знал всю правду.

Его суровый взгляд отвечал:

– Ты поступила подло!...

.....
.....

Молодой месяц высеребрил дорогу, которой Пшемислав Хожевский возвращался из Хуты в свою Поланувку.

Тишина, которую нарушал лишь грохот колёс двуколки, царит на полях, среди которых широкой полосой тянется дорога...

Буря будоражит душу молодого человека, при воспоминании, что вчера Хела прижималась к его груди и говорила ему: «Люблю тебя, я буду твоей женой, а Александру решительно откажу...».

Так влюблённая девушка говорила вчера, а сегодня... а сегодня она помолвлена с тем, кому намеревалась решительно отказать.

Вицуш всё время беспокойно вертелся на козлах, то сдвигал со лба свою конфедератку с павлиньим пером, то надевал её набекрень, он откашливается, будто готовится сказать речь, и, наконец, оборачивается к Пшемиславу:

– Люди говорят, что бабы – сплетницы, а я пану говорю, что и мужики сплетнями тоже не брезгуют, и языки у них не короче бабьих. Дело было так: перед полночью в официантскую, где мы, кучера, ужинали, вошёл Ян, лакей, с такой новостью: вроде объявлено о помолвке барышни Хелы с тем родичем владельца Хуты, с этим, с Александром. Я тут же собрался дать Яну по морде, чтоб такие басни не разносил.

– К счастью, ты так не сделал, Вицуш, – ответил Пшемислав. – Лакей Ян сказал правду.

– Пан никак шутит!

– Поверь, что нет.

– Раны Христовы! Так ведь паньенка Хела вроде уже раньше была невестой пана. Вся околица про это знает. Даже сам ксёндз пробст из Биелин знает.

– Мы и правда пообещали друг другу пожениться. Но панна Хелена сегодня со мной порвала.

– Вот так дела!... И что пан собирается делать?

– А ты что бы сделал, Вицуш, на моём месте?

– Что я бы сделал? А я бы сказал бы: из моего сердца, из моей души, из моих мыслей, из памяти моей изгоняю навеки, предательница!

– Ты мудрый парень, я так и сделаю, Вицуш, – усмехнулся Пшемислав.

И тут же подумал:

«Прочь из моей памяти!...

О, ну разве этого приказа послушаются моя и твоя память!...».

* * *

– А!...

– Ясновельможный пан, падаю к ногам вашим! Ваш слуга, ясный пан. Я в Варшаву приехал по делам имения, а также за новостями, что творятся на свете.

Так сказал мужчина средних лет и среднего роста.

Держался он просто. Его выправка и движения выдавали бывшего военного.

Одетый, как путешествующий служащий, в разговоре и общении он пытался быть вежливым, низко кланялся, держал себя покорно. Переступал с ноги на ногу, быстро и многозначительно взглядывал на молодого человека, который стоял перед ним, пытаясь за улыбку скрыть недоумение и беспокойство.

Экс-военный продолжает свой монолог.

– Я привёз с собой образцы зерна и гороха. Может, ясный пан поглядит на них и посоветует какого-нибудь порядочного купца. Я уже к скольким обращался, но это всё мошенники, прохвосты, деляги! Такие цены давали, что и сказать стыдно!

Молодой человек, наконец, разобрался, в чём дело.

– Отлично, что мы встретились, – отвечает, – я могу помочь вам продать зерно, я вам дам адреса купцов, с которыми вы без всяких хитростей сторгуетесь, пошли!

С улицы Видок, где они встретились, поворачивают на Братскую, потом на Спитальную.

Входят в подворье двухэтажного каменного дома, около Варшавской площади.

В маленьком помещении из двух комнат, прихожей и кухни, на втором этаже застают несколько мужчин.

Там Опьенский, Йезиораньский, Жулинский, Мукланович, ксёндз Юзеф Стецкий.

И тут же, молодой, энергичный, жизнелюб, полный инициативы и отваги, студент Варшавской Главной Школы, с медицинского факультета, Зигмунт Ласковский¹⁶.

Новоприбывший молодой человек, Пшемислав Хожевский из Поланувки, знает их всех, он их приятель и содеятель, и тут же познакомил с ними мужчину, которого с собой привёл.

Это Валентий Левандовский¹⁷, о намечающемся приезде которого из Парижа пришло сообщение в Центральный Комитет, так что в Варшаве его уже ждали, но Хожевский об этом ещё не знал.

И сейчас он говорит, как удивился, увидев пана профессора на улице, как раз перед домом, где размещается, а, вернее, скрывается типография Рух. Как пан профессор одним взглядом дал понять, что в варшавских кругах он – не профессор Батиньольской школы, а занимает место официального чиновника по земледелию.

Валентий Левандовский объясняет, почему сейчас выступает именно в такой роли...

По вызову Центрального Комитета, прямо из Парижа, он прибыл в Варшаву и остановился в Немецком Отеле, на улице Долгой.

На следующий день после своего приезда, когда он направился на место сходимки, указанное ему конспираторами, двое полицейских задержали его как лицо подозрительное, и проводили в участок на Новом Свете.

Пару часов Левандовский под арестом ждал комиссара.

Когда чиновник, наконец, появился, Левандовский был весь напряжён и глубоко возмущён.

Валентий представился комиссару, как эконо́м, работающий на хозяина, которого послали в Варшаву за образцами зерна и семян, показал безупречно легальный паспорт, выданный главой волости, недалеко от столицы.

Тем не менее, его провели под конвоем в участок на улице Медовой.

Комиссар этого участка предпринял тщательный обыск в Немецком Отеле в комнате, где Левандовский ночевал.

Кроме весьма скромного гардероба и маленьких мешочков с зерном, пшеницей и семенами клевера, ничего подозрительного не нашлось.

Таким образом, зерно и семена полностью подтвердили, что «подозреваемая особа» таковой не является, а, напротив, вполне достойная доверия и благонадежная, и как таковая должна быть освобождена из-под ареста.

Затем между Валентием Левандовским и комиссаром участка на улице Медовой завязался следующий диалог.

Комиссар. Пан может идти и заниматься своими делами.

Валентий Левандовский. Низко кланяюсь и благодарю пана комиссара за милостивое позволение. Но прежде, чем уходить, прошу пана комиссара соблаговолить дать мне инструкцию, по каким улицам в Варшаве мне дозволено ходить?

Комиссар. Как так, по каким улицам?... Пан шутит?... Ну, по всем, надо полагать, по тем, с которыми связаны интересы и дела вашего шефа. Что за бессмысленный вопрос?

Валентий Левандовский. А я, прошу прощения, пан комиссар, с сегодняшнего утра стал настоящим трусом. Я, человек спокойный, ни во что не мешаюсь, приехал в город вчера, переспал в номере, ни с кем словом не перемолвился, утром выхожу на улицу... меня хватают господа полицейские, как злоумышленника ведут, тащат сюда, а я Божьим духом клянусь, так и не знаю, за что?

Комиссар. За что?... Но тот дом, в который пан вошёл, сильно скомпрометирован!

Валентий Левандовский. Тот дом, в который я вошёл, сильно скомпрометирован, прошу прощения, пан комиссар, а за что?

Комиссар. Это пана не касается!!

Валентий Левандовский. Конечно, это не моё дело! Тогда прошу покорно, пана комиссара, доброделя, как мне можно было бы узнать, какие дома в Варшаве «скомпрометированные»?

Комиссар. Ну-ну! Хватит болтовни, иди, пан, своей дорогой.

Валентий Левандовский. Слушаюсь пана комиссара, доброделя.

Кланяется, и не торопливо, а очень естественно, ничуть не напрягаясь, выходит.

Этот рассказ Левандовского среди собравшихся вызывает искреннее веселье и огромное удовлетворение, что ему так искусно удалось ускользнуть из рук полиции, и без препятствий выйти из такого по настоящему опасного происшествия.

В те времена (то есть в конце декабря 1862г.), немного можно было найти причин для юмора и смеха...

Кто в эту пору, прощаясь с приятелем *сегодня*, мог бы поручиться, что поприветствует его *завтра*?...

Кто мог бы предвидеть *утром* в ту пору, что *вечером* его не вынудят проститься со своей самой близкой роднёй... расстаться надолго, а, может быть, и навсегда?...

Но вот разговор этих людей, собравшихся в квартире на улице Спитальной, вновь стал серьёзным, и перешёл на дела, которые всех касались.

Каждый из участников этого собрания добавлял какие-нибудь соображения.

Либо какое-нибудь известие, кружащее по городу, или весть, что пришла из-за границы, или из далёких околиц, из Литвы или России, таинственными путями пробираясь в Варшаву.

Кто-то другой предлагал проект, который возник в каком-либо кружке и который надо было обсудить, взвесить, чтобы из разных мнений, вытекающих из дискуссий, сделать конкретный вывод «за» или «против» предложенного проекта.

Тесные комнатки, занятые горячей патриоткой и энергичной деятельницей, весьма набожной — для вида — женщиной, ведущей самое скучное хозяйство, были совсем необычным местом для собраний, и, тем не менее — территорией, которой эти деятели пользовались очень часто в разное время дня, и в поздние вечерние часы.

Эти собрания тем более нельзя было заподозрить, они не привлекали внимания полиции, что в том же самом доме жил лекарь, и к его жилищу вела та же самая лестница, а к этому лекарю постоянно и в любой час обращались люди разных кругов, возраста, вида...

.....
.....

К наиболее деятельным патриотам тех дней принадлежал владелец поместья Поланувка, Пшемислав Хожевский.

Наслыщенный и воспитанный рассказами отца Легионера, рассказами о всемирной эпопее Наполеона, он проникся верой, что достаточно *хотеть*, чтобы *смочь* добиться целей, превышающих человеческие возможности, и потому Пшемислав с пламенным восторгом принимал участие в тогдашней политической круговерти нашего народа.

Материально независимый, весьма состоятельный, разумный, прыткий, быстро ориентирующийся, и притом совершенно неопытный, Пшемислав Хожевский сразу же стал личностью очень полезной для дела, которое сейчас готовилось.

Когда любимая девушка ответила ему столь неожиданным предательством, и так жестоко, когда он навсегда отказался от всяческих надежд на личное счастье, тем охотнее все свои силы и всего себя он был готов отдать для служения обществу и в любую минуту посвятить этому всю свою жизнь.

.....

Пятого января 1863г. Валентий Левандовский получил от Центрального Комитета назначение военного начальника в землях Подлеской и Любельской.

В этих землях уже существовала тайная организация.

Там уже был воеводой Бронислав Дескур, а одним из штатских начальников — ксёндз викарий Бжоско¹⁸.

Там были назначены десятичники и сотники. Миссия, которую Валентий Левандовский получил от Центрального Комитета, состояла в том, чтобы узнать, какой дух царит в этих землях, а, главное, каково настроение мелкопоместной шляхты, мещан, деревенского люда, а затем, согласно полученной инструкции, он должен был их подготовить к вооружённому восстанию, которое

в проектах патриотов уже обрисовалось, но *пока* лишь в неопределённых контурах и в далёком будущем.

Рук, готовых в любой момент схватить обрез, было много... много...

Но обрезов не было...

Было лишь сколько-то понемногу собранных кос.

Но что значат косы против карабинов в наши дни?...

Тогда один из комиссаров Центрального Комитета заказал в Льеже пятнадцать тысяч карабинов. Дал задаток и обязательство, что остаток наличности бельгийская фабрика получит в Париже в течение 1863 года.

Тем временем, все, имевшие сбережения, охотно отдавали их на означенные потребности.

Кто деньгами не располагал, жертвовал драгоценные предметы.

Из замковых кладовых и закованных сундуков, привинченных к полу, извлекалось старинное столовое серебро, драгоценности, наборные пояса, старинные, шитые золотом, ткани...

Никто не жалел семейных памяток, хотя их берегли многие поколения.

В народный кошелёк приносили даже обручальные кольца.

А из денежных вкладов и продажи дорогих предметов собирались значительные суммы.

Правда, часть этих сумм пересылалась в Рим, как церковная десятина от польского народа, постоянно хранившего верность Апостольской Столице, — однако, ещё хватало денег на остаток наличностей за 15 тысяч карабинов, заказанных в Бельгии.

Фабрика обязалась карабины доставить до границ Королевства Польского.

Наличные деньги для фабрики повёз в Париж безмерно честный деятель и патриот, Францишек Годлевский.

Поступил, однако, донос, и французская полиция вошла в отель «*Corneille*», где задержался Фануш Годлевский, и где постоянно жили несколько поляков. При досмотре были отняты деньги, предназначенные для фабрики оружия, а что ещё хуже — у поляков реквизировали бумаги и документы, которые полиция передала в русское посольство, откуда их переправили соответствующим властям Варшавы.

Последствия этого обыска для поляков, живших в отеле «*Corneille*», оказались наипечальнейшие: множество людей было арестовано в Варшаве, а также полиция обнаружила типографию газеты «*Рух*».

«*Рух*» был органом Центрального Комитета, и между прочими новостями сообщала о жертвованиях на патриотические цели.

Типография «*Руха*» помещалась на улице Видок, в доме, что сейчас обозначен номером 11.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Ночь 18 января 1863г.

В уединённой убогой усадёбке в предместье Сиедлец, в избе на подворье сидят двое мужчин.

Один среднего роста, во цвете лет, со светлым и как обычно доброжелательным лицом, но в эту минуту очень озабоченный и хмурый.

Это давнишний офицер из Польских Легионов в венгерской кампании¹⁹ — военный начальник земель Подлеской и Любельской, Валентий Левандовский.

При свете маленькой лампы он читает какую-то бумагу.

Её передал ему юнец, который в этой временной тайной «квартире» уже пару часов ожидает возвращения начальника из Венгрова и Соколова, куда тот отправился в целях, поверенных ему вместе с инструкцией.

Щуплый юноша, намного превосходящий свои годы, не только ростом, но и чувствами, бледен и, видно, весьма огорчён.

Несмотря на это, быстро и пристально вглядывается в обличье Левандовского.

Смотрит так, словно пытается догадаться, какое впечатление произвела на начальника переданная ему миссия.

Левандовский читает.

Подносит бумагу к свету.

Осматривает лист со всех сторон, словно не верит своим глазам.

Наконец, оборачивается к юнцу.

– Вы, часом, не курьер Народного Совета?

– Имею честь им быть, пан начальник, – отвечает юноша с глубоким поклоном.

– Известно ли вам содержание... содержание бумаги, что вы привезли?

Юноша с гордостью выпрямляется.

– Да, пан начальник, это призыв к вооружённому восстанию в день 22 января сего года.

– Не призыв! Приказ! – поправляет Левандовский и коротким, решительным тоном человека, привыкшего давать военные команды, говорит:

– Вижу на этой бумаге условные буквы и знаки. Вижу подписи: Зигмунта Падлевского²⁰, Оскара Авейды²¹, Агатона Гиллера и других, которых я отлично знаю, – верю в то, что это не поддельный документ, однако...²²

Он умолкает, не высказывая мысль, что беспокоит его рассудок, что для вооружённого восстания ещё не время! Не время!

– Маркграф Виелопольский внёс в проскрипционные списки двадцать тысяч самой деятельной, самой интеллигентной молодёжи... Все планы и намерения организации перечёркнуты... учитывая всё это... начальник! Неужели можно терпеть дальше?

Так сказал курьер, который вручил Левандовскому послание Народного Собрания.

Горячий румянец появляется на бледном щуплом лице юноши, его чёрные глаза сверкают, как молнии.

– Я не сдамся! – говорит юнец с полной верой в силы народа. – Европа нам поможет!

– Европа?... – как эхо вторит Левандовский. – Хм! Ну! Да! Может быть... увидим!

– А пока – нет иного пути... Приказ – это приказ!...

.....
.....
.....
.....

* * *

.....
.....
.....

...Биала... Ласкажев... Семятыче... Станин... Сточек...

Этот короткий список²³ пробегает мысленно Пшемислав Хожевский...

Всё это он пробегает мысленно и всё, что может припомнить, кажется ему, не могло быть правдой, не могло быть на самом деле, это лишь фантазмагорические видения...

Но это была правда, настоящая действительность, и казацкая пуля настигла начальника, и начальник, Валентий Левандовский, убит.²⁴

От начала восстания они всё время были рядом... плечом к плечу...

И того тоже нет...

А он, Пшемислав Хожевский, он-то сам где сейчас?

Долго, долго, не может собраться с мыслями...

Наконец, понял...

Он под Сточком...

Была битва...

Наши лихо оборонялись...

Амуниции мало...

Его ткнули штыком в бок и прострелили правую руку...

Начальник, наверное, убит...

Все бросились врассыпную...

А он остался на поле битвы...

Лежит на земле, покрытой всяким мусором...

Холод пронизывает его разгорячённое тело, бок ранен навывлет, прострелена рука, голова кружится.

Он – один...

Ах! нет! не один...

Господи Боже! Около него лежит юноша... лежит с раскинутыми руками... недвижимый, застывший.

Наверное, это труп...

Мысли в голове путаются невпопад...

Он теряет силы и сознание, вместе с кровью, которая льётся из ран...

.....
Хотя после битвы победоносные полки промаршировали до Сидлеца, в Сточке царит паника.

Как только стемнело, в домах погас свет, а двери, ворота и окна заперты и задвинуты засовы.

Ни шороха, ни голоса, ничего не нарушает царящую вокруг тишину, даже собаки заперты в своих будках...

Звёздная ночь освещает околицы...

Из-за угла одного из самых убогих хозяйств на краю города выходит мужчина в крестьянской одежде.

Он высокий, плечистый, держится стройно.

Движения его легки и порывисты – выдают молодость, энергию, силу.

Минуту внимательно вглядывается вдаль, будто колеблется, или о чём-то задумался.

Наконец, решил и шепнул:

– С Богом!

И уже без колебания, не глядя в ту сторону, где тени касаются придорожных пихт, направляется к той ниве, где несколько часов назад произошла битва.

Ступает очень осторожно, и сам с собой рассуждает:

– Совы уже уселись в гнёзда, жаворонки распелись... Весна наступила быстрее, чем всегда. Это и хорошо, и не очень... Когда ночи длинные, на дворе непогода, сильный ветер сечёт, как розги, – тогда легче прятаться. Хоть бы его найти, а найти я должен, только кто бы сказал, где он прячется?... Если б это в наших Швиентокжыских горах, – забот бы не было, скрывайся, хоть целый год... А на здешней плоской сковородке... Укрой его ты, Господи!...

Молодой крестьянин, рассуждая так про себя, идёт всё быстрее, и, приближаясь к цели, всё замедляет ход...

Внимательно всматривается вдаль...

Потом устремляет красивые синие глаза к звёздному небу и смиренно, умиленно шепчет:

– Наисвятейшая дева, ты видишь всю землю через столько золотых окошек, и над всей нашей землёй царствуешь. Помоги мне найти его!

Вдали маячат какие-то неподвижные, высокие, прямые фигуры...

– Наверняка Москва поставила пикеты... Ну, ничего!... – думает парень.

Прислоняется к ели... крепко обнимает её толстый ствол...

Контур человека и контур дерева слились в одно целое.

Среди лохматых еловых ветвей парень стоит неподвижно и пристально всматривается вдаль.

Всматривается долго... долго... и, несмотря на опасность, усмехается и сам себе выговаривает:

– Дурак же ты, Вицек! Никакие это не пикеты, а молодые тополя...

После боя легко раненых увезли с собой. Тяжело раненых, умирающих и убитых оставили на поле брани...²⁵

.....

Среди застывших трупов на поле боя остался жив только Пшемислав Хожевский.

Потеря крови совсем его обессилела.

Раны, без ухода, воспалились, и жгли, как раскалённое железо.

Он то совсем терял сознание, то обретал понимание всего, что его окружало, и где он находится.

И с каждой минутой укреплялась в нём уверенность, что он должен умереть на этом поле, что для него уже нет спасения.

А спасение уже поспешно приближалось...

Вицуш с огорчением и не без слёз смотрел на останки своих товарищей по оружию, – но прежде всего высматривал среди останков своего молочного брата Пшемислава Хожевского.

И он-таки его нашёл.

Правда, тот был без сознания, недвижимый, тяжело раненый – но жив...

– Я тебя спасу, бедняга, спасу я тебя! – да поможет мне Наисвятейшая Дева и все Святые! – причитал Вицуш.

И тут же осудил свою слабость...

– Спасать панича надо, а не хныкать, растяпа! – так он, по своему обыкновению, ругает и подстёгивает сам себя.

Собирается с мыслями, выстраивает план с действиями; сперва-наперво надо панича унести с поля боя, спрятать в надёжном месте, а потом быстро привести *дохтора*.

Только бы забрать отсюда этого беднягу и унести от трупов подальше, ах! скорей бы унести. Однако легче решить, чем сделать...

Нужна геркулесова сила, чтобы поднять с земли тело высокого мужчины, тело недвижимое, раненое, кровоточащее.

У Вицуша силы хватало. Он поднимает Пшемислава, его правую руку привязывает к себе к шее.

Потом осторожно обнимает его и, как нянька несёт дитя, уносит к маленькой хате на краю Сточека, к той убогой хатке, где после пыла битвы нашёл укрытие — он сам и где уже предупредил, что «панич» скоро прибудет, так что его там ждут...

Несмотря на тяжесть, которую он несёт, несмотря на опасность, что одним неосторожным движением может причинить боль Пшемиславу и вызвать кровотечение из ран, Вицуш ступает уверенным и быстрым шагом, и снова ведёт с собой монолог, понукая поспешать:

— Давай, парень! Не мешкай! Марш! Вот уже утренняя звезда светит на небе, а другие уже погасли... Недолго и дня дожждаться... Ночка тёмная хороша для тех, кто с подружкой прячется... В белый день нас бы сейчас увидели и сцапали бы... Рука Бога Наивысшего, сохрани!

Счастливый, он принёс Пшемислава в хату, осторожно положил на солому, которую заранее приготовил в каморке. Обмыл запёкшуюся кровь с его тела, но как обращаться с ранами, не знал...

.....

И Пшемислав Хожевский в тёмной, душной каморке несколько дней боролся со смертью, с видениями, которые ещё усугубляли его физические страдания и исчерпывали силы, не менее, чем раны, полученные в бою.

Но на счастье в окрестности появился молодой врач из Варшавы, который хотел примкнуть к партии своего родича, ксёндза Навроцкого²⁶.

Молодой врач задержался в окрестности дольше, чем намеревался, потому что повсюду в шляхетских домах и в мужицких хатах

укрывались раненые и больные повстанцы, которым нужна была помощь и уход.

Пшемислава, которого знал по товарищеским кружкам и организации, врач бинтовал с истинно братской осторожностью и заботой, хотя состояние раненого сразу посчитал безнадёжным.

.....

* * *

Осенью 1863г. Краков был непривычно оживлён.

Все квартиры в городе были заняты, и жилищ ещё не хватало.

Удивительно было, что вдруг в старом Кракове столько шума и гомона.

И не только на Рынке, не только на Флорианской и Гродзкой улицах и переулках, но и на обычно тихих, отдалённых от центра улочках и предместьях.

Этот людской наплыв состоял из заграничных гостей — невольных изгнанников.

Оказалось, что Европа, ни дипломатическим путём, ни оружием наше восстание не поддержала...

Оказалось, что все наши расчеты нас обманули...

Что наши мечты разлетелись, как стеклянная банка, швырнутая на мраморный блок.

От угасших домашних очагов, из поместий, порушенных ураганом, шляхта выслала свои семьи под Вавель...

И те, которым в Конгрессном Королевстве грозила виселица, крепость и даже Сибирь, — тоже укрылись в Подвавельском городе...

Повстанцев, которые направились в Галицию и были пойманы с оружием в руках, местные власти посадили в одну из краковских тюрем с названием «Под Телеграфом».

Впоследствии, те личности, что играли в восстании виднейшую роль, попали в Оломунц, в Куфштейн и другие австрийские тюрьмы.

После грозы тех бурь, что пронесли над Конгрессным Королевством и сейчас едва-едва притихли, на конгрессистов успокаивающе действовала атмосфера старой Поддавельской столицы, где на каждом шагу встречаются памятники средневековья или истории, памятники, дышащие королевским достоинством и бесценной красотой искусства, где на каждом шагу к польской душе обращаются голоса минувших веков, голоса прошлого, счастливого и сиятельного.

Об этом сиятельном прошлом напоминали и голоса живых...

Учёные и литераторы Кракова по просьбе поляков читали курсы лекций.

Зигмунт Савчинский рассказывал о землях давней польской Жечи Посполитой.

Кремер и Луциан Семенский перед своими слушателями рассказывали о живописных образах из нашей истории и литературы и, прежде всего, из «литературы эмигрантской», то есть той именно, которую нам по ту сторону Вислы, за границей, запрещено было видеть и даже знать, что она существует.

И во время этих страшных поражений, что выпали на нашу долю, в эту эпоху неуверенности, крушений, всяческих потерь, когда яростная ненависть сталкивалась с высочайшим героизмом, – в этой эпохе общей прострации духа – хорошо и полезно было то, что хоть горстка польских людей, учёных и достойных, напоминала, что судьба неоднократно поднимала нас на высоты славы и могущества, а также низвергала в пропасти безнадёжности... Но даже в этих пропастях, даже у подножия руин и на пепелищах, даже на бурной польской почве всходили цветы надежды, которые собственными силами тянулись вверх, росли и распускались чудным цветом.

.....

.....

.....

– Мой муж остался на месте в Хуте. У подножья гор Швиентокжыских, вблизи от лесов, что тянутся на много миль непрерывной полосой, настоящий патриот может помочь *нашим* тягловой силой и вообще оказывать немалые услуги... А я, из-за сестры, эти ужасные минуты, по желанию мужа, проживаю в Кракове...

Так оправдывала перед приятелями и знакомыми своё пребывание здесь пани Теренкочи.

При упоминании о муже в глазах у неё стояли слёзы, а выражение лица было самое озабоченное, что до слов «из-за сестры», они произносились с особым напором.

Два раза в неделю в квартире пани Ады по улице Св. Яна собиралось множество гостей.

Темой разговора были повседневные события, тема неисчерпаемая и невесёлая, потому что в несчастном нашем краю гром громыкает за громом, каждый день приносит весть о новом поражении, о новом обмане, новой неудаче, новом неожиданном злосчастии.

Вести из-за границы особо интересуют сестру пани Ады, Хелену Ижевскую. Ибо Хела до сих пор так и не вышла замуж за Александра Теренкочи. После помолвки, вместе с женихом, она уехала за границу.

А тут начались манифестации... Вспыхнуло восстание, и на просьбы жениха назначить время свадьбы, она отвечала:

– Когда в крае всё успокоится – пожалуйста, а до того – нет!

– Экзальтация, абсурд, – раздражалась пани Ада, к которой жених обращался за помощью, – пусть Хела откажется от такого скороспешного решения, она должна отказаться!

Но Хела – не отказалась!...

Она была несгибаема, хотя пани Ада переходила от возмущения до издёвки и даже до слёз и настойчивых просьб, и всё это повторялось неоднократно, скорей, ежедневно, без всякого повода, хотя пани Ада, чтобы переубедить сестру, использовала самые сильные аргументы и самые сильнодействующие фразы из своего арсенала...

Хелена отвечала преспокойно, сверхлюбезно, что своего решения не изменит, потому что оно вызвано мотивами, которые нельзя не признать обоснованными, важными и которые следует принять с уважением...

Хелена Ижевская уже не была тем беспечным ребёнком, как мотылёк порхающим над весенними цветами, мотылёк, который, «мечтая о розах, вкушает цикуту».

Её красота, но и разум, достигли полного развития.

Она сама пыталась пополнить своё образование, систематично и усердно.

Много читала, внимательно и с врождённой критичностью, принимала все новости, разборчиво отбрасывая те, что казались бесполезным балластом.

Охотнее всего бывала среди людей серьёзных и среди учёных.

Она прислушивалась к их диспутам, не раз вносила новый неожиданный оттенок, высказывала оригинальное и уместное суждение, хотя и несмело, но с трогательным прямотушием, которое открывало ей навстречу все сердца.

– Может быть, всё, что сейчас делает Хела, очень хорошо и похвально, не спорю, – кому что нравится, – Хела играет роль «синий чулок», и надо признать, что играет очень искусно, с большим тактом и имеет успех в свете, – однако, я бы желал представить, к чему это приведёт, а, главным образом, когда это кончится, наконец? И был бы тебе бесконечно благодарен, если бы ты сооблаговолила привести какие-нибудь позитивные разъяснения в этих делах.

Так говорил Александр Теренкочи пани Аде через пару месяцев пребывания в Кракове.

Пани Ада очаровательно улыбнулась.

– У молодых девушек бывают разные фантазии, надо относиться к этому с пониманием и даже потакать им, учитывая, что замужняя женщина полностью подчиняет свои желания воле мужа...

Александр Теренкочи прервал её насмешливо и, иронически оглядывая всё обличье пани Ады, сказал:

– Я бы с тобой не согласился. Напротив, я согласен с поговоркой, что «мы правим миром, а женщины правят нами». Этот вопрос стар, как мир, и достаточно обговорен и исчерпан. Ладно, я оставлю её в покое, тем более я не столь умелый диалектик, чтобы в споре с тобой, Ада, получить решительный ответ... Возвращаясь к вопросу, который живо меня касается: сооблаговолит ли Хела, наконец, назначить точный, непреложный и окончательный срок нашей свадьбы. Будь добра, Ада, поговори с Хелой и попроси её об этом от моего имени.

– Конечно же, конечно, дорогой Ласло, я понимаю твоё беспокойство. Я уверена также, что на этот раз, как твой полномочный посол, я сумею облегчить, как ты желаешь, касающийся тебя вопрос. Тем не менее, всё-таки наберись терпения и не обижайся на Хелу, что она откладывает свадьбу... Всё же помолвка самое счастливое время в жизни женщины. Верь мне, дорогой Ласло. Я говорю по собственному опыту.

И она вздохнула, подняв свои красивые глаза, в которых показались слёзы.

– Не очень похвальной характеристикой наделяешь ты, пани, своего мужа, – живо ответил Александр, – гляди-ка! А я воображал, что ты совершенно счастлива в браке с моим кузеном.

– И ты не ошибся! Не ошибся! – с воодушевлением отвечала Ада. – Весь свет может подтвердить, что мы с Кацпером – согласная и счастливая пара.

– Ага! Хм! Хм! Хм!

– Что ты сказал, дорогой Ласло?

– Что сказал? Поистине, вслух я бы не смел этого сказать.

– Ты дразнишь моё любопытство.

– Сейчас узнаешь, только помни, Ада, что если афоризм Мольера не кажется тебе остроумным или вообще тебе не нравится, это не моя вина... Это лишь ответ на твой вопрос и признаюсь, что он как раз связан с обстоятельствами, которые касаются меня. Итак, один из героев Мольера из какой-то его комедии жалуется: «За каким чёртом я влез в эту кабалу и дал себя поймать в ловушку?».

И рассмеялся саркастически и раздражённо.

Пани Ада делает вид, что ничегошеньки не понимает в этом намёке, усмехается и говорит:

– Знаешь, поскольку ты так хочешь, дорогой Ласло, я уже сегодня *vais plaider votre cause*²⁷.

– Благодарность, что не угаснет даже с моей жизнью, заплатит тебе за это! – отвечает Теренкочи с глубоким поклоном, внутри же мечет молнии и грызёт удила.

Ибо отсрочки свадьбы дразнят и чрезвычайно гnevаюТ Алекcандра... Что же получается! Он, известный и признанный всеми сердцеед самых избранных салонов разных столиц Европы,

он, который, благодаря своему положению и богатству, – одна из самых желанных партий, превратился в игрушку молоденькой девчушки, которая, помимо красоты, не обладает ни одним из тех достоинств, которые ценятся в высшем свете.

Да, он гневается и терпит, но в гневе и терпении не столько уж любви, сколько раздражённого азарта в игре...

Он, конечно же, порвал бы с этой барышней, которой ни с того, ни с сего пришло в голову разыгрывать из себя патриотку, да ещё учёную.

Порвал бы.

Да, но ведь все знают, что он просил руки Хелены Ижевской... Все знают, как страстно он был в неё влюблён, и что она сама отложила их свадьбу на неопределённый срок...

А тогда?

Если он порвёт с ней, свет станет болтать, что это не он, а она порвала с ним, и что он получил отказ...

И тогда его осмеют на всю жизнь...

В дальнейшем, уже достаточно поостыв к Хелене, Александр Теренкочи выступает в роли жениха, в роли, которая его мучит сейчас и держит на привязи в этой «мерзкой, скучной дыре», – он так называет Краков, в котором никогда не бывал более двух часов, и только проездом, а сейчас, сопровождая Хелу, вынужден выслушивать лекции, которые ему надоедают, и споры, в которых он не участвует, хотя и должен разыгрывать горячий интерес к делам, что, на самом деле, несколько его не касаются.

.....

.....

В обширном салоне пани Теренкочи, как обычно, в дни приёмов, собралось многочисленное общество.

Все женщины одеты в чёрное. Ещё неотменён наказ, который после первых манифестаций 1861г. в тысячах экземплярах кочевал по всему краю и призывал в знак национального траура одеваться соответственно, но «женщины только в день своей свадьбы одевали бы светлые платья».

Цилиндры и фраки тоже пока оставались в загоне.

В Кракове мужчины носили кунтуши, венгерки, но только чёрные.

Молодой человек с рукой на повязке и с шрамом на лбу от удара саблей вызывает общий интерес у гостей пани Теренкочи.

Молодой человек был ранен в битве под Мальчицем, чудом уцелел, добрался до Галиции, потом до Кракова, где им занялись патриоты и где его заботливо лечили.

Лишь пару дней тому назад он начал приходить в себя после тяжёлых испытаний, пережитых во время восстания.

Молодой человек входил в отделение Чаховского и дня 4 марта 1863г. был в Гошчи, когда там собрались четыре повстанческих отделения.

Итак, он рассказывает:

– Шляхта съехала со всей околицы.

Во дворе у пана Щепановского поставили столы для старшин. У главного стола председательствовали:

Чаховский, диктатор Лангевич и его адъютант панна Пустовойтова.

Дамы и барышни обслуживают гостей сами, обносят тарелками и наливают в рюмки «венгерское», которое ещё помнит «Шведа»...

В поместье поселились солдаты...

И здесь обслуживают и смотрят за порядком женщины.

Погода стоит прекрасная.

Всё блестит, радуется, в золотом солнечном мареве, отовсюду к небесам несётся радостное слово:

– Весна! Весна!

На деревьях уже начали распускаться листики...

От садов, из берёзовой рощи, доносится благоухание, и веет весенней живительной свежестью.

На поле, покрытое зелёными всходами пшеницы, внесли высокую трибуну.

Множество крестьян, собранных с Гошчи, в ярких, живописных краковских костюмах усталились на трибуну любопытным взглядом. Позвали их – а для чего?...

На трибуну вступает диктатор Лангевич и...

.....

.....

.....

И тут по всему дому раздаётся дребезжание звонка, сильное, нервное, многократное...

Молодой человек умолк...

Все обеспокоено глядят на дверь.

Вбегает Кацпер Теренкочи.

— Вот неожиданность! — говорит пани Ада, спеша поприветствовать мужа. — Как я счастлива! Вот так неожиданность! — повторяет она, хотя она нисколько не испытывает счастье, но всячески это разыгрывает.

Однако, она предчувствует, что произошло нечто необычное и неприятное, она читает это по лицу мужа.

В последнее время Кацпер Теренкочи полностью поседел, его лицо, некогда румяное, свежее и добродушное, стало хмурым и угрюмым.

Но таким, как сейчас, он не был никогда...

Его волосы и борода растрёпаны...

Одежда и обувь забрызганы грязью. Значит, в Краков он добирался в горячечной спешке...

Александр Теренкочи подходит к брату и, не поздоровавшись, спрашивает:

— Ты сбежал из дому, Кацпер? Тебе грозит арест?

— Пока нет, слава Богу, пока не было необходимости бежать из Хуты... Грозит ли мне арест? На меня ещё ничего не свалилось... Арестован...

В этом обществе нет ни одного человека, у кого за границей не осталось бы кого-нибудь из близких: отец, муж, брат, и потому все срываются с места. Пана Кацпера вмиг тесным кольцом окружают гости.

У всех на устах один вопрос:

— Кто арестован?...

— Он входил в отделение Валентия Левандовского, — взволнованно и бессвязно рассказывает Кацпер, — воевал под Сточком...

Его ткнули штыком в бок и прострелили руку...

Привёл его работник из Стоцка, он у него лежал в каморке...

Ну, представьте себе, господа: в каморке даже не было окна...

Подлечил его там немножко какой-то порядочный лекаришко... Потом он скрывался, то по дворам, то у малопоместной шляхты...

— А как раны подзажили, и немножко пришёл в силы, хотел, бедняга, снова прокрасться в партию...

Ну... и тут его схватили...

— Но кого? Кого схватили?... Ради Бога, скажите, наконец...

— Пшемислава Хожевского! — крикнул пан Кацпер. — Ещё не догадались?... Разве я не сказал? Это же мой «сосед», самый близкий, самый порядочный и самый умный парень на свете, я же его любил, как сына, хотя между Поланувкой и Хутой отношения прерваны, Бог свидетель, не по моей вине, я всегда...

Пан Кацпер меняет тему, хотя и расстроен воспоминаниями, которые ему дороги...

Его увлажнившиеся глаза встретились с суровым, колючим взглядом жены... Он прерывает на середине начатую фразу, кашляет и продолжает:

— Согласитесь, господа, что каждый порядочный обыватель, который ещё на воле, несёт на себе святую обязанность принять участие в судьбе арестованного «соседа». Думаю, никто не против. Если бы кто воспротивился, тот был бы последним подлецом и негодяем!

Вытащить Пшемислава оттуда, куда он попал, и думать нечего... Лишь бы только помягче осудили, например, не на каторгу, а на поселение в Сибирь...

Надо похлопотать, заглянуть туда, сюда, и вообще...

Я со своей стороны всё сделаю — а попутно должен этим заняться дядюшка Пшемислава пан Адам Хожевский... Родичу всегда удобнее выступать против властей, где посторонний может услышать: «При всём уважении, не вмешивайтесь в чужие дела! Не вбивайте клин, куда не следует!»...

И не только о Пшемиславе надо беспокоиться, а об его Поланувке тоже — адвокат в Киельцах говорил мне, что её не конфискуют, потому что Пшемислав не пойман с оружием в руках, а участие в восстании тоже документально не доказано...

Клянусь Богом, всё так, но Поланувка сейчас это только небо и земля... Через неё прошли партизаны, и регулярные войска при этом стояли на бивуаке по несколько дней по лесам, выслеживая

повстанцев!... Ежегодный урожай пропал, коней, всех, до последней коняги, забрали, скот и овцы порезали, строения спалили, поместье ограблено – словом, не за что бороться...

– Всё же жалко, приложив руки, всё можно восстановить, было бы кому заняться. Это именно и должен сделать дядюшка Пшемься, пан Адам Хожевский, он должен во всё это вникнуть, ему нужно всё объяснить от А до Z, что и как предпринять.

Этот интерес и привёл меня в Краков. Прямо с вокзала я помчался к пану Адаму...

– И застал его? – спросила пани Ада, чувствуя, что появляется возможность избежать вмешательства мужа в дело, которое его не касается.

– Так вот же беда какая, я его как раз и не застал, – ответил Теренкочи, – какой-то человек, который разговаривал со мной через закрытую дверь, сказал, что «ясный пан отдыхает в Вене».

– Вот так, господа, Адам Хожевский выбрал самое удачное время для отдыха в Вене... Хотя на Дунае у него, наверное, какие-то свои дела, дядюшка Пшемься – дельный мужик.

– Вызови его телеграфом – время дорого, дни Пшемьсы сочтены, ему потребуются деньги на дорогу, его, как слышно, схватили без гроша в кармане. Я бы ему от души и сердца помог средствами, но я уверен, что от меня он помощи не примет.

– Преждевременные решения! Что, этот человек ниоткуда больше не узнает о своём Пшемьсе, – размышляла разозлённая пани Ада, но с милой улыбкой предложила мужу после всех волнений и дорожных неудобств отдохнуть...

– Мне, отдыхать после волнений? О, моя душечка, – кричит пан Кацпер, – столько месяцев у меня уже было время свыкнуться с волнениями, причём в стиле *grandioso*²⁸. И я вовсе не устал. Только прошу вас, уважаемые господа, в связи с необычными обстоятельствами, сообразованные простить, что я осмелился предстать перед вами так, ну, в таком дорожном виде!

– Какие извинения? Что это? Кто в такие времена думает об одежде и этикете? *A la guerre comme a la guerre!*²⁹ Мы рады видеть пана, и что пан не остаётся в стороне при всех этих переговорах, – заверяли женщины.

Глянув на мужа, который заявил, что умирает с голоду, пани Ада велит поспешить с ужином.

Гости переходят в столовую.

Рассказ Кацпера о Пшемьславе Хожевском, сочувствие и похвалы, на которые не скупилась присутствующие в адрес арестованного владельца Поланувки, привели в ярость Александра Теренкочи.

– Что за глупец, этот Кацпер!... Чтобы целый час надоедать людям рассказами о каком-то хлыще! Притом в моём с Хеленой присутствии! – размышлял он и был бы весьма рад поскорей удалиться в своё жилище, где бы мог в одиночестве дать волю своей злобе, на ком-то или на чём-то сорвать свою ярость, а тут надо вести беседу и улыбаться!...

Он чувствует, что уйти перед ужином не удастся, тем более ещё более явно выставив на показ своё недовольство и дурное настроение.

Итак, – принимает приятное выражение лица, на устах появляется спокойная улыбка, он даже шутит, не упуская из виду пану Ижевскую, чтобы вовремя подать ей руку, проводить в столовую и сесть рядом с ней у стола.

Но Хелена сама подходит к нему и говорит:

– Пан Александр, останемся здесь, я хотела бы поговорить с вами наедине...

– Вот тебе и на! Что опять за новости, – думает Теренкочи, и неприятное удивление отражается на его лице.

Хелена улавливает этот оттенок, и, несколько не смущаясь, настойчиво повторяет:

– Мы должны поговорить наедине и доверительно о деле, значительном для нас обоих.

– Ты меня удивляешь, Хела! – ещё пытается шутить Александр, хотя на самом деле он объят тревогой перед чем-то неведомым и неприятным, – перед чем-то, что надвигается, чего он избежать не может и что, он это чувствует, затронет его весьма болезненно, и одновременно унизит...

Он следит за выражением лица Хелены, но не может понять, о чём именно может быть их «доверительная беседа наедине»?

Прекрасное личико паны Ижевской в эту минуту совершенно спокойно.

– Наверное, намеревается штурмовать мой бумажник, с делами пожертвований на патриотические цели? Заранее согласен!... Лишь бы при мне оказался взнос, который бы Хелу не только устроил, но и ослепил.

Теренкочи лихорадочно пытается разобраться в ситуации.

– На счастье, деньги у меня есть! Человек никогда не должен выходить из дому без значительной суммы, это элементарная и всё решающая осторожность! Ибо в наши времена никто никогда заранее не может представить, что и где с ним приключится.

Так размышляет Александр и удовлетворённо улыбается. Да, он человек богатый, который «всегда может выходить из дому со значительной суммой денег»...

Хелена сидит на диванчике в глубине комнаты, и указывает Теренкочи место напротив себя.

– Вы, пан Александр, конечно, заметили перемену, что произошла со мной после нашего возвращения из Парижа...

– О! – не выдерживает Теренкочи. – Я заметил эту перемену, и должен признать, что такую метаморфозу мы заметили вместе с паной Адой, и часто обсуждали, чем она вызвана...

– Влиянием общества поляков-эмигрантов 1831г. и тех, что были в 1840-х годах. В доме Йенджея Плихты³⁰ и его дочери пани Казимиры Деларош³¹, которую я встретила во время нашего пребывания в Париже, я увидела там атмосферу, совершенно отличную от той, в которой жила до тех пор... Среди этих людей я поняла тщету и бессмысленность жизни, которую вела в Хуте, и на которую – прости, пан Александр, за откровенность, – на которую, как твоя жена... я была бы осуждена навсегда...

Далёкие, просторные горизонты, высокие цели и обязательства перед Отчизной и моим народом – вот что показали мне люди, которые сумели меня изменить.

Я взглянула на мир открытыми глазами, – и усиленно работала над собой, так что сегодня я могу сказать без ложной скромности, что вся моя внутренняя сущность нравственно преобразилась к лучшему.

Ты не можешь этому помешать, пан Александр... хотя... наверное, я нравилась тебе больше такой, какой я была, когда ты впервые меня увидел, какой я была давно, перед нашей поездкой в Париж.

В этот миг Хелена была чудесно хороша, будто некий нимб окружал её красивое обличье...

Александр глядел на неё с восхищением.

Он вспоминает все обиды, которые таил на неё, и дрожащим от волнения голосом говорит:

– В моём представлении ты всегда была совершенством... Я любил тебя такой, какой ты была давно. И люблю тебя, и уважаю такой, какая ты сейчас!

Хелена опустила глаза, колеблется, борется с собой, долго молчит.

– Пан Александр, – говорит она, – не имела я права слушать твои признания, не имела права обручиться с тобой, любя другого...

Единственное моё оправдание, что эта моя любовь к другому была тебе известна... Я её не скрывала.

Ты видел, кого я люблю...

– Ада уверяла меня, что это «девичья фантазия, что это пройдёт», очевидно, это была не фантазия, а настоящее сильное чувство, если, несмотря на разлуку, несмотря на мои усилия, это чувство до сих пор не угасло в моём сердце...

И я хотела, Бог видит! уже давно хотела признаться тебе, в том, что ты сегодня узнал... И я бы так сделала, если бы не мысль, что, если выйду за тебя замуж, пожертвую собой ради сестры.

– Для какой сестры? – прерывает Теренкочи.

– Для Ады...

– Для Ады? Для Ады? – повторяет он в изумлении. – Хела, что это всё значит?

Панна Ижевская ответила:

– Накануне нашей помолвки в Хуте, когда я ещё пребывала во сне, полном прекрасных мечтаний, меня вдруг разбудили шаги – кто-то вошёл в мою комнату.

Я тут же проснулась...

Это была Ада.

Она встала на колени около моей кровати и, всхлипывая, сказала, что Кацпер разорён. Что Хута заложена ниже истинной цены... Что её отберут за долги. Что ты, пан Александр, мог бы и хочешь спасти их в этом страшном положении, но только если... я соглашусь стать твоей женой...

С отчаянием в душе, но без колебаний, я выслушала Аду, согласилась отказаться от личного счастья, чтобы спасти от разорения сестру, которая воспитала меня, сироту, и Кацпера, который всегда был так добр ко мне...

Теренкочи слушал в задумчивости.

— Ни слова правды нет в том, что тебе говорила Ада... Просто придумала такой ход, чтобы я мог получить твою руку! Ах, как же это мерзко!

Хелена печально улыбнулась:

— Она просто хотела сделать меня счастливой, согласно её представлениям о счастье, которое возможно только при большом состоянии...

Она любит меня на свой лад... Я должна её простить... Хотя никогда не забуду, что перестрадала по её вине, а, главное, — что претерпел Пшемислав Хожевский.

— Согласись, пан Александр, что слово, полученное вынужденно, через обман, не может меня связывать.

Она снимает с пальца перстенёк и говорит:

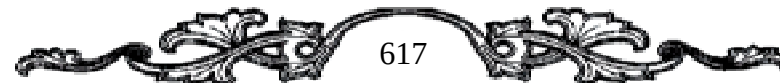
— Я возвращаю, пан Александр, символ помолвки. Я люблю Пшемислава Хожевского... И ни на минуту не переставала его любить. Моё горячее желание обрести его уважение, которое я утратила без малейшей моей вины... Я обязана выйти замуж за Пшемислава, разделить его судьбу и облегчить его печальную участь. Да! Это моя единственная на свете обязанность.

Завтра мы с Кацпером поедem в Королевство.

Давайте, попрощаемся без зла!

Пан не держит обиды на меня?

С искренней сердечностью и безмерной благодарностью протягивает она руку Александру, которую он схватил и поднёс к губам, покрывая горячими поцелуями...

Ещё сегодня, пару часов назад, он был бы рад разрыву с Хелой, считая её забавной игрушкой, которую мог бы получить за свои миллионы, но которая перестала ему нравиться.

Сейчас, узнав благородство характера этой прекрасной девушки, он уже считал её сокровищем...

И печаль, глубокая печаль одолела его, отчаяние охватило его при мысли, что это сокровище он теряет навсегда...

.....
.....
.....
.....

* * *

... — Я вот что барышне скажу: доктор всё думает и думает: не выдержит, мол, а я о другом: каждый солдат силой возьмёт, выдержит то, что ни один штатский не сможет выдержать, и барышня видит, хвала Всевышнему, всё вышло по-моему: панич благополучно выздоровел!

Так Вицуш закончил свой рассказ о «воячке» и о тех тяжёлых минутах, что они с паничем Пшемысем пережили.

Пана Ижевская слушает с большим интересом и волнением...

Оба ходят по Поланувскому саду, который, не жалея расходов, стараний и труда, посадил и обихаживал Пшемислав Хожевский, с огромным художественным вкусом, а сейчас всё это превратилось лишь в следы уничтожения и разрухи... Повсюду — руины, руины...

Над окнами под карнизом остались несколько опустевших ласточкиных гнёзд.

Их крылатые архитекторы, которые сплели их трудолюбиво и в тайне от людей, уже отбыли в далёкие, тёплые и солнечные края.

Суровые зимние ветры изгнали их из гнёзд и Отчизны...

Но они вернуться... вернуться обязательно...

А владелец Поланувки, владелец этого сейчас столь развороченного гнезда, где его род более пяти веков назад осел, хозяйствовал, работал, собирал плоды своих трудов, вернётся ли он когда-нибудь?

Сможет ли остановить разруху, что натворил ураган?...

Сумеет ли поднять своё гнездо из руин?

Но, может... может, это гнездо у него отберут?...

Может, он утратит его навсегда?...

Так размышляет панна Ижевская, выходя на крыльцо. С колонн свисают розы с ярко-красными листьями, как свежая кровь.

Помещичий дом построен на возвышенности, с крыльца видны несколько деревень, среди которых торчат высокие чёрные столбы.

Это трубы сожжённых хат...

Среди Поланувских нив, земли под паром, из почерневшего жнивья, местами всходят зеленеющие озимые...

Хелена не может больше держать слёз, которые её душат с той минуты, как начался печальный осмотр сада и поланувского поместья.

Она зарыдала.

Вицуш падает к её ногам и тоже плачет, но всё же утешает барышню:

– С Божьей милостью, всё изменится, всё обернётся к лучшему...

Она тоже на это надеется...

Но чтоб надежды превратились в действительность, надо действовать, причём действовать упорно.

Слёзы, жалобы, отчаяние, никогда и нигде никому не помогут.

Единственная сила, которая может вывести из упадка и творить чудеса – это действие...

Так думает панна Ижевская и утирает слёзы с глаз.

– Ближятся сумерки, – говорит она, – надо возвращаться в Хуту, Вицуш.

* * *

Пани Ада остолбенела, когда после ухода гостей Хела сообщила ей, что порвала с женихом, и что намерена выйти замуж за Пшемислава Хожевского и последовать за ним в Сибирь, если его осудят на каторгу или только на поселение.

Сперва она не хотела этому верить.

– Вечно ты что-то придумываешь! Это бред, Хела, ты никогда не была склонна к шуткам и мистификациям, пока что-то не стукнет тебе в голову!... Позволь тебе заметить, что эта шутка не остроумна и не умна.

Но пришлось поверить, когда она увидела на пальцах Хелы старинную печатку, которую девушки из рода Ижевских дарили своим женихам, печатку, которой Хела обручилась с Александром Теренкочи, и тот ей сейчас её вернул. Теперь Ада убедилась и ужаснулась.

– Остановись, Хела! – говорит сестра. – Из жизни, полной света и красок, из жизни, которая была для тебя беспрестанным весёлым праздником...

– Скажи: которая для меня была постоянным мучением и комедией подлой и непорядочной женщины! – возбуждённо вскрикнула Хелена.

– Ты – существо особое, загадочное, – продолжает пани Ада, не обращая внимания на слова сестры. – Ты непоследовательна, дала слово Александру Теренкочи и отменяешь его, разрывая помолвку без всякой обоснованной причины...

– После разговора и объяснения, когда я привела Александру свои мотивы, мы оба пришли к убеждению, что причина, по которой я порвала с ним, более чем важна и обоснованна.

– Не могла бы ты сообщать мне хотя бы по секрету о шагах, что ты предпринимаешь за моей спиной и без моего ведома?

– Каких шагах? Без твоего ведома, и за твоей спиной, – смеётся Хелена, – позволь напомнить тебе, дорогая Ада, что Александр Теренкочи, наверное, точно запомнил дату своего совершеннолетия, а я уже два года как имею право распоряжаться собой, и только по собственной воле.

– Если бы тебе было даже пятьдесят лет, – кричит Ада, в которой смех Хелены вызывает горячий гнев, – моя обязанность, как старшей сестры, сказать тебе, что ты лишь умножаешь это настоящее безумие, которое зовёт людей в тёмное прошлое и гонит странников по пыльным дорогам, полным незнакомых угроз и опасностей – таких опасностей, которые ты даже приблизительно не можешь представить...

Хелена знает, то, что она решила, нерушимо, окончательно, неотменимо, но ей просто не хочется продолжать спор с сестрой.

От спора её избавляет письмо, которое вручают пани Теренкочи.

Та смотрит на адрес и говорит:

– От Александра Теренкочи...

Поспешно и нервно разрывает она конверт и читает.

Сперва из глаз её на бумагу полились слёзы, а потом тихий плач сменяют громкие рыдания...

Ибо из письма видно, что Теренкочи знает, каким предательским путём склонила она младшую сестру на помолвку с ним...

Тон послания очень изыскан, но Ада чувствует, что каждое слово, начертанное на листке душистой веленовой бумаги, есть нравственная пощёчина, которую Александр Теренкочи отвесил ей, хотя и подписался: «смирный и покорный слуга».

– И за что мне это?... Боже мой, за что?... Ведь я хотела, как лучше... Ведь я хотела лишь счастья для них обоих!... Вот какой чёрной неблагодарностью они оба отплатили мне!

Всхлипывания переходят в спазмы, в нервный приступ. Вызванный лекарь запрещает пани Аде встречаться с сестрой и мужем, который на следующее утро выезжает из Кракова.

– Помни, Хела! Помни, тому, что ты собираешься сделать, я сопротивлялась всей душой – помни, не на меня падёт ответственность, если ты обретёшь несчастье на всю жизнь, – говорит Ада, обнимая сестру, с которой ей больно расставаться, и которую она действительно любит.

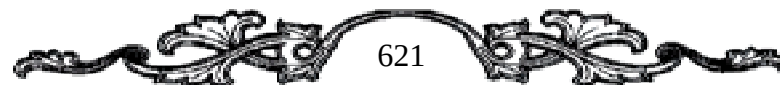
.....
.....
.....
.....

* * *

Дело Пшемислава Хожевского оказалось серьёзнее, нежели думали те, кто с самого начала занимались судьбой этого молодого человека.

После битвы в Сточке он уже не мог принадлежать к партии, потому что в простреленной насквозь руке держать оружие невозможно.

Но он хотел и далее служить своему делу и выполнял поручения военного курьера.

От партии к партии, от Народного Совета к исполнителям он доставлял приказы, бюллетени, деньги.

В течение нескольких месяцев он нёс эту службу, осторожно и успешно, минуя опасные встречи... Но, в конце концов, во время такого путешествия его взяли.

В ручном чемоданчике Пшемислава нашли только немного белья, одежду и несколько сигар; ни компрометирующих бумаг, ни оружия, ни денег, кроме маленькой суммы, что он при себе имел, не нашли.

Несмотря на это, сведения, говорящие против него, были так сильны, что на волю его не выпустили.

Он не мог убедительно доказать, откуда и за каким именно делом едет...

Почему всю зиму, весну и лето отсутствовал в Поланувке.

Наконец, его деятельное участие в восстании доказывали свежие, ещё не зажившие полностью раны.

Правда, говорил он очень спокойно, смело и убедительно.

Что раны получил в поединке.

Что дрался на дуэли в Италии, и именно из-за этих ран, полученных на дуэли, лекари посоветовали ему подольше побыть в тёплом климате.

Хотел он вернуться в свой край, но в Поланувку ехать не спешил, потому что знал, что она подверглась опустошению, о чём ему писали в Италию.

Так же можно проверить, что в его родовом доме нет ни одной комнаты, да что комнаты, даже угла нет, где можно было бы временно жить.

К тому же не меньше несколькихлетних доходов от поместья погибли полностью.

Решив лечиться и побыть в Италии, он полагал пробавляться заёмом.

И в путешествие он отправился, именно чтобы занять денег у знакомых. В пути его задержали, арестовали.

Он даже представил легальный паспорт на своё имя.

Всё, что он говорил, было похоже на правду... Но ему не поверили...

И Пшемислава Хожевского отвезли в Варшаву в крепость...

.....
«Шакалы они или люди?» – спрашивали в шестидесятых годах, когда говорили о Тухолко и Здановиче, то есть о Литвине и Поляке (так!), об этих двух личностях, в чьих руках находились судьбы увезённых на Павиак и в крепость.

Тех, кто служил в крепости в сороковых годах, теперь, в шестидесятых, уже не было.

Блюменфельд почивал на лаврах...

Лейхте был убит повстанцами...

Квиечинский, начавший свою карьеру в прихожей полицмейстера Абрамовича, достойно продолжал свой путь в Варшавской крепости в сороковых и последующих годах... Во время восстания его уже перевели в заповедную местность, основанную «Королём Стасем» и, занимая видное место среди царских палачей, он округлял свои владения и жил «сладкой жизнью» за счёт прежней деятельности. Жандармы называли «пьяной» или «денежной» комиссией ту, в которой оба упомянутых «шакала» заседали: Тухолко и Зданович.

Сколько издевательств придумывали они, чтобы добиться признания у обвиняемых!...

Арестованных стегали розгами в зале суда, посыпанном песком, который впитывал кровь наказуемых...

Ведущие допрос собственноручно ударяли подозреваемых по лицу, кулаками выбивая им зубы...

И всё же... всё же во время таких допросов, а особенно во время таких издевательств допрашиваемые выказывали такую закалку духа и терпеливость к физической боли, что удивляли даже комиссию...

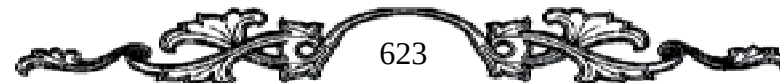
Саркастический юмор после наказаний некоторых не покидал.

Например: Хофгаузер³² пытался довести до ярости допрашиваемых своими ироническими замечаниями и шутками.

Был такой обычай, что после оглашения приговора осуждённого спрашивали:

– Нет ли у вас каких-либо *претензий* ко всей следственной комиссии или к какому-либо из её членов?

И вот некто Статтлер, семидесятилетний человек, на этот вопрос ответил с добродушной усмешкой:

– Могу ли я иметь какие-то *претензии* к этим почтенным, благородным, трезвым мужам, из которых состоит комиссия, что решила меня допрашивать и осудить? У меня поистине нет никаких претензий ни к кому, а как милую памятку моего пребывания на Павиаке, а также моего знакомства с уважаемым Тухолко и уважаемым Здановичем, я буду всегда носить с собой коробочку с зубами, которые эти два господина следователя посчитали целесообразным выбить у меня...

В то время на такие сцены и факты были запреты, которые когда-нибудь... когда-нибудь... естественно, какой-нибудь историк опишет полностью.

.....
.....
.....

...В эпоху политических и общественных движений, в эпоху всяких переворотов всегда выдвигаются на видное место личности, которые желают лишь пожать с подобных движений материальную корысть и обогатиться за счёт легковых.

Такие люди выползают откуда-то – никому неизвестно, откуда, из каких тёмных и грязных щелей, и какая адская сущность выталкивает их на поверхность земли?...

Сперва они бывают очень осторожны...

Только их помощники, агенты и последователи, такие же особы из-под «тёмной звезды» и такого же склада, распускают слухи об огромных связях и закулисных влияниях этих ясновельможностей...

А далее посеянное мнение даёт ростки: повторяется и разносится по всей стране, со всей сопутствующей ложью, всё более обширной и фантастической.

– Благодаря влиянию пана С. из Павиака, или также из крепости, выпущены Н., М., П.

– Тот и этот осуждённый, благодаря стараниям пана С., освобождён от каторги... или из арестантских рот, или прямо из-под виселицы...

Во время революций, восстаний, то есть в чрезвычайных обстоятельствах и наивысшего всплеска чувств, когда они берут верх над здравым смыслом, когда отчаяние не приемлет никакой

критики, начинают теплится самые слабенькие надежды – каждая, глупейше придуманная, басня обретает все черты, не просто правдоподобности, но самой правды.

Облик таких особей, по убеждению толпы, вырастает до гигантских размеров, они как бы управляют судьбами людей, по своей собственной воле, точно так, как в театре марионеток машинист управляет движениями кукол...

И толпы впавших в отчаяние матерей, жён, сестёр (женщины составляют наиболее численных клиенток таких господ) спешат к пану С. за советом и за действенной помощью в освобождении арестованных и осуждённых...

Естественно, такому господину при первой беседе с ним надо вручить значительную сумму «на расходы, связанные со сбором сведений».

При первом собеседовании, а также при парочке последующих, такой господин принимает тон и позы дипломата – он приятен, выражает полное взаимопонимание со своим клиентом, и по собственному желанию предлагает, как бы всё-таки нехотя, имена разных чиновничьих матадоров, слегка намекая на свои приятельные отношения с ними.

Обещания он сыплет как из рога изобилия... заверяет, что заключённый, об освобождении которого он принялся хлопотать, через день-два, даже через час! вернётся домой в лоно тоскующей и отчаявшейся семьи.

Но тянутся недели, этот господин меняет тактику...

Он узнал, что появились трудности...

Якобы следствие выявило новые обстоятельства,отягчающие обвинение...

Якобы заключённый при допросе путался и плохо всё объяснил...

Якобы при особой очной ставке обвиняемых на него взвалили наиболее тяжёлую вину...

При каждом посещении заинтересованных лиц, от которых он уже получил крупные задатки, такой господин всё пасмурнее, всё официальнее разговаривает с таким выражением лица, будто поёт на похоронах *de profundis*³³ и однозначно даёт понять, что задаток, какой получил, уже исчерпан, что для

дальнейшего «получения сведений» и их использования требуются новые суммы.

– Для себя я ничего не прошу, ну, ничегошеньки. Когда заключённый будет свободен – вернётся к вашему семейному очагу и я, за рюмкой старого венгерского или мёда, напомним о гонораре... о скромном гонораре за мои труды...

И тысячи рублей плывут в руки прохвоста...

Но, как только такой господин заметил, что слишком перетянул струны, и что выбранная им жертва начинает проявлять нетерпение и требовать конкретных результатов, дорогостоящих и бесплодных шагов, – захватив кошелек, туго набитый рублями, господин начинает стушёвываться с горизонта, заматавая за собой следы своей деятельности.

Никто из обманутых не смог, да и не силился найти источник своих затрат и обмана.

Так бывало неизбежно во время политических бурь, так бывало везде...

И у нас тоже во время манифестаций и восстания гарцевало множество подобных господ неизвестного происхождения, носящих фамилии, о которых ранее никто нигде не слышал, и которые неизбежно повторяли обманы и ограбления, и жертвы клеймили их злоречием и презрением...

А когда ураган притих и буря успокоилась, эти же имена снова вынырнули на видное место, сперва очень несмело и украдкой...

Позднее, всё отважней, а потом и вовсе заблистали как филантропы, деятели-патриоты, преследуемые властями в период бурь...

Несколько горстей золота, умело и вовремя разбросанных, дополняли эту чудесную метаморфозу.

В эту эпоху, когда на всём земном шаре на Жечь Посполиту обрушивалась клевета, в эту эпоху, наряду с Иудами, ренегатами, прохвостами, грабителями публичного добра, злодеями, промышленными народными деньгами, наряду с карьеристами и прочими подобными демонами, имена коих кровавыми буквами вписаны на века в историю нашего народа, в эту же пору мы встречаем бескорыстное и беспримерное самопожертвование. В эти часы явились светлые образы женщин и девушек –

полек, которые действительно участвовали в трудах своих отцов, мужей и братьев.

.....

Панна Хелена Ижевская, сразу же после разрыва с Александром Теренкочи, поехала в Королевство. Несколько дней побывала в Хуте, посетила Поланувку, которую оставила под опекой всей Поланувской «громады» и Вицуша, молочного брата Пшемыслава.

– Мы есть мужики, – говорил Вицуш, – руки у нас крепкие, да и в словах мы не слабаки, и если уж мы поднимемся, то доброго пана защитим, как зеницу ока.

Такое обязательство от своего имени и всей Поланувской «громады» дал Вицуш, но и пан Кацпер Теренкочи тоже, конечно, взялся следить за именем Пшемыслава и поднять его из руин.

В Варшаве Хелена Ижевская ближе познакомилась с кругами патриотов.

Не убоялась она будущего, «полного страшной и неведомой опасности», чем пугала её старшая сестра...

Она отвергла беззаботную жизнь, в которой пребывала до сих пор, и намеревалась исполнить своё решение: выйти замуж за Пшемыслава Хожевского и разделить с ним его судьбу и изгнание в Сибирь.

С Пшемыславом Хожевским она виделась в крепости у железной решётки, через двойную проволочную сетку...

Что любит его, что считает себя его невестой, что готова ехать за ним в Сибирь и там при первой возможности обвенчаться с ним, она сказала Пшемыславу при свидании с ним в крепости.

Всё это она говорила в присутствии жандарма и офицера, которые привыкли сопровождать таким встречам и разговорам заключённых с лицами, которые их посещали.

Пшемыслав чувствовал, что любовь Хелены – настоящее чувство, и что она не просто готова не только на самые большие жертвы, но что самопожертвование для неё легко и радостно...

А сопоставляя любовь Хелены с собственными чувствами, он, в общем, и не удивлялся её самопожертвованию, но был ей бесконечно благодарен и, конечно, чувствовал себя счастливым...

Минуту, когда его вывезут и он покинет стены крепости, когда он ступит на землю изгнания, на сибирскую землю, – эту минуту, которая принесёт встречу и соединение с любимой, Пшемыслав Хожевский ждал с нетерпением и тоской.

Вот уж и следствие по его делу вроде бы полностью закончено, вот уж не вызывают его на допросы...

Сколь бы непроницаемы ни были крепостные стены, заключённые, однако, могут иногда общаться и передавать друг другу новости.

Пшемыслав Хожевский знал, что Валентий Левандовский, начальник отделения, в которое он входил, уже вывезен дня 4 января 1864г., что решалась и судьба других его товарищей по оружию, так что и он ожидал приговора со дня на день, и, как уже сказано, ожидал с тоской и нетерпением...

.....

Часть вторая В СИБИРИ

О н кто тебе, муж, *миленькая*?... – спросила женщина в красном шёлковом платочке на голове, в платье из китайского голубого шёлка и в сборчатом перкалевом белом переднеке.

Барышня, к которой она обратилась с этим вопросом, отрицательно покачала красивой головкой.

– Не муж... Так и зачем тогда едешь и печёшься о нём? И кто же он тебе всё-таки, *миленькая*?

– Мой жених.

– Жених... Ей-же ей! И когда же вы, бедолаги, поженитесь?

– Как только приедем в Иркутск. Там есть католический костёл и священник, который нас повенчает.

– Так ты едешь в Иркутск? Мученица ты Тебаида, помоги и помилуй их! Говоришь, в Иркутск, *миленькая*? А ты знаешь, что Иркутск, это аж в Восточной Сибири? А?... Нескоро же вы туда

доберётесь... Если ещё... Сохрани Святой Николай Чудотворец... если ещё *осиновка*³⁴ не заступит вам дорогу.

– Коли я уж такой большой кусок пути одолела без всяких злоключений, надеюсь, что и в Иркутск Бог приведёт меня благополучно.

Так беседовали две женщины: дородная особа, одетая в китайский шёлк, хозяйка отеля «Под Золотым Карагушем»³⁵, Агриппина Романовна Тучинова и молоденькая красивая барышня в сером шерстяном платье и такой же накидке.

Молоденькая барышня – невеста Пшемыслава Хожевского: Хелена Ижевская.

В эту пору, когда тюрьмы были переполнены в Королевстве и в Вильно, очень часто лишь за Уралом в каком-нибудь крупном сибирском городе на тракте, по которому шли политические преступники, многие из них узнавали, станут ли отбывать каторгу на рудниках или в крепости? И какая именно местность в Западной или Восточной Сибири назначена им на поселение...

Пшемыславу Хожевскому посчастливилось, его осудили только на поселение.

На какой срок?

В приговоре сказано не было.

Об этом ему довелось узнать уже за пределами Европы.

От кого-то из тех, которые политических преступников допрашивали, обсуждали их вину и за эту вину судили, назначали за неё кару и объявляли приговоры, – от кого-то из таковых стало известно, что Пшемыславу Хожевскому назначено пожизненное поселение в Восточной Сибири при иркутском тракте в *Рыбинской волости*.

Как только Пшемыслава Хожевского вывезли, панна Хелена Ижевская тоже выехала из Варшавы, выехала в полной уверенности, что свою родную землю покидает навсегда.

Пшемыслав и Хелена надеялись, что губернатор Восточной Сибири позволит Хожевскому из *Рыбинской волости* приехать в Иркутск для заключения брака с его невестой.

А если уж такого позволения от губернатора получить не удастся, Пшемыслав и Хелена были уверены, что почтенный ксёндз Кшиштоф Швермицкий, пробст иркутского прихода³⁶, охотно

приедет в *Рыбинскую волость*, чтобы соединить узами брака любящую пару из столь далёкого прихода.

До Москвы Хелу провожали сестра и шурин.

Дальше ей предстояло путешествовать самостоятельно.

До Омска она добралась, получив в Москве от знакомых письма вдове одного купца, женщине уважаемой и порядочной, которая в ту пору тоже собиралась в Иркутск и дальше по своим торговым делам.

Эту попутчицу пана Хелена Ижевская несколько дней и ожидала в Омске.

Отдых после трудностей столь долгого пути, который удручал не только физическими неудобствами, а в первую очередь шквалом впечатлений, беспокойства, что обрушились на неё, отдых пани Хелене был нужен для здоровья и для подкрепления духа.

После бури, что разразилась у нас в сороковых годах, в Омске осталось множество вынужденных наших «резидентов»: поляков-каторжников и поселенцев.

В 1864г. в Омске, наверняка, ещё сохранились барьеры и частоколы, которые соорудили мы, поляки-каторжники; конечно, ещё стояли придорожные столбы, обтёсанные и вколотенные нашими руками...

И не заросли ещё, наверное, стёжки-дорожки, которые мы прорубили в лесу для прогулок князя Горчакова, губернатора и генеральши Шрамм³⁷.

По Иртышу ещё сновали *баржи*, построенные нашими руками...

Не потускнела ещё, наверное, роспись, которою Бэм, Юзеф Богуславский и автор этих строк украсили квартиры омских чиновников...

После коронационного Манифеста 1857г. все эти перелётные птицы вернулись из своей принудительной зимовки в тёплые края: над Вислой, Неманом, Днепром...

Лишь ураган последней поры³⁸ снова пригнал в Омск немало пострадавших из Польши, Литвы, России...

Те, что в сороковых годах пребывали в Омске, оставили по себе добрую память – так что на их последователей жители Омска тоже смотрели с уважением и приязнью...

Но не следует считать, что доброжелательность омичей к шестидесятиникам была, если можно так выразиться, «наследственной».

Я особо это подчёркиваю, поскольку многочисленные новые поляки-изгнанники в Омске были людьми образованными и почтенными; и сами по себе заслуживали всяческого уважения.

В этот контингент изгнанников попал и инженер Витольд Марчевский³⁹, звезда перворазрядная, что сияла на этом горизонте.

Около этого блистательного человека собрались молодые поляки, которые простыми солдатами вошли в батальоны, размещённые в омских казармах.

Хорошо образованный Витольд Марчевский добывал книги и газеты, которые приносил изгнанной молодёжи, приохочивая её к самообразованию.

А эта молодёжь, в свою очередь, по мере возможности, продолжала просвещать своих коллег-солдат крепостного батальона.

В этом батальоне, кроме поляков и горстки русской интеллигенции, служили люди из местных многочисленных племён, присоединённых к Российской Империи.

И когда Великий Князь Владимир Александрович гостил в Омске, конечно, был проведён смотр войск, квартирующих в этом городе.

Солдаты крепостного батальона отличались среди всех прочих.

Их безукоризненная муштра, их выправка, интеллигентность их лиц, столь редкая в ту пору среди простых солдат, всё это привлекло внимание Великого Князя.

– Сколько неграмотных в вашем батальоне, – спросил он у начальника.

– Ваше Царское Высочество, в моём батальоне вообще нет неграмотных, – последовал ответ.

Великий Князь обратился к стоящим во фрунте солдатам и начал спрашивать их по очереди:

– Где учился?

– В Главной Школе в Варшаве, Ваше Царское Высочество, – прозвучал ответ.

– А ты, – спросил Великий Князь следующего.

– В Ягеллонском университете в Кракове, Ваше Царское Высочество.

– А ты?

– В Центральной Школе в Париже, – Ваше Царское Высочество.

– А ты?

– В Варшавской Школе Изящных Искусств, Ваше Царское Высочество.

– Ты?

– В Сельскохозяйственной Академии, в Хохенхейме, – Ваше Царское Высочество.

Задав ещё сколько-то подобных вопросов и получив подобные же ответы, Великий Князь Владимир Александрович снова обратился к начальнику батальона и сказал:

– Ничего удивительного, что среди ваших солдат вообще нет неграмотных.

Многие поляки в омском крепостном батальоне дослужились до чина ефрейтора.

После Манифеста 1874г. они подали прошения о помиловании и возвращении на Родину. В ответ на их просьбу из Петербурга последовал приказ исключить этих поляков из войска и отправить в отдалённые местности Восточной Сибири в качестве политических поселенцев.

.....
.....

С 1850г. в Омске пребывал Адам Скарбек Мальчевский⁴⁰, Легионер, подполковник второго полка конных стрелков бывшего Войска Польского.

Этот старец зарабатывал на жизнь уроками французского языка.

После окончания тяжёлой работы «на хлеб» во время пребывания в Омске панны Хелены Ижевской, обычно в сумерки, пан подполковник Скарбек Мальчевский появлялся в отеле «Под золотым Карагушем».

– Я пришёл *pour presenter mes hommages*⁴¹ нашей дорогой коллеге, – так приветствовал он всегда панну Хелену, для которой не находил довольно слов похвалы, сочувствия и симпатии.

По примеру подполковника Скарбека Мальчевского и другие изгнанники проводили панну Хелену.

В ту пору в комнате невесты Пшемислава Хожевского ежедневно собирались люди светлых, высоких помыслов, всесторонне образованные, обладающие возвышенной душой, душой нестигаемой, как сталь, и сердцами пламенными, постоянно переполненными горячим чувством чистого патриотизма, без какой-либо примеси эгоистических расчётов.

Общество этих людей, высота их стремлений, возвышенность взглядов и убеждений открывали пред глазами панны Хелены Ижевской всё более широкие и просторные горизонты.

Серость и мука жизни в Сибири, скучнейшая действительность не погасила в них светлых надежд на будущее.

И под влиянием этих изгнанников получилось так, что чем больше панна Ижевская сближалась с будущим, полным неизвестных угроз, тем меньше начинала она их бояться.

Отважно, с удовлетворением в душе, она шла навстречу судьбе, которую избрала для себя, вопреки воле старшей сестры...

* * *

– *Разрешил!*

Это слово понеслось по телеграфным проводам через Уральский хребет из Иркутска в Польшу над Вислой, к Сандомиру, чтобы потом добраться до Хуты, поместья семьи Теренкочи.

Это слово послала Хелена Ижевская, чтобы уведомить сестру и шурина, что губернатор Восточной Сибири, генерал Синельников, согласился отпустить Пшемислава Хожевского на один день из пустынного селения Листочек, куда он был послан на поселение, в Иркутск, чтобы обвенчаться со своей невестой в тамошнем католическом костёле.

В то время всевластным губернатором Восточной Сибири был генерал Синельников, человек буйного темперамента, что ещё усугублялся и разгорался под влиянием обильных возлияний.

Это был деспот, навязывающий всем свою волю, вернее, своё самодурство, напористый и весьма жестокий, не только с подвластными ему чиновниками, но и с высшими, равными

ему по рангу лицами, а также с купцами, словом, со всеми жителями этого огромного пространства, что находилось во власти иркутского губернатора.

Особую ненависть питал генерал Синельников к полякам.

– Вы, поляки, все – *мятежники*, все, без исключения, вы *мерзавцы* и *негодяи*.

Так говорил, обычно, в ярости, генерал Синельников о поляках, политических преступниках.

Такой способ отношения, основанный на вымыслах и клевете, в ту пору всевластия генерала Синельникова ощущали на себе слишком часто партии поляков, которые добивались до Забайкальского или Надамурского краёв, до разных мест наказания или до мест поселения, потому что и те, и другие на долгое время останавливались на отдых в Иркутске.

При таком отношении к полякам губернатора Синельникова, нелегко пришлось Хелене Ижевской выхлопотать для жениха позволение приехать в Иркутск.

К счастью, в столице Восточной Сибири, как, собственно, на всём земном шаре, помимо подобных извергов, находились и люди добрые, учтивые, в полном смысле этого слова, благородные и без предубеждений против других народностей.

В то время среди влиятельных и выдающихся лиц в Иркутске был редактор газеты «Сибирь»⁴², сотрудник той же газеты, секретарь Восточно-Сибирского Отделения Географического Общества Усольцев и генералы: Кукель⁴³ и Соффианос⁴⁴.

(Поискав в памяти, можно бы найти и других достойных и честных людей).

Их стараниями и хлопотами, благодаря моральному давлению на Синельникова, Хелена Ижевская и Пшемислав Хожевский смогли, наконец, одолев все трудности и препоны, осуществить свою мечту и брак их благословил ксёндз пробст Кшиштоф Швермицкий, а также группа польских поселенцев и сочувствующих россиян в иркутском католическом костёле перед алтарём, вырезанным поляком-изгнанником, варшавянином Игнацием Эйхмилером⁴⁵.

.....
.....

– Где одному не справиться, там, при обоюдном согласии и желании творить добро, двое всегда найдут выход...

Если один из вас ослабнет в борьбе с преградами и злосчастьем, тотчас поможет ему второй. А вдвоём легче претерпеть тяжёлую судьбу, бороться, преодолеть и победить любые препятствия...

Неизбежно, дорогие мои, вам доведётся вступить в тяжёлую борьбу с враждебным окружением, между которым вам придётся жить, – такова ваша доля.

Я предвижу нелёгкую борьбу, но, однако же, надеюсь на Бога, что она закончится вашим триумфом и светлой победой во всех делах...

Так поздравил молодую пару новобрачных, Хелену и Пшемислава Хожевских, достойный ксёндз Кшиштоф Швермицкий, а они, сразу после венчания и скромного угощения в приходе, уехали под конвоем в место, назначенное им для поселения.

.....
Есть в Сибири множество больших, хорошо застроенных и обихожённых деревень, в которых живут крестьяне, работающие на земле, но и занимающиеся торговлей, состоятельные и не очень, в зависимости от отдалённости от главных трактов и коммуникаций.

Есть в Сибири много таких деревень, где жизнь поселенцев могла бы быть сносной.

Но деревня Листочек к последним никак не относилась!...

Листочек – поселение в пустынной глуши, на бесплодной песчаной земле.

Сколько-то хат, составляющих это селение, построены небрежно, очевидно, без всякого плана, без всякого учёта будущего, только для тех, кто их поставил, как временное убежище, а не как жилище на долгие годы, которое хозяева могли бы передать своим детям и потомкам.

В Листочке нужда, не скрывая, выглядывала отовсюду... Через дырявые крыши, покрытые мхом; через кривые оконца, где лишь местами виднелись стёкла, а в большинстве окон вместо стёкол служили неотёсанные дощечки или бычьи пузыри...

Нужда, грязь и запущенность выглядывали из каждой щели стен, небрежно сложенных из кривых и трещиноватых брёвен...

Никакая растительность не оживляла убогой наготы и неприглядности песчаного холма, окружённого тёмной гущей древнего леса, который тянулся на тысячи вёрст – огромный, таинственный, наверняка, с самого сотворения мира не посещённый человеком, который убоялся бы его гущи.

Таким был Листочек, к которому добирались молодожёны Хожевские.

.....
.....

Тарантас, везущий молодожёнов, мелькал между цепью невысоких взгорков, и вдруг опустился в глубокий овраг, обросший со всех сторон елями.

Колокольчики задорно звенели...

Тройка вспененных коней мчалась, потрясая бренчащей упряжью и густыми развевающимися гривами...

Ямщик обернулся с козел к путникам и, широко улыбаясь от уха до уха, сказал:

– Вам будут рады, *господа*.

– Кто будет нам рад? – спросила Хелена.

Сибиряк чмокнул на коней, – и, потрясая вожжами, ответил с хитрым смешком:

– Не могу знать, *госпожа*!

Во время долголетней своей службы *ямщиком*, Антропка Кириллович неоднократно возил в Листочек поляков и россиян, политических преступников, и собственными глазами рассмотрелся, какой приём готовили им жители этого уединённого селения.

Сам же Антропка Кириллович считал, что политические преступники и обыкновенные бродяги – всё едино.

Для Антропки Кирилловича, как для сибиряка, россияне и поляки были равно *инородцы*, которых он ненавидел, презирал и которыми брезговал.

Так что пошутить с *инородцами*, пробудить у политических преступников надежду, призрачную надежду, которая не могла исполниться, которая была просто несовместима с действительностью, –

казалось Антропке не только приятной забавой, но даже некоторым образом патриотическим долгом.

– Подождите! Будет вам роскошный приём! Радуйтесь, черти поганые! – злорадствовал в душе Антропка Кириллович, всё громче и задиристее своим пропитым, охрипшим голосом по-нукая коней бежать всё быстрее:

– Ху! Ху-у-у! Ха-а-а!

Пшемыслав Хожевский, который уже успел насквозь узнать и оценить жителей Листочка, пробыв долгое время меж ними, нахмурился перед наплывом невесёлых чувств и мыслей.

Исходя из того, что сам видел, Пшемыслав представил себе неприятности, на которые была обречена Хелена, и которых ей не избежать...

Эти опасения и тревоги были отнюдь не беспочвенны. Напротив, они были вполне оправданы.

Итак, Пшемыслав Хожевский страдал и был в раздрае сам с собой...

Самые горячие его желания исполнились, он достиг цели своих мечтаний, которые не так давно казались ему недостижимыми и неисполнимыми.

Любимая девушка стала его женой.

Он по достоинству оценил возвышенность её характера, бескорыстие и благородство её самопожертвования и всё же жестоко страдал.

Ибо взамен за это самопожертвование он не мог предложить Хелене ничего, кроме своей любви...

Правда, любовь его была безграничной...

Но сможет ли она заменить Хелене всё то, от чего та отказалась?... Что потеряла на время неопределённое, возможно, навсегда?...

Сможет ли эта любовь своей силой превозмочь скуку и пасмурность дней в этом холодном, лишённом солнца крае?...

Сможет ли он сам стать для Хелы *всем* в этой пустынной глуши?...

Не затоскует ли она со временем среди существ, выросших за гранью цивилизации и привычной нам этики, – кроме имён и людского облика, у нас с ними – ничего общего...

А это жильё в маленькой, тесной, душной отвратительной халупе...

А отсутствие всяких удобств, хотя бы самых скромных, хотя бы самых ограниченных возможностей существования...

Полное отсутствие хотя бы малейшей помощи и выручки при постылых и трудных работах домашнего хозяйства...

А суровость и резкость местного климата...

А полное отсутствие связи с цивилизованным миром, с Отчиной, с роднёй и приятелями, которые остались на Родине!

О, Боже!...

Сколько печали, сколько оглуляющей работы, сколько бесплодных усилий, какое тяжёлое бремя ляжет сейчас на слабые Хелины плечи!...

И сможет ли она, такая прекрасная, цветущая, нежная, сможет ли она нести это безмерно тяжкое бремя?

Не согнётся ли, не сломается ли под ним?...

*Как на дивчину крикнуть: жена,
Считай, заживо погребена...*

Господи, Боже! Нигде и никого так не касались эти слова поэта, как моей Хели...

Это она заживо погребена...

И это я, эгоист, похоронил мою милую красавицу-девицу...

Похоронил собственными руками...

Такими мыслями мучил себя Пшемыслав Хожевский...

Тем временем кони вывезли их опять на широкую дорогу...

Антропка Кириллович обернулся с козел к Хожевским.

Поднял вверх свою меховую странную шапку, и крикнул:

– Хур-ра-аа! Листочек! Приехали, *Слава Богу!*

* * *

Тарантас задержался перед халупой, которую *старшина* выделил Пшемыславу Хожевскому для жилья, когда того привезли в Листочек.

Это была развалюха, несколько лет назад покинутая каким-то несчастным, который перенёс свои беды и несчастья в другие околицы Сибири.

Хожевский с большим трудом собственными руками подлатал хибару снаружи и упорядочил внутри, чтобы принять свою молодую жену.

Выехав для венчания в Иркутск, он запер хатку и поручил опёку *старшине*, жильё которого находилось в ближайшем соседстве.

Пшемыслав бодро выскочил из тарантаса и со всем изыскаством подал руку Хелене и повёл её в дом.

– Вот наша резиденция, – смеялся он не без иронии и не без горечи. – Здесь, в стороне от дороги, устроим удобный подъезд для гостей, которые захотят нас навестить... К югу будет фронтон нашего дома, с аллеей под окнами. Подпишет ли моя госпожа на этом плане своё *aprobatur*⁴⁶?

– Охотно одобрю любой план, который ты составишь, мой любимый, – весело ответила Хелена.

– Но не без дискуссий?

– О! Что касается дискуссий, в этом я всегда тебе буду вторить. Любовь любит дискуссии!

Шутливый тон этого разговора, смех Хелены, беспечная непринуждённость её поведения действовали на Пшемыслава успокаивающе.

Но когда он остановился перед хатой, – ошеломлённый, пораженный и сраженный.

Входные двери, которые он так заботливо запер и закрыл на запор, были отворены настежь.

И не только они...

Раскрыты и содраны с навесов оказались двое дверей, которые из маленьких сеней вели в две комнаты, деля жильё наполовину...

В этих комнатках – ни следа порядка и оборудования, которое починил Пшемыслав Хожевский...

Исчезла вся обстановка, которую на вес золота скупал Пшемыслав и привозил из большой и богатой деревни за несколько десятков вёрст от Листочка...

По углам были набросаны кучи песка и всякого мусора...

А посредине лежали связки невыделанных беличьих шкур, груды засохших веток и какие-то зловонные лохмотья...

Стёкла в окнах были выбиты все до одного...

Берёзки, которые Хожевский посадил около хаты, и которые принялись и начали было расти перед его отъездом – сейчас увядали, вырванные с корнем...

– Боже! Боже милосердный! Столько загубленного труда! Столько усилий пошло насмарку!... И кто этот бандит, этот шакал, который понаделал здесь такое опустошение?... Может, бродяги изничтожили мою работу?...

Ведь я никому здесь не причинил никакого зла... Они от меня видели только добро! – сокрушался отчаявшийся изгнанник.

В это время в избу ввалился плечистый малый в красной рубахе и кожаных штанах; он стоял босой, но в огромной меховой шапке и с серебряной серьгой в ухе.

Это и был старшина, Аббакум Иванович.

– Старшина! – обратился к нему Пшемыслав. – Что случилось в моей хате, пока меня не было?

Детина пожал плечами, откинул шапку со лба и, хитро усмехаясь, низким носовым голосом ответил:

– Не могу знать!

– Как не можешь знать?... – гневно вспыхнул Пшемыслав. – Что за разговор? Кто вернёт мне затраты и ущерб? – Ведь вы, Аббакум Иванович, обязались постеречь мою хату и всё, что в ней... Ведь я вам за это заплатил!

– Я тебе не слуга, чтобы ты мне приказывал и платил! – флегматично ответил Аббакум Иванович. – Правда, дал ты мне *немножко* денег, но это была не плата, а подарок. А если я, старшина, государственный служащий, принял от тебя подарок, так это я тебе сделал большое уважение, потому что ты – поляк, политический преступник, так что тебя на свете как бы вроде и нет! Если бы я захотел, мог бы тебя из шкуры выпрясти!

– Нет, не мог бы, – отпарировал Пшемыслав, стараясь совладеть с гневом, который душил его. – Я, видишь ли, шляхтич.

– Знаю, знаю я! Ну-с! и что с того? И *дворянскую шкуру* тоже можно содрать, – грубовато смеялся Аббакум Иванович.

Его маленькие, заплывшие жиром глаза пару раз оглядели избу, потом он повернулся к Хожевским спиной, сплюнул на

стену сквозь зубы и, не спеша, удалился, громко стуча босыми пятками об пол...

– Храбрый малый, этот Аббакум Иваныч, даже *дворянскую шкуру* не побоялся бы слупить, – с грубоватым смехом пошутил ямщик. – Разве Антропка Кириллович вам не говорил, что в Листочке вам будут рады, *господа*? Что? А?...

– Хеля! Хеля! Во что я тебя втравил! Зачем я, несчастный, принял твою жертву?... Бог свидетель, я не знал... Я не мог даже представить...

– Прости! – кричал в полном отчаянии Хожевский.

Хела весело засмеялась, и с ясным спокойным лицом сказала:

– Ты не мог предположить, что нас ожидает в Листочке, – верю всей душой! В ответ могу лишь уверить тебя, что не питала никакой надежды, будто в Сибири мы будем жить в великолепном дворце, нарядно и удобно обставленном.

Не было у меня таких надежд, и потому я не очень удивлена тем, что мы здесь увидели, и я не очень разочарована... В Омске слышалась достаточно всего, что пережили здесь изгнанники много лет назад, и всё, что их ожидало в Сибири...

Как-нибудь справимся, устроимся, по возможности, более сносно... Увидишь... ты только подожди немного...

А то, что ты называешь моей жертвой, – это всего лишь моя самая дорогая обязанность и высшее моё счастье...

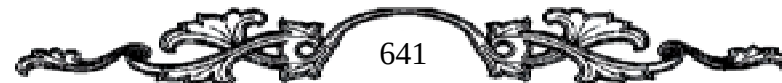
Если бы это было иначе, я не поехала бы за тобой в Сибирь... И не была бы здесь в Листочке...

Кроме того, слово «жертва», касательно меня, прошу не произносить никогда... никогда! Я очень прошу тебя... нет, я приказываю! Понятно, мой господин муж?...

Так сказала Хелена. Говорила лёгким, беззаботным, весёлым тоном, который успокаивал взбудораженного Пшемыслава...

.....

Разохоженный обильным угощением и обещанием щедрой оплаты, Антропка Кириллович помог поселенцам кое-как убрать и навести порядок в одной из комнат. Из тюка, который он вынес из тарантаса, появились нужные кухонные предметы

для готовки, все чайные принадлежности, войлочные покрытия, которыми укрыли окна и двери.

Сами же тюки послужили сидениями и столами, пол устлали пушистой шкурой белого медведя, купленной в Иркутске.

Хелена быстро и ловко ходила по комнате, улыбаясь мужу, оборачиваясь к нему с каким-нибудь милым, сердечным словечком или шуткой.

– Ты доволен, Пшемысь, нашей молниеносно импровизированной столовой?

– Согласен со мной, что наши столы, покрытые салфетками снежной белизны, очень эффектны на фоне тёмных стен и цветастых бухарских ковров?

– А как наши свечи? Правда, они горят удивительно ярко?

– Видишь, мой дорогой, что эту хату в Листочке мы сможем превратить в красивейшую резиденцию.

– Вот увидишь!

– Только прежде всего нам надо работать, работать и работать!

Она повторяла это постоянно.

Пшемыслав склонился перед ней и долго стоял так, склонённый, а потом сказал:

*Ясновельможная панна княжною была, а сейчас – служанка у бедняка...*⁴⁷

Хелена:

*Жена встала на колени перед мужем и в тазу обмывала его ноги, ибо он вернулся с работы, как батрак...*⁴⁸

Пшемыслав:

*А жена была молода и хороша, как ангелы небесные.*⁴⁹

– О! – воскликнула Хелена. – Пшемысь! У меня появилось возвышенное настроение, которое всегда приносят слова гениального поэта...

И – мой дорогой, пожалуйста, без комплиментов...

Все сладкие словечки, все любезности надо оставить за Уралом, в Европе, в нарядных салонах, где пребывают вечно скучающие праздные дамы и слуги, перенимающие скуку от хозяев.

Мы, в Сибири, должны решительно повторять иное:

*Будь проклят, кто падает пред малейшим вихрем, сломленный, как поверженная колонна.*⁵⁰

.....
.....
.....
.....

* * *

*Божья мать! Был солдат тут –
С позументом красный ворот,
Бог бы дал! Бог бы дал!
Чтоб солдат меня любил!
Чтоб солдат меня любил!*

Эти строфы старинной песни тихонько напевала маленькая, красивая девочка, два раза повторяя последние строки.

Маленькая девочка сидела в деревянном креслице, как раз ей по размеру, сидела под тенью старой разлапистой сосны.

Стояло погожее утро второй половины июля.

Погожее, не слишком жаркое, тихое утро...

Казалось, маленькую певунью никто не слышит, кроме птиц, гнездящихся на ветках деревьев, а ещё белых бабочек, кружащих над травой или усевшихся на высоких травинках и головках цветов.

Но – нет! из-за нескольких молодых берёзок, образующих как бы беседку, появилась фигурка мальчика, в полотняном кителе и соломенной шляпе на льняных, подстриженных по моде польских крестьян, волосах.

Мальчик был худощав, но крепкого сложения, с маленькими руками и ногами, с большими синими глазами, загорелая

кожа говорила о том, что он подолгу бывает на солнце и свежем воздухе.

Было ему едва лет восемь – но выглядел он старше, хотя чувствовалось, что он физически крепок и много занимается гимнастикой, сейчас мальчик шёл тихим размеренным шагом, и выражение лица его было взрослое, задумчивое.

В руке он держал небольшую книжку, которую прижимал к груди.

– Бронца, – остановился он перед девочкой, – я читал «Вечера под липой». И не могу понять её смысла. Объясни мне...

Если бы ты пела, например, «Если бы кто рассказал мне...», я бы тоже вторил, и мы пели бы вместе.

Но то, что ты поёшь... о каком-то ещё солдате – правда, поверь, Бронца, это тебе не подходит.

Говорил он тоном наставительным, пытаясь подражать жестам и повадкам взрослых.

Однако, ни тон, ни жесты, ни смысл этого наставления не были оценены маленькой особой, к которой обращался мальчик.

Бронца мало что, а, скорее, ничего не поняла из его речи, подняла головку со светлыми косичками, и уже не пела, а кричала во весь голос:

*Бог бы дал! Бог бы дал!
Чтоб солдат меня любил!*

Слова песни слышались вдали невнятно, но детский крик прорезал тишину, царящую вокруг, и через открытые окна ворвался в домик, стоящий неподалёку, и из него вышла молодая красивая женщина.

Она подбежала к детям.

– Что тут происходит? – Почему Бронца так кричит? – спрашивает она мальчика.

Он отрицательно кивает головой.

– Не знаю, мамочка. Я говорил ей, чтоб не повторяла одну и ту же песню, ведь есть много других, и гораздо красивее, – ответил мальчик спокойно, и я предложил ей петь вместе... И она начала кричать. Вот как всё было, мамочка.

– Воспитанные девочки не должны кричать. Правда, мамочка?

– Разумеется, воспитанные девочки кричать не должны. Разве, если зовут на помощь в случае опасности. Я тоже хотела об этом сказать Бронце, повторить ещё раз, потому что она не раз от меня это слышала. Так что ты мне помог, Стасек.

Женщина усмехнулась, нежно оглядывая своих красивых детей:

– А сейчас я спешу приготовить всё, что нужно к столу, а то папочка скоро вернётся из леса на обед. Марш!

Стасек взял мать об руку и важно вышагивал рядом с ней, а Бронца обеими руками держалась за её платье и семеняла следом.

Вскоре они исчезли в глубинах домика...

В этой женщине, в расцвете сияющей красоты, нетрудно узнать Хелену Хожевскую, жену Пшемислава.

В первое время после венчания и приезда в Листочек, страшные минуты пришлось пережить Хожевским в этой деревенской пустоши...

* * *

В период после восстания Катков написал и издал многотысячным тиражом брошюру, в которой представлял поляков как необузданный и дикий народ варваров, с кровавыми инстинктами и жестоким нравом.

По описанию Каткова, поляки особую ненависть питают к русским и сибирякам.

И, если представляется возможность, поляки убивают и издеваются над этими почтенными людьми (русскими и сибиряками), отрезают им носы и уши, выжигают глаза, отравляют воду в колодцах и реках, распространяют заразные болезни в городах и сёлах, через которые проходит их путь, или там, где остаются на поселении.

Эта брошюра, отправленная вглубь России, вдоль трактов, по которым поляки шли в Сибирь как политические преступники, а также, вброшенная в саму Сибирь, преследовала цель

возможно злее очернить поляков среди масс, непросвещённых, но легковёрных и неспособных критически воспринимать печатное слово, а потому безоговорочно веривших ему.

Надо признать, что средство господин Катков придумал дьявольски верное, и цель, к которой стремился, была достигнута в полной мере.

Система обманов тёмных масс удаётся почти всегда – а подводит редко.

Ни одно зерно не всходит так быстро и не расцветает так буйно, – как посев национальной, народной, кастовой и племенной ненависти.

Всё это испытали на себе и о том свидетельствуют поляки-изгнанники в Сибири.

Известно, что в сороковых и последующих годах в России и Сибири, и именно в Сибири, среди местных жителей поляков встречали почтительно и гостеприимно, с истинной сердечностью, а лишённых политических прав поляков встречали уважением, – зато после шестидесятих годов, то есть после упомянутой брошюры Каткова, отношение сибиряков к полякам изменилось совершенно, причём в самую худшую сторону.

Уважение сменило недоверие и презрение, почтительность превратилась в ненависть и издевательства.

Несчастное дело, так называемое «Забайкальское дело», лило воду на мельницу Каткова.

А расстрел в Иркутске поляков: Шарамовича, Котлярского и Рейнера, замешанных в «Забайкальском деле», подлил масла в огонь и утвердил сибиряков во мнении, что поляки на самом деле бандиты и убийцы.

Итак, панический страх охватил сибирских крестьян...

Ночью они тщательно запирали двери домов... Окна закрывали деревянными ставнями, с оружием в руках ожидая нашествия «варваров-поляков», которые, по рассказам читателей брошюры Каткова, намеревались поджечь всё село, поубивать всех жителей и ограбить имущество и состояние убитых ими.

Поляки-изгнанники и мечтать не смели о какой-либо помощи крестьян в деревнях, назначенных им для поселения.

Напротив, они подвергались множеству неприятностей и постоянному преследованию.

Волость обязана была представить изгнанникам жильё.

Раньше сибирские мужики охотно принимали в свои дома польских поселенцев.

После брошюры Каткова, после «Забайкальского дела» ни один сибирский крестьянин ни за какую, даже самую щедрую, оплату не позволил бы «убийце поляку» переступить порог своего дома.

Поэтому польских поселенцев размещали в полуразваленных общественных зданиях: в покинутых старых *банях*, халупах, в которых когда-то жили прокажённые.

Из этих омерзительных нор, из этих развалин несчастные изгнанники прятались в землянках, которые сами для себя устраивали в безлюдных местах вне деревень.

Никак не назовёшь роскошной жизнь в домах, похожих на те, в которых у нас, обычно, хранят зимой картофель, бураки и прочие овощи, но, по крайней мере, так можно было жить в относительной чистоте и тишине, и даже в подобии свободы, вдали от пытливых глаз старшины и всей деревенской громады.

Сибирские крестьяне не хотели продавать полякам никакой провизии даже за самые высокие цены.

Теперь даже за самую щедрую оплату поляк не мог выпросить у крестьянина самой ничтожной, самой маленькой помощи.

— Сам выпутывайся, *чёрт поганый*, если такое понапридумывал, иди к брату своему, чёрту, пусть тебе поможет.

Такой издевательский хамский ответ ожидал поляка, обычно, при какой-нибудь его просьбе, высказанной самым дружеским тоном.

Поистине, теперь для поляка каторга оказывалась лучше, чем поселение.

Кто пережил эти времена, как поселенец, мог смело воскликнуть вслед за поэтом:

Ещё при жизни прошёл я через Ад, как Данте!...

Все перечисленные унижения, и даже более того, пережили в Листочке и Хожевские.

Несколько раз отремонтированный и заново обустроенный дом уничтожали их соседи.

Искать защиты Хожевским было негде...

К кому могли бы они обратиться?...

Единственной, причём высшей властью в Листочке был Абакум Иваныч, старшина.

Но было уже многократно доказано, что именно он стоял во главе череды ненавистников и тех, кто уничтожал труд Хожевских.

Так что преследуемым и униженным оставалось только смирение и терпеливость.

Терпением и смирением должны были вооружиться они и в душах своих затаить неисчерпаемый источник этих добродетелей.

Но поддержкой служила им в равной мере ни на минуту не ослабевающая энергия, а также выносливость в тяжёлой физической работе, с которой ни один из них раньше не сталкивался, и к которой не был привычен.

Обладая достаточными денежными запасами, Хожевские должны были, тем не менее, как после кораблекрушения на необитаемом острове, сами добывать себе пропитания среди крестьян, которые превратились во врагов.

Пшемыслав ловил рыбу удочкой, зайцев и птиц ловил силками, ибо держать оружие поселенцам было запрещено.

Оба собирали лесную ягоду, вместе придумывали и готовили разные съедобные комбинации из набранных запасов.

Когда закончились свечи, которые они привезли с собой в Листочек, долгие зимние вечера сидели при лучине или коптюшках, которые Хелена изговляла из рыбьего жира.

Северные ветры жестоко налетали на утлое убежище изгнанников, нагоняли вокруг снежные сугробы, которые, смерзаясь, образовали непроходимые загородки и напирали на двери хаты, так что поселенцы превращались в заключённых в собственном доме.

Бывало, что целую неделю единственной едой молодожёнов была сушёная рыба и копчёная дичь.

Водой им служил талый снег, который Пшемыслав сгребал с крыши через специально вырезанные отверстия.

Счастье, что при всех невзгодах и тяжёлой работе здоровье их оставалось отменным. Более того, физическая работа, по большей части на свежем воздухе, взбадривала их и закаляла силы...

Так, час за часом, днём за днём, пролетали чередой, как казалось изгнанникам, целые годы, будто бы стремительно быстро.

Поляки пользовались славой хороших учителей⁵¹, которые в любом ученике умели пробудить желание учиться и стремление к знанию, а также благожелательное взаимопонимание с учителем.

Лекари-поляки, среди которых было много знаменитостей, заслужили славу бескорыстных и умелых целителей и за это им были благодарны сотни вылеченных пациентов.

Ксёндзы, массово высланные в Тунку⁵², даже среди кочевых бурятов снискали уважение своей добропорядочностью и благочестием.

И тогда по всей Сибири повеял иной ветер, – большого сочувствия и приязни к полякам-поселенцам.

И это был настоящий их триумф...

В Листочке всё это произошло, может, одновременно, а, может, раньше, чем в иных местах, и проявлялось более явственно, чем где бы то ни было.

Это было вызвано добротой и учтивостью Хожевских и глубиной кротостью Хелены.

С самого начала, забыв обиды и несправедливость окружающих, эта семья сама обращалась к соседям с добрым словом, поздравлением, с предложением помочь советом или деньгами.

Предложения, надо сказать, не отвергались никогда.

А когда советы оказывались разумными, когда лекарства, которые поселенцы выделяли крестьянам из своей подручной аптечки, приносили больным облегчение, когда просьбы о деньгах Хожевские удовлетворяли сразу же и щедро, – то самые затвердевшие в ненависти сердца размягчались, и в них

возникла симпатия и почтительность к недавно ещё ненавистным чужеземцам.

Теперь уже женщины и мужчины старались помочь изгнанникам при постройке новой хаты, при закладке огорода, при обработке земли, словом, при всех хозяйственных работах.

Каждый из соседей почитал за долг одолжить Пшемыславу двустволку, когда тот отправлялся на охоту, и даже сопровождать ему.

Старшина Аббакум Иваныч так проникся симпатией к Хожевскому, что втайне позволял ему вылазки в Рыбное.

Да что, он сам всё организовывал и облегчал поездку.

Рыбное, на расстоянии ста вёрст от Листочка, находилось рядом с трактом.

Там изгнанники, etapом направляющиеся до означенных мест поселения в Восточной Сибири, задерживались обычно на долгую передышку.

Пшемыслав Хожевский к той поре уже имел пару прекрасных коней.

Нанял он ещё пару.

Их он высылал вперёд, чтоб не тратить время на попас, и в лёгкой таратайке, в одежде сибирского мужика, сдружился с возницей, который знал всякие боковые дорожки и густые рощи, где можно было спрятаться, во избежание небезопасных встреч, или проницательного взгляда урядника...

Обычно, перед сумерками, Пшемыслав Хожевский появлялся в Рыбном.

Появлялся как торговец продуктами, которые с собой привозил.

В облике торговца он легко проникал в избу, где ночевали осуждённые.

Со своей корзиной он кружил по избе.

Обращался к разным осуждённым, предлагал купить хлеб, жареное мясо, муку и другие продукты...

Так он завязывал беседу с осуждёнными поляками...

Дождавшись подходящей минуты, снимал шапку и позволял угрюмым скитальцам узнать себя.

И, порой, не раз, а очень часто Пшемыслав Хожевский смог помочь страшной и тяжкой беде...

Не раз мог он насытить голод, мучающий многих из убогих осуждённых. И смог он не раз приодеть многих, нуждающихся в одежде.

Он был так счастлив, что мог предоставить этим беднякам средства, которые облегчат их дальнейшую дорогу.

Это был главный мотив таинственных выездов Хожевского в Рыбное.

Другой целью было получение вестей из Отчизны, вестей, какие мог получить от тех, что покинули родной край позднее, чем он с Хеленой.

А партии, многочисленные партии, всё шли...

Шли иногда до Иркутска, или в Забайкальский край...

Шли в Надамурский или Приморский округ...

Шли в рудники... в крепости... на разные заводы.

Шли на поселения среди якутов.

Шли до Киренска... до Вилуйска...

Шли к Лене, к золотоносным месторождениям, разбросанным между притоками Олёкмы и Витима...

Будто некая неразрывная цепь, некий непреодолимый магнит, в течение ряда лет, заставляли партии из России и Польши особым принуждением направляться к Дальнему Северу и Дальнему Востоку.

Во время первых своих вылазок в Рыбное Хожевский почти среди каждой партии встречал родственников, приятелей, знакомых или товарищей по оружию...

До утра оставался он с ними в ночлежной избе, беседуя о прошлом... мечтая о лучшем будущем... о возвращении в Отчизну... о новой деятельности в ней...

Конвойные благосклонно глядели на известного сибирского торговца, который под предлогом, что хорошо зарабатывает, предлагал им щедрую оплату горилки.

С годами политические осуждённые были уже людьми других взглядов, нравственных и политических убеждений, совершенно отличных от тех, что вдохновляли Пшемислава Хожевского, тем более отличались они от тех, что свойственны были сороковым и последующим годам.

Но так или иначе, это были люди страдавшие, осуждённые на кару, которые терпели за свои идеи и за желание осчастливить

человечество, согласно своим убеждениям, – Хожевский постоянно приезжал в Рыбное и помогал нуждающимся – а таких были легионы, – помогал, чем только мог...

Ему даже пришлось получить разрешение на такие вылазки у *станового пристава* под видом того, что он уезжает в Рыбное с целью продажи продуктов, которые не удалось сбыть в Листочке.

Так проходили для Хожевских годы изгнания в обоюдных любви и согласии, а короткие споры, возникающие редко, ничуть не омрачали их согласия и единства.

В хозяйстве и земледельческих делах им постоянно помогало взаимопонимание.

В цивилизующих и гуманитарных начинаниях – также...

Листочек под влиянием Хожевских изменился до неузнаваемости.

Он превратился в большое село, состоящее из крепких, видных, просторных хат, из строений, размещённых по определённом плану, обнесённых старательно возделанными садочками и деревьями.

.....
.....
.....
.....

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дорогие наши Тётенька Ада и Дяденька Кацпер!

Царь давал полякам разные амнистии, но Мамочке, Папочке, Бронце и мне амнистии не дал.

Папочка очень огорчался и не раз говорил:

– Неужели мы так и погрём и в прах рассыплемся в этом Листочке, в этой Сибири?

Мамочка всегда Папочку утешала:

– Подожди, Пшемись, имей терпение, придёт и наш черёд!

И Папочка ждал.

(Терпеливо, или нет, этого я не знаю, потому что я не осмелился у Папочки спросить, но – ждал, а что ему ещё оставалось делать?)

Но Мамочка хоть никакой не пророк, но обещала Амнистию, и она пришла и для нас.

Как это получилось, я, дорогая Тётенька Ада и дорогой Дяденька Кацпер, расскажу, как сумею.

Вчера на нашем поле мы собирали урожай.

То есть наши соседи (парни из Листочка) секли овёс, Папочка и Давид Егорович (наш возница) складывали всё в снопы, которые уже были перевязаны, высохли, и готовы к перевозке в гумно (не помню, писал ли Тёте Аде и Дяде Кацперу, что недалеко от дома у нас есть гумно, но наши соседи зерно складывают в стерню).

Мы, то есть Бронця и я, играли.

Бронця собирала колосья в загонах, и была, вроде бы, Руфь, а Даня и Вовик, дети нашей кухарки Максимиллии Нефодичны – были наши слуги.

Но вы понимаете, дорогие Тётя и Дядя, что это было только «как будто бы».

Мамочка и Раша (это старший сын Нефодичны, Мамочка его обучает) принесли полдник для всех (хлеб, молоко, погружённые в тележку; Раша тянул тележку и это очень его забавляло, а Мамочка сзади тележку подталкивала).

И тут мы услышали колокольчик...

(Это такие бубенчики на упряжке).

Но те, что мы слышали, были страшно громкие.

И тут же на дороге показалась тройка рысаков, все в мыле, и тарантас. А в тарантасе сидел Павел Григорьевич.

(Это один важный чиновник, у него чин *становой пристав*).

Так вот, Павел Григорьевич сидел себе и махал своей шапкой, и ещё каким-то большим листом бумаги, и кричал во всё горло:

Поздравляю с амнистией!

...Папочка читал, читал, потом повернулся к пану приставу и сказал:

– Спасибо вам, Павел Григорьевич, за то, что привезли, позволили нам вернуться в *Царство Польское*.

(Потом Папочка мне объяснил, что *Царство Польское* означает *Королевство Польское*).

Так вот, царь позволил нам всем вернуться в любимую Отчизну, в нашу Поланувку.

Спасибо за это Господу Иисусу, Богоматери Ченстоховской и Остробрамской.

Как только соседи узнали, что мы уедем из Листочка, начали плакать и огорчаться.

Мы, дети, Бронця и я, тоже плакали, но потихоньку, от радости.

Но Данник, Вовик и Раша плакали вслух, от печали.

А Максимилла Нефодична тоже кричала, и даже бросилась на землю от огорчения.

Даже Павел Григорьевич сказал:

– Пожалуйста, господа, пойдёте отсюда, а то у меня душа болит, когда я вижу, что плачут.

И мы пошли домой. Мамочка, Папочка, мы, то есть Бронця и я, и этот наш гость, который привёз нам амнистию.

На ужин у нас был жареный гусь, олений окорок, пельмени (такие пироги с мясом), варенье из облепихи (такие ягоды) и овощное блюдо со сметаной.

(Это блюдо мамочка сама готовила, потому что Максимилла Нефодична не умеет).

Потом был чай и чёрный кофе.

После ужина Павел Григорьевич сказал:

– Когда вы приехали, листовчане так вам докучали вначале, хотели вас насмерть напугать, а теперь сокрушаются, что вы уезжаете.

А Папочка сказал:

– Когда мы узнали друг друга, то подружились, а что нас хотели запугать – не их вина – а тех, кто их обманывает и подстрекает. Система Каткова, система *клеветы* до добра никогда не доводит.

Папочка потом объяснил мне, что *клевета* это неправда про кого-то, так я тоже вам, Тётенька и Дяденька, это объясняю.

А Павел Григорьевич кивал головой и сказал:

– Ваша правда, Пшемислав Зигмунтович, система *monsieur* Каткова дьявольски действует! (он так и сказал: *monsieur*, наверное, умеет по-французски).

Павел Григорьевич ночевал у нас.

Наутро мы начали собираться в дорогу.

Наши дорогие соседи всё время несли нам подарки: тулупы, малахаи, пимы, разные меха, мешки с лебяжьим пухом.

И всё плакали и просили:

– Возьмите это, возьмите, дорогие, на вечную память от любящих вас листовчан.

Папочка говорит:

– У меня голова кругом идёт, как мы увезём все эти тюки, а принять надо, чтоб не обидеть наших приятелей.

Мамочка и Папочка раздали соседям наши поля и хату, и всю обстановку.

Грустно мне, что мы покидаем Листочек, Даню, Вовика, Рашу, Максимиллу Нефодичну, всех здешних детей и всех соседей.

Но я вновь перескакиваю, это от радости, что мы едем в Польшу, что я узнаю Тётю Аду, Дяденьку Кацпера, Вицуша, соседей по Поланувке и саму Поланувку...

Тётечка Ада! Дядечка Кацпер! Наверное, и в Поланувке есть добрые люди и дети, с которыми мы с Бронькой сможем подружиться и полюбить их.

Есть, есть, я чувствую!

Бронця и я целуем ручки дорогой Тёте Аде и Дядюшке Кацперу.

*Любящий племянник,
Сташек Хожевский,
Сибиряк».*

И вернулись они в Отчизну...

Обрели во владение наследие своих предков...

Они трудились в нём, во имя бессмертных заветов, что не имели права угаснуть в сердце поляка, и никогда не забывали напоминания из Юлиуша:

*Владейте собой, ибо вы – как люди, стоящие на пьедестале;
и те, что придут, увидят вас.⁵³*

Из записок 1863 года и последующих лет

Шимон Токаржевский
ТЕРНИСТЫМ ПУТЁМ
Воспоминания о
тюрьмах, каторжных
работах и изгнании
Варшава, 1909

СЛОВО ОТ АВТОРА

*...Под плитами, на которых вырезано имя Отцов,
Мы накрепко связаны с миром в вихрях столетий...*

ти слова Казимира Бродзинского я не мог бы, конечно, отнести к себе.

Судьба несла меня, как слабый листик, оторванный бурей от родимой ветки... Судьба, от Топорницы в Земле Любelsкой, через Львов, Замоштье, Варшаву, Москву, прихотливо швырнула меня в иную часть света, за Урал и далее, ещё далее, над Амуром, а оттуда обратно через Байкал, Иркутск, снова в Европу, над Галичским озером¹ в Костромской губернии, губернский город Галич, где и пишу эти слова.

Воспоминания из крепости, во время первой моей каторги в Омске, я писал за пределами цивилизованного мира, в пустынной тиши Большого Участка, будучи свободным от политического надзора. Я писал их довольно систематично и в хронологическом порядке.²

Всё по иному в годах 60-х.

Случаи из своих вынужденных и столь далёких странствий я описывал лишь урывками, в разных обстоятельствах, весьма разных местностях.

.....

Бывало, шквал впечатлений переполняет душу в походе, на этапах, на каторге, среди моих коллег-изгнанников... Сейчас же берусь за перо – впечатления ложатся на бумагу – и эти исписанные листки по мере возможности я посылаю приятелям на Родину.

Множество таких страниц потерялись в дороге или их «сгубили голуби»...³

И сейчас, и в Галиче, трудно мне систематически писать свои воспоминания. Я всё ещё под надзором полиции. Каждую пару дней является ко мне страж «публичной безопасности», и если бы захотел, мог бы приходить ежедневно.

И всё с тем же стереотипным вопросом:

Источник:

Tokarzewsky Szymon. Ciernistym szlakiem. – Warszawa, 1909. [Токаржевский Ш. Тернистым путём. – Варшава, 1909. – На польском языке].

– Как ваше здоровье?... – по своему усмотрению или настроению, он имел бы на то право, обыскать мои вещи – мог бы пересмотреть все мои бумаги, забрать их с собой, мог бы их уничтожить и никогда не вернуть. Ему дано право всё это сделать, – я же протестовать права не имею.

Должен признать, однако, что в Галиче у меня не было ни одного обыска...

Итак, собралась пачка воспоминаний о моей второй каторге и девятнадцатилетнем изгнании.

Встреча с ксёндзом Щегиевым в Люблине в 1884г. особенно побудила меня включить во вторую часть моих воспоминаний те обстоятельства, о которых я уже упоминал в первой части.⁴

Шимон Токаржевский

1⁵

*В груди сармата коль кровь взыграла,
Пошёл он в поле крушить врага,
А коль любить душа велела,
Он Бога любит, и свою страну.*

*И сгинули всякие бесы с пути,
Души не коснулись рубцы,
Ведь сабля и ладанка есть у него,
А в сердце Отчизна и Бог.*

ту песнь с юношеским задором пели мы, переступив порог прихода ксёндза Петра Щегиева, который был пробстом в Ходле.

– А! То паныч! – послышался голос из дома, белые стены которого живописно оплетал цветущий красный горошек.

На порог вышел босоногий подросток с растрёпанными чёрными волосами над высоким лбом, с голубыми глазами и приятным, светящимся озорной усмешкой, светлым лицом.

– Франек! – радостно приветствовал я его. – Как ксёндз, здоров?

– Здоров, Слава Богу, уже второй день ожидает паныча, – вчера даже ждал его к ужину, а паныча всё нет и нет.

– Ну вот же я, явился, проводи меня к ксёндзу.

– Ага! Проводи, – рассмеялся Франек. – Священника нет дома.

– А где же он?

– На целине, под лесом, священник и вся челядь у жнивья, я один остался дома на обмолоте.

– Как так? Жнивье и обмолот проходят у вас одновременно?

– Вроде так. Молотят жито на «деревянный ковшик».

– Ага!...

Обычно первые фуры связанных злаков священник отправляет на гумно, а ксёндз велел сразу же обмолотить урожай и раздавал беднякам своего прихода. Это и называлось «ковшик».

«Ковшик», однако, продолжался, пока в амбаре ксёндза Петра не заканчивались все запасы.

– Тогда спрячь мой узелок, Франек, – говорю, – а я пошлагаю к священнику.

– Но пусть паныч хоть присядет на минуточку, – гостеприимно приглашает Франек, ладонью стирая пыль с лавки. – Не бойтесь, ксёндз не убежит, – рассмеялся он собственной шутке, – пусть паныч немножко передохнёт.

– Я уже отдышался, мне надо к ксёндзу.

С дороги я свернул налево и к «целине под лесом», узкой межой, я шёл среди пшеничных полей, которые в сиянии заходящего солнца выглядели, как золотисто-зеленоватые волны.

На голубом небе – ни тучки, из-за леса слышится шум, от речки веет прохладой, от поля доносится смех жнецов, среди которых был и Ходельский священник в полотняном кителе, в большой соломенной шляпе. Он быстро управлялся с работой, переносил снопы и укладывал их в суслон на жнивье.

– Бог в помощь! – крикнул я издалека.

– Дай Боже! – ответили жницы, и ксёндз Щегиев, который остановился с приподнятым снопом в руках.

Узнав меня, крикнул:

– Здравствуй, сын мой!

Я поцеловал его руку.

– А диплом есть? – спросил он.

– А как же!

– Поздравляю! – снял он шляпу.

Положил сноп и бурно обнял меня, сердечно прижав к трудно дышавшей от усталости груди.

Я ещё раз поцеловал его руку.

— Зачем же, сударь, вы так маетесь? — спрашиваю.

— А ты как хотел? Чтобы я, как суслик в норе, сидел в своей халупе в такой чудный день, — возмутился священник, — ты сын помещика и должен знать, что работа на земле утомляет несильно, а скорее только укрепляет дух и тело. Таково моё убеждение, и разве я никогда тебе не говорил?

— Нет.

— Ну так сейчас сказал.

— А раз теперь знаю, то с полной верой *in verba magistri*⁶ тут же попрошусь в жнецы.

— На иное жнивье прочу тебя, сын мой.

— Я готов, сударь мой! Жду приказа и в любую минуту пойду с радостью.

— Не бойся, не долго тебе ждать приказа. Что ты расторопный парень, давно знаю... Сейчас все отдохнём, полдник нам уже несут, и мы его честно заработали.

— Полдник! — крикнул ксёндз Петр. — Эй, слышите, люди? Полдник!

Женщины сложили серпы на стерни.

Франек и пожилая родственница ксёндза Петра, выполняющая в приходе обязанности хозяйки, — принесли корзину с ломтями хлеба, намазанного творогом, и раздали жнецам.

Мы ели, смеялись, шутили, сидя на меже.

Посредине сидел священник.

С трёх сторон нас окружал благоухающий сосновый лес, звучащий обычным вечерним концертом: воркованием горлиц и диких голубей, свистом дроздов, щебетанием мелких птах и всё заглушающим кукованием кукушки.

.....

На закате солнца женщины, возвращаясь домой со своим священником во главе, пели хором:

*Белая лилия, Святая Мария,
Выбери Польшу, чтоб трон разместить...*

Обстановка в Ходлецком приходе была такая же простая, как сердце священника, что его занимал.

В первой, более просторной, комнате, так называемой «светлице», прежде всего привлекал внимание большой триптих.

Средний образ триптиха представлял Св. Станислава с ореолом над головой, епископском одеянии, со всеми знаками высокого священнического сана.

Под этим образом, по красному фону, золотыми буквами написано было обращение к Святому покровителю Польши:

*Станислав, ты мученик славный,
Отчизну навек полюби,
С Отчизной беду раздели,
Всех прав лишена Отчизна,
Умолкла молитва в сердцах
И погибает Корона...*

.....
.....
.....
.....

Этот образ и два других, из которых состоял триптих, были композицией самого ксёндза Петра. По его личным указаниям триптих рисовал некий, специально из Люблина привезённый «артист», который, очевидно, не обладая нужными данными, не оставил потомству своего имени, а у меня оно выветрилось из памяти. Аллегорические значения образов триптиха ксёндз Щегиев любил объяснять и истолковывать с присущим ему увлечением.

На стенах светлицы в Ходлецком приходе висело множество больших листов белой бумаги, на которых среди разноцветных, более или менее искусных орнаментов, были выписаны изречения из Святого Писания, или сентенции в духе следующих:

*Благополучие Родины — высший закон.
Всё для вящей славы Республики.*

Эти листы – «шедевры» учеников Щебжезинской школы, в которой у ксёндза Щегиенного множество знакомых, а также приятелей и горячих адептов.

Живопись являлась композицией её творцов – библейские сюжеты, а сентенции, по своему разумению, собирал сам ксёндз.

Карта Польской Жечи Посполитой, часы с фарфоровым циферблатом и латунными гирями, чёрное старинное распятие с фигурой Спасителя, вырезанной из слоновой кости, – столы и табуреты из тополиного дерева, на окнах – горшки цвета мускатного ореха с геранью; вот и всё, что служило для удобства и для украшения светлицы, где после ужина, состоящего из кислого молока и картофеля, Ходельский священник и я беседовали, и эта беседа полностью изменила мою судьбу.

Ксёндз Пётр Щегиенный, экс-пьяница, пламенный патриот, образцовый священник, был любимцем всех убогих и притеснённых. Страшной, порой, судьбе «малых сих», которые были ему, крестьянскому сыну, кровно близки, он сочувствовал горячо всем сердцем.

И в этих бедах он винил не богачей, не привилегированные классы, а обвинял лишь правительства стран, которые участвовали в разделе Польши.

.....
Вопросы политические, тем не менее, ксёндз Пётр Щегиенный объединял с вопросами социальными. Устройство общества он представлял, согласно собственным своим выводам, к которым пришёл в течение многих лет, когда видел потребности, традиции и надежды польских мужиков. А эти надежды он мог представить себе вполне, поскольку из всей его семьи только один брат преподавал геометрию, а потому покинул родное гнездо, все же остальные работали на своих небольших участках земли.

Социальные теории ксёндза Петра Щегиенного были совершенно иные, чем заграничные. В то время как английские, французские, немецкие социологи старались уничтожить влияние католического костёла, наш народный трибун отводил ему первостепенную роль в будущей польской Жечи Посполитой.

Священник должен был стать выборным начальником волости.

В волости, её делах, в её обычаях главенствовать должны были животрепещущие интересы народа.

Наш народный трибун мечтал, что воскрешённая Польша, управляемая согласно его замыслам, превратится в образец для всех народов, особенно для всех славян.

.....
Той ночью, памятной мне навеки, – той ночью, с 16 на 17 июля 1844г., ксёндз Пётр Щегиенный излагал передо мной свои социальные теории, которые меня сразу же поразили, ошеломили...

Смелый идеалист, ксёндз Пётр считал логичным, и глубоко в это верил, что все его намерения есть воплощение чистейшего учения Христа и самой горячей любви к Отчизне.

.....
...многократно задумывался над пламенными своими патриотическими проектами, вносил поправки и сам их отвергал – спорил со мной – а часы летели, летели...

.....
А в это время в окнах мелькали в голубовато-фиолетовой мгле более светлые покровы, которые наступали из-за леса, тёмный сапфир неба начинал бледнеть, звёзды исчезали, понемногу угасал серебристый блеск молодого месяца – темнота быстро исчезала, всё больше отступая перед разливающимся светом с востока.

...– Итак, – в итоге нашего разговора, – сказал ксёндз Щегиенный, – более всего проникнись тем убеждением, что для человека, радеющего за добро Родины, *невозможности* не существует вовсе, возможно всё, лишь бы голос правды, голос просвещения дошёл туда, куда следует.

.....
...– Итак, сын мой, – продолжил он, – ежели хочешь странствовать от села к селу по всей стране, и от хаты богатого земледельца до беднейшей землянки батрака, не минуя ни одной, как второй Пётр Амьенский, призывать люд...

– Хочешь?

Он вперился в мои глаза своими быстрыми, мудрыми, проникновенными очами, будто пытаюсь заглянуть в глубины моей души.

Не опуская глаз перед взором ксёндза Щегиевского, я упал на колени и восторженно крикнул:

– Именем Бога Всемогущего присягаю, что хочу и жажду из всех сил моих верно служить Отечеству и никому иному, и никакому иному делу, чем то, о котором говорили. Если я изменю этой присяге, пусть Бог меня тяжко покарает. В свидетели призываю всех покровителей этой несчастной страны и Святейшую Богоматерь, королеву Небес и Польши.

– Амен! – торжественно сказал ксёндз Щегиевский, положил мне на голову благословляющую ладонь.

Мы договорились, что ещё один день я пробуду в Ходлецком приходе, чтобы с ксёндзом Петром обдумать подробно те вопросы, которые полностью не оговорили, и чтобы посоветоваться по некоторым подробностям. Потом я должен был начать свою службу, как «эmissар».

Боже! Каким счастливым я чувствовал себя! Каким гордым!

Хотя я был ещё юнцом, диплом Щебжезинской школы давал мне право считаться самостоятельным человеком... А к тому же – та миссия, которую мне доверили!

.....

С сияющим лицом, с лёгким узелком на плечах, с корзинкой в одной руке и суковатой палкой в другой, в день моего покровителя Шимона из Липницы 18 июля, после мессы, отслуженной за меня, ранним утром я вышел из Ходельского прихода, резвый, бодрый, весело напевая:

*Ночь проходит, утро светит,
Творца жаворонок славит,
Путнику видна дорога,
Всемогущего он хвалит.*

С этой песней я устремился в путешествие, этапами коего стали: тюрьма во Львове, крепость в Модлине, а далее – омская ка-торга.

* * *

24 октября стоял один из самых красивых дней осени 1844 года – и одновременно он был самым прекрасным и торжественным днём для последователей Петра Щегиевского.

На всех дорогах, тропах, стежках, что вели к деревне Крайно⁷, былолюдно и шумно. В самом Крайно полно бричек, телег с плетёным кузовом, возов с корзинами, – полно породистых рысаков, мужицких коняг – настоящий муравейник людей из близких и дальних околиц, много шляхтичей, многочисленных городских жителей – все весёлые, хотя и настроены очень серьёзно.

Ибо разнеслась весть, что запасы оружия и амуниции уже наготове, что «чарахи»⁸ и «кулоны»⁹, рука об руку и плечом к плечу пойдут вместе с мужиками.

Эту весть принесли *эmissары*, которых ксёндз Пётр Щегиевский поразослал по всему краю для пропаганды своих идей.

Некоторые из них к 4 октября тоже появились в Крайно.

Среди них Людвиг Корчинский¹⁰, Святославский¹¹, также автор этих строк и ещё несколько других.

Эмиссары снуют среди толпы и сперва шёпотом, потом и громко, уже прямо говорят, что: «Всё готово, ожидаем только команды; шляхта, мещане, все как один, пойдут с человеком».

Пошли... Фактически шляхта, и мужики, и мещане, собравшиеся в Крайно 24 октября 1844г. пополудни, потянулись под лес, за деревню, когда на холм взойшёл Пётр Щегиевский в белом стихаре и красной епитрахили и, стоя под крестом, сперва объяснил цель митинга, потом сказал:

.....
.....

...Если среди вас, дорогие мои слушатели, найдутся люди слабой воли и сомневающиеся сердца, вы, сильные и верящие, укрепите их надеждой.

Сейчас мы вознесёмся сердцем к небу и помолимся, чтобы по Христову наказу мы могли любить друг друга и с этого дня сгинут на нашей земле безобразные сорняки: зависть, раздоры, распри, и что с этого дня исчезнут титулы пан, шляхта, название мещанин, мужик, и будет только одно наименование для всех:

брат. Станем мы обращаться друг к другу, дети одной земли. Она была нам колыбелью, она кормит нас, и наш прах принимает в своё лоно...

Ходельский священник ни пользовался изысканными выражениями, ни риторическими фигурами – он говорил просто, доступно, но пламенная сила его чувства приковала к нему, захватила слушателей. После речи ксёндза Петра мы готовы были отдать жизнь друг за друга...

А Ходельский священник окропил и благословил толпы, а потом встал на колени под крестом и запел песню Барских Конфедератов:

*О, Мария, утро злато,
Отвори нам неба врата...*

.....

Западная часть неба горела пурпуром. Солнечный шар на небосклоне зарделся красным светом, который полосами опускался на тёмный сосновый бор, на зелёное поле озимых и по берёзовой коре словно стекали ручьи крови.

Эхо несло песню далеко и вторило поющему.

.....

На завтра после митинга под Крайной, мужик Валентин Яниц донёс о нём Киелецкому губернатору Биалоскурскому.

Тот отдал приказ ксёндза Петра найти и поймать.

Тогда ксёндз Пётр укрылся в монастыре Отцов Бернардинцев, в живописной Карчувце под Кieleцами. Ему советовали и настаивали, чтобы он скрылся за границей.

Но убедить его не удалось.

– Я останусь тут, – сказал он. – Предал один из нас. Ну и что?... Среди двенадцати апостолов всё же нашёлся Иуда Искариот – но от этого Учение Христово не померкло. Не померкнет и наше дело из-за этого предательства. А я ведь не могу оставить тех, кого призвал к действию, – с моей стороны это была бы подлость и трусость, – а подлости и трусости я себе не позволю, пока живой. Я обязан терпеть вместе с ними, или вместе с ними погибнуть, если такова воля Божья.

Итак, он остался.

.....

Но наш народный трибун со своим пламенным темпераментом, с неисчерпаемой своей энергией и жадой деятельности, не мог долго оставаться в тиши монастырских стен, не действуя.

Для пропаганды своих идей, для продолжения акции, прерванной предательством Яница, – часто выходил на околицы. Во время одной такой прогулки, в деревне Билчи его схватили жандармы и привезли прямо в губернаторский дом в Кieleце.

Кieleцкий губернатор Биалоскурский выбежал навстречу ксёндзу Петру.

– Биалоскурский, хозяин этого дома, – представился он, – *humillimus cervus*¹² ваш, почтенный ксёндз каноник, безмерно рад знакомству с таким знаменитым человеком.

– Я вовсе не знаменитый человек, а покорный слуга Божий, моих собратьев и Отчизны, – скромно ответил ксёндз Петр¹³, – титул каноника мне не принадлежит, – я всего лишь священник Ходельского прихода.

– Прелат, каноник или священник, мне всё равно, – ответил губернатор, – для меня ксёндз, сударь, всегда самый дорогой гость.

– Пан губернатор слишком снисходителен ко мне, бедному священнику, – ответил ксёндз Щегиенный, – и эта снисходительность позволяет мне задать вопрос: с каких пор на польской земле «дорогих гостей», подобно бродягам, доставляют жандармы под escortом?...

Пан Биалоскурский попытался убедить ксёндза Петра, что посягновение на его особу – просто неправильно понятый губернаторский приказ, тут же велел позвать из канцелярии каких-то чиновников, которых так ругал и «дурачил», что доверчивый Ходельский священник даже за них заступился.

Множеством заверений, что в его сердце *Amor patriae*¹⁴ главенствует над всеми чувствами, губернатор Биалоскурский полностью завоевал доверие ксёндза Петра, который обо всём ему рассказал, – только заговорщиков и агитаторов не назвал.

Долго народный трибун и губернатор беседовали, как наилучшие друзья и приятели...

Попрошались, пожав руку друг другу, со словами:
– До скорого свидания, на ниве общей патриотической деятельности!

Через день после этого разговора, ксёндза Петра Щегиенного, в кандалах, под усиленным эскортом жандармов и казаков отвезли в Варшаву.

Допрошенный в крепости, ксёндз Щегиенный не отрицал выдвинутых обвинений.

Его приговорили к смертной казни...

Из крепости его привезли в Киелец.

В Киелцах, на площади перед кафедрой, водрузили очень высокую виселицу. Её окружал военный кордон с заряжённым оружием, нацеленным как для атаки. Толпа понурая, молчаливая, удручённая. Иногда слышались всхлипывания.

Ксёндз Щегиенный смело взойшёл на эшафот. Палач снимает с него священническое облачение и надевает «рубаху смертника».

Ксёндз Петр целует крестик, стихарь, медальончики, которые носит на шее, и кричит:

– Польский народ!...

.....

Солдаты отбивают дробь на барабанах с удвоенной силой.

Ропот и барабанная дробь заглушают голос ксёндза Петра.

Палач одевает ему верёвку на шею...

Стон вырывается из тысячи уст...

Тем временем на месте казни появляется офицер на взмыленном коне...

На острие сабли развивается белый платок...

– Помилование! Помилование! – громом отзываются крики толпы.

Да.

Наместник Королевства Польского, князь Паскевич, через одного из своих адъютантов прислал помилование и заменил смертную казнь на пожизненную каторгу.

В толпе – взрыв неудержимой радости...

Женщины падают на колени с благодарственными молитвами...

Под виселицей ксёндзу Петру читают акт о помиловании. Помощники палача снимают с него «рубаху смертника», надевают арестантскую одежду и сажают в кибитку¹⁵. Прямо с места казни его везут в Сибирь. В Нерчинске, в рудниках, ксёндз Щегиенный, вместе с несколькими своими товарищами по каторге, основал нечто вроде коммуны, согласно своим теориям. Участники коммуны должны были поровну делиться плодами своих трудов. Но оказалось, что самые ленивые из них выискивают и используют работающих и деятельных, пользуются их заработками, а в общую кассу не вносят ничего.

.....

Итак, коммуна в Нерчинском руднике, основанная ксёндзом Петром Щегиенным, должна была распасться и... распалась.

.....

После воцарения Александра II в 1857г. ксёндз Щегиенный вернулся на Родину и осел в Люблине, как частный человек, поскольку амнистия не вернула ему священнического сана. – Разрешение отправлять священнические обязанности выправил для ксёндза Щегиенного светлой памяти любельский епископ, ксёндз Вноровский в 1883г., по случаю коронации царя Александра III. Теперь ксёндз Петр Щегиенный жил при госпитале Бонифратов, как священник этой больницы.¹⁶

Через несколько месяцев после своего возвращения на Родину, после девятнадцатилетнего изгнания, в году 1884-м, я специально поехал в Люблин, чтобы встретиться со священником Ходельского прихода.

Теперь мы оба были уже седыми стариками.

Это была наша последняя встреча на этой земле «перед отлётом».

История осуждает деятельность ксёндза Щегиенного и щегиенщиков. Впрочем, истории трудно судить справедливо и беспристрастно о деле, которое казалось прерванным предательством.

Ходельский священник сохранил крестьянские привычки, но обладал такой удивительной тонкостью, такой деликатностью чувств, какие редко встречаются даже у людей самых изысканных и образованных. Он навсегда сохранил самые светлые побуждения и веру в лучшее будущее народа.

* * *

Вместо ожидаемого «сигнала», подобно огненной молнии, поразила нас весть об аресте ксёндза Петра.

Причём множество заговорщиков, в частности, из шляхты, тоже схватили и увезли в крепость.

Я отправился в родные края и в Миелише у своего отца ждал развития событий.

Во второй половине декабря 1844г. капитан Лойевский из Замоштья, рано утром, с четырьмя жандармами прибыл в Звежинц и вместе с местным головой Кжанстовским явился к преподавателю геометрии Юзефу Воздецкому. Велев ему приготовиться к дальней дороге и оставить при нём на страже двух жандармов, Лойевский с остальными своими помощниками явился в дом моего дяди.

Было шесть часов утра и в эту пору все ещё спали сном праведным, когда вторглись непрощенные гости.

У капитана был приказ арестовать Токаржевского, но в приказ забыли вписать имя виновного.

Перед тремя Токаржевскими капитан стоит в замешательстве...

Как быть? Которого брать? – догадаться трудно.

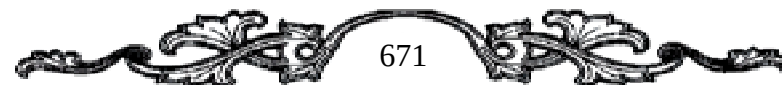
Отец показался капитану слишком старым для заговорщика. Один из сыновей, вздорный подросток, который двумя часами ранее приехал из Люблинской школы на рождественские праздники, был слишком молод и не выглядел так, чтобы уже успел как-нибудь нашкодить, – тогда он додумался, что брать надо старшего сына, что он и сделал, и повёз меня в Замоштье вместе с ранее арестованным Воздецким.

Обоих арестованных капитан под стражей задержал в своей квартире.

Лишь после целого месяца грянула весть об арестах. В дом капитана приходили разные люди, за более подробной информацией, потому что, кто же в ту пору не имел среди близкой родни скомпрометированных лиц?

.....

Кто-то более осведомлённый в подобных делах обратил внимание капитана, что с Токаржевским явно вышла ошибка.

Но получил ответ:

– Пусть тогда истинный виновный немедленно объявится, и тогда всё выяснится.

Итак, мой двоюродный брат Станислав Войтасевич¹⁷ отправился в Миелиш с сообщением о том, что произошло в Звежинце и о предостережении Лойевского. Для меня оставался единственным выход, чтобы спастись: бежать из Галиции.

Выехал я из дому поздно ночью. Вечером следующего дня прибыл к знакомым, которые заранее предупредили, что помогут мне перейти границу.

И в самом деле, дали мне хорошо осведомлённого проводника, с которым, вскоре после моего приезда, мы отважились на этот небезопасный переход.

Я надел мужицкую одежду и через сад мы вышли на луг с глубоким рвом посредине.

Именно этот ров и разделял две соседствующие страны: Австрию и Россию. Но земля по обе стороны рва принадлежала одному владельцу.

Сильный мороз усиливался ещё пронзительным ветром, – небо искрилось от звёзд, по небосводу плыл молодой месяц, слабо освещавший гористую местность.

Далёкие леса, – словно чёрные редуты, – а стоящие поблизости прямые, стройные сосны выглядели, как пикеты, эти редуты стерегущие.

Опасность нашего похода ещё увеличивалась из-за светлоты, чуть не дневной ясности, а тем более скрипом замёрзшего снега при каждом нашем шаге, да ещё ледяная скорлупа, покрывающая лужи, ломалась под нашими стопами. Не раз мы попадали в воду по колени. Окна домика российской пограничной стражи ярко светились.

Мой проводник осторожно подошёл к домику, несколько минут вглядывался через окно вглубь комнаты, вернулся ко мне с разочарованным лицом.

– *Объездчиков* сейчас аж шесть. Но эти *бестии* играют в карты, пьют, ссорятся, так что целый полк с артиллерией и даже с пушками мог бы перейти сейчас границу, а они бы ничего не слышали, пёсьи дети. Наша удача! – засмеялся он. – В путь, паньч!

Когда мы шли по берегу рва, вдаль заметили тёмные силуэты двух человек, которые чётко вырисовывались на снегу.

Мы приостановились.

Люди – тоже. Я шепнул проводнику:

– Мы погибли!...

– Слава Богу, нет! – рассмеялся компаньон моих приключений. – Это какие-то шаромыги возвращаются с контрабандой. Мы их перепугались, а они – нас.

Ну, неудивительно!

Наконец, мы перескочили через ров.

.....

Ещё несколько десятков шагов, и попадём в «австрийскую таможеню». Нам навстречу вышел какой-то заспанный стражник.

– Откуда вас Бог послал, люди? Куда идёте? – спросил, и не ожидая ответа, не потребовав показать личные документы, позволил нам спокойно пройти.

Недалеко от австрийской таможни находилась усадьба моего дяди, где я и нашёл убежище, мимолётное, конечно, учитывая близость к российской границе. Поэтому дядя отослал меня в имение своих знакомых, несколькими милями дальше.

Там мне прежде всего сказали называть себя Яном Томашевским, и всем, кто был вправе задавать вопросы, отвечать, что я уроженец деревни Хваловице в Германском полицейском округе.

Итак, для мнимой свободы я должен был отречься от своего родового имени!...

Сведения, которые я получал из родного дома, были тревожные. Капитан Кригнер с жандармами несколько раз приезжал в Миелиш из Хрубешува; провёл у отца пристальнейший обыск в подворье и во всех хозяйских помещениях – жандармы в это время обходили околицы и спрашивали обо мне.

При правлении Меттерниха, польская территория у самой австрийской границы никак не могла быть безопасным убежищем для политических преступников.

Значит, надо было опять уходить, всё дальше и дальше, неизвестно куда, – как говорится, «к приятелям моих приятелей».

Так я дошёл до Львова, где пробыл пару недель.

Осторожность подсказывала не очень-то показываться на улицах. Я жил на улице Широкой в отеле Хоффмана. Во Львове никто не мог бы сказать, что не знает этого отеля.

Я посетил только пару костёлов.

У Бернардинцев побывал однажды на мессе, которую отправлял изгнанник ксёндз епископ Гутковский. Другой раз я побывал в этом же костёле и попал на молебен, который проводил «халдеец» на своём родном языке, – он был капуцином Вавилонского братства.

Этот монах, единственный из своего конвента, избежал резни, учинённой в его монастыре разбойниками. Пешком он отправился в Рим. Благополучно прошёл Армению, Грузию, но был арестован в Каменец-Подольске и целых шесть месяцев просидел под арестом, пока о нём навели справки. Во Львове он задержался надолго, каждый раз служил мессу в другом костёле, по халдейскому обряду. Напев халдейского священника походил на религиозное пение римско-католических заупокойных молебнов. Перед Евангелием прислужник, помогавший капуцину, ставил посреди костёла пюпитр, на него клал служебник, капуцин от алтаря ходил к пюпитру и отпевал Евангелие по служебнику, после чего возвращался в алтарь; во время освящения отворачивался от народа и поворачивался к тем, кто принимал причастие. В конце мессы пел какую-то бодрую мелодию, похожую на плясовую.

Обычно на молебны, отправляемые этим халдейским капуцином, в костёле собирались толпы любопытных, которые нередко вели себя так, словно находились на каком-нибудь концерте или театральном представлении, что, по моему мнению, оскорбляло святых и религиозность обряда. Умственной, патриотической жизни во Львове в ту пору я не наблюдал, поскольку у меня просто не хватало для этого умения.

Очень прискорбно было жить за счёт отца, с которым даже переписываться было затруднительно. Бездеятельность меня сильно угнетала; одиночество, неуверенность в завтрашнем дне, жизнь со дня на день, без надежд, без будущего, всё более омрачали мою жизнь – поэтому я охотно принял предложение выехать в деревню в качестве помощника управляющего имением, в Самборском округе.

Этот управляющий, некий Криницкий, человек без всякого образования, с грубыми и низкими инстинктами, выходец из мелкопоместной шляхты, но надменный сверх всякой меры, как будто был потомок гетмана, ненавидел мужиков: «Мужик это гадина, которую надо гнобить, если он только дастся!» – так он говорил, гордясь возможностью издеваться над мужиками.

Разумеется, мужики платили ему той же монетой. За ненависть с лихвой платили ненавистью. Нигде не было столько выпасенных лугов, столько ущерба в лесу, столько раздоров между хозяйским двором и мужицкими хатами, как в С. при правлении «Канчуговича».

Так, в тайне души, я называл этого господина, помощником которого временно стал. Впрочем, – не помощником, а попросту мальчиком на побегушках у Криницкого.

У меня не было никаких оговорённых постоянных занятий. Меня то посылали на пашню следить за работниками, то на молотьбу, то отправляли в лес дозорным при укладке сажен, то на лесопилку, где мастер-немец и пан управляющий постоянно находились в состоянии войны и распрях, тем острейших, что не могли понять друг друга, – немец очень слабо знал польский язык, а Криницкий не понимал по-немецки ни полслова.

Поскольку в родительском доме я получил приличное знание немецкого и французского, меня не раз привлекали, как переводчика, когда воюющие стороны обменивались оскорблениями.

Недаром всё же поговорка гласит: «*traduttore – traditore*»¹⁸ – я в роли толмача не раз подливал масла в огонь, мысли этих господ преподносил в превосходной степени, чем приводил их в истинную ярость, а себе самому доставлял большое удовольствие.

Хотя разнообразные обязанности, какими был обличён, я исполнял честно и старательно, мне никак не удавалось потрафить моему начальнику, который требовал, чтобы я возможно чаще использовал батоги и палку.

Этого пан Криницкий от меня добиться не смог.

Для щегленчика, проникнутого идеей демократизма, для человека, который, как я, раньше всегда жил среди народа, который научился его любить и уважать в нём его трудолюбие, жизнь в С. была гнетущим испытанием.

А над двором, где постоянно ворчащий властитель жил с матерью-старушкой и сестрой, бледной, унылой барышней, над всем С. вообще будто висел тяжёлый траурный покров.

Сюда никогда не приезжали гости, отсюда не забирали письма, но, словно в ожидании какой-то важной корреспонденции, на почту ежедневно выезжал верховой посыльный.

Иногда, чаще в сумерки, когда всякие разговоры в хозяйском доме умолкали, бледная барышня пела разные печальные песни:

*Оба молодые, как весенний цвет,
Любили друг друга с самых детских лет.
Предназначены друг другу
И помолвлены друг с другом.
Любовь им счастья не дала
Его Отчизна позвала.
И он погиб.*

.....
*Близ Кракова лежит могила,
Несчастных двух влюблённых
Лишь смерть соединила...*

Или:

*Встал перед древним дедовским гербом,
Сармат молодой, что о небе мечтал,
Говорит: сердце польской девицы,
Как магнит, привлекает к себе.
Рыцаря панна оторвала от неба,
Говорит: магниту подобны наши сердца,
Но для магнита потребно железо –
Вместо цитры – возьмите мечи.*

Звуки клавикордов и милый голос бледной барышни долетали до моей комнатухи во флигеле.

Известные мне мелодии и слова были как бы приветом из отцовского дома, приветом родимых мест... Ибо эти и подобные им песни, под клавикорды, или под гитару, пели девицы в эти

годы по всей Земле Польской, когда столько молодёжи исчезало без вести на долгие годы...

Работая в саду при стрижке шпалеров, я встретил сестру хозяина.

По моим жестам, по облику, она догадалась, что я интеллигентный человек.

Ибо тогда не всякий был тем, за кого себя выдавал, но хорошая интуиция что-то мне подсказала.

Короткий обмен мнений по поводу каких-то садоводческих вопросов вскоре сменился долгими разговорами между нами и сердечными признаниями.

Меня пригласили в дом, где я узнал, что брат и жених бедной барышни, как члены «Союза молодёжи» попали за границу и исчезли без вести.

Вот почему усадьба в С. была овеяна печалью, вот почему каждый день конный посланец отправлялся на почту.

С этого разговора в саду так и пошло, что обычные вечера и праздничные дни я проводил в усадьбе. Участь моя сейчас совершенно изменилась, – Криницкий обходился со мной почтительно и не нагружал меня так работой.

При таких обстоятельствах наступил страшный 1846 год Галицкой резни.

Хотя этот страшный, кровавый разгром разразился в Западной Галиции, но повлиял и на округа восточные.¹⁹

Земские помещики во множестве бежали во Львов.²⁰ Во всей Галиции объявили военное положение.

Начались массовые аресты подозреваемых в заговорах, а потом и самых лояльных сторонников власти тоже отправляли в тюрьмы, которые пришлось устраивать уже и в частных домах за неимением места. 2 марта 1846 года окружной комиссар Солецкий с двумя ланцдрагунами²¹ приехал к С., арестовал меня и повёз в Самбор.

В Самборской тюрьме я встретил знакомого Яна Дымницкого, который теперь именовал себя Антоном Потоцким, – а также Антония Подолецкого, Рудницкого из Залещика, Гаденика, мандатария с венгерской границы, Себовича с Земли Любельской, и ещё пару жителей Польши, имена которых я не запомнил, поскольку знал, что они фальшивые.

При первом допросе я назвал своё мнимое имя. Но когда следствие доказало, что в Хваловице в округе не было ни одного Яна Томашевского, – я назвался Феликсом Ходкевичем, который якобы укрылся от военной службы в Люблине.²²

Подолецкого вскоре выпустили, а мы все остались в тюрьме.

Днём и ночью я думал о побеге.

Строил невероятные планы, одни из коих приходилось сразу отвергать, как невыполнимые, а другие – как слишком рискованные. Я комбинировал, размышлял. И вдруг подвернулись удобные обстоятельства для побега.

Одним из наших ежедневно сменявшихся дозорных был некий Мельничук, любитель попивать, который, будучи под хмельком, нам, арестованным, позволял много такого, что другие дозорные не позволили бы никогда.

И вот, как-то раз, во время дежурства Мельничука, появилась пара бутылок крепкой водки, и угощая его через небольшие промежутки времени, под вечер мы напоили нашего дозорного вдрызг.

Он примостился в каком-то глухом уголке и задремал.

Сперва мы пристойно оделись, потом поверх одели привычный в тюрьме поношенный шлафрок.

Выбежать на территорию тюрьмы, скинуть с себя шлафрок, перескочить через забор, добраться до соседнего с тюрьмой сада, оттуда выйти на улицу через садовую калитку, – всё это нам удалось за несколько минут.

Мы оказались на уединённой улочке, где резвились городские дети, – они пускали в небо воздушных змеев, которые, поднявшись ввысь, трепыхали ажурными хвостами.

Свободненько, спокойненько, подвигались мы, как первые наилояльнейшие слуги чиновного заведения, которые, после целодневного вдыхания затхлого воздуха канцелярии, хотят оживиться свежей вечерней прохладой.

Мы шли, весело шагая, с полной безмятежностью, размахивая сорванным в саду прутиком.

Таким прогулочным шагом мы прошли рогатки и вышли за город.

Но куда податься?... Решать надо было очень быстро, потому что легко представить, что скоро Мельничук проснётся и,

заметив моё отсутствие, поднимет страшную тревогу, пошлёт погоню на все тракты и нас вмиг поймают.

За рогатками перед нами открывались несколько направлений. Через Сколе к Венграм – одно, в Болехово – другое.

Венгры меня не очень привлекали – отсутствие денег и какой-либо помощи в совершенно незнакомом месте были тому причиной. Под Болеховым жил мой коллега по тюрьме Антоний Подолецкий. Этот бы меня без всяких колебаний принял и помог бы добраться до Венгров. Но если я Антося не застану дома?... Что тогда?...

На этот вопрос ответа не было. Так, маясь сомнениями, я пошёл к Самбору – с намерением пойти к С., где, я был уверен, меня сердечно приняли бы и не отказали во всевозможной помощи.

Ночь стояла тёмная. А поскольку сейчас было категорически запрещено ездить по ночам, – я смело пошёл вперёд пешком.

Вскоре я услышал за собой тарахтение брички.

– Ого! Это гонятся за мной, – подумал, без колебания прыгаю в ров, тут же у дороги, и ложусь на самое дно...

И в самом деле, это была одна из посланных за мной погонь...

Однако она проехала и я бежал дальше.

С Самборского тракта повернул в сторону.

Уже светало, когда я дошёл до леса, совершенно измученный бегом и множеством впечатлений.

Лес полон толстых ветвей, поросших мхом и жёлтыми наростами, полон очиток и чабреца.

Я выискал место, где ветки образовали шатёр, внутри которого я был полностью защищён от любопытных людских взоров, и рухнул на землю, и на мягкой пахучей подстилке из мха, богородской травы и очитка, в этом защитном месте уснул крепким живительным сном.

Проснулся я около полудня.

Я намеревался весь день провести в лесу, а ночью знакомыми мне тропами пробраться к С.

Оставив своё укрытие, на закрытой дороге я встретил лесничего с двустволкой через плечо. Это был некий Вьежбицкий, который по разным делам часто бывал в С., так что мы были

хорошо знакомы. Зная, что я арестован, и увидев меня в лесу, он сразу догадался, что я сбежал из тюрьмы.

Он первым подошёл ко мне и, поздоровавшись, очень сердечно пригласил к себе.

– В моей убогой хатке подкрепишься, молодой пан, отдохнёшь перед долгой дорогой, потому что пану нужно возможно скорее покинуть эти края. И моя жена будет рада славному панычу. А то живём, как в пуще, гость у нас – редкость. Сегодня утром жена говорит: «Кошки усердно умываются, сороки всё время стрекочут, не иначе, гость прибудет», – а вот он и гость, да ещё какой!

Он по-приятельски взял меня об руку.

– Пошли! Пошли, молодой пан, – настаивал он.

Я поблагодарил за приглашение, но отказался, мотивируя отказ возможной неприятностью с властями и строгой ответственностью.

Я просил только, чтобы на условленное место он принёс мне какой-нибудь еды и запас пищи, за что обещал заплатить. Он согласился и поспешно отошёл от меня, а мной овладело предчувствие, что этот гостеприимный добродушный лесничий предаст меня и выдаст властям. В подобных сомнениях, шаг за шагом, я последовал за Вьежбицким и укрылся здесь же, в кустах, откуда мог видеть всё лесничество, как на ладони.

Это оказалось очень удобным укрытием.

Перед «хаткой» на пороге умывался белый котёнок – множество сорок стрекотали на плетне.

– Эй! Эй! Госпожа лесничиха, оправдается ли твоё предсказание, что сегодня будешь с гостями, – подумал я.

Тем временем пан Вьежбицкий вывел из конюшни оседланного коня, сел на него и галопом помчался по дороге в деревню.

Предчувствие меня не обмануло. Вьежбицкий предал.

Я убежал вглубь бора.

Меня жгло возмущение, горячка, докучала несносная головная боль, силы покидали меня.

В этой лесной гуще я провёл страшный день...

Вечером я вышел в разведку.

С холма, который высился над околицей, я увидел расставленных дозорных.

Несколько десятков мужиков из окрестных знакомых мне деревень, которых я знал, сколько-то ланддрагунов, местный мандатарий с комиссаром Солецким во главе, окружили бор такой тесной цепью, что разве заключённый, наделённый крыльями, или птица, могли бы выбраться из этой ловушки.

Меня подстерегли, поймали и привезли в Самбор в кандалах, точно через 46 часов после моего побега из тюрьмы.

Однако, я ещё раз попытал удачу.

Я приподнял доску в полу под подстилкой, выкопанную землю сыпал в печь, расшатал кирпичи в фундаменте и ожидал только ночи, дождистой и тёмной, потому что тогда стражник укрывался в будке, засыпал, предоставив тюрьму и заключённых их судьбе.

Но как назло ночи были лунные, безоблачные, удивительно погожие и тёплые.

Тем временем, российские власти в Люблине ожидали Феликса Ходкевича, то есть меня.

Итак, где-то в конце мая, Себовичу и мне было сказано готовиться в дорогу.

Кандалами нас приковали друг к другу, его за руки, а меня за ноги, «для безопасности», цепь закрепили к брускам брочки, и мы двинулись во Львов. На улице Сикстуской, в старой пивоварне Калембаха, устроена была превентивная тюрьма для преступников разного толка.

Туда проводили и нас обоих.

В обширном сводчатом зале оказалось более 50 человек разного возраста и роста – одни выше, другие ниже, в этой камере, полной грязи и хамства, ждали мы суда и его решения. В самом тёмном углу на горстке соломы, стёртой в порошок, под ошметками грязной одежды, лежал какой-то еврей. Раны и гнойники покрывали лицо, руки и всё его тело.

Никто этим несчастным евреем не занимался, никто о нём не беспокоился, часто он оставался голодным и без воды, потому что дозорные неохотно подходили к его углу, где этот бедняга устроил себе лежбище. Из сотоварищей по тюрьме никто ничем ему не помогал. Напротив, они всячески кляли его за то, что тот стонал слишком громко.

Образ этого еврея из Львовской тюрьмы на улице Сикстуской, преследовал меня долгие годы страшным видением во время горячечных снов в крепости и на каторге.

Не знаю, за что был осуждён этот еврей. Может, он был бродягой?... А между тем, он был человеком очень тонких чувств. Я не мог ничем доказать ему своего сочувствия, кроме как обращаться к нему с добрыми словами и... надеждой. И как же он был мне за это благодарен!... Как горячо благодарил меня на своём плохом польском языке, как обещал молиться за меня Иегове!... Как сердечно простился со мной:

– *Счастливой дороги!* – когда мы покидали тюрьму на улице Сикстуской.

В первый день Троицы мы должны были отправиться в Жулки.

Наш стражник ланддрагун, венгр, потребовал, чтобы я перед выходом из тюрьмы дал ему слово чести, что не буду делать никаких попыток побега, и тогда он не наденет на меня кандалы.

Я дал слово чести и через Иезуитский сад он проводил нас на свою квартиру, где его жена, тоже венгерка, приготовила для нас очень вкусный обед. Когда она отказалась от оплаты, я хотел хотя бы угостить вином наших хозяев.

– И венгерское вино у нас тоже найдётся, – сказала она, и добавила, что очень счастлива, что может нас принять и угостить в своём доме.

Мы подняли тосты за сомыслие Венгров и Поляков, которые взаимно давали друг другу королей – пан ланддрагун об этом знает, да! – и после сердечного прощания мы отправились вновь в дорогу к родной земле, – к новым тюрьмам. Когда мы выходили, венгр сказал мне:

– Пан дал мне слово чести.

– И я его сдержу, – ответил я, – пан может быть уверен.

– Тогда кандалы не требуются, хотя в бумагах пана написано, что он: «*zehr politisch verdeutschig*»²³.

Венгр погрузил кандалы на воз, и, беседуя как наилучшие друзья, вечером мы доехали до Жулки.

Какой порядочный человек был, очевидно, этот ланддрагун венгр, если такое значение придавал «слову чести», и умел отличить

политических преступников от криминальных! Из таможни в Ординатском владении Томашове дальше мы шли пешком.

На постоях в волостных и магистратских управлениях мы всё время встречали знакомых, которые здоровались со мной, называя Токаржевским.

Я должен был отречься от собственного имени, и именовать-ся, по известным причинам, Феликсом Ходкевичем.

В Замоштье магистратский урядник Шчигельский что-то шепнул бургомистру, который рассматривал мои бумаги.

— А вам, пан, на чёрта это надо! — крикнул бургомистр Салецкий. — Прислали тебе Ходкевича, вот и отправляй дальше Ходкевича!

Оказывается, в Старом Замоштье заместитель головы волости Мисячкевич на моих бумагах написал: «Избегайте экстрадиции, ибо именующий себя Феликсом Ходкевичем таковым не является. Мнимый Феликс Ходкевич — это Шимон Карашевич Токаржевский, щегленщик, которого разыскивает заместитель начальника Любельского военного губернатора, как политического преступника».

Разоблачение Мисячкевича превратило в прах все мои планы; лишало меня надежды на более лёгкое наказание и ввергло в истинно грозное положение.

.....

В Люблине меня поместили в тюрьму вместе с бродягами и злодеями.

Раз за разом в комнату входил кто-нибудь, который выкрикивал: «Феликса Ходкевича». А когда я вставал перед ним, — внимательно всматривался в моё лицо и всю фигуру.

Эти осмотры страшно меня угнетали.

— Если не хочешь, чтоб тебя узнали, искриви свою пасть или повреди чем-нибудь, — советовал мне коллега по тюрьме, злодей или бродяга.

Именно этот совет исчерпал моё терпение.

Я подошёл к первому уряднику, который вошёл, намереваясь вновь осмотреть мою особу, и сказал:

— Мисячкевич замещает волостного голову в Старом Замоштье и на моих бумагах написал правильную аннотацию. Я Шимон

Карашевич Токаржевский, — объявленный политическим преступником. Итак, с этой минуты прошу считать меня таковым.

Сразу же после признания меня привели к Любельскому военному губернатору Альбертову.

Тот, — впрочем, очень благодушным тоном, — задал мне несколько вопросов.

Позднее, губернский советник Липинский «взял меня на допрос», причём перемежая умильный тон и «сладкие» словечки с угрозами, — пытаясь добиться от меня признания.

Однако же все усилия пана губернского советника оказались тщетными.

Под стражей казаков и жандармов, в кандалах, экстрапочтой меня отправили из Люблина в Варшаву.

2

*Ах! Слезами и кровью полнятся волны жития,
И слышится над пучиной лишь вечная скорбь.
За нами: лишь прошлого мгла окутана тьмой,
Пред нами: дальний свод рдеет кровавой луной,
А вокруг моряка лишь холод и тьма,
И каждому хочется крикнуть:
Спаситель! Помилуй меня!...*

.....
.....

так, пан решил отрицать, что он — редактор «Заставы»?

Так сказал мне комиссар округа после тщательнейшего обыска, проведённого в моём жилище.

— Пан очень упрям! — добавил он, покачивая головой в знак великого удивления моим упорством и бесстрашием перед ним.

— Нисколько я не упрям! — ответил я. — Но ведь не станете же вы отрицать, пане комиссар, что невозможно признаться в действиях, которые не совершал, не только въяве, но даже во сне? Вы старательно досмотрели мой дом от погреба до крыши, и что?... Ни типографии, ни отпечатков, ни рукописей, словом, ничего такого, что лежит в основе каждой, хоть самой жалкой, газетки, и

что могло бы подтвердить ваши подозрения, – ни следа... Итак, скорее я должен бы спросить: неужели пан всё ещё намерен утверждать, что я – редактор «Заставы»?

– *Увидим!* – буркнул комиссар.

– Конечно, конечно! Правда, как маслина, всегда всплывает наверх, – живо подхватил я, хотя мною овладело смутное предчувствие, которое мне шептало: «Не всегда, не всегда правда всплывает на свет... Не всегда!».

Я угостил комиссара сигарой.

Он принял её, обрезал и не зажёл.

Стоял и молчал, довольно хмурый, и, наконец, сказал:

– Собирайся, пан.

– Куда?

– Ну... Туда, где сейчас вся Варшава.

– Туда, где сейчас вся Варшава, – повторил я, на самом деле, удивлённый. – Итак, куда мне следует собираться, пане комиссар?

– На Павиак...

– Ах туда, – рассмеялся я, силясь придать своему голосу шуточный и спокойный тон, – кто же и когда запер «всю Варшаву» в Павиаке?... Мы тут ещё ничего об этом не знаем, скорее объясните нам, пан комиссар?

– Не копать! Не копать! Собирайтесь! Быстро! Быстро! – тоном вождя великой армии начал командовать комиссар, конечно, не ответив на мой вопрос.

Наскоро я собрал маленький узелок с одеждой и бельём, и при возгласах отчаяния домоправительницы, моей старой родственницы, сопровождаемый рыданиями слуг, я сел в дрожки, которые ожидали перед домом во время всего обыска.

Около меня сел комиссар полиции, на переднем сидении поместились жандармы, на козлах около возницы – тоже жандарм с моим узелком.

Под охраной конвоя казаков, двинулись...

Было чуть за полночь. Слабо освещённый город выглядел как после чумы, на улицах ни живой души, кроме городских и патрулей.²⁴

Из Тломацкого, где я жил, на Павиак дорога недлинная – мы ехали медленно.

Когда в сороковых годах в крепости были Блюменфельд и Квиечинский, Лейхте и Жучковский, – такими же мучителями арестантов на Павиаке были кровавой памяти следователи: Тухолко и косоокий Зданович.

Но сейчас эти господа не могли издеваться надо мной. Сразу же после ареста, без суда и следствия, на основании распоряжения наместника Королевства Польского, графа Лидерса, меня признали-таки редактором «Заставы» и за это ничем не доказанное, а только предположительное преступление, сослали в сопровождении двух жандармов в Оренбург на вечное поселение.

Случилось, однако, что следующей почтой в Москву пришло известие: варшавская полиция нашла истинного редактора «Заставы»... Согласно телеграммы из канцелярии наместника Королевства Польского, меня задержали в Москве, а московский обер-полицмейстер граф Крейц выдал мне билет «на свободное проживание» в этом городе.

Не успел я, однако, осесть и прогуляться по «Белокаменной», – как снова почтовая тройка под опекой жандарма увезла меня в Рязань.

Повод?

Наместнику Королевства Польского, графу Лидерсу, «захотелось» в третий раз произвести меня в редакторы подпольной газеты.

Прибыл я в Рязань. Один из сопровождающих меня жандармов, Жемцев, нашёл мне *квартиру*. Вообще, Жемцев, который сопровождал меня через несколько станций, держал себя удивительно пристойно, можно даже сказать, тактично по отношению ко мне, политическому преступнику, притом поляку, он всегда был вежлив, внимателен и заботлив, и к тому же через его посредничество при найме квартиры я оказался в прибыли.

Снова надо было представиться полицмейстеру Рязани. Затем Жемцев, после того, как я предупредил о своём прибытии, проводил меня на *квартиру*.

Хозяйка, владелица дома, семидесятилетняя старушка, и две её сожительницы, они же приятельницы-ровесницы, приняли меня как родного сына, что возвратился из долгого и небезопасного путешествия.

С тысячей добрых пожеланий меня проводили в мою квартиру.

Это была большая сводчатая комната с окнами из маленьких, оправленных в олово, стёкол, с огромной печью из зелёного кафеля, с ложем, как пуховая колыбель, и красивой старинной обстановкой.

С постелью, услугами и самоваром с меня спросили до смешного низкую цену в 3 (три) рубля в месяц.

Я запротестовал против такой низкой цены, которой я почувствовал себя покоробленным.

Старушки в один голос вскричали, что ничего больше с меня не возьмут, а владелица дома, которая главенствовала в этом дружном триумвирате, сказала:

– Миленький ты мой, ты ведь скиталец, с тебя нельзя «шкуру драть»... Ты, голубчик мой, бедняк.

– Скиталец я, – это правда. И то, что не по своей воле бедняк я – и это тоже правда, поскольку так далеко от родной земли и о своих тоскую. Но в деньгах я не очень нуждаюсь, и могу заплатить правильную цену.

Однако все мои возражения ничего не изменили. И так, больше не сопротивляясь, я занял так удачно найденную квартиру.

Рязань красивый город, в нём несколько мужских и женских гимназий, много частных школ, публичная библиотека, красивый ботанический сад, несколько фабрик, множество рынков, очень удобная пристань между двумя реками, Трубежем и Сибедью. В Рязани имеются 3 монастыря и 21 церковь, но жителей в ней немного – всего 20 тысяч.²⁵ Огромный Успенский Собор, похоже, один из красивейших в России. В этом городе я видел несколько зданий, построенных, наверное, ещё в те времена, когда город назывался «*Переяславль Рязанский*» и был ещё удельным княжеством до присоединения его к великому Московскому Княжеству.

В Рязани я столкнулся с образом жизни, регулярным, как хронометр: посетил всё, что было достойно внимания в городе, а на берега Трубежа и Сибеди ходил мечтать о Висле и обо всём, что с ней связано, о «многих вещах и некоторых иных». Меня не покидала мысль, – что же они там поделывают в этом старинном

мазовецком городе?... Что?... Как развивается в наших краях начатое движение?... Кто сидит в крепости?... Кто в Павиаке? И кто ещё на вольной тропе?...

Мои мечтания догоняли друг друга, как белые тучки, блуждающие по небесной голубизне... Они сливаются друг с другом в единое целое, сплетаются в узел... А мой узел – угнетающий, нерассекаемый, оттого, что вести, которые я из родных краёв получал, приходили из Варшавы и не могли быть полными, кроме очень осторожно и гомеопатически дозированных, весьма благо-разумных, хотя письма приходили на адрес моих старушек, причём каждой из них попеременно.

Мои хозяйки за восемь рублей в месяц обеспечивали мне полное дневное питание, притом такое обильное, словно я был гусь, которого откармливают для страсбургского паштета.

Мне хотелось разгадать причину такого постоянного сочувствия и приязни ко мне. Из доверительных разговоров со старушками я узнал, что старший, любимый сын владелицы дома, отбывавая военную службу, всё время был в неладах с фельдфебелем, который муштровал новобранцев. Возмущённый маменькин любимчик не смог быстро приспособиться к военным строгостям, но ещё труднее ему было сносить постоянные придирки фельдфебеля, которого он вполне заслуженно считал существом низкого порядка по недостаточности умственных способностей, и однажды, потеряв терпение, *несколько по рожке поколотил*, за что был осуждён, послан в карательные батальоны, и умер в Сибири.

Второй, младший сын хозяйки, студент Московского Университета, познакомился под Ясной с публикациями Александра Герцена²⁶, пожелал узнать его лично и сблизиться с автором этих публикаций. Так он бросил университет и выехал к Герцену за границу. Обычно жил в Лондоне и писал для «Колокола». Иногда писал письма и к *матушке*, но – редко, когда нужны были деньги. А деньги ему были нужны, ах! так нужны... оно и понятно!... известно: литератор это не *чернорабочий*, и одеваться надо прилично, и жильё должно быть красивое, а как же!... ну, и коллег надо почествовать, причём нередко... а всё это денег стоит, особенно на чужбине, где люди бессердечны и так и хотят чужеземца обобрать до нитки.

Когда Жемцев сообщил им, что привёз в Рязань редактора, старушки сразу заочно прониклись симпатией ко мне, как к человеку той же профессии, как и сын хозяйки, и также, как он – «скитальцу».

Во время моего пребывания в Рязани по городу прошла весть, что скоро наступит конец света. Эта весть произвела впечатление, в неё верили даже в высших кругах, относительно образованных.

День грядущего конца света был назначен и даже точно определено время: в первом часу пополудни. Мои старушки спрашивали, читал ли я о конце света в газетах?

Я пытался убедить их, что этот конец света – сущее суеверие и смешная байка. Моим словам они всегда свято верили, – но не сейчас, нет!

Вечером критического дня они пожелали мне не как обычно «доброй ночи», – а, заливаясь горячими слезами, попрощались со мною словами:

– До свиданья на небесах!

До самой полночи до моих ушей доносились молитвы и плач богобоязненных старушек, в смертельной тревоге ожидающих катастрофы...

Когда утром следующего дня я вошёл в столовую, они там спокойно завтракали, и я спросил:

– А как же, дорогие панны, конец света?

– Отложен! – ответили они. – Отложен на десять месяцев.

С трудом удержался я, чтоб не расхохотаться, и спросил:

– И кто же вам о том сообщил?

– Сосед, Поликарп Иванович, наш знакомый, человек очень учёный, весь век над книгами просидел, – он также сказал, что через десять месяцев на небе появится огромная звезда... с длинным, длинным шлейфом...

– Что это ещё за «звезда с длинным шлейфом»? Может, комета?...

– Точно! Точно!... Комета!

– И что эта комета сделает?

– Что сделает? Распустит свой шлейф и этим шлейфом обернёт всю землю.

– На сколько времени?

– На сколько?... Этого уж Поликарп Иванович не сказал – мы у него спросим.

Наверное, Поликарп Иванович, «который век над своими книгами просидел», говорил о возможном столкновении небесных тел с Землёй, а уж мои старушки поняли его... как поняли.

Через шесть недель пребывания в Рязани, мне разрешили вернуться в Варшаву, без сопровождения жандармов, а как свободному жителю Российской Империи.

С моими хозяйками мы попрощались очень сердечно, и даже очень нежно:

– Если бы все в России были такие добрые, как вы, дорогие панны, взаимопонимание с Россией и с её народом стало бы скоро возможным, – сказал я.

Они глядели мне в глаза милыми, любящими очами, в ту минуту полными слёз, и пытались меня понять...

Но видно было, что добропорядочные старушки смысла моих слов не понимают. Нисколько, ну, нисколько!

В Варшаве я получил в подарок купленный в складчину красивый альбом с надписью:

Повторно возвращённому нам брату Шимону.

В альбоме были портреты всех присутствующих деятелей, а также страницы поэзии и афоризмов.

3

.....
.....
Среди нескольких тысяч арестованных в 1864г. находились два человека, которые утверждали, что приходили ко мне, как к некогда известному агитатору, с предложением принять участие в «организации». Одного из них я знал с виду. Иногда мы встречались на улице, – но никогда с ним не разговаривали.

Второго я вообще не видел никогда в жизни...

Оба однозначно признавали, что я без колебаний принял их предложение.

И этого взбалмошного и ложного их обвинения достаточно было, чтобы дня 4 февраля 1864г. меня арестовали и, хотя ни обыск в моей квартире, ни мой личный досмотр не показали ничего запретного и даже подозрительного, — меня препроводили в Павиак.

«Павиак!»... место наказания, хуже, чем варшавская крепость сороковых годов...

«Павиак!», где два следователя Тухолко и Зданович с жестокостью палачей издевались над заключёнными: кулаками выбивали зубы, ключьями вырывали волосы, и непозволительными способами, унижающими человеческое достоинство, принуждали к признанию и истинных заговорщиков, и самых добропорядочных людей, которые к заговорам не имели никакого отношения, а с заговорщиками-повстанцами никогда не имели никаких связей и взаимоотношений, и боявшихся таковых хуже огня.

Всё время прибывали новые арестованные, и всякий раз выносились приговоры за истинные вины и за признания, «вымученные» физическим воздействием.

Тухолко и Зданович — два зловещих ведьмака, во сне преследовали тех, у кого среди заключённых на Павиаке имелись близкие и любимые люди.

Всё это недалёкие времена, я их хорошо помню — описывать эти истории намного легче...

— Хоть убей! Этот двукратный рецидивист не скажет ни словечка, — говорил обо мне Тухолко, пенясь от злости.

Так и было.

.....

На Павиаке я пробыл до 20 июня 1864г.

В этот день меня перевели в крепость.

Без формального суда мне сообщили лишь, что меня вывезут в Сибирь.

На сколько времени, куда? На рудники или опять в крепость, или же просто на поселение?...

Пока всё это для меня оставалось тайной.

Я вызвал в крепость экс-сибиряка, юриста Мьечислава Выжыковского. Я доверил ему опеку своих интересов, уполномочив

продать всё моё имущество. Ликвидация была окончательной, поскольку я до сих пор не знал, вернусь ли из Сибири, и если — да, то когда.

Мимоходом, совершенно мимоходом, я узнал, что довольно щедрые плоды моей семилетней работы в Варшаве ничего мне не принесли... И деньги, заработанные некогда в Иркутске, тоже разошлись в Галиче, в Костромской губернии, где я жил на поселении и где у меня не было возможности что-либо заработать.

Ха! Увы! Никогда не было мне удачи в деньгах, никогда не был я любимым чадом Фортуны...

.....

Так, 22 июня 1864г. я снова отправился на Восток — в Азию.

На Праге провожала нас группа приятелей: экс-колlega из крепости Юзеф Лесчинский, Феликс Опьенский, Мацей Пьеньёнжек, сапожник, а также рабочие из моей мастерской, и группа женщин, связанных со мной узлами общей привязанности, стремлений и работ: Леонида Попиелувна, Эмилия Госселин, со своей воспитанницей Юзей Хжановской, Гелена и Олимпия Домашевские, монахиня Винчентина Заблоцкая и ещё несколько работниц и патриотов.

Моя старая родственница постоянно раздражалась громким плачем... Другие дамы, это видно было по их лицам, тоже с трудом удерживали слёзы, что омрачало их лица и их глаза...

И потому, нам, осуждённым на изгнание, тем более приходилось выказывать ещё больше мужества...

Ох, как я умело принимал нужное выражение лица!... Хотя и не было у меня актёрских способностей, очевидно, мне удавалось симулировать спокойствие духа, потому что даже Эмилия Госселин с удивлением и даже с укором спросила:

— Вы никак радуетесь, что уезжаете, брат Шимон?

А я с усмешкой ответил ей словами Густава:

*Всего лишь тысяча миль,
Дорога недалека,
Но что там меня ждёт?...²⁷*

.....

*Край белый и пустынный,
Всего лишь чистый лист, готовый для письма...*

Я пережил столько прощаний, столько расставаний, что сердце моё уже ничто не жгло, и даже в этот день 22 июня 1864г. оно тоже не трепетало, хотя я был уверен, что покидаю землю Отчизны навсегда...

Когда мы выехали из Варшавы, день стоял жаркий, душный, хмурый. Марево, что поднималось от разогретой земли, творило над простором Пьястова города будто завесу, что довлела над городом, не допуская дыхание свежих, вольных веяний...

Мысль моя простирается над дорогой, которая привела нас аж в Тобольск, но не находит никаких воспоминаний, достойных записи.

Дня 23 июля 1864г. под вечер мы прибыли в Тобольск.

На следующий день нас должны были «сортировать», то есть разделить, указав каждому место его наказания или поселение.

Но пока, этой ночью, политических и криминальных осуждённых заперли вместе.

В комнате, в которой едва могло поместиться тридцать человек, нас оказалось семьдесят.

Криминальные, силой кулака, завоевали себе место на нарах, расставленных вдоль стен.

Мы, политические преступники, Поляки, собрались замкнутым кругом посреди комнаты, по очереди приседали для минутного отдыха на пол, немые с незапамятных времён.

Масляная лампада, висящая с побелённого потолка, вроде должна была освещать комнату ночью, но очень быстро погасла, погрузив тюрьму в темноту.

К счастью, у нас были стеариновые свечи, но и они быстро гасли, наверное, из-за воздуха, основным составом коего был, наверняка, углекислый газ, ибо у всех у нас несносно кружилась голова, докучал шум в ушах и чёрные точки мигали перед глазами.

Освежались мы одеколоном, то попивали холодный чай, который запасли в бутылках, — с нетерпением ожидая рассвета, когда кончатся наши мучения.

Ранним утром в нашей ночлежной комнате показался тюремный дозорный.

— Шимон Себастьянович Токаржевский, — это который? — крикнул он с порога. — Собирайся!

— Боже! — вздохнул я. — Неужели нас разлучат?...

Я хотел попрощаться с товарищами, но дозорный не позволил, торопил, и быстро провёл меня в канцелярию начальника тюрьмы.

Там мне прочитали приговор, на 15 лет в рудниках, и потом на бессрочное проживание в Сибири, за то, что «принимал участие в организации, как начальник первого района города Варшавы».

Смех было слушать!

Могу дать слово чести, что только в Тобольске впервые узнал об этой новой «своей деятельности». В 1862-м был, якобы, редактором «Заставы», как повелось, с нелёгкой руки тогдашнего наместника Королевства Польского графа Лидерса. По утверждению автора какой-то российской брошюрки, которую в 1886г. в Варшаве мне удалось прочитать, я был якобы министром польской казны в организации²⁸.

Что бы другое, а «чины» всякого рода сыпались на меня, как из рога изобилия.

Леонида Попиелувна при расставании подарила мне красивый блокнот. Тюремные товарищи в Тобольске записали в нём свои имена.

С Тобольском связано ещё одно воспоминание, которое всегда меня веселит от души.

Когда манифест от 9 января 1874г. позволил изгнанникам переселиться в Россию (за исключением обеих столиц), я выехал из Иркутска с коллегой по изгнанию, графом В.

На ночлег мы остановились в Тобольске, но уж, конечно, не в тюрьме, а в самой порядочной Тобольской *гостинице*.

Поскольку над нами ещё висел надзор полиции, мы были обязаны в каждом городе являться к местному *начальству*.

Так что и в Тобольске нам надлежало представиться губернатору.²⁹

Слуге, что нам принёс завтрак, слышу, граф В. приказывает распаковать его *чемодан*, и спрашиваю:

– Зачем вы велите распаковать ваш багаж? Там ведь могут оказаться вещи, что нам потребуются в дороге.

– Запомните, – отвечает В., – мы должны представиться властям! В Тобольске верховная власть – не какой-нибудь первый попавшийся *стунайка*, а губернатор, которому надо показаться в соответствующей одежде.

– Позвольте предположить, – говорю, – что для этого похода к губернатору тобольскому вполне достаточно было бы и наших дорожных курток... И сейчас приведу мотивы такого утверждения. Кем мы являемся в глазах каждого *начальства* в России?... Кем? Ну, отвечайте! Мы – всего лишь царской милостью освобождённые каторжники. Для чего тогда выступать с торжественным церемониалом и в соответствующей церемониалу одежде?

– Да, мы экс-каторжники, правда, – отвечает В. – Но мы никогда ни на минуту не переставали быть цивилизованными людьми, так что...

– Так что – помрачение ума... Впрочем, всё к чёрту! Для компании дал себя цыган повесить, так и я с вами за компанию вытащу из кофра приличную одежду и надену её, только ради вашей компании!

Когда в элегантных чёрных тройках и соответствующих галстуках, – а В. ещё в соответствующих перчатках (я из-за покалёченных в омской каторге пальцах перчаток не ношу, а зимой лишь рукавицы с одним пальцем) в назначенное для приёма время входим в зал аудиенции в резиденцию тобольского губернатора, приходится встать в конце длинной очереди просителей.

Ждём долго.

Наконец, двери открываются и из своих внутренних покоев появляется его превосходительство тобольский губернатор в сопровождении адъютанта.

Низенькая шуплая фигурка в очках на шее и груди носит множество орденов.

Он обращается по очереди к просителям. Адъютант забирает у них письменные прошения... Превосходительство слушает объяснения, но... ах! грозные морщины на хмуром челе превосходительства обозначают гнев страшный... гнев в глуби души

кипящий... гнев, который в любую минуту, как огневая лава из кратера вулкана, может вырваться наружу.

Тем не менее, гнев всё время даёт о себе знать, в резких жестах и в острейших строгих выражениях.

Граф В. и я «опустили нос на квинту», потому что невелико удовольствие так долго ждать. Наконец, превосходительство подходит к нам и слушает.

Мы объясняем, кто мы, представляем свои паспорта, выданные генерал-губернатором Восточной Сибири. Слушая, Превосходительство нетерпеливо пощипывает усы, осматривает наши паспорта, ставит печать и как крикнет во всё горло:

– Вы как смеее одеваться в чёрное тонкое сукно... Вы – каторжники, вы – политические преступники, вы – поляки... Вам только сермяга, войлочная сермяга, пристала, поняли?... Вы не культурные люди, *вы казённая посылка*, – кричал он, – *пошли вон!* Поняли?

– Поняли, – отвечаем, принимая наши отмеченные паспорта, – и благодарим ваше Превосходительство за любезный приём.

Хозяин отеля, в котором мы ночевали, под великим секретом рассказал нам, что в губернаторской резиденции просителей всегда встречает малоприятное отношение, потому что, надо иметь в виду, что *Высокопревосходительство* болеет животом и страдает запорами. К тому же прошлой ночью проиграл в карты кругленькую сумму, а пару часов назад получил из Петербурга какой-то *выговор*...

Граф В. чертыхался и проклинал, а я смеялся, смеялся и смеялся...

Для меня такие сцены не в новинку, поскольку за свою скитальческую жизнь по тюрьмам я их навидался вдоволь!...

Потом наша партия вышла из Тобольска, отправляясь в дальнюю дорогу, причём случился факт, очень характерный и удивительный одновременно: офицер предложил нам, полякам, чтобы мы приняли на хранение все деньги *ссылных*...

Конечно, мы отказались.

– Не хотите принять деньги на хранение, так по крайней мере проследите, чтобы *конвойный* Акинф Никитич не растренькал

их, или не потерял, – наказывал нам офицер. – Если растратит их или потеряет, отвечает головой, чтобы растраты не было...

– Как они докучают нам, однако, но одновременно ведь и уважают, – шутил один из изгнанников литвин..., – а что, братцы, ведь правда, хе?...

4

Омск... Приближаемся к городу...

Как же мне всё тут знакомо!

И этот холодный осенний ветер, что несётся с Иртыша, и эти киргизские юрты, контуры коих легонько рисуются на далёком горизонте, и эти улицы, которыми мы возвращались в острог с работ... И эти улицы, в которые сейчас всматриваюсь, всё это в моей памяти начертано навсегда.

Когда партия *ссылных* входит в город, конвойный из всех сил размахивает нагайкой, отчего получается сильный свист, который должен, наверное, свидетельствовать, что ему удаётся держать в строгости этих *поляков, больших политических преступников*, на которых поглядеть вышла вся омская *grandezza*³⁰ и множество пролетариев... Все местные жители теснятся около нас... Высказывают и передают друг другу разные наблюдения по нашему поводу, будто мы зверинец заморских животных.

Правда! Ведь мы, поляки, прибывшие из другого континента, необычное зрелище...

– Шимон Себастьянович! Вы ли это?... – кричит кто-то позади меня.

Оглядываюсь... В группе любопытствующих вижу Попова, купца, местного Ротшильда, давнишнего моего добродетеля, который много лет назад, когда я вышел с первой каторги, приодел меня в кредит и пристроил на заработок.³¹

– Да, это я! – говорю. – Приветствую вас, Николай Николаевич. – Он на моё приветствие не отвечает.

– А-ах, бедняга ты одинокий, а-ах, голубочек, попавший в силки, зачем это тебе понадобилось?... Мой миленький приятель, дорогуша! – купец причитает и причитает надо мной, руками

утирает слёзы, обильно текущие по его лицу и длинной седой бороде. Причитая и плача, он исчезает...

После переключки, когда выяснилось, что никто из нас не *выбыл*, нас заводят в комнату, в которой всё, как и повсюду на каждом постое и ночлеге: теснота, визг, полумрак, запахи убийственные, одуряющие испарения и злоречие.

Каторжане тесной массой теснятся около нар, чтобы добыть на ночь хоть какое-то лежбище, хоть бы на краешке топчана примоститься.

Для большинства – мечта неосуществимая!

Кто-то принимается за проклятия.

– Чтоб ты имел сто городов, и чтоб к каждому в придачу 100 деревень, а в каждой чтоб было по 100 дворцов, по 100 комнат, и в каждой по 100 кроватей, а в каждой кровати по 100 снопов соломы и пусть на каждом снопе соломы тебя смертельная болячка трясла по 100 раз в минуту...

Это проклятье вызывает сенсацию и ужас среди бандитов: наилучшее место на нарах уступают проклинавшему товарищу.

Мы потрясены, как бурной фантазией проклинающего, так и эффектом, вызванным его проклятием.

Тут отворяются двери.

В комнату входит дозорный с фонарём в руке, – локтями он прокладывает себе дорогу и кому-то, идущему за ним, кричит:

– *С дороги! С дороги!*

– *Туз идёт!* – в шутку шепчет Томаш Булгак.

На самом деле, то был «туз» Николай Николаевич Попов – за ним слуга с огромной корзиной.

– Все поляки за мной! Марш! – командует дозорный. Присутствие Попова – гарантия, что ничего плохого с нами не случится.

Внимательно слушаем команды, и за дозорным входим в соседнюю служебную комнату... За нами входит Попов, кортеж замыкает слуга с корзиной.

Дозорный закрывает за нами дверь. Зажигает лампу, выдвигает столы...

.....

Всё вскоре выяснилось: Попов нанял для нас у дежурного его собственное жилище и доставил нам продукты. При кипящем самоваре и сытной закуске приходим в себя и временно забываем о наших невзгодах. Ибо, на основании собственных многократных наблюдений, утверждаю, что при полном физическом изнеможении, животное начало в человеке главенствует над его Духом...

Не будем так уж безусловно осуждать дурных поступков тех, кто в нужде и голоде.

От голодных и изнурённых несчастных нельзя требовать ни интенсивной работы, ни высоких полётов Духа.

Нужда привыкла ползать по низинам...

Но и сибаритство никогда не отважится на героические и просветительские поступки. Сибарит бывает невольником своих потребностей, привычек, желаний, которые умерять он не научился, а всё, что нравственно возвышенно и прекрасно, ему не известно и совершенно безразлично.

.....
Традиции, которые поляки-каторжники и поселенцы³² оставили после себя в Омске, ещё не угасли. Поэтому ефрейтор выпустил нас в город под стражей только одного солдата.

В первую очередь мы провели Яна Адама Скарбека Мальчевского.

Необычен был жизненный путь этого человека. Уроженец Мазовецкого воеводства, он появился на свет под Ленчицей 13 октября 1782г., а в 1812г., как капитан армии Наполеона I, участвовал в боях под Смоленском, Вязьмой, под Можайском и Малым Ярославцем, где был ранен в левую руку.

После отречения Наполеона I эскадрон, который был под началом Мальчевского, сослали на остров Эльбу вместе с императором. Там Мальчевский оставался до 13 марта 1815г. и 20 марта, вместе с Наполеоном, прибыл в Париж. 20 апреля его послали с секретной миссией к Королю Неаполя. Король отсылает Мальчевского с поручением к своей семье, в Гаету. На каком-то корабле он выплывает ночью из Неаполя, а на рассвете попадает в руки англичан. Они везут его в Триест и выдают австриякам. Губернатор Триеста переправляет Скарбека в Прагу Чешскую,

откуда 3 июня тот убегает, а 17 июня встречается с Наполеоном в деревне Васбах.

Раненый в левую ногу в битве при Ватерлоо, Мальчевский попадает в Париж.

Манифест Александра I даёт ему право вернуться на Родину. И он возвращается в 1816-м, а в 1818-м получает чин подполковника. Но в 1831 году за участие в ноябрьском восстании его осуждают на изгнание в Сибирь, в Тобольскую губернию, потом в Барабинские степи над озером Чаны, в деревню Юдинскую. Там Мальчевский пасёт скот летом, а зимой изготавливает спички. Так и прожил он в Юдинской 20 лет. В 1850-м ему позволяют перебраться в Омск.

В Омске и польские изгнанники, и местные жители высоко ценили и почитали подполковника Скарбека Мальчевского. В Омске, где я отбывал первую каторгу, мы с ним познакомились и подружились. Несмотря на столько приключений и преклонный возраст, держался он ещё очень бодро, в полной силе, а уроками иностранных языков неплохо зарабатывал себе на жизнь. Позволением вернуться на родину в 1857г. он не воспользовался из-за отсутствия денег, но и из-за слабого физического состояния, которое не позволяло отправиться в столь долгий путь.

Уже дряхлый и ослабевший, встретил меня пан подполковник Скарбек Мальчевский, когда я проведаль его в 1864-м. Он утратил свой воинственный вид и свою благодушную безмятежность, причём найти уроки становилось всё труднее, а плата за них всё уменьшалась. Всё это он рассказывал мне и признался, что жизнь кажется ему теперь непосильной тяжестью, я не посмел предложить ему деньги. Пришлось прибегнуть к хитрости. Мы собрали между собой несколько десятков рублей, вручили их подполковнику, как бы задаток за его воспоминания, которые через меня якобы заказал некий варшавский издатель Мерзбах. Старик очень обрадовался, не столько деньгам и их количеству, которое посчитал для себя очень значительным. Мы допускали, что подполковник сразу же возьмётся за описание эпизодов той всемирной наполеоновской эпопеи, в которой сам Мальчевский участвовал. Воспоминания подполковника Яна Адама Скарбека Мальчевского наверняка представляли бы большой исторический интерес.³³

Я посетил также купца Попова. После долгих споров он согласился принять оплату за доставленные нам в тюрьму продукты. Взять от меня деньги я склонил его преимущественно тем аргументом, что только *несчастные*³⁴ могут принимать подаяния. Им это позволено и освящено обычаем, тем более, что между криминальными преступниками, за малым исключением, почти все принадлежат к классам самым убогим и неграмотным. Для людей с чувством собственного достоинства, для нас, политических преступников и поляков, такие щедрые презенты даже в такой форме, как их облёк Попов, были бы оскорбительны.

.....
– Шимон Себастьянович, – визит! – сообщает хромой инвалид, исполняющий обязанности тюремного дозорного при *ссылных*.

– Кто пришёл? – спрашиваю.

– Кто? Красивая *барышня*.

– *Барышня*? – я нагнулся над ведром, полным воды, служившим нам туалетным зеркалом, пригладил щёткой волосы и усы, поправил куртку и вслед за инвалидом вошёл в комнату, громко названную канцелярией.

Посреди комнаты, опираясь локтями о край стола, стоит дама, в фиолетовой бархатной накидке, обшитой соболями. От шляпы с модными большими полями спускается широкое, чёрное густое кружево, полностью закрывая её лицо.

Отвешиваю глубокий поклон и стою поодаль.

– Пан не узнаёт меня? – спрашивает она, поднимает кружево на шляпу, и с протянутой рукой подбегает ко мне.

– Вера Максимилиановна!³⁵ – радостно вскричал я, пожимая её руки. – За семь лет, сколько мы не виделись, пани очень, очень похорошела.

– Лесть запрещается! Запрещается! – смеётся Вера Максимилиановна.

Садимся.

– Я узнала от Попова, что пана снова сюда пригнали... Я тут же прибежала... Прямо с рынка... Боже! Как это ужасно! – говорит она, заламывая руки. – Неужели пан всю свою жизнь проведёт на каторге?

– Да, если мне так суждено, ведь никто не может изменить свою судьбу, – отвечаю.

– Что за смирение!

Вера Максимилиановна расспрашивает меня о событиях в Польше. Читает газеты, но хотела бы узнать истинные сведения.

Вкратце рассказываю о манифестации, о восстании, выбирая самые примечательные факты.

Затем Вера рассказывает мне свою Одиссею.

Вышла замуж за генерала Анатолия Григорьевича Л., который её обожествляет.

– И пан генерал позволил своей жене проводить преступника, осуждённого на пятнадцать лет тяжёлых работ? – спрашиваю.

– Вот именно! Ещё бы я у него позволения просила! Этого ещё не хватало! – обиделась Вера. – Генерал командует своей бригадой, а в доме правлю я! Дома и пан генерал должен повиноваться *мне*. Разумеешь, пан?

– Понимаю, в целом мире одинаковые обычаи: «мы правим миром, а нами правят женщины».

Мы долго разговаривали, а потом сердечно простились и расстались, на этот раз уже навсегда...

.....
Сегодня, когда я пишу эти свои воспоминания, когда голова моя припудрена сединой, когда я пережил лучшие свои дни, если бы я был законником самых суровых правил, я мог бы признаться, что эта Вера Максимилиановна, эта красивая, резвая, удивительно интеллигентная и добрая девица, очень мне нравилась.

Когда-то, когда я, как каторжник, с до половины бритым лбом, двучетным одеянием, приходил в дом её дяди, коменданта де Граве³⁶, стесняясь своего смешного обличия, я делал вид, что не обращаю на неё внимание.

Лишь позднее, когда я уже освободился от каторги и как гость проведаль семью де Граве, – искренне признаюсь, что был очарован, когда Вера Максимилиановна взглянула на меня своими большими глазами цвета лазури и прозрачными, как сапфир.

Но мы, молодые поляки, обречённые на каторгу в омской крепости, связали себя присягой, что в этом чужом краю под этим чужим небом, – для нас не будут существовать ни любовь, ни женщины, это просто не имело права быть.

И поскольку за пределами польской земли мы не могли быть счастливы, – точно так не могли бы и на Дальнем Востоке искать своего идеала среди местных жителей, не могли бы связать себя узами Гименея, или даже на короткое время предаться во власть Эроса.

.....
.....

...Получил грустные вести.

Я был, правда, готов, что они догонят меня в походе на карторгу, – я предчувствовал, что то, что произошло, неизбежно, и всё же... До глубины души был потрясён известием, что 5 сентября 1865г. на крыше Варшавской крепости были повешены мои самые близкие приятели:

*Йезиораньский,
Краевский,
Точиский,
Траугут,
Жулинский.*

Это была уже последняя казнь в Варшаве после манифестаций и восстания.

.....

Это известие я получил в Иркутске от тамошнего пробста римско-католического прихода, ксёндза Кшиштофа Швермицкого. У этого почтенного священника нас ожидали также посланные на его адрес письма к нам от приятелей и родных.

Перед походом в дальнюю дорогу до Александровского, 20 октября в Иркутске я виделся ещё с Гервазием Гзовским и Эваристом Жабицким.

.....

Чартонхайки – коллега Обарский так назвал средства передвижения, на которых, добираясь до мест изгнания и наказания, мы прибыли в Забайкальский край.

Это название понравилось нам, тем более, что по поверьям бурятов, чёрный дух, то есть чёрт собственной особой, сотворил это средство передвижения.

«Чёрный дух» от злости не спал семь недель и, размышляя, также не ел. Ему нужно было изобрести нечто, что истязало бы коня, а ещё больше человека. Тогда он взял плохо оструганный шест и на его конце примостил два нескладных многоугольника, которые должны были служить колёсами, а шест – служить осью. Затем, соединяя два других шеста, которые соединяются с первым под более или менее прямым углом, он привязал их друг к другу, потом положил пару досок между двумя многоугольниками, и поместил коней между продольными шестами. Привязал к ним бедных животных, а человека посадил на доски и на поперечный шест одновременно – но всё ещё не был доволен, хотя создал настоящее орудие пытки.

Притом, самолично сидел на козлах около возницы. А, поскольку он невидим, конь и возница чувствуют присутствие *чёрного духа*...

Возница, как очумелый, кричит:

– Хуу-у-у!... Хее-е-е!... Ле-ти!... Рви-и-и!...

И машет нагайкой, стегает по заду, по хребту, куда попало бедных коней... И они скачут. Как очумелые, наперегонки с вихрями, из-под копыт летят искры, высеченные из разбросанных по дороге камней, колёса скрипят... Все части возка трещат, колокольчики жалобно звякают, словно сочувствуя участи бедных животных, что везут и тех, кого везут, на такой *чартонхайке*.

– Хуу-у-у!... Хее-е-е!... Рви-и-и!... Ле-ти!...

Так беспрестанно кричит возница, а нас оглушают и оглушают и этот крик, и этот треск, и стоны бубенцов...

.....

На подобных возках и в таких условиях везли нас, многочисленную группу изгнанников.

Ехали люди бедные, ехали и такие, которые в своей Отчизне ездили только в собственных каретах, однако, все как-то довольно сносили муки этого путешествия и, надо сказать, не слишком возмущаясь.

Только Обарский твердил, что при поездке на *чартонхайке* сердце у него перекочевало направо, а все внутренности – налево. Но все органы вернулись на места, предусмотренные природой, как только мы ехали на санях...

Поездка на саних по дороге, на несколько аршинов покрытой смёрзшимся снегом, конечно, была превосходна; кони и без по-свиста нагайки бежали, подгоняемые более чем тридцатиградусным морозом, мчались, едва касаясь земли. После адской езды на чартопхайках, санная дорога была – смею утверждать. – настоящим отдыхом...

24 декабря 1864г. под вечер мы остановились в деревне Монастырка, на правом берегу Шилки, напротив устья Нерчи.

Продолговатая изба с серыми, закопченными дымом стенами, была заполнена до самого потолка узлами, тюками, чемоданами; лавки, длинные и короткие, посредине стол из нестроганных досок – так выглядело убежище, где нам, изгнанникам, пришлось провести торжественный вечер Сочельника.

В группу изгнанников входят мужчины разного возраста, старые и молодые, все – из интеллигентных кругов и более или менее состоятельные. Впрочем, и толстые кошельки мало бы пригодились в Монастырке. Мы попытались устроить себе хоть какую-нибудь вечерю, да не тут-то было – никаких продуктов мы не нашли.

На нашем рождественском столе лежит груда печёной картошки, стоят бесчисленные стаканы чая, ржаной хлеб и еврейская хала, заменяющая праздничный струцель³⁷.

Соль в большой деревянной миске, привезённая с *Ямышского озера*³⁸. Эта соль считается самой лучшей в Сибири, и она послужила нам приправой к картошке и ржаному хлебу... Этот ужин, конечно, Лукулловским не назовёшь, но он показался нам очень вкусным.

Мы приправили еду чуточкой философии, но, главное, – аппетит у нас разыгрался после целодневного вынужденного поста и пребывания на свежем морозном воздухе.

За столом царит теснота.

Уже успевшие понемногу насытиться, уступают место на лавках ещё голодным...

Огромный самовар, стоящий на пеньке, шипит, извергает клубы пара.

Один за другим опорожняются стаканы с чаем... Груда печёного картофеля, ржаного хлеба и куски халы исчезают со стола... исчезают... исчезают...

Наступает ночь...

Мы кричим, чтобы сейчас же нам подали побольше картофеля, побольше хлеба, и больше халы.

– Уж в другое время, – ладно, – говорит О., – но в Сочельник, торжественный вечер, не годится сидеть голодом.

Это заявление встречено бурными аплодисментами.

Наступила ночь...

Ночь погожая, освещённая тем поэтичным, серебристо-зеленоватым сиянием месяца, что свойственно северным краям.

Обарский и я выходим в сени, а оттуда на дорогу.

Пусто... На ясном небе безлистные деревья рисуются чёрными силуэтными контурами.

Мы вглядываемся в искрящийся звёздами небосвод...

– Уже взошла... Вот она... Уже светит!...

Мы мысленно понимаем друг друга.

Возвращаемся в избу, чтобы объявить товарищам:

– Уже взошла... она уже на небе... уже освещает землю та самая звезда, что 1864 года назад взошла над Вифлеемскими яслями, где родился Спаситель, чтобы расковать цепи узников и объединить всех людей на земле светом братской любви...

Разговоры стихают...

Склоняются головы, – и те, которых уже тронула седина, и те, что с густой встрёпанной шевелюрой... Глаза изгнанников застилает пелена слёз, из опечаленных сердец вырывается громкий вздох...

Ах! эти слёзы, которые сдерживаются силой воли, эти, силой воли сдерживаемые жалобы, – всё это молитвы, всё это *песнь без слов*, которую в этот сочельник изгнанники обращают в небо, вдали от цивилизованного мира, – среди глуши Забайкальского края.

.....

Тишину прерывает конвойный, который на куске доски приносит ещё груду печёной картошки.

Торжественное настроение угасает...

Конвойный сообщает, что мороз всё крепчает и вот-вот эта *бестия сретенская* заморозит головы скоту и людям.

– Так и в Варшаве, наверное, сильные морозы, и воды Вислы покрыты крепким льдом, так что «любой прохвост ездит по головам», – вздыхает Ст., на что некоторые отзываются удивлённо:

– Что-о?...

– Не понимаете? – отвечает Ст. вопросом на вопрос. – Значит, вы не знаете басенку 1843 года?... Не знаете? Итак, ладно, слушайте:

*Плавные воды старой Вислы
Сковала крепким льдом
И хвалится зима, что
В мощные оковы их загнала.
«Глядите, – говорит, – глядите, шумны волны,
Что в вольности смешной буянили,
В каких сейчас оковах вы умолкли.
Любой прохожий топчет вас чтоденно,
Любой прохвост по вашим головам проедет.
А что же вы? Вам не вздохнуть, крепко ярмо,
И власть зимы непобедима!».
«Да, правда, сильна и жестока ты, –
Ей Висла древняя сказала, –
Но натиск твой не вечен,
Там, подо льдом течёт моя вода,
Вольные, смелые воды бурлят подо льдом.
И власть твоя туда не проникает!
Пусть только солнышко моё блеснёт,
И вся твоя громада льдов пораспадётся...
И даже снег, что пропасти в горах позавалил,
Сейчас мне только помогает
Жестокую зимовью власть разрушить.
Держись, свирепая, тесни порабощённый берег,
Но путь весны грядущей не остановить.
Сбежишь туда, откуда грянула,
А Висла – Вислы вечен ток!».*

Рассказчика все поблагодарили – басня снискала общие аплодисменты.

Да! Божие Милосердие велико. Под живительным дыханием весны растрескаются льды, зима со всей своей армией морозов и снегопадов минет, а наша Висла останется такой, какой была веками...

Басенка нас расшевелила настолько, что нам казалось, будто наш ужин удивительно вкусен, даже без тех лакомых и сладких блюд, которые полагаются обычно в сочельник 24 декабря.

Снова появился конвойный, который сегодня был при нас чем-то вроде лакея, разумеется, за плату.

Спросил: «Как, *благородия*, уже кончили *чаевание*»?

Получив ответ, он одним махом ладонями смёл со стола на пол крошки халы, хлеба, куски картошки; а вот кусочки сахара выбирал аккуратно и вместе с остатками чая и табака тщательно завернул в бумажку.

Потом подложил дров в печь, принёс сена и рассыпал его по полу.

На эту как будто бы несоблазнительную постель мы рухнули вмиг, готовясь ко сну, и каждый устраивался поудобнее.

И оказалось, что по сравнению с ночлегами в городах и тюрьмах, отдых на свежем, пахучем сене был самым приятным.

.....

На следующий день, в первый день Рождества Христова, мы снова двинулись на санях.

Однообразная снежная пустыня, местами усаженная тонкими и низкими сосенками.

В Благовещенске мы задержались несколько дольше.

Благовещенск, давняя Усть-Зейская станица над Амуром около устья Зеи, ещё в 1860 году едва насчитывала 20 домов. Сейчас здесь гораздо больше строений, население множится, город развивается, здесь – центр властей Амурского края.

Благовещенск ведёт оживлённую торговлю с маньчжурами и китайцами, которые живут на правом берегу реки, преимущественно же торгуют с Айгуном.

Летней порой маньчжуры и китайцы, в коммерческих целях, переправляются через реку ежемесячно на целую неделю.

Зимой, пока лёд на Амуре недостаточно окреп, торговые связи поддерживаются обычно между Благовещенском и Айгуном.

Когда Амур обледенеет во всю длину, когда лёд достаточно окрепнет, китайские купцы устраивают на берегу лавки, в которых продают различные продукты: крупы, муку, водку, яблоки с дикорастущих яблонь, орехи. Всё это привозится из южной Маньчжурии.

Зимой тоже в Благовещенск съезжаются туземцы с отдалённых околиц, и из-за гор, из-за рек, из глубинной тайги и недоступных пущ и лесов. Приезжают буряты, тунгусы, остяки, якуты, и привозят на санях, запряжённых собаками, меха: горноста, соболя, лис, белки.

Часто изготовление таких маленьких саночек даёт хороший заработок – но простодушные и неосведомлённые туземцы не имеют понятия о ценности своих товаров, и нередко китайские купцы их нагло обманывают, отчего туземцы вообще всегда очень бедны.

За мешочек муки или каши, за фляжку горилки, пару пачек табака, за несколько десятков яблочек, или горстку кедровых орехов, словом, за такие смешные *куны*³⁹ охотник готовно отдаёт связку драгоценных шкурок, часто добытых с опасностью для жизни.

.....
Поскольку мы пользовались славой *спокойных и честных*, – ефрейтор позволил нам осмотреть город под стражей только одного казака.

Мы пошли по берегу Амура, поскольку для нас китайские лавки были наиболее интересны, впрочем, и единственной достопримечательностью Благовещенска.

Мы набрали себе маньчжурских яблок и кедровых орехов, шёлковых платков, разных мелочей, каких мы до сих пор не видели, всего за несколько рублей. Когда дошло до оплаты, хозяин лавки, косоокий китаец с длинной косой, отказался принять к оплате бумажные деньги...

Китаец неплохо знал русский язык и был очень сговорчив. Очевидно, ему импонировали наши медвежьи меха и барашковые шапки. Он говорил с нами высокопарным стилем, кланялся в пояс, прикладывал руку к сердцу, призывал в свидетели все добрые и адские божества, что бумажные деньги за товары принять не может ни в коем случае.

– Нет! И так, нет! – сказали мы. А поскольку, помимо бумажных денег, у нас у всех разом набиралась горстка медной мелочи, мы могли бы ею расплатиться, но нам ещё надо было добратся до Благовещенска.

Конвойный, довольно расторопный парень, сказал нам, что вообще маньчжурские и китайские купцы неохотно берут ассигнации, а требуют серебряных или даже медных мелких денег.

– Вообще же, – добавил он, – от осуждённых каторги они ни за что не возьмут бумажные деньги.

– И почему?

Конвойный усмехнулся, полуозорно, полунасмешливо, и молчал. А когда мы настаивали, шепнул мне прямо в ухо:

– Потому что бумажные деньги могут быть фальшивыми.

Как экс-каторжникам, нам это опасение китайских и маньчжурских купцов никак не могло показаться безосновательным.

– Ты прав, *любезный*, – согласились мы, – ты, безусловно, прав. Спасибо, что объяснил.

5

*Как! Чужеземные когорты
Станут наводить порядок в наших домах?*

.....
.....
.....

Мы в Большом театре в Варшаве.

Театр переполнен.

.....

В креслах одни знакомые.

.....

Ложки заняли знакомые мне дамы, в светлых шелках и кружевах, в мелких завитках или в *феликсах*⁴⁰, и в цветных *cachpeigne*⁴¹. У них в руках вееры и цветы, на шеях и на пальцах зрительниц красивые драгоценности.

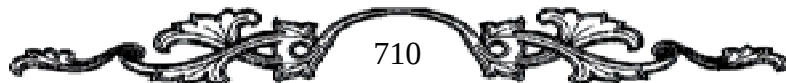
Добрский выразительным своим голосом поёт:

*Grand Dieu!...*⁴²

.....
.....

Песнь нашего благословенного тенора умолкает.

.....

В театре глубокая тишина.

.....

Аудитория – не дышит.

.....

А мои мысли блуждают.

.....

Что за песнь пел Добрский?... То ли арию из какой-нибудь итальянской оперы?

Воспоминания мои клубятся и блуждают.

В них слышится эхо слов и мелодии, которая звучала только что.

.....

Наконец, соображаю.

– Ага! Вспомнил... Эта песня та самая, которую не раз я слышал у Эмилии Госселин.

.....

Так! Прекрасно помню.

.....

Добрский снова продолжает прерванную песню.

.....

.....

*О, воины великодушные, французы,
Разите или остановитесь...*

.....

Долгая пауза...

.....

Затем вновь раздаётся чудесный тенор:

*Священная любовь к Отчизне,
Веди, и укрепляй нам руки...*

.....

Пауза.

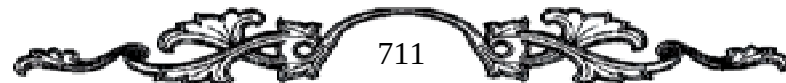
.....

К оружию!

Образуйте батальоны!

Вперёд! Вперёд!

.....

Теперь Добрский уже закончил.

.....

Закончил, а в моих ушах, в моём сердце ещё звучит эхо героической «Марсельезы»...

Я охвачен восторгом.

.....

Хлопаю, что есть сил, и кричу:

– *Браво! Браво! Бис! Бис!*

И тут кто-то сильно встряхивает меня за плечи и говорит:

– Боже милостивый! Придите в себя, дорогой мой! Что вы кричите?

Открываю глаза.

Коллега Ор. стоит надо мной с удивлённым лицом и всё повторяет:

– Боже милостивый! Очнитесь, дорогой мой.

Сажу на подстилку. Протираю глаза. Варшавский Большой театр. Элегантный стройный знакомый из кресел, красивые дамы в ложах, – всё это рассеялось, – исчезло – всё это было видением, миражем, всё это было – сном.

.....

А действительность? Ха!

Действительность:

Восточная Сибирь, Амурский край, Александровск над Амуром. – И в перспективе пятнадцатилетняя каторга в этой крепости.

.....

– Ну и кричал ты, дорогуша! – Господи, Боже милостивый! Ты себе часом ладони не перебил, аплодируя? – продолжает Ор. Тебе снилось что-нибудь, дорогуша?

– Снилось, – отвечаю, – снилось, будто я в Варшаве, в Большом театре, на выступлении Добрского.

– А! Тогда понимаю, почему ты, как помешанный, кричал *браво* и *бис*.

– Пребывание в театре – это был сон, но могу поклясться, что на самом деле слышал пение.

– Ну, слышал, действительно слышал, – подтверждает Ор., – и мы тоже слышали. Есть тут такой господин управляющий, который громко и неплохо поёт. Этот господин пел «Марсельезу».

– Вот именно! Именно! – говорю. – Значит, это пение и привело мои видения в Варшаву, в театр, к Добрскому.

Во множестве этих крепостей, заводов, рудников, где мы отбывали каторгу, мы, поляки, политические преступники, – каждый либо уже нашёл своего историографа, или в будущем обязательно найдёт.

В некоторых крепостях, рудниках, заводах к осуждённым на тяжёлые работы преступникам полякам относились хуже, чем к опасным зверям. Например, в Омске, где плац-майор крепости Василий Григорьевич Кривцов только в том и находил утешение своих кровожадных инстинктов, что издевался над узниками.⁴³

А в некоторых местах с нами обходились как с людьми, довольно вежливо.

Так было в Александровске над Амуром.

Политические преступники здесь помещаются в четырёх казармах, из коих состоит Александровский острог. А была нас целая толпа! Одних поляков более 130.

Из присутствующих, близким и дорогим нашему сердцу был именно тот господин управляющий, который, по словам Ор., громко и неплохо поёт – Луиджи Кароли ди Бергамо.⁴⁴

Человек с гарибальдийскими убеждениями, горячий сторонник всех, кто борется за свободу свой Отчизны, при первой вести о нашем восстании тут же поспешил из солнечной Италии к «серой» Висле.

Вступив в ряды повстанцев, участвовал в нескольких битвах и дрался, как лев. Его схватили и отправили на каторгу в Александровск над Амуром.

После освобождения, как только вернулся в Италию, он издал свои воспоминания в Париже. Тогдашний русский посланник при французском дворе, князь Орлов, в первый же день скупил все книги до последнего экземпляра, так что от них не осталось ни следа.

Связи Кароли с нами были удивительно тёплые, он относился к нам с истинно братской сердечностью. Бывало, как только приходил в нашу казарму, устраивал *concertino*, как он говорил.

Он пел нам «Марсельезу», пел пламенные песни гарибальдийцев, и многие строфы итальянских народных песен. А поскольку голос его был дивно хорош, эти «концертино» оказывались для нас истинной услугой: они были как бы ничьи, они просто связывали нас с далёким цивилизованным Западом.

Луиджи Кароли был настоящим *enfant terrible*⁴⁵ на Александровской каторге.

Как подданный иностранного государства, всегда ощущая над собой «круговую опеку», он облегчал себе регламент, доверяющий над узниками, и показывал такие фиго, на которые никто бы из нас не отважился.

Раз в неделю, каким-то образом добирался до барабана и принимался бить в него изо всех сил. Прибегает *караульный*, ефрейтор, дежурный офицер – узники высыпают из казарм, словом, во всей крепости царит страшная тревога.

– Что? Что происходит? – спрашивают все.

А наш Луиджи самым невинным голосом отвечает:

– *Потерял календарь.*

(Он специально выучил по-русски эту фразу).

Офицер вспыхивает от гнева, – приходится признать, что вполне оправданно.

– Что за новости, что за мода, – кричит, – чтобы узник, каторжник, смел поднять тревогу на всю крепость по пустякам! И вообще узникам запрещено подходить к барабану.

У Луиджи – невиннейшее выражение лица:

– Нельзя? Почему нельзя – тогда очень извиняюсь! Нельзя? – удивляется он, и просит, чтобы коллеги оправдали его перед господином офицером. Он, Кароли, как чужеземец, не знает тутошних порядков, а вот в его родном городе, в Бергамо, когда какой-нибудь житель теряет хоть самую малую малость из обиходных предметов, тут же кто-нибудь из местных солдат ходит по улицам с барабаном и сообщает о пропаже; и вот он подумал, что и тут в Александровске такой же порядок. Так что это обстоятельство полностью снимает с него всякую вину.

Офицер пенится от злости, стоя на снегу при сорока градусах мороза и слушая эти басни, в которых ничего не понимает.

Коллега, хорошо владеющий французским и русским языком, объясняет офицеру, о чём речь, и тот, рад – не рад, а остывает и отходит, проклиная отсутствие субординации у чужеземцев.

.....

Иногда всё-таки юмор изменял Кароли. Бывало, особенно во время сильных морозов, бедный сын солнечного края впадал в сильное раздражение.

И тогда бывал обидчив и даже грубоват. Но надо признать, что такие приступы проходили у него быстро, он тотчас объяснял, почему раздражён и извинялся.

– Я тут сижу, – говорит, – как на раскалённых углях, пытаюсь проникнуться терпением. Это ж не моя вина, что иногда оно мне изменяет?... А вместо терпения нападает на меня ярость, с целым полком дьяволов, проклятий без счёту и громов с молниями. Вы скажете мне, что это дурно, и это правда, признаю, но всё же, но всё же, никак не могу сдержаться.

.....

.....

.....

В мои времена из выдающихся россиян в Александровске над Амуром были Михайлов, приятель Чернышевского⁴⁶ и Михаила Бакунина.

За дело Нечаева⁴⁷ на каторжные работы в Александровск сослан был фанатический почитатель Михаила Бакунина, перенявший все его идеи, а также разделявший все его симпатии, так что к нам, полякам он был всегда очень расположен.

Несмотря на такое согласие, часто между нами и Михайловым возникали горячие споры.

Бакунин во время своего пребывания в Сибири узнал там сосланных с 1831 и в более поздние годы, поляков. В Брюсселе он познакомился с Иоакимом Лелевелем, с Скужинским и Тышкевичем, обговаривая с ними возможность основать там польскую колонию. В 60-х годах, в период перед восстанием, он стал посредником между поляками, пребывающими за границей, и россиянами, которые группировались вокруг «Колокола» Герцена и Огарева.

Михаил Бакунин знал немногих поляков, но в суждениях о нашем народном характере мог ошибаться, мог быть односторонним, – но по крайней мере хорошо представлял известный слой нашего общества, однако Михайлов так полагался на «незнание и неведение» о нашем народе, и так верил *in verba magistri*⁴⁸, то есть бакунинское слово, что как эхо повторял и говорил, например:

– Поляки, вместо того, чтобы обновить свою национальную жизнь в соответствии с жизнью всего мира, отделяются от неё и тешатся какой-то мистической «миссией».⁴⁹

Или:

– Начните говорить с Поляком о Гете, и он тотчас же ответит вам, что на мировом Парнасе величайшим поэтом является Адам Мицкевич. Только вспомнишь о Гегеле, – Поляк сейчас же скажет о величайшем польском философе Трентовском, о великом философе-экономисте Чешковском. Поляков губит их национальная самовлюблённость. Печальное это утешение при критическом положении.⁵⁰

– Так! Всё так! Господа, – заверял Михайлов, – я сам всё это видел собственными глазами, и упомянутые письма читал, а притом он – ваш приятель.

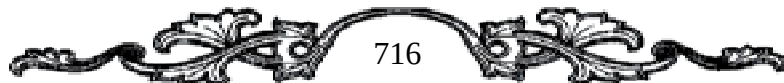
– Согласны! – отвечали мы. – Отчего же, однако, вы, пан, умалчиваете о других выдержках из того же письма Бакунина? Отчего не цитируете таких его строк:

– ...Не будем слишком винить поляков, – скорее мы должны сожалеть о них. Мы сами им...

.....⁵¹

а также частично предав их немцам и... мы сами поддерживаем в поляках эту *idee fixe*. Такое болезненное, раздражённое углубление поляков в самих себя действительно стало для них пагубным, но вполне объяснимым явлением. Национальная обособленность превращается в наимилейшую ценность и проявляется тогда, когда другие её отвергают. Потому венгры, итальянцы и все угнетённые славянские народы, весьма естественно и совершенно оправданно выдвигают вперёд национальные основы.⁵²

.....

Иногда, бывало, Михайлов, убеждённый, что досконально знает польскую Историю, превращал это (позволим себе сказать, мнимое) знакомство с нашими деяниями в тему разговора:

– У вас царит дивное понятие, – говорит, – идентификация идеи религиозной с идеей вашей державности. Знамя с гербом страны или хоругвия с образом Богородицы Ченстоховской – для вас всё едино. Вашу Ясногорскую Королеву Польскую и вашу Жечь Посполиту «от моря до моря» вы чтите одинаково. Умереть за Бога и принять смерть за Отчизну – по вашим понятиям – совершенно одно и то же. Разве нет? Отвечай!

– Так оно именно и есть! В течение веков мы были «преддверием христианства». Наш Ян III в битве под Веной поспешил на призыв папского нунция: «Король! Спасай христианство!». И когда на поле брани мы встречались с язычниками, всякий раз под девизом *pro Christo!* мы сражались одновременно *pro patria!* Это уже вьелось нам в сердце, в кровь, в мозг, и так осталось по сей день.

.....
.....
.....

Как-то в воскресенье Михайлов застал меня, переписывающим на память «Рассвет»⁵³.

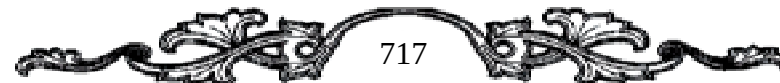
– Как? Столько стихов пан знает на память! Если бы не видел собственными глазами, не поверил бы, правда! – я не раз слышал, что вы, поляки, творчеством ваших поэтов пользуетесь, как общественным и политическим катехизисом. Теперь удостоверился, что это правда.

.....
.....

Польские паломники были богаты, но терпели убожество и нужду, чтобы узнать, что такое убожество и нужда, и, когда вернутся домой, чтобы могли сказать:

Убогие и нуждающиеся – это мои сонаследники...

Паломники были учёными, и когда наука, которую ты ценишь, стала неудобной, а те, которые легковесны, сейчас ста-

ли ценимы, ты узнал, что есть наука мира сего, и когда вернёшься домой, сможешь сказать:

Простаки – это мои последователи...

.....
.....

Я ему прочитал в русском пересказе эти две выдержки из «Книги паломничества», и спросил, разве нельзя эти разделы считать общественным и политическим катехизисом?

Он не возражал, – а это уже много значило. Ибо обычно наши противоречия кончались яростными спорами. Михайлов ушёл в свою казарму, тем не менее, весьма разозлённый. Нужно признать, что злость нападала на него стремительно, но остывал он тут же и прибегал к нам с извинениями и просил его простить.

– Извините! Извините, просто мы тут взаперти, как орлы в неволе, которые ранят друг друга и вырывают перья один у другого, но только от отчаяния, от отчаяния!

Мы охотно прощали, забывали о его злобных выпадах, и протестовали только против сравнений всех нас с орлами.

Мы заметили, что общей чертой, свойственной всем российским конспираторам и революционерам, было тщеславие. Свои действия и заслуги, так же, как свою личность, они сильно переоценивали.

Должен признать, что те, с которыми мне довелось встречаться на каторге или на поселении, считали себя некими особями, которые возвышаются над остальными людьми, то есть созданиями более высокого склада, которым по праву принадлежит признание и общее преклонение.

Михайлов исключением не был, отсюда и его сравнение с орлами.

Серьёзный и мыслящий человек, Михайлов в Александровском остроге с каждым днём делался всё печальнее и угрюмее.

Какое горе мучило его? Что происходило в его душе, угадать было невозможно, он никому не доверял.

.....
.....
.....

Нам назначили баню.

День был на диво солнечный, при сорока градусах мороза.

Войдя в баню, Михайлов подошёл к нам, с которыми общался более охотно, чем с другими, но чаще горячее спорил и ссорился в беседах.

Он по очереди хватал нас за руки, горячечными движениями прижимал к своей груди и спрашивал:

– Но между нами нет злобы?... Нет обид?... Нет национальной ненависти?...

– Что это вы опять? Господи Боже! Конечно, нет! нет! – уверяли мы его со всей искренностью и убеждённостью.

– Тогда всё хорошо! спасибо! А помните, дорогие мои, что сказал Михаил Бакунин в 1847 году в Париже на торжественной годовщине ноябрьских событий? Помните?

– Такие слова глубоко западают в сердце, такие слова никогда не забываются.

– Хорошо! ведь речь шла о том, что Михаил Бакунин, как и я, надеется и живёт для того, чтобы вы и россияне, связанные братскими узами, хором пели вашу любимую песню Легионов Дан-бровского.

Ещё раз он пожал нам руки...

И как ураган ворвался в баню...

Мы невольно идём за ним, в недоумении спрашивая друг друга:

– Что это? Что это может значить?... Может, он готовится к побегу?... Помогите ему Бог! Но каким образом, среди бела дня? Не каждому так посчастливится улизнуть, как Михаилу Бакунину.

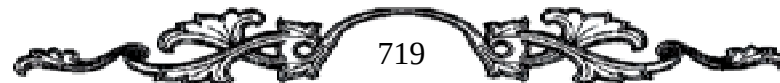
.....
.....

Итак, день был на диво солнечный при сорока градусах мороза.

В бане роится тюремный люд.

Нас тут пара сотен, поделённых на две партии. Кто первый пришёл в баню, тот первым и моется. Остальные ждут своей очереди в холодных сенях.

Мы, минутой раньше так сердечно встреченные Михайловым, стоим среди последних.

Из банной комнаты долетает бряцание кандалов, свист нескольких десятков веников, которыми купающиеся хлещут себя без памяти. Слышен также визг, смех, дружелюбные шутки, а иногда шум и гам возникают такие, что караульный заглядывает в баню и пытается утихомирить купальщиков:

– Тише! Тише! А то худо будет!

Всякий раз, как открываются двери в сени, вырываются клубы пара, которые нас ослепляют и душат, слышатся непристойные выкрики, которые заставляют обернуться.

Ждём более чем терпеливо.

Вдруг настезь со страшным грохотом открываются двери, скрипя на заржавелых навесах. И из бани выпадает Михайлов.

– Он совершенно голый. Боже всемогущий!... Ошалел..., – кричим мы.

Он выскакивает из сеней, ни на кого не глядя.

Убегает во двор...

– Христос Распятый, смилуйся над ним!

Перед банным строением лежит огромный сугроб снега.

К нему и бежит Михайлов. Падает на снежный холм, тяжестью собственного тела разбивает твёрдый снег на куски, как стекло. Одурело обнимает эти белые, скользкие куски, и прижимается к ним...

Удивление и страх пригвоздили нас к лавкам, а когда начали что-то соображать, Михайлов уже потерял сознание.

Чем могли, укрыли его наготу и унесли в госпиталь.

Выявилось смертельное воспаление лёгких, которое и вызвало его кончину.

Ни на минуту не приходил он в сознание. Он, который:

*Не дожил положенный срок
И, наверное, будет забыт...*

– *Сумасшедший!* – постановило начальство.

Если бы не его торжественное прощание с нами, мы тоже поверили бы во внезапную смертельную простуду.

Видно было, однако, что это самоубийство, причём преднамеренное.

.....

 Генерал-губернатор Восточной Сибири, проверяя Амурский край, завернул в Александровск.

Нас согнали в огромную казарму, чтобы представить Превосходительству, которое к нам обратилось.

(Содержание таких инспекторских наставлений было мне хорошо знакомо со времён прежней моей каторги в Омской крепости).

– Покайтесь, *ребята*, в содеянных преступлениях. Ведите себя примерно и царское милосердие сократит вам наказание. – Его некороткое напутствие повторялось много раз в разных вариантах, для большего воздействия.

Однако напутствие *ребятам* импонировало и *ребята*, охваченные подъёмом и благодарностью, ответили хором:

– Благодарим! *Ваше Высокопревосходительство!*

Обычно во время таких напутствий я старался их не слушать и заниматься чем-нибудь другим. Например, пересчитывал листики золотого шитья на губернаторском воротнике.

В Александровске, однако, состоялось нечто необычное.

Генерал-губернатор Восточной Сибири в тюрьмах Благовещенской и Александровской разговаривал с заключёнными в казарме. Я, по своему обыкновению, в таких обстоятельствах витаю в облаках, но почему-то невольно ухо улавливает выражение «фригийский колпак».

– Ах, так! – тогда другое дело, – думаю и напрягаю внимание, а слышу только конец «наставления»:

– ...революционные идеи одурманили вас, охмурили. Отрезвляйтесь! Отвернитесь от Европы! Она вас обманула.

– Прав губернатор, – внутренне усмехаюсь, – это Европа нас запутала. Какая же шельма эта Европа!

– ...теперь вы можете рассчитывать только на прощение России и на высочайшее милосердие нашего Государя.

Итак, свою речь он явно адресовал политическим преступникам и в частности нам, полякам.

Ладно!

Я выслушал его речь в глубоком молчании. Только Луиджи Кароли временами энергично потряхивал своими кудрями и бурчал:

– *Non capisco! Non capisco!*⁵⁴

Пока губернатор не вышел из казармы, каждый каторжник мог выступить с *претензией* или жалобой.

Во время семилетней моей омской каторги такое не случалось ни разу.

И вдруг Луиджи Кароли выступил из ряда и с угрожающей миной, бряцая кандалами, как экс-солдат, по-военному салютовал губернатору и закричал:

– *Excellence! on m'a vole mon argent!*⁵⁵

Россиянина или поляка явно не слушали бы; иное дело чужеземец! Ему позволено объясниться.

Милый наш Луиджи позволением воспользовался сполна. Сказал, что, поскольку у него желудок как у страуса и так же успешно переваривает камень, как паштет из садовой овсянки, однако арестантское питание полностью разрушает его здоровье, поэтому ему нужны деньги, чтобы питаться за свой счёт.

Затем он перечислил ещё с сотню вопиющих потребностей, для удовлетворения коих нужны деньги! Деньги! Деньги!

Губернатор терпеливо слушал, любезно ему во всём поддакивая.

И, наконец, спросил, кого именно Луиджи подозревает в краже денег?

Всё выяснилось.

Деньги не пропали, а лежат в канцелярии, поскольку, согласно предписаниям, в Александровской крепости, впрочем, как и во всех других, каторжанам не разрешалось иметь при себе значительные суммы – они могли мелкими квотами получать деньги из канцелярии для каждой своей нужды, объяснив, на что их истратят.

Но! Всё «Александровское» *начальство* наверняка свободно вздохнуло, когда их мучитель Луиджи Кароли из Бергамо освободился из каторги.

Несомненно, шкура на них стояла дыбом, когда, перед выездом в свою солнечную страну, он наносил своим экс-начальникам прощальные визиты, одетый в свой красивый мундир берсальера, в орденах, которые получил в битвах при Монтебелло, под Маджентой, под Сольферино, причём обращался с экс-начальниками *d'egal a l'egal*.⁵⁶

— *Au revoir sans adieux! sans adieux!*⁵⁷ — с упором повторял итальянец, словно твёрдо намеревался ещё когда-нибудь вернуться в Александровск над Амуром.

.....
.....
Михаил Бакунин из Оломоуца, где пребывал в тюрьме, прикованный к стене, в 1851г. был выдан Австрией России, и в Петербурге осуждён на заключение в Петропавловской крепости. Затем его выслали в Западную, а потом и в Восточную Сибирь, а именно в Александровск над Амуром, откуда в 1861г. он ускользнул в Японию, а оттуда в Европу.

От тех поляков, которые встречались с Бакуниным: от Франка Годлевского и других, знаю, что он был очень приятным, живым и разговорчивым, сердечным в поведении, приязненным и лёгким, чем покорял все сердца.

Ещё в мои времена в Александровском остроге его вспоминали очень часто.

Некий Кузьма Лукич особенно охотно рассказывал о Бакунине и о собственных жизненных путях тоже, если ему удавалось найти слушателей.

Как инвалиду, Кузьме удавалось пробираться в острог.

Признаюсь, я не раз охотно беседовал с этим дедом, с встрепанной белой бородой, с быстрыми пронзительными глазками и озорной усмешкой.

Правда, он злоупотреблял горилкой, и часто очень удачно острил, хотя шутки его были *sui generis*⁵⁸.

— Я с юга России родом, с побережья тёплого Чёрного моря, — рассказывал он, — как гвардеец, самого батюшку царя (он носил свою высокую сибирскую шапку) в Петербурге видел. А вы были в Петербурге?

— Был.

— В Петропавловском остроге или в Шлиссельбурге?

— Ни там, ни там.

— Не там, и не там тоже? — удивлялся он, сверля меня своими острыми глазками. — Я ведь так себе представил, — кивал головой и грязным пальцем стучал по дереву, — или там, или там! Потому что каждый поляк из шляхты, — продолжал Кузьма Лукич, — каторжник

или поселенец никогда в Сибирь не попадёт, если не побыл в Петропавловском остроге или в Шлиссельбурге в России.

— Бывает и так.

— Хе! Хе! — смеётся дед, показывая беззубый рот. — И ещё как бывает! И с российскими людьми тоже так случается.

— И случается, милый брат.

— А Бакунина знали? А? Хе?

— Не знал.

— А я его знал, — хвастается дед, — и тут, и ещё в Петербурге, в Петропавловском остроге знал, когда его из Франции привезли.

— Не из Франции, а из Австрии.

— Пусть из Австрии! Когда его в Шлиссельбург посадили, батюшка царь милостиво разрешил: пусть пишет, что хочет! Так он и написал. А когда царь прочитал, милостиво сказал: мудрый человек Бакунин, но волк! Волк! Раз нельзя ему клыки повырывать, так пусть себе в Шлиссельбурге сидит. Не отпускать его! Ни-ни! — батюшка царь милостиво сказал. Слышали про такое?

— Слышал.

Я и на самом деле знал, что когда Бакунина привезли в Петербург и посадили в тюрьму, царь Николай I потребовал от него реферат по славянскому вопросу. Михаил Бакунин реферат написал, а Николай I, прочитав его, сказал: «Бакунин разумный человек, и даже хороший человек, но очень опасный, и потому освобождать его нельзя».⁵⁹

Кузьма Лукич говорил и говорил, о том, что знал и о том, чего не знал, по возможности продлевая беседу, поскольку был уверен, что, прощаясь с ним, я дам ему горсть медяков, что позволит старику устроить себе обильное возлияние.

О побеге Михаила Бакунина из Александровска я слышал от местных интеллигентов вот что:

Генерал-губернатор Сибири Николай Николаевич, названный Амурским, был очень известным человеком, в 1854г. покорил и присоединил к России край над Амуром, а он был родственником и приятелем Михаила Бакунина.

Благодаря его покровительству и родственной приязни, Бакунин пользовался сравнительно куда большей свободой, чем другие арестанты в Александровском остроге.

На Амуре, под Александровском, был так называемый *porto franco*, то есть «свободный порт».

Привезённые и выгруженные здесь товары досмотру не подлежали. Потому на Амуре в этой точке роились торговцы английские, голландские, французские, которые привозили свои товары, а отсюда забирали тюки плодов богатого Надамурского края. Иногда случалось, что узники Александровской крепости тоже делали закупки именно в этом месте.

Таковыми привилегиями пользовались только несколько узников и, конечно, прежде всего, кузен и приятель генерал-губернатора Муравьёва-Амурского, Михаил Бакунин.

Однажды английский корабль, распродав привезённые товары, должен был отплыть с грузом мехов.

Капитан корабля, человек немолодой, сказал, что намерен отдохнуть от своих долголетних плаваний по морям и океанам, и мечтает осесть в лоне семьи, так что его обратное путешествие из-под Александровска в Англию – его последний морской путь.

И поскольку он никогда больше сюда не вернётся, желал бы попрощаться и на палубе своего корабля угостить Александровских чиновников, а также пару-другую заключённых – его постоянных клиентов.

Михаил Бакунин тоже получает приглашение и, конечно, им воспользовался.

Итак, на палубе английского корабля российские офицеры и политические осуждённые веселятся вместе, как равная и приятная друг другу компания.

Забавляются архивесело, архипрекрасно...

Старый капитан – Амфитрион, выше всех похвал. Угощение – великолепное.

Слуги непрерывно наливают ликёры в рюмки собеседников... Шампанское льётся рекой...

Музыка играет национальные гимны: английский и российский, а потом весёлые песенки, которые хором поют гости.

Общая сердечность достигает наивысшей степени... Сердца и пульс бешено колотятся... Тосты следуют друг за другом... Возлияния всё обильнее...

Старый капитан – Амфитрион, всё угощает и угощает едой и выпивкой.

Музыка играет во всё более быстром темпе...

При оживлённой беседе, во время весёлых забав, время не кажется гостям долгим...

Тем временем, солнечные лучи, которые в начале завтрака светили ясно и сильно грели, теперь бледнеют и всё более холодны, пока, наконец, солнце не исчезает совсем...

Недавно ещё золотистые воды Амура теперь покрываются серыми теньями...

Тогда Амфитрион говорит кому-то из наиболее трезвых офицеров, что, хотя ему очень печально, и жалко, но он вынужден напомнить, что пришло время прощаться, ибо уважаемые и дражайшие гости перед закатом солнца должны быть в крепости – и увы! солнце уже зашло...

– Правда! Правда! Время возвращаться, – кричат уважаемые и милейшие гости.

Шумно встают из-за столов, поспешно прощаются с капитаном и быстро вскакивают в ожидающие лодки; офицеры и узники, все, кроме одного...

– Михаил Бакунин! Не мешкай; иди скорее! Ну! Ид-и-и-и! – кричат офицеры.

В это время над кораблём уже развёрнут английский флаг.

Бакунин крепко обнимает древко флага и громким голосом объявляет:

– Я нахожусь на гостеприимной и вольной территории Великобритании, я даю себя под защиту Её Королевского Величества Виктории Английской!

Подходит капитан корабля, кладёт руку на плечо Бакунина и тоже громко объявляет:

– Именем Её Величества Виктории, Королевы Трёх Соединённых Королевств: Англии, Шотландии и Ирландии, принимаю тебя, Михаил Бакунин, под опеку Великобритании.

Корабль уже поднял якоря... и на всех парях отплывает с Михаилом Бакуниным, вмиг исчезая во мгле, парящей над Амуром...

Было это в 1861г.

В год бегства Михаила Бакунина, Муравьев-Амурский перестал быть губернатором Восточной Сибири. Возможно, его устранение с поста было следствием так тщательно продуманного и успешно проведенного побега Бакунина? Возможно...

Ибо Муравьев-Амурский, который так долго и успешно воевал на Кавказе, который добыл для России богатый и красивый Надамурский край, известнейший человек в стране, который задумал и осуществил для России Айгунский пакт, не мог быть уволен за *беспорядки*, которые, конечно, имели место, но за девять тысяч верст от его резиденции.

В Сибири, в Иркутске, Михаил Бакунин женился на польке, молоденькой барышне – Антонии Квятковской.

Сестра Бакунина вышла замуж за поляка, лекаря пана Сипневского.

.....
.....

Письма к узникам в Александровск на Амуре полагалось писать по-русски или по-французски, и проходили цензуру в канцелярии коменданта крепости. Мы получали их с отметкой *«просмотрено»*.

Даже поздравительные открытки по случаю Рождества не освобождались от цензуры.

Надо признать, что по распоряжению коменданта, в канцелярии такие открытки заворачивали в чистую глянцевою бумагу, и на этих обертках была этикетка: *«просмотрено»*.

Как бы там ни было, а эта глянцева обертка уже обозначала некоторое уважение к нашим традиционным обычаям и к самим политическим преступникам.

В Александровском остроге, как я уже говорил, мы не были в столь жестком и унижительном притеснении, как в омской каторге, да и стража была менее строгой.

В Омске наличие самого безобидного ножичка грозило страшной карой, в Александровске – нет.

Как в Омске, так и здесь, возбранялось иметь острые предметы. Но в Александровске на многое смотрели сквозь пальцы, и это облегчало нам жизнь.

Здесь в свободное время мы занимались галантерейным творчеством.

Прошу вас, не смейтесь, не сочтите мой рассказ за самохвальство. Мы действительно изготовляли красивые вещи: шкатулки, рамки для фотографий из дерева двух цветов – светлого и темного, под красное дерево, с серебряной инкрустацией. Из 40-копеечных монет делали броши и заколки из серебра.

Столяр, уже за пределами острога, полировал наши изделия, которые мы высылали на родину, где они вызвали восхищение родственников и приятелей «мастеров», и эти изделия, окропленные слезами тоски и нежности, выставлялись в самой парадной комнате и на самом видном месте.

Мы делали также цепочки из неспаянных друг с другом колец, из цельного куска дерева, такие, какие китайцы вырезают из слоновой кости.

Вырезать такую цепочку – верх терпения и... бессмыслия – для китайцев это забава, а для европейцев, людей мыслящих и образованных, – только узник может изготовить такую цепочку.

Иногда мы получали книжки от одного офицера.

Это был молодой человек, легкомысленный, поступающий часто без всякой логики, докучавший узникам просто так, потому что «ветер в голове», или потому что только что получил *выговор* от своего начальства.

Но он был отходчив. От гнева до любезности – один шаг, и после каждый «сцены» он приносил нам книжки. Но книги не давал нам открыто, а вот как: во время посещения казармы оставлял в каком-нибудь неприметном уголке принесённые книжки или газеты.

Разумеется, печатное слово мы читали очень быстро, и возвращали офицеру со словами:

– Пан забыл вот это в нашей казарме.

– Ах! да, да! Оставил, оставил. У человека столько забот в голове! Хорошо, что вы мне это возвращаете, я думал, что потерял... у человека, знаете, столько забот в голове...

.....
.....

– Ого! Лука Кузьмич словил какую-то новость и спешит подать нам её тёпленькой, чтоб его никто не опередил, – говорю, при виде через окно, как инвалид ковыляет к нашей казарме.

У Луки Кузьмича борода сегодня ещё взлохмоченнее, чем обычно, шапку, истрёпанную за долгие годы так, что она уже облысела, он окинул со лба назад, что делал, обычно, в минуты особого подъёма, ветер развеивает полы его дырявой шинели, медали, пришитые к шинели, побрякивают, а суковатым посохом дед размахивает так энергично, будто хочет устранить со своего пути все преграды и побыстрей дойти до цели.

За каждую новость, что он нам сообщал, старик получал от нас медяки.

Не раз, надеясь на нашу доверчивость, когда ему нужны были монеты, а водка ему требовалась позарез, он срочно нас находил, и, получив деньги вперёд, сообщал «новость», которая оказывалась обманом.

Когда обман раскрывался, он долго объяснял, что это не он обманул, а такие и этакие нелюди, потому что он, Лука, добрый старичок, всем верит, он же знает, что обман – тяжкий грех перед Богом и Богородицею, и перед всеми Святыми.

Дня 15 июля 1868г. Кузьмич влетел в нашу казарму и, минуя обычный церемониал приветствий, поклонов и пожеланий, от самого порога, заверещал, как будто с него шкуру драли:

– Почту привезли, пусть мне кости выкрутит и поломают, пусть вши моё грешное тело загрызут дотла, чтоб я сдох, если вру: почту привезли!

– И что там такого?

– Почту привезли – я паскудник и мерзавец, безумный рекрут, если лгу, – верещит дед, всё запальчивее размахивая посохом.

Инвалиду удалось-таки разбудить наш интерес.

Он вылезает из своего угла, мы окружаем его тесным кружком.

Дед сопит, как кузнечный мех, но молчит.

– Если Лука Кузьмич хочет получить деньги, – пусть сейчас же расскажет, что привезла сегодняшняя почта. Иначе – конец субсидиям!

Дед облизывается, будто чувствует на губах вкус горилки, встаёт на средину, опираясь на свой суковатый посох, моргает, машет головой так, что с него слетает шапка, и медленно, слог за слогом, говорит:

– Почту привезли, из Петербурга – амнистию!

Эта новость поражает нас, как раскат грома, мы теряем дар речи.

– Если ты, дед, лжёшь, – кричит Ор., который первым пришёл в себя, – если лжёшь, я тебя, дорогой мой, убью насмерть!

– Не лгу! – верещит в смятении инвалид, и стучит посохом в пол. – Если лгу, пусть меня покорчит... пусть меня...

Даём деду «на лапу» уже не медяки, а сороковики, и, чтобы не слышать его клятв, выпроваживаем из казармы.

Он радостно нас покидает и спешит в кабак, менять наши сороковики на горилку.

.....

.....

Сведения, сообщённые Лукой Кузьмичом, были неполными.

Из Петербурга пришла не амнистия, а только Манифест, облегчающий и сокращающий наказание поселенцев и каторжан, причём он касался лишь некоторых.

Я был тронут благожелательностью Манифеста. Меня уволяли с каторги, но с обязательством жить в Восточной Сибири, а именно в Иркутске.

6

Всходит солнце и целые снопы золотистых лучей низвергаются на Амур.

Речные волны, встревоженные порывами сильного ветра, клубятся, опадают, опадают, вздымаются, свёртываются, будто огромное тело Левиафана, покрытое зелёно-золотистой слизью.

Перед почтой стоит наш тарантас, нагруженный доверху.

Наши узлы и тюки изгнанников не были бы так велики, но в дальнюю дорогу, которая нам предстояла, мы берём с собой тюки продуктов, которые в Александровске, как в *porto franco*, свободные от таможенных налогов, оказывались намного дешевле, чем даже в Европе.

Вино, коньяки, сардины, разные виды сыров, словом, всякие колониальные товары, дешевле, так что, хотя наши кошельки не

слишком обременены деньгами, всё равно для подкрепления в пути, для поддержки в случае болезни, надо хорошо запастись продуктами.

Влезаю в тарантас, и чувствую, кто-то держит меня за лодыжку. Оборачиваюсь.

Это Лука Кузьмич.

Спрашиваю:

— Что вы хотите?

— Вы не пустоголовый, — отвечает дед, всхлипывая, и его лицо залито слезами, — вы не срамник, вы честный человек, я вас полюбил, мне жалко, что вы уезжаете... Я хотел узнать, вы едете к своим, или к матушке России?

— Ни к своим, ни в Россию, я остаюсь в Сибири.

— Но уже не как каторжник? Как поселенец?

— Как поселенец!

— Поселенец! Так, может, ещё к нам вернётесь, потому что с поляками — чего только на свете не бывает.

— А пошёл бы он к чёрту! — по-французски кричат коллеги. — Тоже, называется, выказал приязнь. Гони этого пьяницу!

Сую деду «на лапу» сороковник.

— Здоровья вам, Лука Кузьмич, мы с вами уже никогда в жизни не встретимся.

— Нет?... Жалко!... Я бы так себе прикинул: поляк — значит, — кто знает? может, ещё вернётся...

— Ох ты, какая хитрая бестия, со своими чувствами и пожеланиями.

Влезаю в тарантас, сажусь.

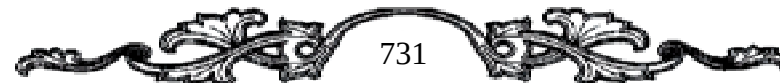
Дед снимает шапку, высоко поднимает её, машет на прощание.

И — поехали галопом к Иркутску, к Европе, к землям Польским, из Александровска на Амуре дня 29 июля 1868г.

.....

.....

Сибирь, далёкий край, дискредитированный тем, что его выбрали местом наказания для преступников, а нам, полякам, он немил оттого, что столько тысяч наших терпели там муки каторги, унижения, изгнания и тоску.

Но если бы в Сибири главенствовали бы иные законы, иное управление и, прежде всего, если бы в ней была другая администрация, другие средства передвижения, она стала бы жемчужиной российской империи.

Северные околицы, около Ледовитого океана, как, например, Виллойск, Туруханск, Нижнеколымск, конечно, не очень привлекательны... Ох! Скорее скажу так: они просто ужасны. Там:

Земля не даёт ни плодов, ни хлеба...

А притом эти арктические края, бесплодные и неурожайные, в лоне земли скрывают богатства, безмерные сокровища, надёжно укрытые, ещё нетронутые и неиспользованные.

А чего стоит Восточная Сибирь?

Чего там только нет? Чем только не обладает этот край.

Леса, населённые разными зверями и птицами. Их было бы ещё больше, если бы там завелось хоть какое-то лесное хозяйство, так, чтобы леса не истреблялись так бессмысленно и бесполезно, чтобы *инородцы* не уничтожали с таким ожесточением и неопишущим размахом четвероногих и крылатых обитателей сибирских пущ.

Ни одна живая душа не следит за охотоводством, притом, что кочующие племена производят массовую «резню», которая могла бы привести в отчаяние зоолога и орнитолога.

А какая беда пожары, которые ежегодно, год за годом, разжигают местные жители, чтобы спалить увядшую и сухую траву... Сколько деревьев, зверья, птиц истребляют они!...

Если такой пожар доберётся до леса, какое жестокое опустошение, ведь он длится до того, пока не грянет ливень и не погасит его! А сибирское земледелие в юго-восточной полосе, какое оно даёт щедрый урожай!

В одном колосе по 25-30 зёрен.

Сибирские реки и озёра кишат рыбой!

Горы, например, в Нерчинском округе, переполнены разными минералами.

Но что с того, если способы эксплуатации этих безмерных богатств, наверняка, не отличаются от тех, какими пользовались бы Адам и Ева, если бы утруждали себя добычей минералов.

А сколько в Сибири минеральных холодных и горячих источников с самыми разнообразными свойствами!

Перечислю только некоторые, которые лучше знаю.

В Семипалатинском округе есть несколько горячих источников, которые калмыки зовут одним наименованием: *Арассан*.

На границе Китая, вблизи от озера *Алакай*, есть источник, вода которого достигает 34 градуса по Реомюру, причём запах серы выдаёт свойства его воды.

Этот источник обложен камнями, калмыки содержат его в полном порядке, поскольку всем известны его лечебные свойства.

Неподалёку от этого источника стоят языческие истуканы, грубо неискусно вырезанные из камня, а также валуны, по большей части плоские, с монгольскими надписями.

В Семипалатинской области в Алатау, в горах, что по-калмыцки называются «пёстрые горы», покрытые вечными снегами, здесь тоже свой *Арассан*, в коем вода достигает 28 градусов Реомюра.

У истоков реки *Кокса*, из природного гранитного бассейна, тоже вытекает *Арассан*. Вода его горячая, пенится газовыми пузырями, как в Белкотке в нашем Ивониче, и тоже с сильным сернистым запахом.

Погружённые в этот *Арассан*, предметы как бы каменеют, как в карлсбадском Шпрудле.

Сибирским киргизам известны его лечебные свойства и они ими охотно пользуются.

В Забайкальском крае, Нерчинский округ особенно богат подобными источниками:

Батырский горячий источник. Вблизи от него стоит дом для лечащихся больных.

Каменский источник находится в наиболее людной местности.

Низины реки *Кокса* в Томской губернии тоже изобилуют солёными источниками.

За несколько станций от Большого Нерчинского Завода, а именно в Солонах, я лично пил воду из источника, и по вкусу она походит на содовую воду, но вкуснее, просто превосходная.

Всё это в состоянии абсолютно первозданном. Всё ожидает исследования, изучения, машин, фабрик, хороших дорог, железной дороги, — словом: Сибирь ожидает цивилизации.

А сибирская флора? Луговая и лесная?

Она безмерно богата.

Вокруг реки Уссури растёт дикий виноград (*Vitis vinifera var. amurensis*). Если бы его использовали, получалось бы превосходное вино.

Над Амуром, над Уссурией, особенно в местностях, защищённых от ветра, растительность просто поражает ароматом и великолепием красок.

Здесь растут рододендроны целыми букетами; мелкие ирисы, невысокие голубые цветочки, которые распускаются очень рано, цветут долго, в некоторых местах их великое множество, а запах у них сильный и очень приятный.

Растут лилии, так называемые «царские», а также лилии белые и орехово-пурпуровые, с запахом таким сильным, что он действует одуряюще; растут пахучие орхидеи, ароматные махровые гвоздики разного вида, лианы, душистый горошек, разные *кампанулы*, и бесчисленные растения, и цветы причудливого вида, расцветки и запахи которых, не будучи ботаником, назвать не могу, и с которыми под нашим небом можно встретиться, конечно, только в оранжереях и теплицах. И всё это всходит, растёт, цветёт, — вокруг — благоухание, подобное бальзаму, всё это со временем разрастается, с той самой поры, когда сама природа их тут засеяла или насадила.

В Восточной Сибири — леса всякого рода лиственных деревьев.

В холодных полосах царит сибирский кедр.

Сибирский кедр растёт очень высоким, принадлежит к игольчатому, покрыт густейшими иголками, значительно длиннее, чем у сосны. Летом и зимой кедровые ветви одинаково зелёные, гораздо зеленее, чем у игольчатых, что растут у нас.

Высокие кедры источают живицу, которая составляет важный предмет торговли, ибо сибирское население, дома и на улице, держит во рту и жуёт кусочки живицы, как, например, зажиточные люди жуют леденцы.

Кедровые орешки — излюбленное лакомство сибиряков. При угощении гостей им принадлежит отнюдь не последняя роль. Из них получается также отменное растительное масло.

Хотя урожайность кедра очень обильна, использование этого лакомства так велика, что цена орешков бывает очень высокой.

В Иркутске, например, за пуд кедровых орешков запрашивают 3-4 рубля.

По этой причине кедровые леса бездумно уничтожаются. Если сибиряк хочет сорвать шишки, он спилит самое великолепное дерево, – так ему удобнее, чем на дерево лезть.

Видно, деструктивные инстинкты в человеке сильны во всех частях света, на каждой широте и долготе географического шара, ибо ещё Монтескье в своей книге «*Esprit des lois*»⁶⁰ говорит:

*Lorsque les sauvages de la Luiziane veulent avoir le fruit ils coupent l'arbre. Voila: l'egoisme*⁶¹

.....
.....

За Александровском на берегах Амура тянутся сухие луга, которые около устья Зеи, между горами и Амуром, превращаются в истинную степь. На таком фоне, вблизи устья Зеи лежит Благовещенск, резиденция губернатора Восточной Сибири.

Здесь задерживаюсь подольше, для выполнения полицейских и паспортных формальностей.

Ожидая в канцелярии губернатора, я обратил внимание на пачку бумаги, лежащей на полу. Удивлённый их видом, всматриваюсь. Взор останавливается на слове «*Pologne*»⁶² на каком-то мятом и замусоленном листке.

– Что бы это было? – размышляю, заинтригованный названием.

Подхожу к уряднику, которого знал, поскольку тот раньше перешёл из Александровского в губернаторскую канцелярию а Благовещенске, и спрашиваю:

– Никита Акинфиевич, позвольте мне вытащить и прочитать хоть один листок из этой пачки, я на нём прочёл слово, которое очень меня заинтриговало.

– Да хоть десять листочков берите, Семен Себастьянович, потому что эта пачка – всего лишь мусор, подлежащий уничтожению, –

очень любезно отвечает Никита Акинфиевич, помогая мне вытащить нужную бумажку.

Оказывается, это брошюра с сенсационным названием «*Plus de Pologne!*»⁶³, изданная 1865г. в Париже. Я вырвал эту страницу, читаю, нет... не читаю: глотаю глазами, вниманием, всем своим естеством.

Автор, некий Анатолий Фуке, враг поляков, сообщает: Польши уже нет, её не существует уже более ста лет, она уже не может развиваться...

Пытаюсь сдержаться, но начал ругаться истинно по-варнацки. Коллеги вторят мне.

Брошюру мы разорвали на мелкие куски – и сожгли...

Однако как попал этот пасквиль, вернее, памфлет, как попал он с берегов Сены в город над Амуром и Зеей?...

Наверняка, кто-нибудь, желая угодить благовещенским властям, привёз брошюру – кто-нибудь из французских коммерсантов, которые в торговых интересах крутятся летом по этим богатым краям.

.....
.....

Айгунское соглашение отдало в пользование России край над рекой Уссурией. Провинция эта живописна и богата.

Среди необозримых лугов, местами видны купы дубов, берёз, и разных деревьев, и лиственных кустарников, рост и обилие коих питают воды рек Мурень и Сунгачи, озеро Ханка, и множество маленьких озерцов.

Чем ближе к югу, тем гуще растительность.

В деревне Дамга, некий китаец насадил очень обширный и прекрасно ухоженный сад и бахчу, в которых зреют всякие фрукты, дыни и арбузы.

В этих краях вообще много китайских селений.

Сыны Небесного Царства осели тут, занимаются торговлей с туземцами, а также садоводством и огородничеством.

Главный предмет торговли – корень растения, что по-русски зовётся *женьшень*.

Это растение в Уссурийском крае, к югу, в гористых местностях, растёт в изобилии.

Женьшень обладает якобы лечебными свойствами, которые в европейской медицине не имеют аналогов.

А в Поднебесной Империи это растение применяют при лечении разных болезней, как наиболее действенное лекарство, и потому этот корень очень высоко ценится.

Начиная с ранней весны, в течение всего лета, толпы туземцев отправляются в горы искать и выкапывать корни женьшеня.

Плоды своей нелёгкой работы туземцы отдают, тем не менее, за гроши. Китайцы, которые эти ценные корни отправляют в свою страну, на такой торговле зарабатывают целые состояния.

Когда после весенних и летних половодий воды рек опадают, прибрежная полоса кипит жизнью. Начинается улов рыбы, которой тут массы и массы; тот, кто этого не видел, не может себе даже представить.

Удаётся, порой, прямо из реки или из озера руками выловить карпа, сома, налима и множество прочих мелких рыб.

С моря, через Амур, плывёт лосось в большие реки.

Китайцы промышляют также и рыбой в широких масштабах.

В пору рыболовства они уговаривают туземцев за наличный расчёт поставлять им рыбу, угощают чёрным хлебом и овощами, лишь бы только те согласились работать.

Случается, что сразу несколько семей из одного племени работают вместе, причём трудолюбиво и плодотворно.

Мужчины и парни кидают сети.

Выбрав из улова наилучшие сорта и самые крупные рыбы, тут же несут их купцам-китайцам. Женщины и девушки готовят запасы на зиму для людей и собак.

В своих сёдбищах туземцы ставят так называемые *подмости* для сушки рыбы.

На *подмостках* развешивают и распластывают рыбу, и всё это похоже на красочную мозаику, в которой преобладает жёлто-розовый и ярко-розовый цвет лосося.

Поскольку лосось более всего ценится китайцами, уловы бывают очень щедры, но на берегах Амура, Уссури, Шилки, можно увидеть целые стопки этих огромных рыб, гниющих, за отсутствием рабочих рук.

Лосось – главный продукт питания тунгусов и их собак.

Тунгусские собаки – это тягловые животные туземцев в этих краях.

На саях, запряжённых собаками, тунгусы отправляются на охоты в районы высоких гор, в снежные пустыни, и на этих же саях увозят китайцам драгоценные меха убитых зверей.

.....

.....

Дня 5 сентября в 11 ³/₄ часов перед полуднем я стоял на вершине Яблоневого⁶⁴ гор за Бианкином.

.....

.....

Нерчинск в Забайкальской области, где мы 7 сентября остановились, в Польше лучше известен, чем другие места ссылки, – я имею ввиду само название.

В местном горном округе, – собственность Короны, – заложено множество минеральных богатств, рудников олова, серебра и даже золотоносные месторождения, а на них работают тысячи ссыльных в Нерчинских рудниках и *заводах* – в 60-е годы, после восстания, может, половина ссыльных составляли поляки.

Реют здесь тени швиентокжижцев⁶⁵.

.....

Реет тут тень Ходельского священника, ксёндза Петра Щегинного и тени венгров.

.....

И столько, столько других!

.....

В округе Нерчинском зимы бывают очень морозными, но погожие и солнечные. Местный воздух на диво здоровый и, даже сказал бы, лечебный.

Я знал таких, что прибывали в Нерчинские заводы с туберкулёзным кашлем, и, несмотря на трудности дороги, несмотря на ненормальные и подчас даже роковые обстоятельства, в которых они вынуждены были жить, они полностью обретали здоровье и переставали кашлять.

И всё же группа поляков нашла здесь вечный покой...

Ах! с какой тоской и скорбью приходится говорить, что они «почили»...

Идём на кладбище.

Буйная растительность, цветы, множество птиц – и всё же мы отыскиваем гробы и особенно известных и дорогих нам, и тех, кого знали только понаслышке, или по рассказам коллег.

Горячей и проникновенной молитвой мы отдаём дань почтения останкам изгнанников, которые умерли так далеко от Отчизны, и лежат на ничьей земле...

Мы срываем цветы с этих могил и уносим их с собою на память.

.....
.....

В *Марсанове* ночуем у *каменичника*.

Каменщиками называют крестьян, жителей Томской губернии, Бийского округа.

У них особые законы и правление, которое называется *ясак*.

Селения *каменичников* образовались в XVIII веке из россиян, раскольников, а также из разных преступников, которые перед карающей рукой Справедливости укрылись за *Камень*, то есть за Сибирские горы, откуда и называли их *каменичками*.

Их имеется несколько тысяч человек, работающих на земле, выращивающих скот и торгующих с китайцами.

Наш хозяин, Василий, пребывал в *Марсанове* по торговой части.

Сушёную рыбу, ценные меха он скупал у якутов и бурятов и перепродавал китайцам, конечно, с большой выгодой для себя.

Он состоятелен, весел и очень рад гостям, от которых тоже ожидает, если не «жирно» заработать, что случается, когда сюда приезжают сибирские чиновники – то, по крайней мере, что-то он на нас выгадает.

Итак, сперва жена Василия предлагает нам прекрасные рыбные блюда, причём её муж спрашивает: не хотели бы мы познакомиться с бурятом, который во всём Забайкалье славится как известный рассказчик.

Что ж, нам это в удовольствие!

– Конечно, конечно! – соглашаемся мы. – Пусть рассказчик сейчас же и придет. Очень просим!

– Арас, это рассказчик, – объясняет нам хозяин, очевидно, чтобы возбудить наше любопытство, – служит сейчас у меня, –

раньше он был в Иркутске у знаменитого Джорджия Бансарова⁶⁶, который научил его говорить по-русски, читать и писать.

– Тем лучше, тем интереснее познакомиться с этим рассказчиком!

Выходим из комнаты и усаживаемся на лавках перед домом.

Через минуту, появляется крепкая, грузная фигура на полукруглых ногах, с губами, очень похожими на верблюжьи, с маленькими скошенными глазками, с встрёпанной шевелюрой и щетинистой зарослью на лице, в пламенном и жёлтом шелковом одеянии.

Встаёт перед нами, опирается на пень мощной сосны и хриплым голосом, по-русски, начинает свой рассказ.

Идёт человек через тайгу, встречает медведя и спрашивает:

– Медведь, а, медведь! Куда ты идёшь?

Медведь отвечает:

– Иду искать добычу, а то я голодный и жена моя голодная, и мои малые дети тоже голодные.

Идёт, идёт человек по тайге, встречает соболя и спрашивает:

– Сось, а, сось! Куда ты идёшь?

Сось отвечает:

– Иду искать добычу, голоден я и жена голодна, и мои малые дети голодны.

И Арас перечисляет все виды зверей и птиц, живущих в сибирских тайгах, которые, повстречав человека, ведут с ним неизменно тот же разговор.

Каменщик смотрит на нас, читается ли на наших лицах восторг.

Нам же страшно скучно, и мы начинаем поглядывать на часы.

Но – никакого впечатления!

Арас тянет и тянет свой монотонный рассказ:

Идёт, идёт человек по тайге... и т.д., и, наконец, умолкает.

– А дальше что? – спрашиваем мы.

– А ничего!

– Ну и что сделал этот человек, который шёл по тайге?

– А ничего!

– А чтоб тебя с твоим рассказом! – думаем. А тем временем Василий подходит с таинственным выражением лица и шепчет, не надо ли положить на его ладонь какое-нибудь вознаграждение для Араса.

– Ага! Значит, так: этот каменщик одновременно торговец и импресарио бурята-рассказчика...

На следующий день, чуть свет, пускаемся в путь на чартопхайке.

Возница, в длинном одеянии табачного цвета, в меховой сибирской шапке, прямо с места пускает коней в галоп.

Галопом едем и с горы по сибирскому обычаю: раз – с горы, значит, нас подталкивает сила инерции.

А наш возница немилосердно подгоняет коней, лупит в доски чартопхайки, и кричит:

– Ху-у-у! Хе-е-е! – и постоянно оборачивается к нам и своими верблюжьими губами произносит:

– А что? Генеральская езда, сам Булакит⁶⁷ не ездит скорее.

На следующей станции узнаём, что наш возница – женщина, жена того Араса, знаменитого во всём Забайкалье рассказчика.

*Рахманина, Шлезигьер, Якубович – отправление Белинского...*⁶⁸

.....

*(В этом месте не хватает двух листов воспоминаний).*⁶⁹

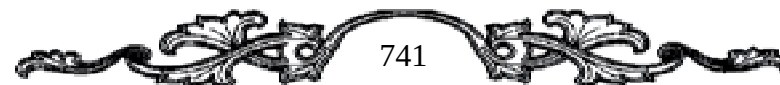
.....

...Предупреждённый о нашем приезде, Домбровский и Гервазий Гзовский ждут нас на станции. Хотя день идёт к закату, но жара сильно докучает.

Приказчик какого-то иркутского купца, ожидающий товар, посоветовал нам укрыться в его балагане⁷⁰, который неподалёку в лесу и сейчас стоит пустой.

Благодарим приказчика, обрадованные, что можно оставить тесную, душную и парную комнату.

Балаган оттеняют гигантские деревья, наверное, ещё доисторические. В сарай нам приносят самовар и еду.

Закуриваем, чтобы отогнать назойливых комаров.

И разговариваем...

Поскольку с момента, когда мы расстались с Гервазием Гзовским в Иркутске, прошло четыре года, мы наперегонки выкладываем друг другу наши обстоятельства и происшествия.

Потом я прочитал вслух треть той брошюры «*Plus de Pologne*»⁷¹, найденной, прочитанной и частично сожжённой в Благовещенске.

Я по прежнему возмущён и ругаю автора.

– И зачем ты себе желчь разливаешь, дорогой мой? – задумывается Гервазий. – Как о нас судят неизвестные нам люди, нас не касается. А их гороскопы о нашем будущем – тем более. Уж время, кажется, излечиться от болезни оглядываться на чужих, тем более, ни от кого помощи ожидать не приходится. Никто и ни в чём нам никогда не помогал. Наполеон I, из которого мы сотворили себе кумира, за которого сперва, ради одного его слова, а потом за его династические амбиции, пролили столько нашей крови, – что для нас сделал? Ничегошеньки.

– Не догнал, не успел.

– Ага! Именно, что не успел... Если бы не Ватерлоо, если бы Наполеон I мог бы жить до сей поры, он бы всё ещё вёл наши легионы по всем странам и по всем континентам, и по всем океанам и морям всего земного шара.

– А если бы ты, Гервазенько, в наполеоновской эпохе был в годах, пригодных для войны, – ручаюсь, что за победоносными его орлами, ты в дырявых сапогах, рваной рубахе и латаном мундире, в голоде и холоде, всё ещё странствовал бы по всем странам мира.

– Зато был бы членом Легиона, а как же! И все бы мы летели...

– Вот видишь!

– Да, вижу, что наши так называемые приятели всегда судят о нас немилосердно, а что ещё хуже, выставляют нас дураками, уже не говоря о наших потерях, людьми и деньгами...

.....

Никто не протестует...

.....

Гервазий вновь начинает:

– А в ближайшее время – Наполеон III?

– Правда!

– А после благоприятных для нас выступлений в английском парламенте мы были уверены, что боевые трубы «наших приятелей» выберут момент и затрубят у наших ворот.

– Правда! Правда! – соглашаются все единогласно.

– А помните: «*point des reveries, messieurs!*»⁷² ...

Общий вздох...

.....

Гервазий продолжает:

– Во всей стране радостный подъём, в столицу съезжается шляхта, надев помещичьи мундиры... Бешено бьются сердца в ожидании императора... И раздаются его слова: ну да, «*point des reveries, messieurs!*».

.....

– Может, хватит примеров?

– Через край!

– Итак, дорогие мои, – продолжает Гервазий, – больше мы не позволим гипнотизировать себя мечтаниями; мы не будем послушны мечтам, как медиум гипнотизёру. Во имя любви к Отчизне, во имя наших осиротевших очагов, – вспомним, что «сочувствие это нечто вроде румфордского супа, который согревает на мгновение, но не насыщает», а прежде всего – хорошо запомним, и станем повторять слова Мохнацкого:

– Народ, который ещё не перестал быть народом, в каком бы положении ни оказался, может спасти себя только сам.

.....

.....

*Далее, братья, вверх стаканы,
Пьём за наших богоданных!...*

Поёт Д. и подносит вверх свой стакан, похоже, чтобы отогнать печальные воспоминания и мрачные мысли, которые нас обуревают.

– Как это? – кричу. – Будем чаем пить за здоровье польских девиц и дам?! Не! *Veto! Veto!*

– Вот! Вот вам «коренной»⁷³ поляк» из Сейма: едва кто-то внёс предложение, он сразу же протестует и визжит: *veto!* – смеётся Гзовский, но остальные коллеги меня поддерживают.

– Правильно сказал Шимек! На *чай* не даём согласие! И раз у нас нет ничего другого для питья, прочь чай, – мы выпьем за здоровье дам воду, воду из источника, чистую, как сердца и души наших возлюбленных...

Выливаем из стаканов чай и идём к источнику, который мы видели по дороге к балагану.

Гервазий Гзовский, самый старший среди нас, один из швиентокжижских, рецидивист, каторжник и поселенец, замыкает шествие, благодушно улыбаясь.

Упоительное благоухание доносится из лесной гущи, сказочное обилие душистых трав и цветов овеивает скалу, из которой сочится чистый, как хрусталь, источник.

Под этот миниатюрный водопад подставляем свои стаканы и пьём предложенный Д. тост.

От лунного сияния вокруг светло, как днём.

С появлением луны, понимаем, что уже поздно.

Возвращаемся в наш «ночлежный» сарай. На обратном пути Гервазий Гзовский своим *basso profundo*⁷⁴ запевает:

*Кто хочет в роскоши пожить,
Пусть в партию идёт служить...*

Узнаём песню... Вспоминаем слова и мелодию:

*Пусть в партию идёт служить...
Голод, холод, всё узнает,
И лесной росы попьёт.*

.....

На войнушке благодать,

Как с коня улан спадёт,

Не надейся, не поднимут,

Лишь конями перетопчут.

А что юные лета?

Барабан бьёт: «тра-та-та!».

.....

Тайга вся серебряная от лунного сияния.

Мы не зажигаем света в комнате и устраиваемся на разостланном сене.

Наши разговоры и наши мысли всё кружат и кружат около тех фигур, которые в венгерках и конфедератках, чтобы «в роскоши пожить», пили в лесу «лесную росу»...

Наши разговоры и мысли кружат и вокруг «возлюбленных» братьев сибиряков, политических преступников.

.....

Мы вспоминаем невесту Виенцовского, которая полтора года добиралась до Нерчинских заводов, чтобы там обвенчаться со своим возлюбленным.

Это было в сороковых...

.....

А в шестидесятых вспоминаем:

Графиня Грабовская из Великого Можейкова в Литве, ведь тоже добралась до Нерчинска, чтобы найти своего жениха, узника и каторжника, Оскьерского.

Обе эти пары обвенчал священник иркутского прихода Кшиштоф Швермицкий.

Вспоминаем жену Михаила Грушецкого⁷⁵, которая за своим мужем, высланным с партией из Киева, ехала в бричке, гружённой провизией.

Опережая партию, на каждом постое, готовила горячие блюда для мужа и других политических преступников.

Не раз случалось, что злобный или пьяный *конвойный* офицер не позволял кормить политических преступников. Не раз велел выливать приготовленную еду. Не говоря о затратах, кровавый труд верной жены безжалостно выбрасывали.

.....

Вспоминаем молоденькую и красивую жену доктора Грушецкого Л., которая за своим мужем дошла из Киева до Усола.

В партии, среди преступников, вспыхнула оспа.

Заразилась ею и панна Л.

Её нужно было доставить в госпиталь в Тобольск.

Какие в этом госпитале были заботы о больных, такое и лечение. Оспа отняла у панны Л. её красоту, навсегда пометив её красивое личико.

.....

Наконец, разговор сникает, и умолкает совсем.

Тишина окутывает комнату...

В овевающих меня полусонных мечтах проплывают знакомые мне лица, о которых мы говорили вечером, и вместе с ними фантастические фигуры с голубыми глазами и золотистыми косами... Какие-то чудесные Боженны и Доброславы, дочери воевод и жупанов...

Длинный хоровод этих фигур всплывает из лунного света... движется... исчезает... и, наконец, бледнеет, бледнеет и исчезает вовсе...

Засыпаю крепким сном изнурённого путника.

.....

.....

На следующий день Гервазий Гзовский рассказал нам об отправлении поляков-политических преступников в больницы.

Бывало, тяжело заболевает кто-нибудь из идущих с партией в Сибирь на каторгу, или на поселение. Его доставляют в ближайшую больницу.

Если у него имеется какое-нибудь имущество, чемодан с одеждой, а к тому же какие-то деньги, это тут же разжигало интерес бандитов, будило желание присвоить себе имущество поселенца.

Отравление больных бандиты осуществляли с ведома фельдшера в компании с больничной прислугой.

Прислуга часто бывала из экс-каторжников или из криминальных.

Отравить больного было совсем не трудно.

К медикаментам, предписанным врачом, досыпали какой-нибудь яд, но только медленного действия, чтобы отравленный не скончался сразу, а умирал постепенно.

Такой отравленный умирал – и конец... Похоронили его – и баста.

Для лекаря, для больничного начальства он значил не больше, чем увядший лист, упавший с дерева.

Ведь это всего лишь *политический преступник*, притом *по-ляк*.

Случалось иногда, что такие отравленные больные выживали. Но, уцелев в больнице, навсегда теряли своё здоровье.

Город *Сургут* был заложен князем Бярятинским в XVI веке на месте древней крепости князя Остяцкого племени, который некогда играл важную роль в истории Сибири.

В Сургутском округе проживают разные народы.

Населённость здесь увеличивается «наплывами», по большей части из изгнанников российской империи.

Конечно, хватает и польских изгнанников.

...По Оби плывём на корабле.

На маленьком челне из берёзовой коры, таком лёгком, что при необходимости его можно погрузить на плечи, и зовут его *душегубка*, на таком челне подплывает к нам остяк.

Ему удалось наловить много стерляди, и он хочет обменять её на одежду или на хлеб.

Он привязал свой челнок к лодке, какие корабли часто тащат за собой, остяка вытащили на лодку и началась торговля.

Ржаного хлеба, правда, уже почерствевшего, было у нас с избытком, и мы охотно наделили им остяка.

Дары наши он складывал в свой челночок, который, видно, неправильно поставленный, переломился наполовину.

Так что остяк, рад – не рад, а вынужден был плыть с нами.

Несколько наших коллег играли на разных инструментах.

Двое – на скрипках, один – на флейте, один – на кларнете, и кроме того было 15 человек, поющих очень слаженно хором.

Когда зазвучал оркестр и хор, остяк вздрогнул. Уставился на играющих и поющих, и встал недвижимо, как изваяние.

Этот остяк, этот сын лесной пуши, столь далёкой от цивилизации, никогда в своей жизни не слышал ни подобного пения, ни такой музыки.

Таким образом, в этих местах впервые прозвучало эхо польской песни и мелодии польской музыки.

Остяк сопровождал нас пару часов, и только тогда вспомнил о своей *сакле*, когда музыка умолкла.

В Укирзе 1 сентября ночуем у Цыгла...

За *Верхнеудинском*, в *Кубанской* встречаем Заренбского.

В *Посоли* 10 сентября наш багаж плывёт на барже, которая должна нас доставить через озеро Байкал шириной в шестьсот вёрст, отделяющее Забайкальский край от Иркутска, это самое большое из всех пресных озёр, не только в Сибири, но и во всём мире.

Говорим о цели нашего пути, об Иркутске, который нам назначен как место поселения.

В этом городе мы встретим много коллег-изгнанников, которые с Александровского *завода* (напоминаю: Александровск на Амуре и Александровский завод – два разных места ссылки), из Нерчинска, из Усола, из крепостей и рудников, близких к Иркутску, попали именно в этот город.

Мы разговариваем о радостной минуте встречи с коллегами, и заранее наслаждаемся ею, между тем, подъезжают две арбы⁷⁶: одна полна ящиков и тюков, другая полна баб.

Подъезжают также буряты на конях.

Из арбы вылезает несколько буряток, с верблюжьими губами, маленькими скошенными глазками. Бурятки одеты в сборчатые платья из красного и голубого шёлка, которые выглядели бы живописно, если бы не были грязные, помятые и потрёпанные.

Наездники спрыгивают с коней, они одеты в жёлтые одежды и красные плоские шапочки.

Лопочут между собой, размахивая руками.

Большой заводила, Саватиев, заметив наши любопытствующие взгляды, направленные к этой группе, объясняет, что это булусские буряты, которые в Иркутской губернии кочуют по берегам рек, и род этот состоит из семи *улусов*⁷⁷. Две недели назад вся эта компания, или весь этот род, переправился через Байкал в неизвестных Саватьеву целях, а сейчас, наверное, возвращаются в свои улусы.

– Но они не станут переправляться на нашей барже? – спрашиваем.

– Вот именно, что они забираются к нам.

– Но тогда наберётся столько пассажиров, – так недолго и потопить нас в озере, – говорю.

Как только я произнёс эти слова, на меня обрушился такой шум и гам... Что-то похожее на поросичий визг и на мяуканье дерущихся котов...

Из группы буряток выскакивает одна баба, подходит ко мне, впивается в меня взглядом и визжит по-русски:

– Как ты смеешь называть Байкал озером... Кто Байкал назовёт озером, того, и всех, кто с ним, *Булакит* утопит, и погрузит в глубины этого святого моря!

Ошеломлённый этой вылазкой, я тут же прикусил язык.

Коллеги сотрясаются от смеха.

Наконец, я успокаиваюсь, и, узнав, что напавшая на меня бурятка неплохо говорит по-русски, начинаю оправдываться, объясняя свою неловкость незнанием местных обычаев и, наконец, прошу объяснить. Как надо называть Байкал?... Кто такой Булакит?...

Стою очень виноватый, приветливый, говорю бурятке комплименты – фурия полностью успокаивается.

Тогда я узнаю от неё, что в понимании кочующих бурятов, Байкал – это *море*, причём *Святое море*.

Высокий скалистый полуостров в юго-западной стороне Байкала зовётся *Святой Нос*. Я узнаю также кое-что о Боге ветров, *Булаките*. Этот могущественный богатырь, по мнению своих почитателей, – великан с длинными кудрями.

Когда он этими своими кудрями встряхивает, слегка или сильно, возникает либо лёгкое веяние, либо ветер, либо страшный и всё уничтожающий ураган.

Жена Булакита, *Завино Кугалит*, чтобы понравиться мужу, красит своё личико в розовый цвет. И когда она так делает, – наступают солнечные дни и утренние зори.

Я благодарю бурятку за объяснение, клянусь, что никогда больше не назову Байкал озером, а всегда буду называть морем. Спрашиваю, как ублажить Булакита за невольное оскорбление.

– Пусть господин кинет в *Святое море* деньги, – отвечает бурятка.

Бросаю деньги в воду Байкала, и ладно.

Но, оказывается, ещё одна серия комплиментов убедила её, что я увлёкся её особой, из чего следует, что это создание с верблюжьими губами вцепится в меня как клещ.

От этой моей «победы» мой кошелек сильно худеет.

.....

Во втором часу ночи переплываем на барже через Байкал.

Месяц светит ясно.

Пронизывающий холод.

Прекрасный рассвет.

Напеваю:

*Воспойте хвалу Богу – забрезжила заря,
Воспойте хвалу Богу – от моря и до моря!...*

.....

Множество пассажиров, кроме бурятской компании, догадываются, что это религиозный гимн, и все поворачивают к нам головы. А после этой песни Барских Конфедератов начинаем петь их гимн:

*Когда утром встанет зорька,
Хвала тебе, великий Боже!
Тебе, земля, тебе, море,
Поёт тебе всё живое...*

Поём, а наша мысль уносится к краям нашим, к нашей далёкой Отчизне...

Отчизна! Отчизна! Разве мысль о Тебе может покинуть поляка хотя бы на мгновение?... Разве тоску о Тебе поляк может вырвать из своего сердца, как бы ни старался?

.....

На светло-зелёных прозрачных волнах Байкала восходящее солнце зажигает миллиарды искр...

Мы плывём будто по расплавленным изумрудам и золоту...

На далёком горизонте рисуется полоса Байкальских гор, длинной в 600 вёрст, с вершинами и склонами, поросшими лесом и альпийской растительностью.

В опаловой мгле маячат контуры Ольхона, Байкальского острова с поверхностью 17 квадратных миль.

Прекрасное путешествие по Байкалу проходит без всякий происшествий.

.....
.....

В Литвинничную прибываем 11 сентября в 2 часа пополудни. Буряты прощаются с нами запанибрата, будто после долголетних приятельских отношений.

Баба, которая вчера напала на меня, как фурия, сегодня кидает мне игриво-многозначительные взгляды.

– *До свидания!* – повторяет, как заведённая. – *До свидания!*

Ах! До свиданья, но не иначе, как в долинах Иосафата.

В сумерки выплываем на Ангару.

Ангара – красивейшая река, длиной в 1600 вёрст, вода её так прозрачна, что местами видно дно, хотя глубина её составляет до 30 футов.

Здесь изобилуют лососи, осетры, и разные сорта рыб: скумбрии, таймени, хариусы и другие.

Рыболовством на Ангаре занимаются туземцы-тунгусы, а, главным образом, *манегиры*, один из тунгусских родов, весьма интеллигентный.

На Ангаре множество островов – более 460.

На гористых берегах этой красивой реки растут леса.

Надангарская околица занимает 8300 квадратных миль.

Самые важные пристани Ангары: Никольская и Иркутская.

Кроме нас в Иркутск едут несколько тамошних купцов, которые возвращаются из какой-то долгой торговой поездки.

Широко размахивая руками, они громко говорят о торговых оборотах, которые им удалось повернуть.

Многозначительно подмигивая друг другу, и глаза их светятся, как чёрные угольки на крупных, расплывшихся лицах. Они прерывают друг друга, толкают друг друга в бок, притоптывают, возбуждённо смеются.

Всё это означает, что для них торговые операции были весьма удачны, но принесли ли они что-нибудь тем, с кем шла торговля? Не взялся бы утверждать.

Кроме каких-то товаров, – наверное, мехов и сушёной рыбы, гружёных на другую баржу, везут с собой чукчу, который плывёт с ними.

Это образ доисторического троглодита.

Босоногий, шея и плечи обнажены.

Одежда его состоит из двух шкур, мехом внутрь, и по форме похожа на две сшитые друг с другом ризы.

Он сидит, склонившись среди тюков, совершенно равнодушный ко всему окружающему. Чувствует ли изменения окружения? Природы? Людей?...

Кто бы отгадал...

Думает ли вообще о чём-нибудь?

Поистине, трудно предположить, что в этом черепе работает мысль.

Этот чукча жил в выкопанном в снегу убежище, вблизи Челюскина, мыса, величиной с континент, вытянувшийся на север над ледовитым океаном.

Сидит чукча недвижимо, словно изваяние, каменная статуя, временами что-то бормочет, горлом издаёт удивительные звуки, похожие больше на звериные, чем на человеческие.

Сочувственно гляжу на чукчу.

– Зачем тебя оторвали от твоей ледяной пустыни, когда ты, бедняк, был свободен и никому не подвластен?

Так думаю я, и поворачиваюсь к купцам с вопросом, для чего они везут чукчу в Иркутск? Купцы загадочно отвечают:

– *Увидим! Увидим!*

Чтоб вас черти побрали, хитрые дармоеды!

.....
.....

Вечером 12 сентября 1868г., в субботу, прибываем в Иркутск. Заезжаем в дом к коллеге Генриха Вохла.

Стучим в дверь, сперва тихо, а поскольку никто не открывает, изо всех сил стучим в дверь уже молотком.

Поднимается страшный шум.

Прибегает хозяин, видно, со сна, только что пробудившись.

– Что за авантюры? Что за шум? – громко спрашивает по-русски, и слышно, что ругается по-польски. – Кто там?

– Ну и как? – кричим. – Нам что, под дверьми представляться? Ещё чего! В общем, хватит! Это мы: каторжники, волею Манифеста повышенные до звания поселенцев. Понимаешь?... Целая толпа из Александровска на Амуре и окрестностей. Понял? Мы достаточно ясно представились? Отворяй!

– Ах! это вы! Дорогие мои, простите меня! – кричит Генрих и откидывает засовы на дверях.

Входим в помещение.

– Ну, наконец! Наконец! Вот и вы! – говорит хозяин. – Влетели прямо, как смолокуры...

– Не трынди! – кричим. – А сразу давай нам поесть, а то мы озябли, устали и голодны. Вперёд накорми нас, напои, обогрей, это на первом плане. Разговоры – на плане втором.

7

От сороковых годов до наших дней пребывать в краях, добытых Ермаком и Строгановым для России, пребывать в Сибири и не знать имени Альфонса Поклевского-Козиелл, не знать имени его супруги Анели, урождённой Рымзовой, просто неприлично!

«Человек – кузнец своей судьбы», – сказал Шекспир.

Применительно к этому афоризму Шекспира, Альфонс Поклевский-Козиелл без ничьей помощи, собственноручно выковал себе судьбу и притом великолепную.

«Нам надо быть подошвой у башмачка у госпожи Фортуны, а не пуговкой на её колпачке», – говорил Шекспир.

Альфонс Поклевский-Козиелл доказал, что вопреки шекспировскому афоризму, есть люди, которым удаётся собственными силами стать не просто пуговкой на колпачке госпожи Фортуны, но главным её украшением.

Как промышленник, пан Альфонс был просто гениальным.

Такое суждение я слышал не раз.

Расскажу подробнее.

Поскольку на этих страницах прежде всего хотелось бы отразить патриотическую, благотворительную и общественную деятельность этого человека, что такая его деятельность была бы немыслима в столь гигантских размерах без поддержки его промышленной деятельности.

После сороковых годов Альфонс Поклевский-Козиелл, уведомлённый о прибытии партии осуждённых, выпросил себе, а, точнее говоря, выкупил осуждённых на каторгу поляков и разместил их на своих промышленных и фабричных предприятиях.

Всякий работник поляк, политический преступник, обходился Альфонсу Поклевскому недёшево.

Прежде всего, на предприятиях, где работали осуждённые поляки, он должен был за свой счёт содержать и оплачивать солдат, которые должны были вроде бы сторожить, чтобы поляки из Сибири не сбежали.

Работники-поляки на предприятиях Поклевского получали хорошее содержание и щедрое вознаграждение.

В случае амнистии им оплачивали дорогу на родину.

Если, однако, кто-либо не мог вернуться домой, или не питал иллюзии, что на своей Родине его ждут с «распростёртыми объятьями», что он найдёт там прибыльную работу, – такой поляк оставался в Сибири, если был человеком порядочным, получал у Поклевского и работу, и место, соответствующее его умению и кругу, к которому он принадлежал.

Такой экс-осуждённый оседал, женился, конечно, на польке (ибо в эту эпоху, был ли такой уголок на земле, где не нашлось бы поляков?).

Семья Поклевских становилась крёстными его детей, а потом, как и положено крёстным родителям, заботилась об их образовании, посылала в Европу, потому что в Сибири в то время не было научных заведений.

И никому не могло бы прийти в голову, что все их дела всего лишь мимолётное увлечение богачей.

Сохрани Бог! Ведь всё это продолжалось неустанно, в течение многих лет, начиная с сороковых годов.

И не только поселенцы, отправленные в Сибирь, находили у Поклевского помощь, работу и поддержку.

И те, которым на родине не жилось, те, кто не мог найти приличной работы, – все они находили её на предприятиях Поклевского в Сибири за Уралом, или в России, в Екатеринбурге или в Вятской губернии.

В этой сфере благотворительства, самой высокой, той, что даёт людям работу и заработка, – заслуги Альфонса Поклевского смело можно считать не имеющими аналогов и достойными вечной памяти.

Случалось, о! очень часто, особенно после 60-х годов, случалось, что люди, ничего общего не имевшие с патриотической деятельностью, являлись в резиденцию Поклевского за Уралом, в Талицу, представлялись как патриоты, подвергающиеся преследованию.

Многие заодно заявляли, что они специалисты: строители, инженеры, горняки, пивовары, или что-нибудь в этом роде.

Приезжает такой человек, рекомендует, приводит доводы, подтверждающие его квалификацию.

Его приглашают приехать в Талицу.

Встреча состоится, никакой должности ему пока не дают, но пенсию назначают сразу, не менее 50 руб. в месяц.

Проходит пара или несколько месяцев.

На самом деле оказывается, что этот приезжий совсем не тот, за кого себя выдаёт. Тогда его спрашивают, не нашёл ли он подходящей работы, и если нет, ему выдают 300 руб. (это была обычная цифра) «на дорогу», прощаются с ним учтиво и любезно и отсылают на ближайшую почтовую станцию.

Уважаемая пани Анеля Поклевская всегда говорила: «лучше одарить и угостить тысячу людей негодных, чем одному нуждающемуся отказать в гостеприимстве и помощи».

Согласно этому правилу, в Талице никогда и никому не отказывали в помощи и гостеприимстве.

Позволю себе предположить, что никакого «социального вопроса» не существовало бы, если бы всех «хлебодавцев» и их работников связывали такие отношения, какие существовали в Талице.

Там никто не величал хозяев какими-нибудь титулами.

Их просто называли по именам: пан Альфонс, пани Анеля, панна Аннета (единственная дочь), пан Винцентий (старший сын),

пани Винцентова (жена старшего сына). Только добавляли *наш* пан Альфонс, *наша* пани Анеля и т.д., а тон, каким выговаривали это «*наш*» стоил наисердечнейших эпитетов.

Из Талицы в Варшаву тоже щедро поступали деньги на разные общественные и литературные цели, на поддержку издательств.

Я был как-то свидетелем такого факта.

В пути из Иркутска в Европу я задержался в Перми.

Узнаю, что пан Поклевский из Талицы тоже находится здесь.

Конечно, бегу его поприветствовать.

Сидим, разговариваем.

В это время докладывают о приходе господина, который собирает пожертвования для католического костёла какого-то города (сожалею весьма, что не запомнил название города – может, это была Тюмень? Прошу прощения, если ошибся).

Пан Альфонс велит проводить посетителя, который сразу же выкладывает лист, на котором пожертвователи должны вписать свою фамилию.

На листе вписана пока только одна фамилия и сумма пожертвований 250 руб.

Пан Альфонс, подвижный, как ртуть, хватает перо и пишет:

*Альфонс Поклевский-Козиелл, вся остальная сумма.*⁷⁸

«*Les affaires c'est l'argent des autres*»⁷⁹ – такой афоризм изрёк известный остряк и циник времён Второй Империи.

Фактически афоризм этот правильный – абсолютно правильный, – с гомеопатическими исключениями.

К таким исключениям и принадлежал Альфонс Поклевский-Козиелл.

Мы, изгнанники-поляки, глядели на его состояние, его рост и развитие, – всё было чистым, как хрусталь.

Золото он зарабатывал с помощью истинно гениальных замыслов, и то же золото, где нужно было, раздавал щедрой рукой.

Если кто-нибудь когда-то проливал слёзы из-за семьи Альфонса Поклевского, то это могли быть только слёзы радости, благодарности, растроганности, или сожаления при расставании с этими добрыми людьми.

Галич – в Костромской губернии.
Почему я выбрал себе для местожительства именно Галич, если, согласно манифеста от 6 января 1874г., я имел право из Сибири переехать в Россию в любой город, кроме столиц?

Почему?

Поистине, не мог бы на это ответить.

Наверное, потому что тот инстинкт, который шотландцы зовут «взором души», не остерёг меня вовремя, что Галич – наимерзейшая дыра, в которой можно только нудно существовать, но жить – нельзя!

Счастье моё, что судьба мне послала прекрасного товарища по недолге, ксёндза каноника Теодора Рогожинского, который после упомянутого манифеста из Тунки перебрался сюда.

Мы жили вместе.

Помещались в двух комнатах с кухней.

Комнатки, продолговатые и узкие, похожие на застеклённые ящики, потому что в каждой по четыре окна.

Кружок оседлых здесь изгнанников небольшой.

Притом члены этого кружка не очень дружны.

Может, какой-нибудь искусный слесарь где подпилит бы, где подклепал, пригнал бы все части друг к другу, – может, этот кружок как-то бы склеился.

Хотя, вряд ли, вряд ли и ещё раз вряд ли, весьма сомнительно!

Ведь каждое кольцо этого кружка сделано из разных металлов, у каждого свой особый размер. Как же их можно пригнать друг к другу?

Самая искусная рука здесь бессильна.

.....
.....

Мы обслуживаем себя сами.

Обязанности поделили так, что я убираю комнаты и покупаю провизию, из которой каноник Рогожинский готовит обеды.

Утром и вечером самовар ставим по очереди.

Эти занятия страшно скучные, но и помогают как-то проводить время.

Мы живём уединённо, ничто не вынуждает нас наносить кому-либо визиты.

Тем не менее, торжественные праздники, рады – не рады, а нужно пару часов посвятить товарищеским отношениям.

Не стану отрицать, если бы хоть капелька юмора, да не тоска, сжимающая сердце, в «смешанной» компании Галича можно было бы и позабавиться, и посмеяться от души, такие смешные случались эпизоды.

Как-то, например, по случаю семейного торжества, нас с каноником пригласили к владелице дома, в котором мы жили.

Там мы застали *соседей, мещан*, представленных особами обоего пола.

Разговор вертелся вокруг рыболовства в Галичском озере, о Вятке и Ветлянке, о возможной чуме, о разных сортах рыб и засолке таковых.

Наконец, подали закуски.

На столе, посреди бутылок, фляжек, флаконов, разной формы и величины, наполненных всевозможными напитками, стояло блюдо с щукой по-еврейски, жареная рыба и на почётном месте – большая коробка с сардинками.

Конечно, каноник Рогожинский и я, принимаясь за еду (главный образом, из почтения к хозяйке) не спрашивали, жарены ли окуни на жире, или на растительном масле? Не спрашивали, какие ингредиенты входят в фаршированную рыбу?

Но оказался тут местный житель, такой набожный, что великий пост соблюдал очень строго (что, верно, и составляло всю его религию), – при всех уговорах и наших просьбах, ни до чего он не дотронулся, потому что в великий пост привык есть только растительное масло, а коровье – оборони Бог!

Но суровое великопостное воздержание его не касалось, видно, алкогольных напитков, – он то и дело наполнял свой бокал, притом внушительных размеров из какой-нибудь фляжки.

Не раз я был свидетелем, как такие обильные возлияния кончаются *мордобитием* между участниками веселья, конечно, из местных: желая направить интерес этого богомольного гостя в

иное русло, предлагаю ему попробовать сардинки, уж они-то – совершенно постные.

– Ха! – отвечает набожный гость. – Разве пан не знает, что используют при приготовлении этих рыбок?

– Как раз очень хорошо знаю! Используют самое лучшее, самое прозрачное оливковое масло.

– О! Ошибаешься, пан, глубоко ошибаешься, сардинки заливают *кошачьим салом*.

Я полагал, что это просто неостроумная острота, но он уверял меня, что говорит совершенно серьёзно и всё уговаривал убедиться, что касается сардинок, его сведения из самого лучшего и верного источника.

– Из какого источника? Можно узнать? – спрашиваю.

– Так сказал мой начальник, почтмейстер; человек очень умный и учёный; ему даже удалось прочесть рецепт.

Я и не знал, что ответить...

.....
.....

Что до порядка на улицах, я думаю, Галич в Костромской губернии можно смело сравнить с Константинополем.

Как над Босфором, так и здесь, над озером Галичским, никто не заботится о содержании улиц в чистоте. Ни жители, ни власти, словом, – никто, ну, никто!

Каждый житель выбрасывает на улицу, что вздумается, а также выливает разные жидкости.

Кто страдает от этой вони? – нетрудно догадаться.

Как влияет на здоровье такой способ избавляться от квартирного мусора и разных отходов?

Чтобы ответить, не нужно быть лекарем, докой в медицине.

Зато у каждой улицы имеется свой *праздник*, у каждой, даже самой маленькой.

Это надо понимать в литературном и буквальном смысле слова.

Такие праздники длятся три дня.

Проходят они так:

Толпа женщин, нарядно одетых в шёлковые светлые платья, шляпы разных фасонов, размеров и цветов, или в кокошниках,

расшитых разноцветными бусами, – выходят на улицу, где проводится праздник.

Перед домом, где живёт девица на выданье, эти разодетые дамочки берут друг друга за руки, заводят хоровод и кружатся под звуки однообразной песни.

Потом расходятся по домам.

Казалось бы, что с концом дня должен прекратиться и *праздник*. Но всё происходит иначе.

С наступлением сумерек опять собираются толпы, но не только женщин, а и мужчин.

Заводят песни (но уже не однообразные, а громкие, озорные), которые звучат всю ночь.

Наутро и на третий день также, праздник улицы проходит в том же порядке.

Хоть бы по случаю праздника на улице убрали!

Но где там! Никого это не заботит, уборка считается делом ненужным.

.....
.....

Удивительный климат в этом Галиче!

Лишь 13 мая Галичское озеро освободилось ото льда.

Сразу же после того последовали вспышки молний, где-то вблизи громыхал гром, пошёл тёплый, частый дождь. Всё зазеленело.

Откуда-то появились ласточки, трясогузки, скворцы: казалось, госпожа Весна, наконец, вспомнила о Костромской губернии, и о Галиче.

А притом, 23 мая мы топили печи, грязь замёрзла, образуя кочки, о которые спотыкаются пешеходы, но никакие атмосферные изменения не заставят Галицкий муниципалитет очистить улицы города, о котором он призван заботиться.

Нам принадлежит узенькая полоска земли, которая тянется под нашими окнами и отгорожена от улицы деревянным штакетником. На этой полоске земли собрался целый склад ненужной рухляди, в общем, свалка, на которой местные коты назначают свои свидания, и всю ночь там проходят битвы и состязания.

Мы просили владелицу дома позволить нам посадить на этой свалке садик.

Она охотно согласилась.

Итак, мы с каноником Рогожинским собственноручно вскопали грядки, насыпали удобрения и семена, которыми пользуются в Варшаве и, обманутые теплом, посадили немного овощей и цветущих растений.

Но когда упал снег, всё нужно было укрыть соломой, чтобы не замёрзло, и остаётся надеяться, что вся наша работа и затраты не пойдут насмарку.

Это серое небо, эта бесцветность всего окружения, ввергали меня в депрессию.

И охватила меня страшная, дантовская безнадежная печаль...

Я схватил посох и отправился за город над озером – на гору.

Вздвораженное озеро вздымает мутные волны, – местами ещё просвечивает ледяной покров, местами плывёт шуга.

На склонах горы обычно густо растёт папоротник – сейчас только какая-то веточка прислонилась к высокому дереву, что уже зазеленело – на вершине горы берёзы и рябина едва покрылись почками...

Срываю пару цветков, бесцветных и без запаха пародий на фиалки – которые встретил на пятиверстовой пристани, через которую пробегаю, и физически измученный, но нисколько не укрепленный морально, возвращаюсь домой.

Каноник ворчит и грозит мне простудой, бронхитом и потчует меня чаем с булкой собственного изготовления.

Я ем и пью, и думаю, что ровно два года назад выехал из Иркутска. Стояла жара, все деревья были покрыты листьями и цветами, растения буйствовали, трава только ждала косыбы... За сутки я проехал 219 вёрст, за вторые ещё 225 вёрст. И во всё это время не заметил никаких изменений температуры, только ночи бывали холодноваты... Всё это я помню отлично и сравниваю с сегодняшней действительностью.

Какая перемена... Какая разница – но к худшему, к худшему, хуже не бывает.

.....
.....
.....

В день Святого Иосифа мы похоронили тут изгнанника-капуцина.

В некоторых местностях в погребальные обряды вмешиваются местные духовники.

То ли так заботятся о спасении души умершего?...

Или просто в поисках заработка?... Так или иначе, а вмешиваются.

В Галиче – нет! В Галиче все римско-католические обряды отправляются свободно, без вмешательства посторонних господ, духовных или светских.

Через неделю после погребения капуцина случилось весьма трагичное происшествие.

Пребывал здесь униатский ксёндз.

Когда его коллеги приняли восточный обряд, он пожелал остаться в том, в каком родился.

Это вызвало коллизии, столкновения, в результате чего его перевели из его местожительства сюда... к Галичскому озеру.

В Галич он прибыл несколько лет назад, постепенно из задумчивого и неразговорчивого стал меланхоликом, а из меланхолии впал в потерю разума... Исправник отправил беднягу в Кострому, в больницу, где, по правилам, ему должны вернуть «здравый рассудок».

Дай-то Боже, но сомневаюсь, очень сомневаюсь.

В Галиче остались его мать, жена и шестеро детей, малых детей, без всяких, совершенно без всяких средств существования.

Будем помогать этой несчастной семье, по мере возможности.

Что делать, если мы сами до того убогие!...

За так называемые «кормовые» (шесть рублей ежемесячно для шляхты и три рубля – для остальных), за эти деньги я поблагодарил, осев в Галиче, но запасы, привезённые из Иркутска, – тают с пугающей скоростью.

Что будет, когда они исчерпаются в конец?

.....
.....

Из Усмани прибывает Гервазий Гзовский. Там их несколько человек содержат лавку, что, по крайней мере, не позволит им помереть с голоду.

На прошлой неделе Гервазенько сообщил мне, что 4 марта 1877г. проводил на станцию Валентия Левандовского, с которым жил вместе, и который получил позволение вернуться в Варшаву.

В жизни своей Валентий Левандовский проходил разными путями.

В 1848-м, как капитан, участвовал в кампании в одном из польских легионов, воевавших в Венгрии.

При стычке с русским войском в плен попал некий капитан Дрейер.

Участники кампании сразу же хотели капитана Дрейера повесить.

Воспротивился Валентий Левандовский, вполне оправданно. Потому что к военнопленным не предусмотрено применять наказание через повешение.

Но поскольку во время последующих военных маршей пленного трудно было стеречь, капитан Левандовский велел нескольким своим солдатам проводить Дрейера в ближайшее российское расположение.

После венгерской войны Левандовский уехал во Францию.

В польской школе в Батиньолле преподавал польский язык до самого начала нашего восстания.

В 1863г. Валентий Левандовский встал во главе повстанцев в Подлеском.

Когда его, тяжело раненого, почти умирающего, привезли в Седлец, Левандовский во второй раз встретился с Дрейером в лазарете.

Теперь тот был важной фигурой: генерал-адъютант и одновременно военный начальник Седлецкой губернии.

Дрейер сразу узнал Левандовского. Вспомнил своё критическое положение в Венгерском походе и решил отплатить добром за добро.

То, что глава Польского Легиона в Венгрии сделал для капитана русской армии – российский генерал и военный начальник не забыл, и решил сохранить жизнь главе бывшей повстанческой армии.

Валентия Левандовского, несомненно, приговорили бы к смертной казни, – но Дрейер всё устроил так, что Левандовского

осудили очень милостиво и отправили на поселение в Красноярскую губернию.

Но разве Валюш мог спокойно там усидеть без борьбы и заговоров!...

Что-то он опять предпринял в связи с «Байкальским делом».

Привезли его в Иркутск, посадили в тюрьму, судили и выслали аж в Якутскую область.

Из-за этого нового обвинения манифест 1874г. его не коснулся.

Лишь впоследствии ему позволили выехать в Россию. Брат его ездил в Петербург. Уж какими путями, какими средствами? – Не знаю. Важно то, что он добыл ему позволение вернуться в Варшаву, которую Левандовский по настоящему не знал.

Там он жил на улице Хмельной и в частном помещении содержал склад чая.

Если торговля хоть сколько-нибудь процветает, но больших доходов не приносит, – то всё-таки он на своей земле и живётся ему весело, о чём узнаю из писем к дочери моего приятеля, коллеги по Модлину, Галине Лесчинской, которая мне сообщает:

«По совету Дорогого Пана, чай мы покупаем только у полковника Левандовского, с которым мы тоже знакомы. Моя матушка сомневается, что полковник получает от своей торговли какой-нибудь интерес, потому что его фунты какие-то уж очень огромные!! Наверное, они со значительным перевесом. Я очень благодарна Дорогому Пану за знакомство с полковником. Он просто неугомон!... Проектирует, что “в случае чего” встанет во главе полка только из барышень. Полк будет называться “имени Хжановской”. Он обдумал даже цвет и покрой наших мундиров»...

– Ну! Ну! Полковничек здорово забавляется среди своих будущих подчинённых, – но если об этих проектах узнает варшавская полиция, полковник Левандовский⁸⁰ точно угодит в Якутск, – замечает, прочитав это письмо, каноник Рогожинский, – замечание вполне обоснованное.

.....
.....

Каноник Рогожинский часто прихварывает. Каждая его болезнь обуревают меня тревогой, невыразимой тревогой.

Галицкий исправник – человек порядочный и сочувственный. Когда местный лекарь решил, что канонику нужно показаться ларингологу, исправник согласился, чтобы мы вдвоём поехали в Кострому, под честное слово, что не сбежим. В Костроме живёт известный на всю губернию ларинголог.

До Костромы на почтовом тарантасе с нами ехал жандарм, который в Костроме передал нас под опеку местной полицейской власти и вернулся в Галич.

Мы устроились в частном доме.

Пока каноник Рогожинский лечился у своего знаменитого ларинголога, я бродил по городу.

Кострома на левом берегу Волги, около устья этой реки, и выглядит хорошо обстроенным городом. В нём есть гимназии: мужская и женская, 40 церквей и 30 табачных фабрик, а также – полотно, которое пользуется большим спросом и очень крепкое. Можно было бы назвать Кострому благоустроенным местом, кабы не пыль, которую, если кто её не видел, и представить не может.

Африканская жара, которая здесь царит, высушила землю так, что ноги до самой косточки тонут в пыли, ибо брусчатка есть только на самых главных улицах. Построенная над судоходными реками, Кострома ведёт оживлённую торговлю, главным образом, сельскохозяйственными продуктами. Повсюду известна пшеница «*Костромка*». В удобной местной пристани так и снуют и причаливают то пароходы, то почтовые, то пассажирские корабли.

На прядильные и ткацкие фабрики привозят мастеров из Шлёнска, даже из Бельфельда и Англии.

Кострома – оживлённый город, но мне показался очень скучным.

Сын нашей хозяйки, студент Московского Университета, который проводит здесь каникулы, проводил меня по городу и показал местные достопримечательности.

Немного же их тут, этих достопримечательностей, но всё же имеются.

За рекой стоит монастырь, а на его территории – дом, где жил когда-то царь Михаил Федорович Романов, основатель нынешней Династии.

По местным преданиям, какие-то поляки искали его, якобы, чтобы убить.

Они взяли себе проводника: *Сусанина*. Тот повёл их по непроходимым пушам и болотам и, в конце концов, поляки его убили.

В 1852г. этому Сусанину на Костромской площади поставили памятник, состоящий из необыкновенно высокой колонны со статуей царя Михаила Фёдоровича на вершине. У подножья колонны вырезаны сцены, представляющие убийство Сусанина.

Костомаров утверждает, что вся эта история – миф. Это я сам читал.

Мой *cicerone*⁸¹, студент Московского Университета, утверждает, что это – исторический факт.

Не располагая доводами *pro* и *contra*⁸², не берусь с ним спорить.

Домик царя Михаила Фёдоровича – красивый археологический «осколок». Особенно примечательны декоративные кафельные печи и старинная мебель.

Кострома гордится своим громко названным *бульваром*.

Этот бульвар – излюбленное место для прогулок костромских жителей.

Я тоже несколько раз прошёлся по *бульвару*.

Прохаживаясь, среди прекрасного пола высматривал, есть ли красавицы.

Искал... Искал... И ничего не нашёл...

Прежде всего костромские дамы одеты очень странно в *сарфаны*, то есть нечто вроде свободных шлафроков, и, может, поэтому все дамы, которых я видел на костромской бульваре, показались мне некрасивыми и неуклюжими.

Лечение на самом деле очень помогло канонику в его болезни.

Когда мы вернулись в Галич, и сразу же побежали представиться исправнику, тот нас очень благодарил, что мы сдержали слово и вернули честь по чести.

Эту благодарность можно бы посчитать обидным напоминанием о нашей зависимости, но всё было сказано от чистого

сердца... Очевидно, не все здесь и не всегда придерживаются честного слова...

Что ни край, то свой обычай!

.....
.....
.....

Владелец лавки завернул купленные у него предметы и какой-то печатный лист. Приношу покупку домой, разворачиваю и вижу: несколько листов «Вестника Европы».

Глаз мой сразу выловил слова: «Польская интрига».

Ого! Это не шутки! Опять что-то новенькое.

Читаю.

Автор этой статьи, или, вернее, этой юморески, рассказывает (я, конечно, передаю только содержание):

Он прямо из Карлсбада приехал в Москву, измученный лечением в течение нескольких недель и долгой поездки.

Остановился в первосортном отеле и в одной из лучших комнат отеля заночевал.

Раздевается, бросается на кровать, гасит свет – засыпает...

Снится ему, что его уложили на болотное ложе, с постелью из острых гвоздей и шпилек.

Сон становится таким кошмарным, что превращается в муку.

Он просыпается... Зажигает свет и что он видит?...

Вся постель, – нет, ещё хуже! всё его бельё покрыто миллиардами серых, чёрных и коричневых паразитов...

– Спасите! Спасите! Эти гады высосут из меня всю кровь...

Он вскакивает с кровати... Тревожно звонит и кричит в голос.

Является слуга... Входят соседи...

– Позовите хозяина! – взывает он. – Позовите хозяина, господа!

Является хозяин...

– Смотри, пан! – кричит постоялец, показывая ему постель и всё тело в красных пятнах. – Смотри, какие у тебя порядки!

Хозяин отеля разводит руками, качает головой:

– Низко кланяюсь Вашему Высокоблагородию, – говорит, – и заверяю вас, что я ничуть не виноват.

– Вы не виноваты?... Ничего себе! А кто тогда?

Хозяин глядит на пострадавшего сочувственно и несколько насмешливо.

– Ваше Благородие, – говорит он, наконец, – видно, вы газет не читаете и не знаете, что почтенный литератор, пан Катков написал и доказал документально, что если в наших домах имеются эти, как вы их назвали, Ваше Благородие, *паразиты*, то виной тому только «польская интрига». Низко кланяюсь Вашему Высокоблагородию.

Уходит.

Мы с каноником посмеялись над этой юмореской, но в смехе нашем была и скрытая обида, и бессильное возмущение. Видно, автор юморески – друг поляков...

.....
.....

От коллеги приходят печальные вести. В *Курсанове*⁸³ умер поселенец Карчмарский, а после него *Адам Вьелунский*.

В *Спасске*⁸⁴ умер ксёндз Качоровский, а в *Усмани* – часовщик Пенский.

Теперь уже они свободны от всех дозоров: тайного и явного.

.....
.....

В Галич приехали два брата Щербинские.

Жили они в округе Балаганском, в Иркутской губернии. Свой путь до Галича прошли этапом, так что в дороге провели несколько месяцев.

Щербинские родом из Волыни. Их родителей уже нет в живых – родственники, как мы смогли понять, люди малообеспеченные. Помочь им никто не сможет. А положение бедных изгнанников просто удручающее.

Уж, конечно, с голоду мы им умереть не дадим. Хуже обстоят дела с бельём и одеждой, которых у нас самих не слишком много.

Танаевский из Спасска, *Крушинский*, *Чарковский*, *Кьетлинский* и *Майевский*, поселенцы из Усмани, обратились за позволением вернуться на Родину.

Я тоже от времени до времени посылаю разным знакомым мне особам в Петербург просьбы на имя петербургского шефа жандармов с прошением о возвращении...

Бесполезно...

Единственно, граф Шувалов ответил мне благосклонно, но варшавские наместники яро противились моему возвращению в Варшаву.

Трудно! Подчинение необходимости – всемогущая госпожа. Мы с ней издавна живём в добром согласии.

Значит, надо набраться терпения.

.....
.....

Галич в смятении и чрезвычайном возбуждении – Россия объявила войну Турции...

Обычно после войны наступает мир – афоризм не новый и не слишком сложный, но мы с каноником повторяем его часто и по ассоциации приходим к мысли, что после «мира» будет объявлен какой-нибудь манифест, какая-нибудь амнистия, как это было после Крымской войны. Но, пока наступит мир, манифест, амнистия, мы, поляки, *политические ссыльные*, можем вследствие войны претерпеть всякие невзгоды.

Ибо:

Бытует такая вещь, что в Галич должны прислать двести турецких пленников. Для них уже приготовлено помещение: два дома, один из коих напротив нашего жилища. Имеется ввиду квартира, которую занимают солдаты, составляющие Галицкую окрестную команду. Солдат расквартируют по домам, а прежнее их жильё займут турецкие пленные.

Это обстоятельство, по нашему разумению, не сулит нам ничего хорошего.

В общем, предвидим, что в известном смысле нам будет хуже.

Прежде всего, как только 200 человек, ничего не производящих, придут в маленький город, все товары подскочат в цене.

Это неизбежно.

Да и сейчас не скажешь, что в Галиче продукты продаются по умеренным ценам.

Галич расположен над большим озером, рыболовство приносит жителям несколько десятков тысяч рублей годового дохода, а фунт щуки стоит 20 копеек. Думаю, что по такой цене и в Варшаве можно щуку купить!...

Цены на крупы, муку, также – как для Галича – высокие, и постоянно растут, а в соседней губернии: Казанской и Вятской, население голодует.

Если цены на продукты питания поднимутся ещё, нам с каноником придётся сидеть голодом.

И в довершение несчастья, нас могут ещё и выслать в более далёкие края.

Недавно в Галич прибыл некий поселенец, который до того жил в Макарьеве, над Волгой. Этот поселенец, человек интеллигентный, не мог найти работы и служил возницей. Хозяева были им довольны.

При первом известии, что привезут пленных турок, исправник велел ему выехать из Макарьева в Галич, мотивируя выселение тем, что «в Макарьеве окажется слишком много ртов».

Может, и мы, не в добрый час, получим приказ выехать? Это было бы ужасно, для нас это было бы уже последнее разорение!...

За несколько лет у нас собралась неплохая обстановка. Всё это надо было бы либо раздарить, потому что здесь никто не купит, а на новом месте за неимением средств нам бы не удалось приобрести ничего нужного.

Хоть бы Бог дал, чтобы нас оставили на месте.

.....
.....

Прибыли турецкие пленные.

За неделю через Галич в Чухлому прошло их более восьмидесяти. Вчерашняя партия тоже состояла из нескольких десятков, и направлялась в Бую.

Ожидается ещё две партии: одна направится в Кологрив, другая – в Солигалич, а пятая пока останется в нашем городе.

Когда прошла первая партия, был сильный мороз – четырнадцать турков, больных тифом, взяли в госпиталь. Трое уже отправились к праотцам.

Несчастные, никогда более они не увидят своей Родины!

Весь город высыпал смотреть на турков. Жители одаривали их, чем только могли. Давали чай, сахар, табак, рукавицы, обувь, даже деньги.

Турки ходили по городу группами в сопровождении только одного солдата. Вчера ходили уже без стражи.

Одни турки одеты прилично, другие – очень бедно.

Я видел турка в мундире российской гвардии, некоторые в русских шинелях, иные в бурках с капюшоном или в своих форменных плащах.

Одни были в фесках, другие в тюрбанах, некоторые в сапогах, другие в постолах, какие носят закарпатские горцы, несколько носили лапти местного изготовления.

Глядя на этих турков, невольно вспоминал наши походы по Сибири.

Точно также среди нас было много бедных. Точно также местное население повсюду выходило, чтобы на нас поглядеть...

Точно так нам давали подарки, только мы их не принимали... Точно так нас водили сперва с сильным эскортом, а потом уже – нет.

Позднее, можно сказать, что мы уже сами ходили к предназначенной нам местности.

Если из Красноярска до Иркутска нам давали только одного казака на 101 человек, то потом всё это стало только формальностью, и казак служил только проводником, а не дозорным. Каждый из нас мог бы отлучиться из партии, мог бы сбежать, но ни один поляк так не поступил, никто не имел охоты стать *бродягой*.

Впоследствии нам нередко предлагали взять на хранение деньги, предназначенные на содержание ссыльных в походе.

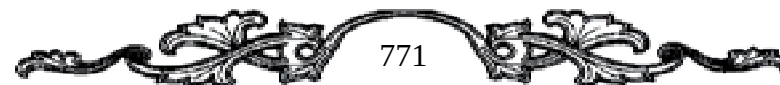
Но никто из нас не хотел брать на себя кассу, тем не менее, офицер, отправляющий партию в этап, велел казаку хорошо за нами следить!

.....
.....

«Кто затронет восточный вопрос, тот разрушит войной всю Европу», – такую угрозу мы читали перед войной в какой-то заграничной газете.

А, тем не менее, Россия «затронула восточный вопрос», но кроме неё ни одна европейская армия не сдвинулась с места... Никто и пальцем не повёл...

Мирославский собирается в Сербию.

Счастливой дороги!

Хотя, возможно, он свой отъезд и отложит, потому что сербам что-то несладко пришлось в битвах под Джунисом и Алексиначем... Делиград и Крушевач в осаде.

Где бы сейчас находился Мирославский? По какую сторону? Может, в Чуприи?...

Каждое воскресенье, каждый вторник, каждый четверг сижу дома и ожидаю приезд почтальона, который привозит газеты, из коих я узнаю лишь о том, что «спасители угнетённых славян» треплют шкуру гиганта, которого наш король Ян III отогнал когда-то от Вены.

.....
Плевна пала.

Жаль мне дельного Османа Пашу. Бедный «Гази».

По крайней мере, враг почтил его мужество.

.....
Мирный договор подписан.

.....
.....

Некий молодой врач из Варшавы, с которым иногда переписываюсь, и который сейчас служит лекарем при российской армии, сообщает мне такой факт:

Корпус российского войска вошёл в деревню Ески-Загры. Разведчик, сопровождавший этот корпус, шепнул солдатам, что в земле укрыты сокровища, и указал место, где они закопаны.

Солдаты поняли буквально сообщение шпики, ожидали найти деньги и драгоценности, и сразу начали копать в указанном месте.

Вскоре добыли только амфоры с розовым маслом и были страшно разочарованы.

Если бы хоть горилку нашли в этих амфорах!

Обида на разведчика была столь велика, что ему пришлось спрятаться, потому что разочарованные в своих расчётах вояки содрали бы с него шкуру, считая его *донос* издёвкой.

Но всё же, что с этой добычей делать?

Чтоб зря не пропадала, солдаты решили смазать розовым маслом сапоги, сколько только смогут впитать.

По крайней мере, сапоги будут мягкими и станут пахнуть «жиром»!

Вскоре после этой акции захворали все, кто смазал сапоги розовым маслом.

Запах был таким сильным, что «одурил» их, вызвал конвульсии и головную боль.

Наш знакомый доктор-корреспондент в течение нескольких дней получил в своей амбулатории настоящую «татарскую пляску», как после какого-нибудь военного сражения.

.....
.....

Мирный договор подписан.

Амнистии нет.

Снова высылаю шефу жандармов просьбу, чтоб мне позволили возвратиться за Урал, мотивируя это тем, что там я могу найти доходную работу у Поклевского-Козиелла в Талице, а тут работы найти не могу и никакими средствами для существования не располагаю, и даже «кормовые»⁸⁵ не получаю, потому что при приезде в Галич от них отказался.

И на эту просьбу, как и на все прочие, я получил отказ.

Терпение моё подходит к концу.

.....
.....

29 марта 1880г.

Заграничные и российские газеты обычно полны описаний страшных петербургских событий.⁸⁶

Сейчас, конечно, читаю очень много. Знакомый из Варшавы присылает мне множество газет.

В последнем номере «Русских ведомостей» особое внимание я обратил на статью, из которой узнал, что Катков в своей газете вину за печальное событие возлагает на наш народ – на поляков.

«Русские ведомости» называют это низкой и ничем не обоснованной инсинуацией.

Если бы такие инсинуации кончились только газетной полемикой, – не беда!

Но – что хуже! «Московские ведомости», орган Каткова, читают люди необразованные, неразвитые, тёмные, притом пламенные

фанатики, люди, не имеющие своего мнения и верящие в печатное слово, как в догму.

Но до какой же оргии ненависти, до каких яростных вспышек в этой самой численной массе России, тёмной и фанатичной, могла привести инсинуация Каткова?...

Конечно, наша польская пресса, как уже не раз случалось, ответит Каткову надлежащим образом, и опровергнет его подлые инсинуации убедительными аргументами, но что это даст?

Голос польской прессы не доходит до тёмных масс русского народа, он её не поймёт.

А даже и дошла бы, и была воспринята, всё равно не найдёт понимания, а Катков и дальше станет проводить свою преступную деятельность, дальше и неустанно сея национальную рознь между двумя народами, принуждёнными «*quand meme*»⁸⁷ жить в политическом и экономическом единстве.

Читая инсинуации Каткова, задаюсь вопросом, неужели этот человек перестал признавать учение Христово?...

Почему, сочиняя лживые статьи о поляках и Польше, почему подписывает их только первым слогом своей фамилии? Почему так хотел бы – что видно из его писаний – полного уничтожения нашего народа?...

Почему Скворцов, редактор «Русских ведомостей», восстаёт против подлых оскорблений и беспочвенной клеветы Каткова, но почему молчат другие русские редакторы и другие российские писатели?...

Если бы речь шла о других народах, такого инсинуатора несомненно бы заклеили позором и заставили бы замолчать.

Трудно, поистине, поверить, что Катков в 1840г. в Москве принадлежал к той молодёжи, к какой относился и критик Белинский, что он принадлежал к молодёжи, которая группировалась около уважительного в обхождении и глубоко мыслящего Станкевича.

Было время, когда Катков, либерал, вместе с другими во всё горло кричал: «*vae victoribus!*»⁸⁸.

Превратившись в реакционера, Катков неустанно и тоже во всё горло кричит: «*vae victis!*»⁸⁹.

.....
.....

Ни один посев не даёт таких обильных и цепких плодов, как посев ненависти, и именно ненависти национальной.

Я узнал это на собственном опыте.

За упокой души царя Александра II предстоял траурный молебен одновременно во всех Галицких церквях.

Исправник уведомил нас, чтобы мы на этом молебне присутствовали.

Мы пошли в ближайшую церковь.

Обычно, все молебны в Галиче кончаются в кабаках с эпилогом в виде ссоры, драки и ночлега в полицейской *тюрьме*.

В день траурного молебна всё шло своим чередом и по обычной программе.

После полудня каноник Рогожинский и я вышли по делам.

На обратном пути к нам присоединились ещё несколько коллег.

Мы прошли мимо кабака, из которого вывалилась толпа пьяниц.

Кто-то крикнул:

– *Вот политические ссыльные! Скотина, сволочь, поляки!*

Мы делаем вид, что не слышим, сохраняя спокойное выражение лица, чтобы толпа подумала, что мы не понимаем, кого касаются эти оскорбления.

Идём, не прибавляя шага.

Толпа загораживает нам дорогу и встаёт поперёк улицы.

Какой-то голос твердит:

– *Поляки! Мерзавцы! Предатели! Цареубийцы!*

Мужик в перкалевой клетчатой рубашке, в суконной шапке, этаким грузным детина, с глазами, налитыми кровью, орёт:

– *Поляки! Цареубийцы!*

– *Поляки! Цареубийцы!* – повторяли сотни охрипших пьяных голосов...

Сотни кулаков поднимаются и оборачиваются к нам...

Разгорячённая толпа окружает нас закрытым кольцом, которое как палаческий обруч всё больше смыкается вокруг нас... Кулаки приближаются к нашим головам, к нашим лицам...

– На землю цареубийц! – рычит толпа.

Смерть уже глядит нам в очи... Смерть страшная: быть убитыми кулаками и раздавленными сапогами разъярённой толпы.

Мы даже не пытаемся обороняться, да и каким способом?...

Мы обречённо молчим...

Вверяем наши души Господу Богу...

Каноник Рогожинский даёт нам отпущение грехов *in extremis*⁹⁰.

Отчизны милой уж не увидим никогда...

В этих обстоятельствах ждать помощи не откуда.

Услышав визги и крики, исправник, предвидя какие-то эксцессы, прибегает с полицейскими.

Даже полицейским нелегко разогнать пьяную и разъярённую толпу...

Заводил стегают палашами по лбам и плечам, и ведут под арест.

Домой нас провожает сам исправник.

.....

Владелица дома, которая раньше относилась к нам очень доброжелательно, и в день Нового года нам с каноником Рогожинским аж из Костромы посылала открытки с подписью: *La plus bonne annee!*⁹¹ – сейчас рада бы нас утопить в ложке воды.

Но этой бабе импонирует опека высокого полицейского чиновника и его к нам доброжелательность.

Исправник заходит в её квартиру, что-то ей говорит, объясняет, и, видно, этому порядочному человеку удаётся ей что-то втолковать про то, что ко всему, что произошло в Петербурге, мы не имели никакого отношения.

Вмешательство исправника приносит нужный результат. Наши отношения с хозяйкой вновь стали приятными.

.....

.....

Галинка Лесчинская пишет мне:

«Выезжаем с Матушкой в Остенд – укрепиться морскими купаниями.

Для глубокоуважаемого Каноника Теодора и для Дорогого Пана мы привезём конфеты и пряники, которые вы получите через несколько дней»...

Каноник Рогожинский, который сейчас мается животом, и часами сидит дома, как в осаде, хмуро говорит:

– Мы, бывает, не знаем, где взять кусочек хлеба, а эта девица обещает нам заморские вкусы.

– Не ворчите, Ваше Преосвященство, не ворчите, – защищаю дочку моей приятельницы и моего тюремного коллеги. – Уверен, что «эта девица» пришлёт нам что-нибудь, чем вы будете довольны.

Как всегда, из Варшавы посылка приходит на моё имя.

Собственноручно приношу её с почты и развёртываю.

Каноник вроде бы в эту сторону и не смотрит. Но я понимаю, что он искоса на меня поглядывает, следит за моими движениями и присматривается к содержимому пакетов, которые я вынимаю из ящика. В первую очередь пакет с надписью:

Noppeney Ostende

В пакете – одни шоколадки. В другом пакете – только пряники.

Каноник уже не выдерживает:

– И больше ничего? – спрашивает.

– А ничего! – отвечаю.

– Должна была бы что-нибудь с моря прислать. Что она думает, – что мы дети? – вспыхивает каноник.

Я, разочарованный, сижу над этими пачками конфет и пряников, опустив «нос на квинту», и размышляю.

Наконец, начинаю осматривать деревянный ящик, ощупываю его.

– Ага! – кричу. – Двойное дно! – и отрываю дощечку.

Под ней – ещё полотно, а под ним – две брошюры со свежими датами.

– *Extrait des memoires inedits d'un ex-ministre.*⁹²

И:

Les meres ennemes

Drame

par

*Catulle Mendes*⁹³

– Ну и как? – кричу. – Так подписала Галина.

– Ну! Ну! – успокаивается ксёндз Теодор.

...– Читайте!

Хватаю первую брошюру. Из неё узнаю, что:

Дня 20 марта 1881г. царь Александр III созвал Совет Министров, с целью решения вопроса: нужна ли России конституция?

За конституцию голосовали *граф Адлерберг, Лорис-Меликов, Милютин, Валуев, Абаза, Герс, Набоков, Сабуров, Сольский.*

Против конституции: *князь Ливен, граф Строганов, Поссиет, Маков, Победоносцев.*

Милютин свою речь закончил так:

Не могу подумать без горечи и сожаления, что Российская армия завоевала конституции для Болгарии и Румынии, тогда как мы её ещё лишены.

Граф Валуев сказал: Если мы действительно хотим привить России цивилизацию Запада, – то мы ориентируемся на пример европейского устройства. Я считаю, что российское общество и народ не готовы ещё к самоуправлению, и спрашиваю, достиг ли английский народ высшей степени просвещения, хотя *self-government*⁹⁴ начал применять вольные институты ещё 500 лет тому назад.

Лорис-Меликов сказал: Я вырос не в канцелярии, а в солдатском лагере и на поле брани. Заметив у кого-либо намерение ущемить власть моего монарха, я первый бы заклеил такого. Позвольте, однако, чтобы проекты реформ обсуждали народные избранники, а не оплачиваемые чиновники.

Абаза выступил со светлой речью: инаугурацией нового царствования, оглашением реформ, подобным шагом призовёте на главу нашего монарха на долгие годы благословение народов, говорящих на множестве языков и возбудите несравненный энтузиазм во всём государстве, в котором солнце не заходит никогда.

Против конституции высказались:

Победоносцев: Если вы введёте новое правление, нельзя будет исключить и западные провинции, и тогда дело русификации, которое ещё далеко от завершения, приостановится.

Маков: Я считал бы себя клятвопреступником, принимая участие в обсуждении средств, целью коих является прекращение всевластия моего Господина.

Ливен считает автократию как свод, на котором держится мир для российского народа, и в словах, полных лиризма, просит, чтобы на этот свод не поднялась святотатственная рука.

Царь Александр III внимательно и благожелательно выслушал все эти речи, потом пожал руку Лорис-Меликова, и сказал:

— Считаю делом своей жизни, чтобы указ, касающийся реформ, был оглашён от имени моего незабвенного отца, которому принадлежит инициатива этих реформ.

Затем выразил пожелание, чтобы противники Конституции посвятили свои личные убеждения интересам и добру России.

Так что конституция у нас будет!

Спасибо тебе, Господи!

.....
.....

Один из наших коллег, Сичинский, был настоящим художником в своём роде.

Он изготовлял прекрасные инкрустированные мелочи: сигарницы, запонки для манжетов и многое другое. Материалы для этих работ поставляла ему Сибирь: мамонтову кость, корни персикового дерева, которые растут на склонах некоторых сибирских гор, бирюзу, малахит, золото. Эти безделушки мы покупали для подарков друзьям, посылали на Родину, и это приносило Сичинскому некоторый заработок.

Сичинский мечтал, что, вернувшись на Родину, развернёт своё дело в широком масштабе.

.....

Бедняга не дождался ни возвращения, ни осуществления своих проектов — умер в Спасске.

Эта смерть нас очень сильно огорчила, — нет слов передать, насколько! — Сичинский был родом с Земли Плоцкой. Там ему принадлежало имение, но эта земля куда-то запропастилась...

Вот так! Нам, изгнанникам, на самом деле, не везло ни на деньги, ни на имения.

Одна приятная новость: Леонард Гриневецкий из Иркутска пишет мне, что милейший Юзеф Шленкер женился. Взял в жёны ангельчика, небогатую, но хорошо воспитанную и образованную барышню.

— Дай им Бог счастья! — думаю, и пишу и это пожелание.

Валентий Л., который имел возможность поддерживать постоянный контакт с границей — ибо и старые друзья из Батиньоля заглядывают временами в Варшаву, чтобы провести своего бывшего профессора, — сообщают, что поляки за границей работают для нашего дела постоянно и неустанно... Созданы комитеты в Риме, в Лондоне, в Париже, в Вене...

.....
.....

В газете «*Новости*» читаем, что по инициативе графа Лорис-Меликова в Варшаве состоится совещания, с целью установить «*равноправие*» поляков.

Делегатами станут (кто их выберет и кто им даст мандат?) Томаш граф Замойский, ординат, — Зигмунд, маркграф Виелопольский, — Островский (который?), и наш великий писатель — Юзеф Игнаций Крашевский.

Уже сам состав делегатов будил во мне неверие.

Как потом оказалось, это неверие было оправдано: в правительственном «*Вестнике*» прочёл опровержение этой сенсационной «новости», — Крашевский в письме, посланном в газету «*Познанский ежедневник*» написал: «я не считаю себя способным играть какую-либо политическую роль».

Из Варшавы мне прислали номер «*Politisch Correspondenz*»⁹⁵ с известием, что 4300 молодых людей освобождены от надзора полиции, а 1900 возвращённых из Сибири к родным очагам, получили вновь те должности, которые занимали до ссылки, то есть в учреждениях, — а студенты вернулись в университет. И не только!

В тюрьмах для ссыльных вместе сидят и осуждённые на каторгу. Поэтому намечается повторное расследование многих дел суда...

И, значит, роль графа Лорис-Меликова кажется весьма гуманной и действенной.

А судам ещё предстоит немалая работа!

Из Сибири сообщают, что уже некуда помещать тех, которые вновь прибыли, и тогда, что делать, если поступит ещё одна партия *ссыльных*?! Некоторые российские газеты пишут: «*Нудо*

побыстрее вывезти мусор, рассыпанный по Российской Империи, включая и её азиатские владения».

Этот «мусор» – это мы, поляки, политические преступники... Ну и хорошо, хорошо! выметайте нас побыстрее.

.....

Напрашивается мысль ещё раз попытать счастья – снова подать просьбу о возвращении на Родину.

У меня имеются документальные подтверждения, что разные жандармские начальники в Петербурге давали положительные ответы на мои запросы.

Между прочим, граф Шувалов, с обращением ко мне «сват», ибо, как только с некоторыми польскими шляхетными семьями отношения начали портиться, российское правительство тут же выслало в Польшу в качестве посла графа Шувалова, и ему всегда удавалось уладить распри и сгладить разногласия.

Значит, хотя жандармские начальники подумывали о моём возвращении, против были варшавские наместники! Это они считали меня кем-то вроде Марата.

Сейчас, когда повеяли иные ветры, – кто знает, кто знает?

Во всяком случае, я ещё раз попытаю счастья...

.....

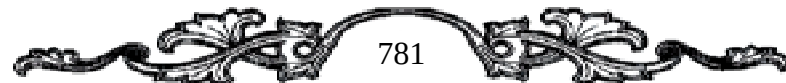
.....

Прочитав раз, второй и десятый «отрывки» из воспоминаний экс-министра, взялся за чтение присланной мне драмы Катулла Мендеса.

«Матери – враги» – сюжет, почерпнутый из наших дней, прекрасная проза, написанная французским поэтом, принадлежащим к группе *парнасцев*.

Катулл Мендес для этой своей драмы выбрал фоном век XVIII, ту бурную эпоху, когда падение Польши, как самостоятельного государства, уже само по себе являлось одним из самых трагических событий мировой истории.

Героинями драмы являются две жены Андрея Болеского, литовского магната времён Барской Конфедерации. Первая жена, Элжбета – полька, и во второй части драмы предстаёт как олицетворение патриотических сил.

Муж её покидает и женится на Софье Ивановне, россиянке, придворной даме царицы Екатерины II, Андрей Болеский настолько подпадает под её влияние, что отрекается от католицизма и принимает православие.

Братья: Стефан, сын Элжбеты, – и Ян, сын Софьи, не знают друг друга и воюют во враждебных друг другу станах, причём – предел злого рока! – влюбляются в одну и ту же женщину.

Наступает момент, когда Стефан погибает от руки брата.

Прекрасным образцом патриотизма и материнского самопожертвования предстает Элжбета Болеская.

Верная домашним алтарям и национальным идеалам, она с трагическим величием олицетворяет все высокие чаяния польской общественности.

Андрей Болеский трусливый и малодушный. Его гнетёт сожаление о прошлом, от которого он отказался.

Вообще над образом Андрея Болеского явно довлеет рука Немезиды.

Все сферы сложного польского общества: родовитая шляхта, мещанство, купцы, народ – представлены на сцене в этой драме, что придаёт ей особый колорит.

Купечество представлено исключительно евреями.

Эта драма произвела на меня устрашающее впечатление, тем более оттого, наверное, что мне доводилось не раз вести с самим собой такие бои и подвергать себя самобичеванию, как и Андрей Болеский, главный герой драмы Катулла Мендеса.

Те, кого я встречал не на театральных подмостках, а в жизни, из подобных внутренних боёв и самобичеваний выходили, надо признать, – выходили победителями...

.....

.....

В российских газетах читаю: после графа Коцебу, генерал-губернатором Варшавы станет граф Шувалов, или граф Тотлебен.

Из последующих номеров той же газеты узнаю, что «западные соседи недоброжелательно рассматривают назначение графа Тотлебена».

Ах! разве западные соседи со своим «железным канцлером» во главе мало нам причинили бед?!

Или это тот случай, когда в молитве, «от которой седеет волос», при мысли о немцах, мы должны слать Господу Богу лишь одну просьбу: «Карай, рука, руке – дай “зрячий” меч».

.....
.....
.....

Каноник отлично играет на скрипке и не раз этим своим талантом облегчал и скрашивал нам тяжкие минуты разочарований и тоски.

Бывало, сходились к нам коллеги.

Под аккомпанемент скрипки каноника Рогожинского мы пели религиозные гимны и патриотические песни.

Мы могли смело петь: «Господи, что с Польшей...», «С дымом пожаров...», «Ещё Польша...»... Никто нас не прерывал и никто не мог привлечь к ответственности, поскольку в Костромской губернии, в Галиче, за исключением поляков никто не знал этих патриотических песен.

А в это время после петербургской катастрофы всякое музицирование и пение должны были быть запрещены.

Как-то вечером собрались у нас коллеги.

Это было в половине мая, на дворе строжилась ветер со снегом.

Мы пели.

Вдруг под нашими окнами раздаётся нечто гораздо отвратительнее, чем так называемый «кошачий концерт».

Рычание, верещание, визг, прерванные выкриками:

– *Поляки, мерзавцы! Цареубийцы!*

После каждого такого эпитета снежки, смешанные с грязью, летят к нам в окно.

Такая бомбардировка грозит выбить нам стёкла.

Музыка ксёндза Теодора и пение тут же смолкают.

Но крики под нашими окнами всё равно не стихают...

Что делать, – вот вопрос?

Набраться терпения! Без единого слова протеста слушать оскорбления в наш адрес – и всё!

Мы так и сделали. Мы позволили толпе уличных громил выкрикаться и наоскорблять нас досыта.

В конце концов, вмешалась владелица дома и запротестовала против этого нечеловеческого воя, который нарушал покой всех её жильцов и всей улицы.

Протест не подействовал.

Но наконец какой-то прохожий офицер разогнал малолетних манифестантов, размахивая палашом и крича:

– *Пиёл!!*

.....
.....

Каноник Рогожинский⁹⁶ сжигает свои письма, а я, напротив, старательно их берегу. Я люблю пересматривать эти послания, когда тоска уж очень меня угнетает, – когда мне уж очень тяжело на душе, когда хочется освежить в памяти, кто из нашего многочисленного кружка изгнанников уже вернулся в Отчизну... Кто почил уж в гробу, а кто ещё ест горький хлеб изгнания на огромных просторах российской империи.

Итак:

Ксёндз Бронишевский пишет мне из Перми:

«Епископ Б. всё ещё пребывает в Перми. Капелланами Его Преосвященства являются ксёндзы Фишер и Барабаш. В Перми умер 85-летний изгнанник ксёндз Буйковский. В Екатеринославской губернии внезапно скончался ксёндз Войтковский. Молился... вдруг кровь полилась из его уст и в одно мгновение он отдал Богу душу».

Коллега Эварист Жабицкий из Царёва в Астраханской губернии сообщает мне: «изгнанник-ксёндз Ан. всё ещё тут. Месяц назад заболел головой и так *furioso*⁹⁷, что в больнице его держали в отдельной палате и под сильным надзором. Сейчас ему значительно лучше, хотя, по мнению врачей, даже при самом бодром самочувствии, он уже никогда не придёт в себя умственно и свои обязанности уже никогда не сможет исполнять».

.....

Гервасий Гзовский из Спасска сообщает: «Сегодня утром входит ко мне хозяйка дома, где живёт коллега Виктор Августовский, женщина принесла бритву, которой Виктор хотел перерезать себе горло, и которую она успела вырвать из его рук. Бедолага уже полностью успокоился, но бредил, как в горячке. Шесть

недель я наблюдал за ним днём и ночью. Впрочем, другого выхода не было – надо было отвезти его в Тамбов в больницу, где, не найдя облегчения, бедняга раз навсегда освободился от полицейских дозоров».

А ещё из Спасска сообщают: Михаил Микутович и Статкевич, сосланные в 1863г., – умерли с голоду.

Да, так вот! Умерли с голоду – «кормовых» не хватало на их потребности, а зарабатывать они нигде не сумели, не было у них в Спасске никаких знакомых, к незнакомым коллегам они не хотели обращаться за материальной помощью – и приняли оба голодную смерть.

Ксёндз Кулаковский, отшельник из Белан под Варшавой, и брат капуцинов из Ланда, Конрад, тоже на пороге голодной смерти.

Брат Конрад – старец, в возрасте более 80 лет, благожелательный и любимый всеми, кто его знал, – не могу сказать точно, где они пребывали, мой корреспондент ничего не пишет об этом подробно.

И в нашей околице тоже произошёл печальный случай.

В соседнем, окружном городе жили два брата Франчишек и Феликс Соколовские, уроженцы Земли Равской, Франчишек в 1863г. участвовал в восстании, был ранен при захвате Дома Инвалидов в Раве, попал в плен и был осуждён на каторгу в Сибирь. Оба Соколовские, вместе со мною, прибыли в Костромскую губернию. В начале русско-турецкой войны Франчишек Соколовский просился поехать в Сербию, и уехал туда, поступив в сербское войско как доброволец.

После заключения мира он вернулся, хлопотал о снятии полицейского надзора, но ему отказали и велели вернуться на прежнее место жительства. Он вернулся, навестил коллег-изгнанников, а вечером сел писать письма, и написал их четыре: к брату, с которым жил, другое – сестре, что на Родине, третье – губернатору, четвёртое – городскому исправнику. В 3 часа утра приложил револьвер к виску – рука у него была верная – пуля навывлет прострелила ему голову, и он упал трупом тут же на месте.

Франчишек Соколовский был человеком доброй воли и крепкой закалки духа.

Но и добрая воля, и энергия имеют предел и исчерпываются в условиях, в которых мы здесь находимся.

Так понемногу редуют после 60-х годов ряды изгнанников...

С великим горем наблюдаю, сколько братьев наших закончили жизнь самоубийством или безумием.

В Сибири такого не было.

Не говоря уже об Иркутске, где после 1868 года – шесть лет я довольно сносно жил и где была настоящая колония изгнанников из поляков, но и в иных местностях Сибири, даже наиболее отдалённых от очагов цивилизации, – по моему мнению, нам, поселенцам, было куда лучше, чем после переселения в Россию, где совершенно нельзя найти работу, пребывая среди этой скуки, этой узости взглядов, которые оглуляют и обессиливают дух полностью, среди этой общей и безграничной апатии.

В бездействии ведь и вода плесневеет и загнивает.

.....

Ещё перечитываю письма Эвариста Жабицкого: «В Саратове, благодаря гостеприимству Целса Левицкого, провёл целую неделю... Говорил мне Целс, чтоб я не очень настойчиво добивался возвращения в Варшаву, потому что при тамошних условиях, скорее жабы себе порвёшь, чем найдёшь какую-нибудь службу. Дорогой пан Шимон! Поскольку мы ели из одной миски и притом не подрались, как говорят Мазуры, я пишу пану, и очень прошу, да будет это пану зачтено за милосердный поступок по отношению к ближнему, – пишите мне, пан, пишите, а то я здесь, что называется, “верхом на паскудной ведьме” и жажду “людского”, ибо нет у меня тут ни одного товарища!».

.....

Задумался я над этим письмом, а прервал меня полицейский, который принёс устное распоряжение, чтобы я сейчас же явился к исправнику.

Складываю и прячу свои бумаги и, немного беспокоясь, объятый любопытством, иду.

Исправник принимает меня с удвоенной любезностью...

Беспокойство моё рассеивается – любопытство одолевает...

Исправник говорит, что все дела в канцелярии закончил, так не потрудились бы я сопроводить его к нему домой.

Соглашаюсь.

Любопытство моё на пределе. Входим в квартиру исправника. Я знаю эту квартиру.

Мы приходили сюда поздравлять его с Новым годом, а также с Пасхой.

Он подаёт варенье, чай, — является пани исправничиха, начинаются разговоры о Галичских сплетнях и, наконец, хозяйин начинает говорить о делах публичных, — хозяйка исчезает. А я ломаю голову, что всё это значит?

Наконец, всё выяснилось.

Исправник вытаскивает из ящика какую-то бумагу и говорит:

— Пришёл ответ из Петербурга на прошение пана о возвращении на Родину.

— ?

— Отказано, — шепчет исправник, отвечая на моё архикрасноречивое молчание.

— Но прислано... прислано... из Петербурга... для вручения пану...

— Что прислано? — прерываю заинтриговано.

— Семь рублей, — говорит исправник, и быстро, как бы желая поскорее снять с себя неприятную обязанность, — вытаскивает несколько купюр из бумажника.

Машинально протягиваю руки — кладу в карман рубли, чувствую, что задыхаюсь.

— Я провожу пана домой.

— Нет! нет! спасибо! — решительно отказываюсь. — Мне нужно побыть одному.

Выхожу — из дома, потом — из города.

Неодолимо тянет меня в поле, в поле, подальше от мерзкого городка...

Недалеко от города есть озеро.

С берега я его любил глядеть на солнце, которое закатывалось за леса на далёком горизонте.

По привычке сажусь на берег. Рядом колышется укрытая в тростнике и привязанная к свае лодка.

Меня влекут холодные волны... Отвязываю лодку, берусь за вёсла, выплываю на озеро и размышляю.

— Значит, так? Значит, вместо помилования прислали мне деньги...

— Правда, писал я, что не имею в Галиче никакой работы и хотел бы даже вернуться за Урал, потому что здесь лишён средств к существованию...

В ответ мне прислали семь рублей...

.....

Блеснули нам светлые утренние надежды, блеснули и угасли.

А дальше что?

После блеска этих зорь...

*С гор страшное бремя крестов несли,
Обетованную землю видели, видели.
Видели свет небесных лучей,
Но сами вступить в этой край не смогли...*

Да! Правда! Я не уеду, — но и на польской земле мы, изгнанники, — незванные гости.

Ведь писал мне Целс Левицкий, что «легче в Варшаве рёбра поломать, чем сибиряку получить какую-нибудь службу».

О! польская земля! Ты богата — ведь о тебе говорят: «на плодородной земле сидишь, как у Бога за пазухой».

И на этой богатой земле для нас, изгнанников, нет места и хлеба?

Но кто же мы тогда?...

Отвергнутые скитальцы, которые никогда уже не попадут к родным очагам?

О! земля! Земля родная! Зачем мы любили тебя так сильно и горячо?...

Вижу перед собой путевой столб с указателем на Галич. На путевом указателе огненными буквами выведена дантовская надпись:

Оставь надежду всяк, сюда входящий...

Да! Для нас, изгнанников, нет уж никакой надежды.

Голова моя клонится... руки немеют... выпускаю вёсла из ладоней... холодная пучина озера тянет меня с непреодолимой силой...

.....
.....

То ли я в приступе горячего возбуждения умышленно бросился в воду? То ли, выпустив из рук вёсла, невольно в воду упал?

Никогда не смог ответить себе на этот вопрос.

Рыбаки, которые пришли сюда поужинать, вытащили меня из воды без сознания и отнесли домой.

Каноник Рогожинский днём и ночью сидел около меня, городской лекарь был очень внимателен.

Через несколько недель я пришёл в себя, но выздоравливал очень медленно.

.....
.....

Благодаря хлопотам лекаря и исправника, костромской губернатор позволил канонику Рогожинскому и мне выехать на лечение в Солигалич.

— К счастью, нам не сказали, что наш выезд ещё *преждевременный*⁹⁸, — бурчит ксёндз Теодор, — но оба мы счастливы, что хоть на несколько недель вырвались из этой постылой дыры.

Солигалич, по народному *Галичские Соли*, окружной город Костромской губернии над рекой Костромой, обладает минеральным солёным источником, который неплохо оборудован и очень полезен при многих болезнях.

Мы поселились вблизи от источника.

Кормили нас хорошо, комнату дали солнечную, просторную, прохладную. Правда, есть у нас сожители, не из приятных: прусаки и тараканы.

Ночью аж шумят, когда ночью по комнате разбегаются полчища этих мерзких тварей в поисках еды.

По всему городу мы не смогли найти никаких средств, чтобы избавиться от тараканов. Похоже, что местные жители питают удивительную привязанность к всяким домашним насекомым,

и даже считают их, возможно, известного рода оберегами. Поэтому косятся на тех, кто хочет от такого благословения избавиться.

В Солигаличе есть несколько старинных строений, была здесь когда-то крепость, проходили оживлённые торги и ярмарки. Здесь можно встретить самые разные типы людей и извлечь весьма любопытные наблюдения.

Понемножку я приходил в себя, потом начал читать.

Перед выездом из Галича я получил целую пачку книг от пани Жозефины Колонна-Валевской.

Панну Жозефину, урождённую Хжановскую, в замужестве Валевскую, я знал в 60-х годах, как барышню, бывавшую у незабвенной Эмилии Госселин. Интеллигентная девушка превратилась в высокообразованную деятельную женщину, горячую патриотку. Мне передавали, что она учит деревенских детей, хотя за это полагается строгое наказание. Закладывает парки и сады, обучает садоводов и горячо любит своё имение. А прислала мне пани Жозефина именно Красинского.

Я знал об его архиславных делах, и потому читаю его с удовольствием, и с надеждой повторяю:

Не пройдёт и сотни лет, и все люди станут единым людям..

.....

А когда я вспоминаю о нашем любимом Зигмунде, перед глазами у меня так и стоит его дочка Мария.

Я знал её маленькой девочкой.

Не раз приходила она ко мне со своей воспитательницей паней Добрской. Не раз и я приезжал во дворец Ординатов. Трудно представить себе, какой эта маленькая дочка бессмертного поэта была развитой и приткой девчушкой! Это она задавала, порой, такие вопросы, на которые даже трудно было сразу придумать ответ, доступный её возрасту.

Полученные ответы Марысю никогда не устраивали. Видно, таково было свойство её ума, который постоянно находился в поиске ответов на вопросы.

Она очень любила мои рассказы о Сибири, о каторге.

– Ещё! Ещё! Рассказывай, пан, ещё! – просила она, когда я умолкал, а однажды сказала:

– Если бы мой папочка был жив, он бы так красиво всё это описал.

Ах! конечно же, если бы Зигмунд Красинский описал походы на каторгу и саму каторгу, читатели плакали бы каменными слезами.

А в другой раз она сказала:

– Ах! как жаль, что моего папочки больше нет в живых.

И, обнимая руками свою головку, расплакалась.

Я тоже заплакал.

Итак, малое дитя и экс-каторжник, экс-изгнанник горькими слезами оплакивали горе, что обуяло народ, когда погиб великий поэт и патриот.

.....

.....

Поистине, чуть не целую жизнь я провёл за пределами цивилизованного мира, причём так счастливо случалось, что судьба позволяла мне встречаться со многими из тех, кого называют гордостью народа. В этот миг думаю о докторе Бенедикте Дыбовском.

Этого человека я знал преотлично.

Знал и уважал, ибо разве можно было его не уважать?

Я видел, как он с берегов Тихого океана приехал в Варшаву. Читал позднее, что он ездил в Берлин, в Вену, и вдруг узнаю, что в зоологический кабинет в Варшаве поступила богатая коллекция, собранная им на Камчатке.

Как доктор медицины, Бенедикт Дыбовский – знаменитость.

Сейчас, когда иные врачи копят деньги, он, бросив практику, осел в деревеньке Кильгук на левом берегу Байкала.

Там он прожил три года. Тщательнейшим образом измерил глубину Байкала (он был первым, кто это сделал) – измерил температуру воды, со дна озера на 750 саженей, сумел добыть более 100 тысяч рачков, всё это описал, измерил в миллиметрах, расклассифицировал.

Кроме рачков, он описал и расклассифицировал всякие виды рыб, живущих в Байкале. Исходил все окрестности горы; поднялся на *Хамар-Дабан* и чего там только не нашёл! Зверей, птиц, мушек, мотылей – всё это он сумел собрать, ничем не пренебрёг, ничего не опустил.

Какой-то сибирский туземец, увидев, как Бенедикт Дыбовский ловит мотылей, сказал:

– Смотри! Смотри! Поляки вроде разумные люди, а этот такой глупый – ловит мух!

После трёх лет на Байкале – Дыбовский выехал на реки Онон и Аргун.

На это ушла ещё пара лет.

Добрался до реки Уссурия, доехал до Владивостока, до Кореи.

Потом явился в Варшаву.

Сейчас он на Камчатке. Почту со всего света получает два раза в год и один раз в год шлёт почту в Европу...

Я удивлялся Дыбовскому; если бы он занимался медициной, сегодня уже был бы миллионером. Но он не печётся о достатке, не раз терпел нужду, питался сухим хлебом, запивая водой, и шёл дальше, и вновь работал для добра, науки и человечности.

Бенедикт Дыбовский – тоже один из многочисленной фаланги наших героев науки.

В 60-х годах я встретился также с ещё одним подобным человеком – гордостью народной, Ласковским.

Я звал его ещё юношей. В 60-х годах нас связывали частые встречи, поскольку занимались мы сходной деятельностью.

Ласковский изучал медицину в варшавской Медицинской Академии.

К счастью, он избежал каторги, а, возможно, даже виселицы, поскольку ему удалось сбежать за границу.

Медицину он закончил в Париже. Изобрёл способ бальзамирования человеческих останков – новый доскональный способ, который так же бесценен при анатомических исследованиях.

Как врач-анатом, Ласковский – величина из всех величин. Со всего мира приезжают студенты, чтобы слушать его университетские лекции.

Меня это радует безмерно, я этим горжусь.
Мысленно шлю ему поздравления и поклоны.

12 февраля 1882г.

Наконец-то я дождался, что с меня сняли полицейский надзор. Я имею право проживать в Российской Империи, включая Сибирь – словом, везде, кроме столиц, западных губерний и Королевства Польского.

Мы переезжаем в Кострому, каноник Рогожинский и я.

Мой старый друг, Андрей Мойковский, сообщает мне, что Гервазий Гзовский уже в Варшаве и спрашивает: «А тебя когда увидим, Шимон?».

Я должен попасть в Варшаву. Я должен... должен...

Но мне нельзя! – и ещё того менее.

Еду в Ярославль к любимому нашему архипастырю Фелинскому – и с его благословения поеду.

Ничего со мной не случится!

А в конце концов – хоть бы и так, – хоть бы меня даже поймали, заковали в кандалы и этапами выслали, уже не только в Якутскую область, но к камчадалам или к чукчам – всё равно поеду.

Тоска после девятнадцати лет моего изгнания меня подтачивает.

Она меня уже достала.

Ибо тоска по Отчизне, она – как спрут. Оторвёшь одно щупальце – ухватит тебя другим, десятым, сотым...

Дня 11 августа 1882г., Кострома.

Выезжаю в Варшаву тайно.

Что меня там ожидает?...

Я увижу Её!

Увижу землю Отчизны, о которой тоскую 19 лет.

Я увижу ту землю, щепотку которой постоянно носил в бу-
мажнике 19 лет.

Что меня ожидает в Варшаве?

Увидим...

Шимон Токаржевский
БЕЗ ПАСПОРТА
Из воспоминаний
изгнанника
Варшава, 1910

Кострома, 2 августа 1882г.

Наша любовь к Ней чиста, как лилия... Бескорыстна... Она расцвела на могилах и призывает все блага для неё, а для себя не ожидает ничего, совершенно ничего... Эта любовь укоренилась в наших сердцах так сильно, что угаснуть в наших сердцах сможет лишь с последним их трепетанием.

— Брат Шимон, — прерывает меня каноник Рогожинский¹, — вы изъясняетесь, как трубадур, который обращается к любимой королевне.

— Но разве не к настоящей королеве стремятся все мои мысли?

— Ну да, конечно же, именно так... Но, видите ли, вообще, а особенно сейчас, в нашем положении, чувства надо держать в узде... А способ, каким вы хотите их доказать, я, простите, считаю неразумным.

— Это не проявление чувств, каноник... Да и вообще, что тут думать, вижу, что впервые за несколько лет, что мы провели вместе, нам не удастся понять друг друга.

Молчим.

Через мгновение начинаю напевать:

*...есть край иной за этим краем.
И в том краю мой целый мир,
И там мой светлый ангел...*

— Ну, ну! — принуждённо засмеялся каноник Рогожинский. — Смотрите, скоро «голубые ангелы»² с саблей на боку примут вас в свои объятия, пока вы не отрезвитесь от ваших сентиментальных мечтаний где-нибудь около Ледовитого океана, среди якутов.

— Ну и что?! Я их неплохо знаю. Премилое племя! А арктические края так любопытны и непривычны для исследователя...

— Сумасшедший! Как Бог свят — сумасшедший, — воскликнул каноник, схватил футляр со своей скрипкой и выбежал в соседнюю комнату, хлопнув дверь за собой.

Ксёндз Рогожинский, незаурядный скрипач, своей прекрасной игрой улаживал и успокаивал изгнанников в тоскливые минуты: в Тунце, где отбывал ссылку со многими священниками, а потом в Галиче, где лет восемь провёл со мною рядом.

Источник:

Tokarzewsky Szymon. Bez pasportu. Z pamietnikow wygnania. — Warszawa, 1910. [Токарежевский Ш. Без паспорта. — Варшава, 1910. — На польском языке].

... Сейчас каноник Рогожинский как раз исполнял какой-то неимоверно сложный пассаж из Сарасате. Значит, понемногу волнение его улеглось, — закончив играть, он вернулся в мою комнату и спокойно сказал:

— Брат Шимон, давайте отставим риторику в сторону, откажемся от декламаций и воздержимся от неуместных шуток, — поговорим серьёзно. Ответьте мне по-мужски, ответьте по совести: вы что, хотите ехать в Варшаву?

— Отвечаю со всей серьёзностью, дорогой каноник, говорю без обиняков. План поездки в Варшаву созрел у меня, как только меня освободили от полицейского надзора и я решил это намерение осуществить, как только меня перевели из Галича в Кострома.

— Но ведь коронационный манифест, которого можно ожидать через несколько месяцев, дарует вам полную свободу!

— Да? С чего вы взяли... Могли бы вы, каноник, поручиться, что милости коронационного манифеста коснутся и меня?

Ведь я — «рецидивист», «вожак ремесленников», как меня называли в обвинении, и уже парочка манифестов обошла меня стороной.

Ксёндз Рогожинский умолк. Набил трубку. Я продолжил:

— Послушайте, каноник, с 64-го года мы с вами идём одним путём. Случалось всякое, нас встречали то проклятиями и камнями, то хлебом и солью, когда с сердечностью, а когда злоречием. Благодарные за сочувствие, равнодушные к пренебрежению, — каторгу, изгнание, хмурую годину, постоянную тоску и материальные невзгоды, — всё мы сносили довольно смиренно. И это потому, что наши сердца всегда были обращены к Польше, потому что нас поддерживала неугасимая надежда вернуться...

— Да, всё так и было, — подтвердил ксёндз Рогожинский.

— Так мы и прожили лет восемнадцать с лишком. Немалый срок, правда же?... После отказов на мои обращения к разным властям, после стольких разочарований, шансы мои на возвращение кажутся всё призрачнее... А, скорее, их вообще нет... Но терпение моё и силы исчерпаны. А тоска по Отчизне стала для меня тяжкой болезнью... Которая в любую минуту может превратиться в безумие. Если этого ещё не случилось, — значит, я ещё способен владеть собой... Но это уже последние всплески воли...

Послушайте! Это моё твёрдое решение побывать в Варшаве, это не мимолётная фантазия, это не минутный порыв, — это хорошо обдуманный план. Наверняка обстоятельства никогда не сложатся так благоприятно для того, что я задумал: Кострома довольно большой город, никто нас здесь ещё не знает, я уверен, что ускользну незаметно, так что ни одна живая душа не заметит моего отсутствия. А в Варшаве, — здравствуй, свобода, — там уж, конечно, из прежних властей и начальства никого не осталось. Новые стражи безопасности, даже самые грозные, меня не знают и даже моего имени никогда не слышали... Среди полумиллионного населения нетрудно укрыться, особенно если, как у меня, столько друзей. Так что я вернусь к вам цел и невредим.

— Дай-то Бог! — вздохнул ксёндз Рогожинский. — Об одном лишь прошу вас. Запомните, хорошо запомните, — я вам эту безумную эскападу отсоветовал.

— Охотно свидетельствую, что вы, мой каноник, приводили самые веские и убедительные аргументы, чтобы отвлечь меня от этой поездки, но они лишь сильнее толкали меня в путь.

Кострома, 4 августа 1882г.

Поездка моя в Варшаву решена.

Я весел и бодр, как будто помолодел на двадцать лет.

Ксёндз Рогожинский настаивает, чтобы я ехал вторым классом, поскольку на пассажиров третьего класса полицейские смотрят гораздо пристальнее.

И он, конечно, прав. Заговорщики обычно деньгами небогаты.

Посчитал свои капиталы. На второй класс до Варшавы хватит.

Каноник советует взять с собой только маленький чемоданчик, с которым легче передвигаться, и который на острый глаз полицейского не так подозрителен.

Всё верно! — большой багаж сильно обременяет в пути.

— А ещё надо элегантно одеться, — заявляет ксёндз Рогожинский.

Я расхохотался.

— Этот ваш совет выполнить не могу. Мой гардероб уже давно настоятельно требует обновления. Остаётся надеяться, что белоснежная манишка и «глянец», спасибо костромской прачке, затмит

убогость ткани. Старомодный покроя одежды на путешественнике моего возраста тоже никого не удивит.

Укладка вещей не заняла много времени.

Каноник в это время энергично собирал меня в путь; прежде всего запасал и укладывал еду, чтобы я «не толокся на станционных буфетах и не мелькал перед жандармами». Он уже успел собрать множество свёртков разной величины и формы, и постоянно ещё что-то доставал из шкафа и добавлял к собранному, постоянно бормоча: «*cara patria, – carior libertas*»³.

Я делал вид, что не слышу, но бормотание не прекращалось, и я взорвался:

– Что это вы, добродетель мой, приправляете мою еду камергерскими сентенциями? Премного благодарен! Такой приправой только травиться! Это добровольный поселенец, вроде пана Каэтана Венгерского мог сочинять такие сентенции, и ещё присовокупить к ним свой герб, но не *нам* эту ересь повторять, каноник! Где бы *мы* ни были, какой бы опасности ни ожидали, не наш это девиз: «свобода – выше Отчизны».

– Ну-ну, – оправдывается сконфуженный ксёндз Рогожинский, помрачнев, – вы правы. Я сказал глупость, признаюсь и – «*mea culpa!*»⁴

Ярославль, август

Когда в Ярославле я спросил на пристани у извозчика, знает ли он, где проживает архиепископ Фелинский, он поглядел на меня с удивлением.

– Ещё бы я не знал, где живёт «польский епископ», – ответил, сняв шапку, – даже маленькие дети здесь знают его адрес.

И действительно, архиепископ Фелинский во время своей ссылки в Ярославль заслужил всеобщую любовь и уважение.

В высших кругах он бывал часто, но и в скромных семьях тоже, а для бедных был опекуном, постоянным и неутомимым утешителем.

Городские чиновники, светские и духовные, завидовали такому его нравственному превосходству. Злобные *доносы* поступали к властям один за другим... Только когда оказалось, что в деятельности архиепископа нет никакой политической

подоплёки, и что она сугубо благотворительная, его оставили в покое.

Когда слуга подал архиепископу карточку, на которой я написал своё имя, тот сейчас же выбежал мне навстречу с распростёртыми объятьями.....

.....⁵

Во время доверительной беседы, первой после стольких лет расставания, из закоулков наших сердец всплывали воспоминания всяких обстоятельств, участниками коих были мы оба, – всплывали и сплетались в венок из светлых, ясных и сияющих жемчужин, но и чёрных, мутных и злобных бусинок.....

.....⁶

...а потом архипастырь сказал:

– Коль уж вы решили пробраться на родину без паспорта, – будьте готовы к тому, брат мой, что найдёте там множество новых могил. А те тропы, по которым мы с вами ходили, как я слышал, давно позаросли травой, а ещё хуже... многие из них запленили сорняки.

– Вернувшись, даст Господь Бог, станем сорняки искоренять, дорогой архипастырь! – горячо заверил я.

– Конечно, брат мой, мы усердно возьмёмся за работу, – невесело усмехнулся архиепископ Фелинский, и вздохнул.

Я понял. Он, так же, как и я, предчувствовал, что амнистия обойдёт его мимо.

Варшава, август.

На Ярославско-Вологодском вокзале в Москве пристала ко мне оригинальная семейная пара. По лицу и фигуре, калмыцко-монгольского типа, – а по манерам и поведению, – типичные купцы-миллионщики из центральных губерний России.

Она – молодая, румяная, статная женщина в ярком шёлковом платье, в бархатном казакине и белой шёлковой шали на голове.

Он – бородатый и грузный, в суконном сборчатом армяке и в шапке величиной с блюдо.

Конечно, инициатива знакомства исходила не от меня.

С чемоданчиком в руке я стоял на перроне, ожидая какого-нибудь транспорта.

И тут женщина, которая привлекала внимание своим кричащим туалетом, подходит ко мне и обращается с вопросом:

– Господин тоже направляется на Смоленский вокзал?

Я кивнул в знак согласия, она предложила приятным, звонким голосом:

– Теперь вам не достать никакой *телеги*, все уже *расшарпали* пассажиры. И тогда, знаете что, вы можете добраться до Смоленского вокзала вместе с нами на нашем собственном тарантасе. Приглашаю вас с нами и Аполлон Фролович, мой супруг, тоже вас приглашает.

Аполлон Фролович подошёл к нам, по военному коснулся рукой головного убора, громко засмеялся во весь рот и сказал:

– Ну-с! Конечно! Просим! Просим! Я, и Пелагея Игнатьевна тоже так говорит, так что поедem вместе, господин попутчик.

Удивлённый любезностью незнакомых людей, я колебался.

В конце концов, когда на перроне не осталось ни поездов, ни пассажиров, я всё-таки принял любезное предложение и подошёл с моим багажом к тарантасу семейства Фроловичей, а потом, – рад – не рад, – пришлось уместиться с ними в одном вагоне.

Как только поезд тронулся, Пелагея Игнатьевна принялась развязывать разные корзинки и коробочки, извлекая из них всякие вкусности, а Аполлон Фролович в это время откупоривал бутылки...

Оба супруга потчевали меня едой и напитками очень настойчиво.

Вежливо и решительно отказываясь от угощения, объясняю, что сыт, а напитков никаких не принимаю вообще.

Невзирая на мои отказы, семейство настаивает, чтобы я *попробовал* и *пригубил*, и само угощалось усердно. Особенно Аполлон Фролович, щёлкая челюстями, как крокодил, поглощал куски мяса с чёрной икрой и запивал араком.

По мере отдаления от Москвы, купе, где нас было сперва только трое, начало заполняться.

Один за другим в дверях показывались какие-то мужские особи, явно «из-под тёмной звезды». Казалось, что-то роднило этих людей, хотя они очень редко здоровались друг с другом. Пелагея Игнатьевна

и Аполлон Фролович, разыгрывая гостеприимных и сердечных хозяев, угощают всех едой и напитками, приговаривая: «*Лей, не пролей, эх, ты, милый!*»...

В вагоне включили освещение.

Кто-то предложил для забавы перекинуться *в карточки*...

Предложение вызвало общий восторг.

Ага! – тут же смекнул я. – Оказывается, я окружён шулерами...

Причём я был намечен *жертвой* ещё на Ярославско-Вологодском вокзале в Москве членами шулерской поездной банды, Пелагеей Игнатьевной и Аполлоном Фроловичем.

Если, конечно, это их настоящие имена.

Надо сказать, что с подобными шулерами-профессионалами я встретился теперь в первый раз. Я и раньше знал, что те, которые действуют по вагонам в европейской России и обыгрывают намеченных заранее пассажиров, в своём ремесле считаются спецами *minorum gentium*⁷.

От братьев-изгнанников, а также от истинных россиян я слышал о шулерах просто-таки неправдоподобные чудеса, причём абсолютно достоверные, что происходили в Забайкальском, Уссурийском и Надамурском краях.

В этих живописных и богатых просторах купцы неудержимы в азартных играх и опорожняют свои туго набитые золотом кошельки с завидным юмором, так же легко и быстро, как и наполняют их, пользуясь наивностью и простодушием аборигенов.

Иначе обстояло дело с чиновниками.

Эти господа, получавшие ограниченное жалованье, рисковали, проигрывали казённые деньги, ассигнованные на строительство, сельскохозяйственные цели и закладку садов и парков.

В Петербурге лежали планы церквей, проекты живописных садов и сельскохозяйственных угодий.

Но за Байкалом, над Уссурией и над Амуром, никаких крепостей и церквей, никаких угодий и садов нигде не видно было.

Их никто не строил и не закладывал, поскольку из рук государственных чиновников *казённые рубли* ускользали к шулерам.

Кружили и по Сибири рассказы о подобных фактах.

Некий инженер, россиянин, проживал над Амуром со своей приятельницей французенкой.

Опытный шулер, он играл осторожно, но как-то случилось, что карта ему не шла.

Его партнёр, полковник Ф. на последний куш поставил 50 тысяч рублей. В качестве эквивалента такой суммы инженер предложил свою приятельницу и – проиграл.

Француженка охотно согласилась заменить инженера полковником.

Вскоре после этого счастливый игрок и его «выигрыш» поженились, причём, как утверждает молва, жили весьма счастливо.

Я воспользовался первой же возможностью избавиться от опасной компании. Мне удалось вырваться из вагона с шулерами и пересест в другой вагон.

Кроме меня рядом никого не было.

Стою перед окном.

Землю объяла погожая ночь...

Из трубы локомотива вылетали миллиарды искр – они кружили вокруг поезда, образуя фантастические видения: неуловимые, зыбкие, в пелене чёрных облаков возникали фигуры, вспыхивали пожары, окрашивая, словно кровью, нивы, доли, реки...

Пурпурные отблески металась по сапфировому небу.

Восходящий полный месяц вынырнул будто из огненного моря...

А тем временем курьерский поезд, не задерживаясь на подорожных станциях, летел, летел...

Я размышлял. Тешил мыслью, что каждый оборот, каждое движение этого огненного исполина приближает меня к желанной цели... Приближает к Отчизне, к моим родным...

Восходит солнечный, ясный августовский день... Уступая лучам розовой зари, тревожная мгла рассеивается с небесного свода...

Не отхожу от окна, погружаясь в созерцание пейзажа.

Вдали маячат крытые соломой деревенские хаты и свежеспанная стерня, и сосновый бор. Местами взблёскивают пруды и ручейки.

Всё глядит солнечно и празднично розовеет.

Поезд летит сквозь жнивьё.

Мелькают отдалённые от путей купы снопов и, словно жёлтые округлые башенки, – свежие скирды связанных колосьев.

Вдыхаю, впитывая в себя каждый поток воздуха.

Каждую самую малую чёрточку пейзажа оглядываю взволнованным, любящим взором и, склонив голову, с священным обожанием, шепчу:

– Здравствуй, моя ты земля, рождающая хлеба, что выращивают работающие руки. Здравствуй!

И пока в мыслях моих, витающих в экстазе, звучит «*Ave Patria!*»⁸, в купе кто-то входит...

Как недруга, вторгшегося в мои владения, осматриваю непристливым взглядом нового пассажира.

Ах!... Это оказался жандармский офицер.

Молодой, приятный на вид, светлый блондин, такой рослый, что голова его касается вагонной лампы, несмотря на утреннюю прохладу, одет только в мундир, шинель небрежно накинута на левое плечо, сабля, бряцая, волочится за ним. Движением весьма расслабленного человека садится на скамью и закуривает. Но, увидев надпись «*Для некурящих*», гасит папиросу в пепельнице и, двумя пальцами касаясь фуражки, говорит, очень вежливо и приятно улыбаясь:

– *Виноват!*

– Курите, пожалуйста, – отвечаю по-русски, – какие уж церемонии между мужчинами.

– *Mercis!*⁹ – усмехнулся офицер и извлёк из серебряного портсигара папиросу, после чего вперился в меня взглядом.

Он осмотрел меня с ног до головы. Глаза наши встретились. Его зрачки впились в мои ястребиным взором, который из удручённой и встревоженной человеческой души пытается «выловить» мысли или факты из самых глубин её тайников.

Мне очень знаком был такой взгляд. Сколько раз косоглазый Зданович из Павиака истязал таким взором политических заключённых, чтобы добиться от них признания и внести в протокол. Такой взгляд был во сто раз более тяжкой пыткой, чем ударом выбитые зубы или клочками вырванный волос, что постоянно практиковалось при допросах политических заключённых.

Я почувствовал жар в голове, стеснение в груди, потому что, не прикрывая век, выдержал этот взгляд, но был уверен, что в любую минуту офицер может спросить меня, откуда и куда я еду, и по каким делам. И паспорт потребует, а потом велит арестовать.

Но ничего подобного не произошло. Тревога моя была напрасна.

Чтобы как-то сдержать волнение, я вытащил свои запасы и с аппетитом принялся за еду, в то время как офицер растянулся на скамье и всю дорогу спал сном праведника.

На Тираспольском вокзале его разбудили, и он очень вежливо и дружелюбно простился со мною.

* * *

— Однако! — вскрикнул полковник Валенций Левандовский¹⁰, увидев меня с моим чемоданчиком и багажом в своём магазинчике на углу улиц Хмельной и Братской.

— Ну и жох, ну и хват! — хохочет полковник, потирая руки, когда после ухода его клиентов я признался, что прибыл без паспорта.

Конечно же, ему хотелось воскликнуть: «Хвала Господу Богу!», но, увидев, что я, не здороваясь, прошёл через первую комнату и шмыгнул во вторую, как старый конспиратор, быстро ориентируясь в ситуации, он сразу догадался, что моё внезапное и неожиданное появление в Варшаве нелегальное и, пока в магазине были посетительницы, заполнил возникшую паузу:

— Во всяком случае, глоток чая и закуска для пана у меня найдётся, другое дело, придётся ли это вам по вкусу.

А когда мы остались одни:

— Что сказать, никому бы не пожелал такой экскурсии, но раз ты на это отважился, давай обниматься. Располагайся у меня, пожалуйста, брат мой, по-сибирски, без всяких церемоний. Отдохни немного, а потом, — чёрт побери! — по случаю твоего приезда, закрываю свою лавочку. И пустимся по Варшаве, я тебя отвезу ко всем нашим приятелям.

— Согласен! Согласен на всё, что ты задумал и запланировал.

Варшава, 15 августа

Из бронзовых колокольных сердец кафедрального собора, из бронзового лона колоколов соседних костёлов, плывёт высоко над городом, гармонично парит этот звон, призывая верующих к молитве.

Сегодня, 15 августа, праздник Зелёной¹¹ Богородицы.

Крестьянки охапками приносили букеты цветов, душистых трав, яблоки и колосья, — варшавяне охотно раскупали эти сельские освящённые букеты.

И весь город, а особенно улицы, близкие к костёлам, полны свежести, полны благоухания...

.....¹²

...И пошли мы по улице святого Яна.

Какая-то женщина легонько просунула маленькую ручку под мой локоть. Смотрю: оказывается, это пана Лесчинская, жена Юзефа Лесчинского, моего сотоварища по каторге в крепости Модлин¹³.

Улыбаясь, она говорит:

— Полковник вчера сообщил мне о вашем приезде. Я тут же послала телеграмму мужу, он через пару дней прибудет из Литвы по приветствовать и обнять вас. Узнав от полковника, что вы пошли в Фару, я побывала в двух костёлах, надеясь вас встретить и пригласить остановиться у меня. Дом женщины, как вы понимаете, менее приметен для полиции, чем магазин экс-конспиратора и экс-вояки Левандовского. Мы с Валенцием вынуждены были согласиться, что госпожа Лесчинская права.

Я принял её приглашение и перекочевал в гостеприимный дом жены Юзека.

Как бы там ни было, а тяга к весёлым встречам и щедрым пирам — вот что в Польше живёт от века и, наверное, никогда не переведётся.

«Великий Замысел» встретил меня в отеле «Виктория» дружелюбно. В атмосфере лёгкой шутки, угощений шампанским, которое шумно и пенисто разливалось по бокалам, — «Великий Замысел» провозглашал тосты. В честь быстрого моего возвращения в Варшаву (конечно, легально) и заверял меня, что «в Польше Шимон Токаржевский никогда не останется без хлеба».

Верю этим словам, ведь «Великий замысел» — огромная сила, которая держит в своих руках судьбы сотен тысяч несчастных и направляет их своей волей.

В 60-х годах эта сила обеспечила мне весьма полезные и доброжелательные связи.

Удастся ли и сейчас завязать такие отношения?... Надеюсь!

Обмен сердечными словами и бокалами шампанского в руках ни на кого не накладывает никаких обязательств... Между той,

прежней, эпохой и днём сегодняшним, между *вчера* и *сегодня* – время и обстоятельства проложили глубокую пропасть.

И всё же я полон надежд, что, возможно, и сейчас моё положение может измениться. Ведь всё, в конце концов, когда-нибудь заканчивается. Я побывал в довольно-таки тяжких передрыгах, и как-то выпутался. Так что и сейчас, если мне только позволено будет вернуться, при остатках здоровья, сил и энергии, какие удалось сохранить, удастся, если не полностью, то всё же выкарабкаться на вершину, или, по крайней мере, подняться со дна и ни для кого не быть «подстилкой»...

Сейчас взоры всех поляков под российской оккупацией обёрнуты к коронации. Так что, естественно, и я тоже обращаю свои надежды к тому же.

Сейчас я похож на обитателя Полярного круга.

На протяжении нескольких зимних месяцев в их арктической отчизне – не было видно солнца... Но уже с начала апреля, хотя они и понимают, что солнца ещё не видать, всё-таки выходят из своих ледовых жилищ и с тоской и надеждой вглядываются в ту сторону, где солнце может показаться...

А когда оно появится, с какой радостью они его встретят!

Пожалуй, уже пора, чтобы после девятнадцатилетнего ожидания солнце заглянуло и в моё окошко...

Варшава, 22 августа 1882г.

Моим прогулкам по сиреневому¹⁴ городу наступил конец...

Смело могу сказать, что, ступая по варшавским улицам, заглядывая в дома, где бывал раньше, – вновь пережил то время, что прошло после возвращения с первой каторги в Омске до третьего заключения в крепость и до третьего моего изгнания, то есть с 1857 до 1864гг.

Образы моих приятелей, – тех, что уже покоятся в гробах и тех, что вместе со мной вкушали горький хлеб изгнания, а также тех, кого судьба раскидала по разным сторонам земли, – все они встают передо мной, как живые.

Колорит моих воспоминаний той эпохи, – это приглушённый колорит Сибири, но теперь он вновь обретает живые, светлые, живописные краски.

Сперва я посетил дворик, обозначенный номером 941, который в 1857г. принадлежал г-же Эмили Госселин, – она, хотя и носила чужестранную фамилию, была, однако, пламенной патриоткой Польши и женщиной высокого полёта ума и твёрдости характера.

В этом дворике под каштанами, с маленьким цветником и несколькими фруктовыми деревьями, под руководством пани Эмили Госселин воспитывались барышни из богатых городских домов.

В этом дворике собирались «энтузиастки» во главе с Нарцисзой Жмиховской и Элеонорой Зиemiецкой, собирались также светлые и образованные умы, такие как Густав Эренберг, Генрих и Александр Краевские, Гervазий Гзовский, Опиенсцы, Траугут, Жулинский и множество других. А также самые решительно настроенные патриотические представители молодёжи, как проникнутый огненным темпераментом Владислав Краевский¹⁵, студент Медицинской Академии.

В этом дворике появлялась такая светлая личность, как ксёндз Бенвенутий, и ежедневно приходили просто гости, чтобы обсудить между собой всякие важные вопросы, разные задуманные проекты, и просто для обмена мыслями и чувствами.¹⁶

С панной Эмилией Госселин мы ездили в Ворки, к полковнику Петру Высоцкому, чтобы отвезти ему 2253 злотых, которые были собраны шляхтой Земли Петровской, стараниями пана Кжановского, владельца имения Шимчиц, для старого вояки Высоцкого.

Как укреплял нас в наших надеждах и намерениях возвышенный разум Высоцкого, его скромность, искренность и благородство духа!¹⁷

В 1864г., через пару недель после моего заключения, панна Госселин умерла. Дворик продали. Каштаны и фруктовые деревья засохли. Цветник превратился в свалку.

Теперешний владелец намерен домик снести.

Итак, от домика, в котором прошли прекраснейшие дни моей жизни, вскоре не останется и следа.

Невозможно представить, чтобы такая судьба грозила когда-либо дворцу Урусовых, где во время моего пребывания в Варшаве проживало семейство Ипполита Скимборовича. В их огромном салоне царили холод и королевская роскошь, и скажу прямо: королевская скука.

А, может, только я не умел прижиться в этом салоне?

Зато сердечная, милая непретенциозная атмосфера царила на собраниях у Голембовского на улице Долгой в доме г-ж Виежбовских и у Фелиции Панцер, в аллеях Иерусалимских.

У Оскара Станиславского бывало много государственных персон. Очень запомнился мне частый гость: граф Осолинский с его дочерью, весьма учёной женщиной, Вандой Томашевской, графиней Потоцкой.

Хорошо запомнил я и министра Тимовского, с двумя гребёнками, вколотыми в волосы. Эти гребёнки господина министра смешили меня донельзя. Никак не мог к ним привыкнуть.

Маленькая площадь перед Ресурсом никак не изменилась, всё такая же уютная и солнечная.

Здесь, в доме генерала Левинского, какое-то время жила писательница, автор книги «Язычницы».

Отсюда я направился на улицу Медовую к дворцу Грабовских. На «Медзогорье», то есть на пятом этаже, у Нарцизы Жмиховской, бывалолюдно и приятно. Никогда не увянет в моей памяти впечатление от мастерской игры Юлии Банковской. Так же живо маячит перед моими глазами картина, которую изобразил – импровизация! – юный, славный паренёк, художник Войцех Герсон. Скимборович выступает на ней в образе Мильтона, а также хмурый Бартошевич, слащавый Францкиевич, астроном Барановский, – все они тоже попали в эту картину.

Из-за приметной разницы во взглядах на общее политическое положение в нашей стране и на духовные чаяния нашего народа в ранее весьма согласном кружке гостей Нарцизы Жмиховской, возник разлад...

Мы, сибиряки, начали от этого кружка отдаляться... отдаляться... «Медзогорье», которое между собой называло друг друга «Монпарнас», по некоторым причинам переименовались «Монт Синай»...

Нашёл новую улицу «Брюла», на ней появились красивые железные ворота и ограда вместо дома, который замыкал улицу Ниецала со стороны Саксонского сада.

В этом ныне не существующем доме, раз в неделю у пани Криспины Стельмовской, во время дневного приёма две госпожи, в твёрдом разуме, утверждали, что все наши патриотические движения до

1830 года были политической ошибкой, может быть, даже глупостью, бредом разгорячённых, неразвитых мальчишеских умов...

Им оппонировала Нарциза Жмиховская, причём так горячо, что даже уронила на пол чашку, которую держала в руке... Послышался звон разбитого фарфора и бренчание упавшей ложечки, после чего в комнате воцарилась хмурая тишина... Обиженные дамы и те, кто в оклеветанных «движениях» потеряли самых близких людей, утирали слёзы... А кто-то громко выкрикнул:

– Фанариотки!

Обиженные схватили свои шляпки и, ни с кем не прощаясь, при всеобщем неодобрительном молчании, поспешно покинули дом пани Стельмовской.

* * *

Эмилия Госселин, учительница, целью всей своей жизни сделала утешение и помощь политическим заключённым и изгнанникам.

Когда в июне 1848 года нас вывозили в кибитках в Сибирь из ордонанцгауза около Саксонской площади, среди многих провожавших мы заметили молодую, симпатичную, плачущую женщину в чёрном, от которой конвойный офицер передал мне маленький, завернутый в клеёнку свёрток.

На первом же постое я положил его в чемодан и лишь в январе 1849-го в Усть-Каменогорске¹⁸ развернул.

В нём лежало душистое мыло, щётка для волос и красивый, очень густой гребень из слоновой кости. Этот гребень, слишком дорогой и слишком изысканный для каторжника, к тому же очень хрупкий, никак не свидетельствовал о практичности дарительницы.

И всё же я пользовался им, а когда он несколько загрязнился, на гладкой поверхности кости проступили микроскопические буквы: «Мужества вам, дорогие братья, Отчизна вас не забудет».

И это пожелание не было послано всуе.

В Очаире у Кжижановских¹⁹ мы нашли письма с подписью «незнакомая сестра Эмилия Госселин».

Эта переписка продолжалась во время всей моей омской каторги и во время ссылки.

Прибыв в Варшаву в 1857-м, я первым делом отправился к «незнакомой сестре».

Во дворе под каштанами хозяйка, Эмилия Госселин, и все её гости, приняли меня истинно по-братски. Она и натолкнула меня на мысль взяться за какое-нибудь ремесло.

Глянулась мне симпатичная физиономия Килинского, и – я стал сапожником.

Первую свою мастерскую после освобождения я устроил по соседству с двориком под каштанами, на улице, что сейчас зовётся Мировской.

Все мои клиентки были очень приличные женщины.

Вскоре мои изделия вошли в моду. Заказов у меня было множество, дамы присылали мне свои пожелания в надушенных записках, адресованных:

«Monsieur Simon de Tokarzewski»²⁰

Кареты подъезжали к моему скромному жилищу, так что тесная и узкая улочка аж гудела. Мои приятели потирали руки от радости; и я тоже был очень доволен плодами своих трудов.

Через год я переехал на улицу Тломацкую и над своей сапожной мастерской повесил вывеску:

Здесь можно найти обувь для женщин.

Вывеска получилась необычной и вызвала просто-таки сенсацию, что привлекло всё больше заказчиц.

На вопрос, почему на вывеске не написано, как водится, «магазин дамской обуви», я ответил:

– Так я и хотел, как написал: *для женщин*, потому что в нашем обществе я дам не вижу.

В моём скромном помещении за магазином, каждую субботу собирался тот же кружок женщин и мужчин, что во дворике под каштанами.

Часто нас посещали земляки из ближних и дальних окрестностей, чтобы поговорить и посоветоваться со «старой Сибирью», они приезжали специально в Варшаву.

Приезжал, например, Шимон Даровский²¹ из Кракова, нагружённый запрещёнными стихами, которые самолично переписывал, и

часто декламировал их под аккомпанемент скрипки, перемежая чтение прекрасным пением Каролины Фрибен.

Иногда появлялся у меня какой-нибудь посланец из-за границы.

Очень часто посещала меня по ночам полиция.

Но, поскольку я был чрезвычайно осторожен, самые придирчивые осмотры не приносили никаких результатов.

Только один раз комиссар удовлетворённо крикнул в моей комнате, вытягивая из-за печи свёрток каких-то бумаг, обвязанных шнурком.

Я весь похолодел...

Да кто же это мог у меня, без моего ведома, подбросить небезопасные бумаги? Хотя, – сколько бывало у меня и малознакомых любопытных...

При ближайшем рассмотрении оказалось, что свёрток – всего лишь подшивка «Комуналов», отвратительного чтива, которым возмущались все жители края.

Со временем наши постоянные еженедельные собрания должны были прекратиться.

Теперь мы сходились малыми группами и в других местах, чтобы посоветоваться при необходимости.

С каждым днём убывал кто-нибудь из нашего кружка.

Кого-то арестовывали и помещали в крепости или в Павиак... Кого-то увозили в Россию.

Я сам, как ответственный редактор «Стражницы», тоже некоторое время отбывал ссылку в Рязани²².

А когда вернулся, – Варшава жила как на вулкане.

Пока жар тлел только внутри, – но *уже* ощущалось, что кратер взорвётся вскоре и на польской земле вспыхнет пожар и кровь прольётся рекой.

Те, кто постарше, поспокойнее и поосторожнее, с тревогой ждали взрыва, теща себя надеждой, что его ещё удастся предотвратить, или по крайней мере отсрочить!...

Молодёжь же, у которой кровь так и кипела, напротив, только и спрашивала:

– Когда? Разве ещё не время?...

В конце концов, начальник гражданской рады, г-н маркграф Виелопольский, объявил рекрутский набор, на что двадцать одна

тысяча призванной в польское войско молодёжи ответила, выкрикнув единогласно:

– Время настало!

И ушла в леса...

И вспыхнуло восстание...

Каждый, кто видел и внимательно следил за ходом событий, кто сам в них участвовал, имеет все основания считать, что, если бы не этот «рекрутский набор», не было бы в наших деяниях после разделов Польши таких кровавых страниц, как в 1863 и 1864 гг.

Варшава, сентябрь

– Знаете, что я скажу вам, мой дорогой, – обратилась ко мне госпожа Лесчинская, – не больше – не меньше, всего лишь предлагаю вам погостить у меня до утра.

– Ожидается обыск? Полиция напала на мой след?²³

– Да оборони Бог, не говорите так в недобрый час! Дело вот в чём: сегодня вечером у нас впервые после каникул собрание молодёжи. Это уже хорошо, что каждый месяц здесь собирается молодёжь: студенты университета, ученики и ученицы старших классов гимназии и пансионов. Декламируют, импровизируют. Музицируют, поют. А стержень этих собраний – взаимное познание и понимание молодёжи друг друга.²⁴ И притом, знаете ли, всякие разговоры, реплики, дискуссии...

– Так это же очень интересно, страшно любопытно... Хотел бы я их послушать! Молодёжь – будущее любого народа.

– Несомненно. Только... как бы это устроить? Вам же не пристало быть анонимным участником собрания. Надо вас переименовать. Хотя – тоже рискованно. Молодёжь в нашем доме много о вас слышала и ваши портретики прекрасно знает – у многих они в альбомах или висят на стене...

Понимаете, если кто-нибудь вас узнает и невольно выдаст...

– А если бы я остался невидимым слушателем разговоров и дискуссий?

– Прекрасная мысль, надо это как-то придумать...

Большая комната с трёх окон, освещённая ветвистым жиран-долом *a giorno*²⁵, кресла стоят вдоль стен, пианино открыто, всё вместе представляет собой как бы танцевальный зал, чтобы «в

случае чего» показалось бы, что молодёжь просто собралась на танцы.

Юноши все в мундирах, барышни в светлых платьях с букетиками у пояса и бантами в распущенных волосах.

Только несколько девиц постарше одеты в тёмно-коричневые гимназические платья с чёрными передниками, и волосы у них зачёсаны гладко.

Между ними своей простотой выделяется статная, высокая благопристойная блондинка, которая среди одной группы молодёжи явно занимает видное место. Зовут её Станислава М.²⁶

В соседнем кабинете, за ширмой, вплотную около шкафа, меня усадили таким образом, что в большом зеркале я прекрасно видел, что делается в зале. Кабинет был не освещён, так что вряд ли кто из гостей сюда зайдёт... К тому же у дверей на страже уселась приятельница семьи Лесчинских почтенная пана Валерия Матыньская.

Из долетавших до моих ушей разговоров я узнал, что сейчас выступит студент Варшавского университета.

Станислава М. готовит аудиторию. Она просит особого внимания, так как, говорит она, «товарищ» провёл каникулы в Швейцарии, где имел возможность узнать всех лидеров «нашей партии» и многих выдающихся её членов, и многократно беседовал с ними.

Эта «наша партия» особо меня заинтересовала, я слушал очень внимательно.

Студент университета стал так, что канделябр как раз освещал его благообразную голову.

Начал говорить.

Начал с того, какое притеснение терпят холопы у «шляхтичей, под гнётом коих стонет столько миллионов людей столько веков», потом перешёл к «привилегированным классам, которые ужасающе притесняют рабочие классы». И далее говорит: эти притеснённые, эти угнетённые тянут к нам свои руки, ожидая помощи и спасения от гнёта. И не напрасно. «Мы не мечтатели тридцатых годов, мы не вояки 63-го года, мы члены одного, великого народа, более несчастного, чем вся Польша, мы члены народа пролетарского. Мы не говорим “*да здравствует!*” и никакому другому народу не кричим “*pereat*”²⁷, мы знаем только один лозунг: “Да здравствует пролетариат всего мира!”».

Выступающий – очень красивый брюнет с яркими розовыми губами, притом отменно эlegantный. Модуляции его голоса искусны, говорит он звонко, но – холодно. Принимает живописные позы, умеренно, но выразительно жестикулирует.

Видимо, он очаровал часть аудитории, ведь он не только шляхтич, но ещё и граф, так что, когда он закончил, прозвучали возгласы: – Мирабо! Мирабо! Bravo! Bravo!

Новоявленный Мирабо подкручивает усики, благодарно улыбается, и, видимо, очень собой доволен – хотя, по правде, говорил он вещи известные, повторял фразы, уже озвученные на трибунах и в газетах многократно, – и из его выступления было видно, что он только передатчик чужих идей, но не горячий их поклонник и не страстный их пропагандист.

– Юлек, скажи Стасе, что сейчас ты будешь выступать, – предложила своему брату²⁸ одна из барышень.

– Отстань! Какого лешего! Мне не нужна ни её протекция, ни её разрешение. У меня здесь такие же права, как и у неё, – проворчал в ответ сестре студент, на вид очень юный.

Он стал на то же место, где выступал «Мирабо», и начал:

– Только что из уст коллеги, – называет имя, – мы слышали, что притеснённые и угнетённые классы протягивают руки к организации «Пролетариат» в поисках поддержки, освобождения от гнёта, счастья.

Но разве освобождение, или счастье, они когда-нибудь получают от вас?... Что, ваша организация может их раздавать по своему вкусу и воле? Известно:

*Этот мир для каждого лишь вечная Голгофа,
Напрасны метания ваших душ,
Измученные жаждой лучшей жизни,
Здесь и средь нас
Ей места нет.*

То ли вы не знаете слов Зигмунтовича, не понимаете их, то ли совсем отвергли идеи христианства? Вы признаёте только голод по хлебу, других надежд, другого голода – нет!... Вы вычеркнули из вашей программы все возвышенные стремления, все взлёты души

ввысь. На знамёнах вашей организации написано: «Равенство», но вы лишь стремитесь огнём и кровью уравнивать все касты... «Отнимая у людей небо, земли вы им дать не можете».

О прошлом нашего народа большинство из вас знает только то, чему вас научил Иловайский. Это объяснимо и до известной степени простительно. Но почему на это прошлое вы обрушиваетесь с проклятиями, клеветой, оскорблениями и ненавистью, как на зловонные и омерзительные отбросы? Разве можно осуждать то, чего не знаешь?...

Тому, кто не знает истории, трудно поверить, что там, где сейчас руины, ещё недавно стояли полезные и красивые строения... Или незнающие прошлого считают, что наши предки умели ставить только убогие мазанки, что не способны были построить нечто прочное и прекрасное?... Именно такие неосведомлённые злоречиво и униЗИтельно отворачиваются от наших развалин, не пытаясь к ним присмотреться, более того, пытаются разрушить то, что ещё осталось. Или вы надеетесь, что из этих кирпичей, которые вы сносите, вам удастся построить прочные здания, в которых поместятся все те земные счастливости, и вся доброта, что вы обещаете вашим адептам?...

Позволю себе усомниться.

*Из гроба взойди воскресшим восходом,
Стань, человек, ты даром небесного свода,
Стань сверхтворением – плодом сверхволи,
Стань все терпением – сестрою недоли,
Что зданье своё неспеша поднимает.
Стань пораженьем, чьи цели далёки
Тем, чьи победы свершатся навеки!
Спокойствием стань ты средь бурь непокоя,
В хаосе – мерой, порядком в раздразе,
Стань вечной красой в вечной жизненной схватке!
И только для подлых, для Фарисеев
Угрозою стань, гневом, либо молчаньем!
И берегись союза с притворством,
Для всех же иных стань ангельским вздохом,
Стань подкрепленьем, что всех оживляет,
Стань сестринской слезой, коль их сломит несчастье,
Стань голосом мужа, коль мужество слабеет.*

*Изгнанникам из дому стань же ты домом,
Тем, кто отчаялся, стань ты надеждой,
Чья совесть уснула – ударь таких громом!*

.....

*В беспрестанном примере и образном слове
Раздай сам себя твоим братьям по духу!
И множишь те дела, что тебя пережить в состоянии,
И вместо тебя одного – поднимутся тысячи!*

.....

*И если болеешь, ты боли не чувствуй, она перестанет!
Порывы души твоей будут понятны народу,
Коль станешь ты чудом, венчающим небо с землёю.*

.....

– Вот по какой программе мы, «народники», желаем жить и работать... Разве такая программа несёт угрозу какому-нибудь народу или его господам? Разве она обещает угнетать или притеснять какие-нибудь касты? Разве призывает рушить и уничтожать? Нет!... И во веки веков она останется гордостью нашего народа, ибо этот идеал рождён душой Поляка.

Студент говорил с воодушевлением, декламировал увлечённо, без позы и аффектации.

Голос его был проникнут чувством, в его словах слышалась сила убеждённости... На лице появился румянец, очи пылали от возбуждения.

В зале – волнение.

«Мирабо» поглядывает хмурым взором.

Саркастическая усмешка кривит его губы.

– Этот господин объяснил нам польскую душу, – говорит он, пытаюсь заглушить говор в зале, – мы узнали, что «народники» заимствуют свою программу у поэтов.

– Увенчайте поэтов розами, и выведите их за пределы государства, – советует Платон, – гордясь своей эрудицией, воскликнула одна из девиц в тёмных платьях, одна из тех, из коих появятся фаланги псевдомучениц, псевдофилантропов и псевдодеятельниц.

– Товарищи! Ответьте этому господину! – призывали несколько голосов.

«Мирабо» отрицательно покачал головой:

– Не стоит! Пока что мы на дружеском собрании, а не на заседании партии. Мы ещё не раз встретимся, и в более подходящем месте, в более подходящее время, скрестим шпаги с этим господином.

– Это сгодится в любое время и в любом месте, – повернулся к «Мирабо» Юлиан. И, уже обращаясь к своим, сказал:

– Я всегда утверждал и буду утверждать, что самое важное удержаться от разжигания дурных инстинктов в душах простаков. Зачем обещать людям, что «земля будет принадлежать тем, кто её обрабатывает»? Зачем людям обещать груши на вербах, если они там никогда не росли и никогда не вырастут.

Молодёжь поделилась на группы.

Большую часть составляют «народники».

После этих двух выступлений воцарилось просто очень оживлённое дружеское общение.

* * *

Тем временем мысли мои унеслись на двадцать лет назад, и летят в Лежно, к дому «под оленёнком» – вблизи от улицы Солней.

Здесь в 1860-61гг. в квартире Яна Клечинского²⁹ сходились его коллеги из Реальной Школы, и на своих собраниях эти юнцы «сотрясали земные основы» и «состязались в силе своих намерений».

И хозяин квартиры, и его коллеги, при всём их горячем патриотизме и энтузиазме и восхищении перед наукой, направленной на всё доброе и прекрасное, не были богаты деньгами. Так что каждый из участников приносил с собой сардельки, булки и прочую снедь, которую потом поедали все вместе. Зимой, в морозную пору, под пальто «на рыбьем меху», приносили дрова для растопки печи.

Дельная была молодёжь. И дельные из неё получились люди.

В моих воспоминаниях постоянно всплывает образ одного паренька из этого кружка, о котором я был наслышан.

Звали его Владислав Грабовский, обладал он выдающимися способностями и волей твёрже стали.

Не имея никаких средств на какой-либо транспорт, Владислав Грабовский пешком добрался до Пулав, где 12 октября 1862г. как раз был открыт Политехнический институт. Сдал он экзамены, посещал лекции, помогал другим, желающим стать студентами

политеха, готовил их к экзаменам. Собранные таким образом, своим трудом, 200 злотых послал матери, а сам вынужден был от посещения лекций отказаться.

В 1863г. примкнул к восстанию и сгинул без вести.

* * *

Пана Колонна Валевская³⁰ сообщает нам привезённые из-за границы вести, что коронационный манифест коснётся всех политических преступников, кроме ксёндзов и так называемых жандармских арестантов.

— Важная новость, нужно её передать прежде всего по России и Сибири, и разослать угнетённым изгнанникам — пусть порадуются. Тогда и перестанут подавать просьбы об освобождении — говорит Валенций Левандовский.³¹

Я выразил благодарность нескольким господам, которые заранее подавали сменяющимся генерал-губернаторам просьбы о моём возвращении.

— Дорогой мой, не отягощайте сердце благодарностями, — ответила пана Елена Домашевская, — потому что от этих просьб было мало толку. Вот как происходило в сороковых годах, когда началась ваша деятельность во времена наместника Паскевича. Просьбы, которые попадали в его канцелярию, не приводили ни к чему. Если кто-то хотел добиться облегчения судьбы или освобождения политического заключённого, он мог надеяться только на аудиенцию у наместника Паскевича, графа Эриванского и князя Варшавского в бывшем королевском дворце, где он принимал посетителей. В этом зале был раскинут шатёр, в котором Паскевич отдыхал в Эривани. Этот шатёр и всё убранство зала должны были впечатлить просителя и напомнить, что принимает его богатырь, многократно отличившийся на поле брани и на дипломатическом поприще. Для аудиенции князь Паскевич одевал фельдмаршальский мундир. От его туловища исходило просто-таки ослепительное сияние бриллиантовых орденов. Принимал стоя, левой рукой опираясь на ампирный стол красного дерева на ножках в виде золочёных грифов, заставленном картами и кипами бумаг. Аудиенции давал неохотно и очень редко, но если соглашался, надо признать, что для просителей, особенно для женщин

старых аристократических фамилий, сохранял даже некоторую приятность.

— В чём провинился, за что осуждён? — спрашивал Паскевич. Именно после этого начиналась для просителя настоящая пытка. Князь как бы опасался сказать больше, чем надо, чтобы каким-нибудь необдуманным или лишним словом не ввергнуть «уважаемого» им заключённого в ещё более тяжкую судьбу, чтобы не помешать и не спутать его признания.

А вскоре после такого пролога фельдмаршал начинал сокрушаться по поводу неблагодарности и неверности Польши:

— Во всяком случае, не кто иной, как «Воскреситель» своей монаршей рукой милостиво написал *«Польское Королевство»* на карте Европы, с которой само название Польши уже было вычеркнуто и стёрто... Ведь сами поляки на транспарантах изображали гроб, из которого «Воскреситель» выводит Сарматов. И всё это было так недавно!

Подобную речь нужно было слушать стоя, с напряжённым вниманием, потому что наместник быстрым взглядом окидывал лицо собеседника, пока не замечал на нём следов скуки или нетерпения. И, наконец, завершал:

— Вы, поляки, прирождённые возмутители спокойствия и мятежники. Даже ваши собственные выборные короли не могли удержать вас в пристойных границах! Разве не так? Согласитесь сами, пани. Теперь допустим, допустим... что для дорогого для паны заключённого я бы мог что-нибудь сделать... Но я уверен, что... что как только его освободят, он снова начнёт чинить заговоры, ибо: *«qui a bu, — boira, c'est incontestable»*³².

Таков бывал обычный эпилог на аудиенциях у князя фельдмаршала, наместника Паскевича.

Притом, в бывшем королевском дворце, в зале аудиенций, с просителями, как бы там ни было, обходились весьма вежливо.

Зато в высшей степени грубо обходился с общественностью варшавский полицмейстер той поры Абрамович.

Каждый шляхтич, прибывавший в Варшаву, хотя бы на один день, должен был регистрироваться в ратуше, не раз часами ожидая приёма в канцелярии. Абрамович спрашивал приезжего: откуда прибыл?... зачем?... как долго собирается оставаться

в Варшаве?... где или у кого остановится во время пребывания в городе?

На все вопросы господина полицмейстера Абрамовича надлежало отвечать возможно короче, а на вопрос, где собираешься остановиться в городе, не дай Бог, что-нибудь напутать.

Ещё грубее были те, кто держал в своих руках судьбы тысяч арестованных политических заключённых.

Члены следственной комиссии Стороженко, Лейхте, Сиянов, Жучковский, Блюменфельд, Босакиевич, Квиечинский, позднее хозяйничали в королевских дворцах в Варшаве.

Каждое посещение крепости даже в интересах заключённых, превращалось в цепь унижений и страданий, подобных Голгофе.

Дружественность, сердечность, настоящее непоказное сочувствие слезам, добрый совет, куда обратить свои усилия, можно было встретить в этой крепости только в доме коменданта, генерала Симонича и его прекрасных дочерей.

Одна из этих милых барышень вышла замуж за грека, генерала российской армии Маурусова. Её встретил в Литве Юзеф Лесчинский, где ей принадлежали обширные имения в окрестностях Лиды.

Красивая и величественная, она не забыла, однако, крепость; помнила имена многих заключённых, любила рассказывать, какие настоящие баталии приходилось отцу вести с дочками, которые гневно требовали для заключённых всяких послаблений, просто невыполнимых или не зависящих от отца, коменданта крепости.

В какой бы стране ни находилась сейчас дочка коменданта Симонича, в замужестве генеральша Маурусова, – в ту минуту, когда я пишу эти слова, сердце моё помнит её и полно наилучших пожеланий и благодарностей.

После подобных воспоминаний, которые даже после многих лет не перестают причинять моральные страдания, от того, что над политическими заключёнными более всего измывались собственные чиновники, то есть поляки, в моём воображении всплывает хоровод ведьмовских обликов моих бывших мучителей.

– Брысь! Ну-ка, брысь! – пытаюсь отогнать зловредных видмаков, чтобы они не омрачали благие мгновения, что я провожу среди верных друзей в любимой Варшаве.

* * *

У меня завелось новое приятное знакомство, я даже сказал бы приязнь, с семейством Лужичан: со знаменитым лужицким патриотом Яном Смоларом и его женой Эрнестиной Смолар.

Лужицкие сербы, или лужичане, при немцах звались вендами, и хоть с одиннадцатого столетия утратили независимость, хотя со всех сторон были окружены и притеснены немцами, врагами даже из славянских соплеменников – они сумели сохранить свою народность. Очагами народного движения являются города: Будышин и Хоцебуж. Основной своей заботой лужицкие патриоты считали деятельность по сохранению и развитию народного языка и литературы.

В сороковых годах³³ основали «Лужицкую колыбель», цель которой состояла в издании популярных книг и периодических изданий, с распространением их среди читателей.

Сперва свои издания печатали в немецких типографиях, что было связано с большими трудностями и расходами, а читателей набиралось всё больше.

Состоятельные и образованные лужичане не жалеют средств и не боятся трудностей, когда речь идёт об образовании, так что часть периодики раздают бесплатно.

В 1881г. Юзеф Игнатий Крашевский основал некий фонд для подготовки молодёжи к служению отечеству.

Альфонс Парчевский³⁴, адвокат и присяжный из Калиша, основал «Товарищество научной помощи для обучающихся лужичан».

Одной из основных целей Товарищества было издание книг и подготовка народных учителей, чтобы такие важные опоры, как школа и костёл, не были захвачены немцами, что грозило полным вырождением народа.

Благородная, патриотическая цель, мудрый устав «Товарищества» требовали для своего развития крупных сумм, которые трудно было найти на месте.

Юзеф Игнатий Крашевский посоветовал ксёндзу Михаилу Горнику и Яну Смолару, вице-президенту «Товарищества», обратиться за помощью к братскому народу, к полякам.

И тогда Ян Смолар приехал в Варшаву и пребывал в ней почти целый год.

Делом лужичан занимались такие выдающиеся личности, как доктор медицины Титус Халубиньский, редактор «Иллюстрированного еженедельника», Людвиг Йенике, редактор «Путешественника», Филипп Сулимиерский и многие другие.

Щедро поступали взносы в пользу «Товарищества помощи обучающимся лужичанам».

С семейством Смоларов я познакомился в доме Лесчинских, где обычно проводил воскресные и праздничные дни.

Юзеф Смолар, высокий, сухощавый, бледный, с благородными чертами лица, высоким лбом и седыми волосами, был похож на аскета.

Спокойный, молчаливый, задумчивый, он оживлялся, как только затрагивался вопрос о нации и просвещении лужичан. Он тут же оживлялся, становился разговорчивым.

— Мы, лужичане, — говорил он, — с просьбой о помощи обратились прежде всего к польскому народу, потому что он родственнее нам, чем все прочие славянские племена ещё со времён Болеслава Храброго, который владел лужицкой страной и в Будышине вступил в брак с дочерью нашего Добромира. Вильгельм Богуславский в своей книжке³⁵ пишет: «Болеслав Великий явился и захватил сербо-лужицкий край. Это завоевание порвало узы, что связывали лужицкий народ с немецким королевством. Таким образом, поляки удержались на средней Лабее, и, если не освободили проживающих там славян от немецкого ига, то хотя бы часть их поставила в такое положение, что стремление немцев уничтожить славянские народы было пресечено». И как свидетельствует история, древние поляки помогли нам, чтобы мы, лужичане, остались славянами. И потому, в тяжёлом нашем положении, посреди врагов, мы обращаемся к вам, братья, и просим, чтобы вы помогли нам и впредь оставаться славянами. Ибо поляки и лужицкие сербы, ненадолго объединённые под рукой короля Болеслава Великого, сроднились навсегда славянской мыслью и душой.³⁶

Пусть же надежда никогда не покинет наших побратимов!

Пана Эрнестина Смолар, хотя по уровню образования и отставала от своего мужа, но всем сердцем поддерживала его патристические и высокие цели, и во всём была с ним согласна.

Уже за Уралом получил известие от Яна Смолара, что он ездил в Петербург... Но радужные надежды на сочувствие России к славянской солидарности... очень, очень сильно поблекли.

* * *

Мы сидели на веранде кондитерской Лоурса.

Как легко убедить человека в том, чего он сам горячо желает. Так и в меня приятели вселили уверенность, что через несколько месяцев я смогу окончательно вернуться в Польшу.

Эта счастливая уверенность, новые горизонты, новые надежды возникли передо мной.

Обычный наш кружок пополнил родич Юзефа Лесчинского: Мариан Завиша, из шляхты старого пошиба.

Уже немолодой, но щеголь, невысокий и крепкий, он страстно любил танцы и особенно мазурку. Знакомые придумали ему прозвище «Суматоха».

В Земле Равской он обладал прекрасным имением Садковице, где на свои собственные средства «без ничьей помощи», как он говорил, строил костёл³⁷.

И в самом деле, хотя была пора сева, Завиша приехал в Варшаву посовещаться с архитектором, позолотчиком и целой стаей разных ремесленников.

Эти совещания занимали все его дни. Вечерами он приходит к семье Юзефа Лесчинского, чтобы, как он выражается: «окунуться в лоно родни».

Обычно пан Завиша бывает блистательно остроумен. Как из рога изобилия сыплются анекдоты, всегда полные юмора, иногда щекотливые, хотя надо признать, что пан Мариан очень умело облекал их в «шёлковые вуали».

В этот вечер он очень остроумно рассказывал, как переживал из-за оперы Манюшко, «Галька», представленной в Варшаве.

— И что же этот негодяй Владимир Вольский придумал такое паскудное либретто к этой чудной музыке! И как подумаешь, что это так и останется на веки веков! Я сам охотно кормил бы досыта этого господина Владимира, да ещё прилично одевал бы во время создания либретто к опере Манюшко, да ещё щедро бы заплатил, но только за другую фабулу...

Во время разговоров Завиша всё время жестом подзывал гарсона³⁸ и велит принести: то коробку конфет, то блюдо пирожных.

— Раз мы так долго занимаем место в кондитерской, — объясняет он друзьям свой «закупочный раж», — хозяин должен же получить от нас какую-то выгоду.

От остроумных анекдотов рассказчик легко переходит к лирическим воспоминаниям.

Повествует, как в году 1869-м во Флоренции, истинной столице Италии, прогуливаясь по королевскому парку, увидел издали короля Виктора Эммануила. Подошёл к нему и представился, как польский шляхтич, сестра которого вышла замуж за Швидзинского, а поскольку мать Франциски Красинской, королевской «королевы» была тоже Швидзинская... поэтому некоторые старые шляхетские польские фамилии находятся в кровном родстве с домом Сабандзким...

И пока он, Мариан Завиша, объяснял всё это, ссылаясь на документы, королю, тот слушал очень внимательно, — не прерывал его и не возражал, в общем, прислушивался к нему очень милостиво. А потом велел представить себе всю компанию, что пришла вместе с Завишей посетить королевский парк, — компания состояла исключительно из старой доброй шляхты. И со всеми король Эммануил держался запанибрата и всех угостил вином в какой-то беседке, и предлагал тосты за прекрасных полячек (а среди прочих присутствовало и несколько польских красавиц), и так же желал Польше успеха и удачи.

Мариан Завиша растрогался до слёз, рассказывая это происшествие, которое свидетельствовало о популярности «*del re galantuomo*»³⁹.

И в то время, как возникла коротенькая пауза в разговоре — слышу, что кто-то позади меня тихо два раза позвал:

— Пан Шимон Токаржевский! — но никто ко мне не подходит.

Понял!... Какой-то шпиик выследил меня, но не уверен, что это я, и хочет проверить мои документы... Если обернусь, он сможет убедиться.

Сажу, как на раскалённых углях, и будто чувствую, как меня насквозь прокалывают словно стилеты шпииковские взгляды. Но всё же разговор продолжаю спокойно, смеюсь, держу себя весьма раскованно.

Я погиб — что и говорить! На этот раз не выпутаться мне из силков... Это точно!

Моё единственное желание сейчас — вырваться с этой веранды и уйти, чтобы своим присутствием не скомпрометировать и не привлечь к ответственности моих приятелей.

Полковник Валенций Левандовский невольно облегчает мне выход из этой тягостной ситуации, напомнив, что сегодня суббота.

Два раза в месяц, по субботам, происходят мужские собрания у Александра Краевского на улице Обожней.

Срываясь с места и чуть не расталкивая товарищей, выбегаю на площадь перед отелем «Европейский». Сажусь в дрожки и велю везти меня на аллею Уездовскую.

Уже десятый час.

В Новом Городе большая часть магазинов уже закрыта. Прохожих очень мало.

В Аллеях Уездовских — пусто.

При свете газовых фонарей вижу местами на скамейках прижимающиеся друг другу, очевидно, влюблённые пары.

Всё время — впечатление, что следом за моей коляской дребезжат другие дрожки.

Могу поклясться, что тут же, за мной следом, слышу топот усталой извозчицей клячи.

Я уверен, что шпиик меня настигает.

Я уверен, что если сойду, он велит меня арестовать и повезёт в ратушу, или в Павиак.

— Пан, уже конец Аллеи, — говорит сидящий на козлах извозчик, поворачиваясь ко мне, — вот уже и Бельведер.

— Бельведер... — повторяю как эхо.

— Может, пан хочет доехать до рогаток, или даже за рогатки?

— Нет, сойду, — отвечаю после мгновенного раздумья, и схожу, не измыслив никакого плана, куда себя деть...

Так! Я не ошибся: шаг в шаг за мной едут дрожки. В которых два человека — мужчина и женщина.

Догадываюсь!

Шпиик взял с собой компаньонку, чтобы отвести от себя моё внимание и подозрение, чтобы придать преследованию вид романтической прогулки.

Схожу с дороги в аллею. Они тоже поворачивают.
Я направляюсь к городу – они тоже к городу, нога в ногу, точно за мной.

А кругом – совершенно пусто. Только к Лазиянкам галопом несутся две открытые кареты, в них офицеры лейб-гвардии Гродненского полка.

Кругом – тихие окрестности, освещённые серебристым светом нового месяца.

Левую сторону Аллеи занимает летний военный обоз.

Белые шатры обоза похожи на юрты кочевников. Обоз уже погрузился в сон. Местами что-то мерцает – как искра, или крылышко пролетающего светляка, – это острие штыка стражника.

Посреди Аллеи, – на серебристом фоне контур силуэта, это фигура городского. А *те* медленно-медленно всё едут и едут за мной.

Вдали смутно светятся окна Уездной больницы.

С первого этажа особнячка на углу улицы Пиенкней сияет лунное освещение.

Фортепиано и виолончель вторят тенору, поющему какую-то итальянскую песню, мелодичные строфы которой доносятся ко мне через венецианское окно и кружевные занавесы, и сникают в тишине Уездной площади и Аллеи.

Из светлого круга я повернул налево и пошёл по мрачным улицам Вильчей, Мокотовской, Брацкой, и так дошёл до Нового Города.

Остановился на углу.

Преследовавший меня шпик, наверное, потерял след, – дрожки с той парой исчезли.

С улицы Обушной на Краковское Предместье направлялась компания из нескольких мужчин.

Я их узнал. Это мои знакомые, приятели, а некогда товарищи по каторге, экс-изгнанники. Они возвращаются, видно, с вечеринки у Александра Краевского.

Впереди всех идут Плут⁴⁰, Булгаровский, Пиуро, Александр Родкевич, Антоний Валецкий, Володий Скиба⁴¹.

Останавливаются на минуту, чтобы закончить разговор и расходятся в разные стороны по городу.

Я уверен, что каждый из них, не задумываясь, что потом с ним случится, пригласил бы меня ночевать в свой дом.

Но я-то как раз этого не желаю... Не хочу навлечь на своих приятелей тяжкую ответственность.

– Если мне суждено погибнуть, – погибну один! – решаю, стоя в укрытии каких-то ворот, так что никто из прохожих и моих приятелей меня не заметит.

Прошли мимо...

Тем временем к Венскому дворцу подъехала карета и отельный омнибус...

Тут же мелькнула счастливая мысль...

Вскакиваю во встречные дрожки и следом за омнибусом и каретой подъезжаю к отелю, как будто бы приезжий, только что прибывший в Варшаву. В отеле можно переночевать. Здесь уж ни на кого не падёт ответственность за моё сокрытие и мой ночлег...

Я не так уж молод, прилично одет, не будет никаких подозрений. А, поскольку далеко за полночь, а я страшно устал и возбуждён, сразу же валюсь на кровать, служащие не спрашивают ни моего имени, ни документов, тем более, я слуге дал двадцатипятирублёвую банкноту и попросил, чтобы он мне её разменял и принёс утром вместе с чаем.

Я лежал недвижимый и не мог уснуть.

А часы всё шли, я считал их, силясь освоиться с мыслью, что это последние часы, последние часы, последние четверти часа, которые я провожу на свободе.

Шпик, конечно же, уже забил тревогу в ратуше.

Может, в эту минуту полиция начнёт досмотры в домах и во всех отелях...⁴²

Может, через минуту меня арестуют и доставят в крепость.

О, как быстро оправдались опасения каноника Рогожинского!

Зачем я не прислушался к мудрому совету друга?...

Зачем?...

Зачем я выполнил замысел, на самом деле, неразумно недостижимый?

Зачем?...

Ах! Потому что тоска по Отчизне так меня измучила, так разрывала душу, жгла, так что рассудок и осторожность и все прочие чувства затмились...

Но разве тот, кто меня преследует и разоблачит, разве такой человек способен понять и сочувствовать моей тоске по родной Земле?

Нет, он обвинит меня в том, что я вернулся на родину в целях заговора. И обвинит тем обоснованнее, что социалистическое движение, начатое Людвигом Варынским, с 1876г. развивалось у нас всё активнее...

Я опасаясь разительной неожиданности, опасаясь удара грома, который, конечно же, уничтожит меня.

Последние следы моей энергии ослабевают, душой моей овладело ощущение одиночества, опустения, отверженности.

В конце концов, в моём воспалённом мозгу мысли смешиваются... Впадаю в состояние полной прострации...

В укрепляющем, хоть и недолгом, сне, жгучая тревога во мне улеглась. Я начал корить себя за свою вчерашнюю трусость. Погожий солнечный день окончательно успокаивает мои вчерашние опасения.

Действительность – вот она передо мной, освободившаяся от мглы...

Решаю покинуть Варшаву первым же поездом, который пойдёт на Кострому, и уже с дороги оповестить приятелей о моих опасениях и похождениях.

Сейчас я спокойнее, чем вчера. Я решился мужественно принять все стрелы, которые судьба припасла для меня в своём колчане, – однако, выходя из комнаты, подозрительно всматриваюсь вглубь отельного коридора.

И за спиной слышу тихий женский голос:

– Пан Шимон Токаржевский из Галича?

На первом этаже кто-то преграждает мне путь сбоку...

Я не дрогнул, но и не остановился...

И тут чёрная, одетая с траур фигура протягивает руки ко мне, деликатно пожимает мне руку и милый девичий голосок спрашивает:

– Вы меня на самом деле не узнаете, или не хотите узнавать?

Таинственная особа откидывает траурный креп с лица и с изумлением вижу, – знакомая из Галича.

– Вы пани Анна Петровна, – вскрикнул я, – вы в трауре, и по ком?

– По матери, – ответила девица, и слёзы полились у неё из глаз.

– Вот беда! – отвечаю с искренним сочувствием. – Что вы делаете в Варшаве? С кем приехали и по каким делам?

– Приехала одна. Приехала для заработка. После смерти матери у меня не было никаких надежд на какое-либо наследство. Вы знаете Галич и представляете, что там трудно даже надеяться найти какую-нибудь работу. В Варшаве, как я слышала, нетрудно обучать русскому языку. Я закончила институт в Москве, у меня есть диплом... Вот я и приехала поискать уроки. Знакомых у меня нет, и я остановилась в отеле... А вчера вечером я вас видела на веранде у Лоурса, и так обрадовалась! Но вы были в интимной приятельской компании, и потому я не решилась подойти...

– И, – смеясь, прервал я, – два раза окликнули меня: «Пан Шимон Токаржевский». Так?

– Да, именно так.

– И, как Бог свят, пани нагнала на меня такой страх, что не передать! – смеялся я, ошастливленный тем, что целое построение моих подозрений о шпике и слежке, вплоть до ареста, рушится в этот миг. Я вновь чувствовал себя спокойно в любимой Варшаве.

Знакомая, которую я встретил, Анна Петровна, хоть и россиянка, но досконально владеет польским языком.

Пару лет назад в Галиче мы жили в одном доме, и они, наши соседки, покорённые игрой на скрипке каноника Рогожинского, познакомились с нами, хотя в начале мы не очень к этому стремились.

Со временем наши связи укрепились, потому что мать Анны Петровны, добрейшее создание, сердечно сочувствовала нашей доле, вернее, нашей доле, изгнанников, и тем тронула наши сердца, что ещё закрепились тем, что Анна с увлечением училась говорить по-польски, изучала историю нашего народа, читала нашу литературу и поэзию.

Как умел, я пытался утешить плачущую бедняжку.

– Мои знакомые позаботятся о вас и укажут посреднические конторы по подысканию уроков русского языка. Буду очень рад, если такие уроки будет вести с нашей молодёжью особа, преданная Польше.

– Только, – засмеялся я, когда мы ехали к Лесчинским, – только на улице не произноси, пани, моего имени и фамилии. Оборони Бог от такого!

– Иисус! Мария! А почему?

– Потому что в Варшаве я это не я.

– ?

– Пани не понимает? Ну, тогда пока уймите своё любопытство, потому что разгадку узнаете не ранее, чем я окажусь в Костроме. А пока, – ша!

Тем не менее, мой несколькихчасовой страх, даже беспочвенный, был для меня предостережением, что не следует перетягивать струну, – что моё нелегальное бытование в Варшаве, бытование без паспорта, слишком затянулось, и, в конце концов, может стать небезопасным и для меня, и для моих приятелей...

* * *

Стоит на Урале столб, увенчанный двумя таблицами.
На одной из них надпись:

Европа.

На таблице с обратной стороны другая надпись:

Азия.

После этого дорогого и незабываемого для меня пребывания в Варшаве, в октябре 1882г., в третий раз в моей жизни я пересёк границу Европы.

Но теперь меня не везли к месту казни. Я направлялся в Пермскую губернию, зарабатывать себе «на хлеб».

Теперь я ехал в Азию не как политический преступник, осуждённый к каторге, а как обыватель огромной российской империи.

Правда, я был обывателем под пристальным надзором полиции, и притом, обывателем, лишённым многих прав свободного человека.

Эти права вернул мне коронационный манифест 1883г.

А потом, истосковавшийся и битый жизнью скиталец, я уже навсегда осел в Варшаве.

Примечания

**ПРЕДИСЛОВИЕ К
«СИБИРСКОМУ ЛИХОЛЕТЬЮ»
ШИМОНА ТОКАРЖЕВСКОГО**

«Семь лет каторги» – воспоминания, которые лежат передо мной, описывают первые времена в тюрьмах и первую каторгу Шимона Токаржевского. Он рассказывает о своей собственной жизни и о своих товарищах, описывает тюрьмы и своё пребывание в Сибири. Может быть, именно потому, что те слова, которыми пользуется автор, так просты, коротки и сжаты, оттого, что нет в них погони за яркими фразами, производят они глубокое и незабываемое впечатление. По мере перелистывания страниц этой книжки, перед нами рисуется облик человека, который принадлежал череде тех героев свободы, каких наш народ выдвинул из своей среды целыми legionами.

Здислав Денбицкий

¹ (с.5) – См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т.2. – Л.: Наука, 1972. – С.523; *Там же.* – Т.4. – Л.: Наука, 1972. – С.209-211, 280-282, 285, 288, 306, 309; *Там же.* – Т.28. – Кн.1. – Л.: Наука, 1985. – С.454.

² (с.5) – *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821-1881.* В трёх томах. – Т.1 / Сост. *И.Д. Якубович* и *Т.И. Орнатская.* – СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический проект», 1993. – С.187-188.

³ (с.7) – *Вайнерман В.* Достоевский в Омске: воспоминания, легенды, мифы // *Голоса Сибири.* Литературный альманах. – Выпуск четвёртый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.369-400.

⁴ (с.7) – <http://www.prezydent.pl/x.node?id=6042904&eventId=1505132>

⁵ (с.8) – Звенья. – Т.6. – М.-Л., 1936.

⁶ (с.8) – Elizabeth Blake. Representing the Poles in *Zapiski iz Mertvogo doma*: The Genesis of the Polish Question in Dostoevskij's Oeuvre // <http://aatseel.org/program/aatseel/2002/abstracts/Blake.html>

⁷ (с.9) – Artur Nowaczewski. Piekło i nadzieja // <http://wiadomosci.onet.pl/1310552,1292,kioskart.html>

⁸ (с.10) – Razvan Ungureanu. Russian Imperial Presence in Literature // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html>

⁹ (с.10) – Razvan Ungureanu. Russian Imperial Presence in Literature // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html>

¹⁰ (с.11) – Razvan Ungureanu. Russian Imperial Presence in Literature // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html>

¹¹ (с.11) – The Sarmatian Review. – April, 2005 // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/405/254tokar.html>

¹² (с.12) – The Sarmatian Review. – April, 2005 // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/405/254tokar.html>

¹³ (с.12) – The Sarmatian Review. – April, 2005 // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/405/254tokar.html>

¹⁴ (с.12) – Iwo Cyprian Pogonowski. Czy Dostojewski wybił sie plagiatem pamietnika Tokarzewskiego? // http://www.zaprasza.net/a_y.php?mid=6239

¹⁵ (с.12) – Iwo Cyprian Pogonowski. Czy Dostojewski wybił sie plagiatem pamietnika Tokarzewskiego? // http://www.zaprasza.net/a_y.php?mid=6239

¹⁶ (с.14) – Iwo Cyprian Pogonowski. Czy Dostojewski wybił sie plagiatem pamietnika Tokarzewskiego? // http://www.zaprasza.net/a_y.php?mid=6239

¹⁷ (с.16) – Razvan Ungureanu. Russian Imperial Presence in Literature // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html>

¹⁸ (с.16) – The Sarmatian Review. – April, 2005 // <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/405/254tokar.html>

¹⁹ (с.17) – Jacek Uglik. Polacy u Dostojewskiego // http://www.puls.ctinet.pl/archiwum/html/ grudzien_2004/17.html

²⁰ (с.18) – *Достоевский*, т.4, с.9.

²¹ (с.19) – *СЛК*, с.558.

²² (с.19) – *Достоевский*, т.4, с.9.

²³ (с.19) – *СЛК*, с.558.

²⁴ (с.19) – *Достоевский*, т.4, с.10.

²⁵ (с.20) – Исследователь Виктор Вайнерман осуждает «кичливое, надменное отношение к каторжанам» со стороны Токарежского: «Токарежский настолько уверен в своей правоте, что даже не пытается приукрасить себя и своё поведение, полагая, что иначе, как положительное, читатели его не оценят. Он подчёркивает своё кичливое, надменное отношение к каторжанам, стремление держаться от них подальше» (*ГС-4*, с.377). Однако, читая воспоминания, убеждаешься, что отнюдь не все каторжане вызывают в Токарежском крайнюю степень аверсии.

²⁶ (с.20) – *СЛК*, с.558.

²⁷ (с.20) – *Достоевский*, т.4, с.10.

²⁸ (с.20) – *СЛК*, с.559.

²⁹ (с.20) – *Достоевский*, т.4, с.12.

³⁰ (с.21) – *СЛК*, с.559.

³¹ (с.21) – *СЛК*, с.560.

³² (с.21) – *Достоевский*, т.4, с.12.

³³ (с.21) – *СЛК*, с.560.

³⁴ (с.21) – *Достоевский*, т.4, с.12.

³⁵ (с.22) – *Достоевский*, т.4, с.78.

³⁶ (с.22) – Выделено нами. *Сост.*

³⁷ (с.22) – *СЛК*, с.560.

³⁸ (с.22) – То есть Токарежского. *Сост.*

³⁹ (с.22) – *ГС-4*, с.379.

⁴⁰ (с.22) – В этом месте следует ссылка на Полный Свод Законов. *Сост.*

⁴¹ (с.22) – *ГС-4*, с.379.

⁴² (с.23) – *ГС-4*, с.379.

⁴³ (с.23) – *ГС-4*, с.379.

⁴⁴ (с.24) – *Достоевский*, т.4, с.22.

⁴⁵ (с.24) – *СЛК*, с.561-562.

⁴⁶ (с.24) – *Достоевский*, т.4, с.22.

⁴⁷ (с.25) – *СЛК*, с.551.

⁴⁸ (с.25) – *Достоевский*, т.4, с.22.

⁴⁹ (с.25) – У Достоевского – в кордегардии! *Сост.*

⁵⁰ (с.25) – У Достоевского: «арестанты... зевали, потягивались и морщили свои клеймённые лбы». *Сост.*

⁵¹ (с.25) – *СЛК*, с.560-561.

⁵² (с.25) – *Достоевский*, т.4, с.27.

⁵³ (с.25) – *СЛК*, с.578.

⁵⁴ (с.26) – *Достоевский*, т.4, с.16-17.

⁵⁵ (с.26) – *СЛК*, с.564.

⁵⁶ (с.26) – Выделено нами. *Сост.*

⁵⁷ (с.27) – *Достоевский*, т.4, с.177-178.

⁵⁸ (с.27) – *СЛК*, с.579-580.

⁵⁹ (с.27) – *Достоевский*, т.4, с.178.

⁶⁰ (с.28) – Выделено нами. *Сост.*

⁶¹ (с.28) – *СЛК*, с.580-581.

⁶² (с.28) – *ГС-4*, с.370.

⁶³ (с.28) – Курсив в цитате наш. *Сост.*

⁶⁴ (с.28) – *ГС-4*, с.389-390.

⁶⁵ (с.29) – Цит. по статье Виктора Вайнермана (*ГС-4*, с.390).

⁶⁶ (с.29) – *Достоевский*, т.4, с.81-82.

⁶⁷ (с.29) – *СЛК*, с.598-599.

⁶⁸ (с.30) – *Достоевский*, т.4, с.131.

⁶⁹ (с.30) – *Достоевский*, т.4, с.137-138.

⁷⁰ (с.30) – *СЛК*, с.600-601.

⁷¹ (с.30) – *Достоевский*, т.4, с.139.

⁷² (с.30) – *СЛК*, с.601-602.

⁷³ (с.30) – *Достоевский*, т.4, с.18.

⁷⁴ (с.31) – *СЛК*, с.563.

⁷⁵ (с.31) – *Достоевский*, т.4, с.17-18.

⁷⁶ (с.31) – *СЛК*, с.563.

⁷⁷ (с.31) – Здесь и далее в цитате выделено нами. *Сост.*

⁷⁸ (с.31) – В этом месте В.А. Дьяков делает «нерабочую» ссылку (комментарий см. в следующем абзаце нашего текста). *Сост.*

⁷⁹ (с.31) – Дьяков, с.217.

⁸⁰ (с.32) – Дьяков, с.216.

⁸¹ (с.32) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*

⁸² (с.32) – То есть в «Записках из Мёртвого дома» Достоевского и в «Каторжниках» Токарежского. *Сост.*

⁸³ (с.32) – *ГС-4*, с.373.

- ⁸⁴ (с.33) – То есть собаку Суанго. *Сост.*
⁸⁵ (с.33) – См. страницу 54 в книге: *Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie.* – Warszawa, {1912}.
⁸⁶ (с.33) – *Достоевский*, т.4, с.191.
⁸⁷ (с.33) – См. страницу 58 в книге: *Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie.* – Warszawa, {1912}.
⁸⁸ (с.34) – См. страницу 56 в книге: *Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie.* – Warszawa, {1912}.
⁸⁹ (с.34) – *Достоевский*, т.4, с.190.
⁹⁰ (с.34) – *ГС-4*, с.374.
⁹¹ (с.34) – Здесь и далее курсив в цитате наш. *Сост.*
⁹² (с.35) – *ГС-4*, с.374.
⁹³ (с.36) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
⁹⁴ (с.36) – См. страницу 61 в книге: *Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie.* – Warszawa, {1912}.
⁹⁵ (с.36) – См. страницы 61-62 в книге: *Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie.* – Warszawa, {1912}.
⁹⁶ (с.36) – *Достоевский*, т.4, с.117.
⁹⁷ (с.36) – См. наст. изд., с.282.
⁹⁸ (с.37) – *Достоевский*, т.4, с.120.
⁹⁹ (с.37) – То есть Аристов. *Сост.*
¹⁰⁰ (с.37) – *Достоевский*, т.4, с.120.
¹⁰¹ (с.38) – См. наст. изд., с.288.
¹⁰² (с.38) – *Достоевский*, т.4, с.129.
¹⁰³ (с.39) – *СЛК*, с.553.
¹⁰⁴ (с.39) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
¹⁰⁵ (с.39) – *ГС-4*, с.386-387.
¹⁰⁶ (с.40) – Цитируем приведённые Токаржевским обращённые к нему слова Натальи Карпович: «Приветствую Шимона Себастьяновича! – воскликнула она, подошла ко мне, взяла обе мои руки меж своих ладоней и сердечно пожала. – Привет! Это Анна Андреевна и её сестрёнки придумали, как извлечь Вас, хотя бы на пару часов, из ада, где Вы пребываете. Вот: Анна Андреевна, а это голубки – Вера и Надежда Максимилиановны, её сестрички и воспитанницы де Граве. Поздоровайтесь-ка с ними» (*СЛК*, с.588).
¹⁰⁷ (с.40) – Вот как подано это место у Токаржевского: «Стараниями Анны Андреевны в Омске был учреждён “Дом Опёки” для сирот, обездоленных девочек, где она сама была и учительницей – истинное доказательство её филантропической склонности, также как и организация театральных любительских представлений, в которых она сама и участвовала, как режиссёр и как актриса» (*СЛК*, с.554).

- ¹⁰⁸ (с.41) – *Достоевский*, т.4, с.14.
¹⁰⁹ (с.41) – *СЛК*, с.549.
¹¹⁰ (с.41) – *СЛК*, с.570.
¹¹¹ (с.42) – *Достоевский*, т.4, с.213-214.
¹¹² (с.42) – *СЛК*, с.546-549.
¹¹³ (с.43) – *Достоевский*, с.214.
¹¹⁴ (с.43) – *СЛК*, с.550-551.
¹¹⁵ (с.43) – То есть Кривцов. *Сост.*
¹¹⁶ (с.44) – *Достоевский*, т.4, с.218.
¹¹⁷ (с.44) – *СЛК*, с.602-603.
¹¹⁸ (с.45) – *Достоевский*, т.4, с.17.
¹¹⁹ (с.45) – *Достоевский*, т.4, с.92-93.
¹²⁰ (с.45) – *СЛК*, с.584.
¹²¹ (с.45) – *СЛК*, с.600.
¹²² (с.45) – *Достоевский*, т.4, с.55.
¹²³ (с.45) – *Дьяков*, с.216.
¹²⁴ (с.45) – *СЛК*, с.583, 600.
¹²⁵ (с.46) – *Достоевский*, т.4, с.50-51.
¹²⁶ (с.46) – *Достоевский*, т.4, с.279.
¹²⁷ (с.46) – *Достоевский*, т.4, с.26-27.
¹²⁸ (с.47) – Страницы 103-126 в издании: *Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru.* – Warszawa, 1913.
¹²⁹ (с.47) – *Достоевский*, т.4, с.286-287.
¹³⁰ (с.48) – *Достоевский*, т.4, с.62-63.
¹³¹ (с.48) – Кличка Аристова. *Сост.*
¹³² (с.48) – *СЛК*, с.613-615.
¹³³ (с.48) – То есть Аристов. *Сост.*
¹³⁴ (с.48) – *Достоевский*, т.4, с.63-64.
¹³⁵ (с.48) – Аристов. *Сост.*
¹³⁶ (с.49) – *СЛК*, с.613-614.
¹³⁷ (с.49) – То есть Мирецкого. *Сост.*
¹³⁸ (с.49) – *Достоевский*, т.4, с.64.
¹³⁹ (с.49) – Мирецкий. *Сост.*
¹⁴⁰ (с.49) – Богуславский. *Сост.*
¹⁴¹ (с.50) – Кривцова. *Сост.*
¹⁴² (с.50) – *СЛК*, с.610-614.
¹⁴³ (с.50) – Исследователь В.А. Дьяков со ссылкой на документы ЦГВИА основные вехи «докаторжной» биографии Александра Мирецкого излагает так: «Александр Мирецкий, судя по его собственным показаниям от апреля 1846г., был уроженцем Кракова, происходил “из дворян, не утверждённых герольдией”, ему исполнилось к этому

времени 24 года, отца его, уже покойного, звали Войцех, мать – Мария – жила в Кракове в собственном доме. А. Мирецкий окончил Краковскую гимназию и начал учёбу в университете. По случаю материальных затруднений семьи в 1840г. выехал “по законному паспорту” в Королевство Польское; был администратором железоделательных фабрик в Сухедневе, затем поступил землемером и архитектором в Несвижское имение князя Витгенштейна. На средства князя поехал в Берлинский университет, где изучал “инженерию, относящуюся к гражданскому ведомству”, и кончил курс в октябре 1844г. Приехав затем в Варшаву, поступил на службу к генералу инженерной службы Дену, у которого занимался “снятием планов некоторых экономических строений”. Примерно с этого времени был связан с конспирацией, а в феврале 1846г. участвовал в подготовке восстания в Королевстве Польском, сотрудничая с К. Рупрехтом, с которым подружился во время учёбы в Берлинском университете, Б. Домбровским, С. Добричем и другими видными конспираторами. По конфирмации царского наместника в Варшаве И.Ф. Паскевича лишён всех прав, получил 500 ударов шпицрутенами и 10 лет каторжных работ в крепостях» (Дьяков, с.201).

¹⁴⁴ (с.50) – СЛК, с.552.

¹⁴⁵ (с.50) – Достоевский, т.4, с.69.

¹⁴⁶ (с.51) – Достоевский, т.4, с.216.

¹⁴⁷ (с.51) – СЛК, с.572-573.

¹⁴⁸ (с.51) – Сведения о докаторжном периоде жизни Ю. Богуславского находим (со ссылкой на работу: *Fajnhaus D. Ruch konspiracyjny na Litwie i Bialorusi 1846-1848.* – Warszawa, 1965) у В.А. Дьякова: «Юзеф Богуславский (1816-1857 или 1859) был уроженцем Брестского уезда Гродненской губернии и воспитанником Виленского университета. Впервые репрессирован высылкой на жительство в Тамбов за связи с возглавляемой Шимоном Конарским организацией Содружества польского народа. По возвращении из ссылки в 1846г. снова вошёл в контакты с виленскими конспираторами, возглавляемыми теперь Я. Пер и А. Реннер. За это в начале 1846г. был предан военному суду и приговорён к четырёх годам каторжной работы в крепостях» (Дьяков, с.202-203).

¹⁴⁹ (с.51) – Богуславский. *Сост.*

¹⁵⁰ (с.52) – Жоховским. *Сост.*

¹⁵¹ (с.52) – Токаржевским. *Сост.*

¹⁵² (с.52) – Достоевский, т.4, с.81.

¹⁵³ (с.52) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*

¹⁵⁴ (с.52) – СЛК, с.538.

¹⁵⁵ (с.52) – Вехи биографии Жоховского, которые перечисляет В.А. Дьяков со ссылкой на ЦГВИА: «Юзеф Жоховский – фигура более

известная: о нём упоминается, например, в воспоминаниях П. Вильконской, ему посвящены довольно пространные фрагменты в книгах польских историков А. Краусхара и А. Минковской. Ю. Жоховский родился в 1801г. и происходил из неутверждённых герольдией шляхтичей Седлецкого уезда. Окончил Варшавский университет с золотой медалью и степенью магистра философии и администрации. В 1836-1846гг. – преподаватель физики в Щебжешинской и других воеводских (губернских) гимназиях; с 1846г. – библиотекарь Польского банка в Варшаве. Автор сочинений по физике и морально-этическим проблемам, редактор природоведческого журнала “Мотыль” (“Мотылёк”), конструктор сельскохозяйственных машин. Что касается причин, приведших Жоховского в Омский острог, то они выясняются из их сохранившейся переписки о конфирмации по его военно-судному делу. Из переписки явствует, что 25 апреля 1848г. после праздничного богослужения в честь святого Станислава в Варшавском костеле св. Яна Жоховский взобрался на пьедестал одной из статуй и произнёс “возмутительную” речь, в которой, между прочим, говорилось: “Поляки, вы народ в прежнее время великий и могущественный. Вы впервые в Европе трудились над введением конституции и ныне, когда прочие народы помогают конституции и достигают своей цели, вы спите летаргическим сном. Пора вам пробудиться и разорвать свои цепи!» По конфирмации И.Ф. Паскевича Жоховский был приговорён к десятилетней каторге; Николай I, познакомившись с заключением наместника, ничего в нём не изменил, только добавил: “Обеспечить участь оставшегося семейства”...» (Дьяков, с.201-202).

¹⁵⁶ (с.52) – СЛК, с.556.

¹⁵⁷ (с.52) – СЛК, с.564.

¹⁵⁸ (с.52) – СЛК, с.602.

¹⁵⁹ (с.53) – СЛК, с.564. Это место Виктор Вайнерман комментирует так: «Читая воспоминания Токаржевского, поражаешься тому, как со временем искажается представление человека о том, что было на самом деле. Известно, что в омской каторге в начале 1850-х годов было 150-170 человек арестантов. При желании они могли легко расправиться с любым человеком. Но Токаржевскому с высоты времени всё видится иначе» (ГС-4, с.377). Конечно, численное превосходство уголовников над «политическими» очевидно. Однако, если судить, например, по истории с дракой между «разбойниками» с одной стороны, и черкесами и поляками с другой, «польско-черкесское» сообщество на омской каторге действительно умело постоять за себя. Значит, отнюдь не с каждым и в иных случаях совсем не «легко» каторжане, «при желании», могли «расправиться».

- ¹⁶⁰ (с.53) – *Достоевский*, т.4, с.216.
¹⁶¹ (с.53) – *Достоевский. Сост.*
¹⁶² (с.53) – *СЛК*, с.572.
¹⁶³ (с.54) – *Достоевский*, т.4, с.210-211.
¹⁶⁴ (с.55) – *СЛК*, с.556.
¹⁶⁵ (с.55) – *Жоховский. Сост.*
¹⁶⁶ (с.55) – *Достоевский*, т.4, с.211.
¹⁶⁷ (с.56) – *СЛК*, с.549-550.
¹⁶⁸ (с.56) – Возможно, Достоевский действительно «не всегда точно» понимал Мирецкого. *Виктор Вайнерман* цитирует в изложении Достоевского слова Мирецкого, якобы адресованные *всем* каторжанам: «ненавижу этих разбойников». Виктор Вайнерман на основании этого сюжета делает вывод: «Ненависть к каторжанам всех поляков, находившихся в омской каторге, отмечает и Достоевский» (*ГС-4*, с.377). Но, во-первых, цитируемое место касается только Мирецкого, а не «*всех* поляков», а, во-вторых, Мирецкий пишет, что ненавидит опять-таки не *всех* каторжан, а только *разбойников*. С самим Достоевским, заметим, он общается и рассказывает ему, например, в подробностях о первой встрече с Жоховским, что никак не свидетельствует о «ненависти», а, скорее, о различии в идеальных подходах, взглядах.
¹⁶⁹ (с.56) – Закрывающая кавычка поставлена в тексте Достоевского составителями наст. изд. В ПСС открывающая кавычка проставлена, а закрывающей нет. *Сост.*
¹⁷⁰ (с.57) – *Достоевский*, т.4, с.211.
¹⁷¹ (с.57) – Выделено нами. *Сост.*
¹⁷² (с.57) – *СЛК*, с.554-557.
¹⁷³ (с.58) – Выделено нами. *Сост.*
¹⁷⁴ (с.58) – *Достоевский*, т.4, с.213.
¹⁷⁵ (с.58) – Курсив наш. *Сост.*
¹⁷⁶ (с.58) – *СЛК*, с.581.
¹⁷⁷ (с.59) – *Достоевский*, т.4., с.217-218.
¹⁷⁸ (с.59) – *СЛК*, с.625.
¹⁷⁹ (с.60) – *Достоевский*, т.4, с.217.
¹⁸⁰ (с.60) – *СЛК*, с.582.
¹⁸¹ (с.60) – *СЛК*, с.589.
¹⁸² (с.60) – *В.А. Дьяков*, ссылаясь на архивные материалы (AGAD), вводит в оборот новые сведения об Анчиковском и Бэме: «Архивные материалы существенно дополняют биограммы всех четверых вновь прибывших поляков. Ю. Анчиковский, судя по алфавиту Варшавской следственной комиссии, был участником восстания 1830-1831гг., находился короткое время за пределами Королевства

Польского, а затем возвратился и служил экономом, управляющим именьями в Меховском и Стопницком уездах, в Краковском округе. В 1846г. “во время восстания по требованию восставших способствовал им в призвании крестьян к бунту, заготовляя косы”, за что в мае 1847г. был предан военному суду и оказался на каторге. О Бэме в том же алфавите следующая запись: “Житель гор. Кельце, комнатный живописец. В 1846г. перешёл в Краков, присоединился к тамошним бунтовщикам, назначен начальником косинеров, вместе с ними перешёл в Пруссию, где арестован, возвращён в Краков, а отсюда предан в Королевство Польское. Предать его суду. 4/16 мая 1847г.”...» (*Дьяков*, с.208).

¹⁸³ (с.60) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*

¹⁸⁴ (с.61) – *Дьяков*, с.209.

¹⁸⁵ (с.61) – *Достоевский*, т.4, с.204-205.

¹⁸⁶ (с.61) – *СЛК*, с.548.

¹⁸⁷ (с.61) – Впервые на это обстоятельство обратил внимание *В. Вайнерман*: «В. Дьяков прав: этот человек был известен Достоевскому. Более того, Достоевский упомянул его в... “Записках из Мёртвого дома”. Там назван писарь Дятлов...» (*ГС-4*, с.376). О том, что Дягилев упоминается не только Богуславским, но и Токаржевском, в статье В.А. Дьякова не сказано, но В. Вайнерман на эту параллель обращает специальное внимание: «Этот человек упоминается и в других воспоминаниях Ш. Токаржевского, “Семь лет каторги”. Писарь Дягилев, – вспоминает Токаржевский, – был “вежливый до слащавости”, охоч до денег и не прочь услужить иностранцам» (*ГС-4*, с.376). Но есть небольшое уточнение: о готовности Дягилева «услужить иностранцам» в воспоминаниях Токаржевского прямо не сказано, об этом можно лишь догадываться, причём основываясь скорее на тексте Богуславского, чем Токаржевского.

¹⁸⁸ (с.61) – *Дьяков*, с.205; курсив в цитате наш. *Сост.*

¹⁸⁹ (с.61) – Богуславского. *Сост.*

¹⁹⁰ (с.62) – *Достоевский*, т.4, с.203.

¹⁹¹ (с.62) – *СЛК*, с.578.

¹⁹² (с.62) – *СЛК*, с.571-572.

¹⁹³ (с.62) – *Достоевский*, т.4, с.209.

¹⁹⁴ (с.63) – *СЛК*, с.576.

¹⁹⁵ (с.63) – *Достоевский*, т.4, с.209.

¹⁹⁶ (с.64) – *СЛК*, с.577.

¹⁹⁷ (с.65) – *Достоевский*, т.4, с.209.

¹⁹⁸ (с.65) – *СЛК*, с.577.

¹⁹⁹ (с.66) – *Достоевский*, т.4, с.209-210.

- ²⁰⁰ (с.66) – В тексте 2007г. ошибочно напечатано: «теснота». *Сост.*
²⁰¹ (с.66) – *СЛК*, с.577.
²⁰² (с.67) – Поляки. *Сост.*
²⁰³ (с.67) – Поляками. *Сост.*
²⁰⁴ (с.67) – *Достоевский*, т.4, с.210.
²⁰⁵ (с.67) – Поляки. *Сост.*
²⁰⁶ (с.67) – *СЛК*, с.577-578.
²⁰⁷ (с.68) – *Достоевский*, т.4, с.210.
²⁰⁸ (с.68) – Имеется ввиду Елизавета Бартошевич. *Сост.*
²⁰⁹ (с.68) – Офицер инженерных войск Якублевич и его жена. *Сост.*
²¹⁰ (с.69) – *СЛК*, с.535-536.
²¹¹ (с.69) – *СЛК*, с.615.
²¹² (с.69) – *СЛК*, с.616.
²¹³ (с.69) – Выделено нами. *Сост.*
²¹⁴ (с.69) – *Достоевский*, т.4, с.228.
²¹⁵ (с.70) – *СЛК*, с.616.
²¹⁶ (с.70) – *Достоевский*, т.4, с.228.
²¹⁷ (с.70) – *СЛК*, с.616.
²¹⁸ (с.70) – Котлар. *Сост.*
²¹⁹ (с.70) – *Достоевский*, т.4, с.222.
²²⁰ (с.70) – *Достоевский*, т.4, с.224.
²²¹ (с.70) – *Достоевский*, т.4, с.224-225.
²²² (с.70) – Де Граве. *Сост.*
²²³ (с.70) – *СЛК*, с.616-617.
²²⁴ (с.71) – То есть поляков. *Сост.*
²²⁵ (с.71) – *СЛК*, с.573-574.
²²⁶ (с.71) – *ГС-4*, с.379.
²²⁷ (с.71) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
²²⁸ (с.71) – *ГС-4*, с.379-380.
²²⁹ (с.72) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
²³⁰ (с.72) – *ГС-4*, с.380.
²³¹ (с.73) – *Достоевский*, т.4, с.220.
²³² (с.73) – *СЛК*, с.603.
²³³ (с.74) – *Достоевский*, т.4, с.275.
²³⁴ (с.74) – Подробнее: *Достоевский*, т.4, с.278.
²³⁵ (с.74) – *Достоевский*, т.4, с.278.
²³⁶ (с.75) – Речь идёт, как пишет В.А. Дьяков, о «Воспоминаниях сибиряка» Ю. Богуславского, подвергшихся редакции Токарежского и опубликованных в «Новой реформе». *Сост.*
²³⁷ (с.75) – Здесь и далее в цитате выделено нами. *Сост.*
²³⁸ (с.75) – Дьяков, с.204.

- ²³⁹ (с.76) – Выделено нами.
²⁴⁰ (с.76) – *Достоевский*, т.4, с.280.
²⁴¹ (с.76) – В *ГС-4* указана другая дата смерти: 1900 (с.810).
²⁴² (с.76) – Выделено нами.
²⁴³ (с.76) – Выделено нами.
²⁴⁴ (с.76) – В *ГС-4* опечатка: сказано, что мемуары «Семь лет каторги» опубликованы в 1902г. (с.372). На той же странице упоминается «изданная в 1911 году» книга Токарежского «Воспоминания каторжанина».
²⁴⁵ (с.76) – *Достоевский*, т.4, с.280-281.
²⁴⁶ (с.76) – Вот как подаёт (со ссылкой на документы ЦГВИА) основные факты досибирского периода биографии Токарежского исследователь В.А. Дьяков (разной в датах очевиден!): «Шимон Токарежский (1823-1890) фигурирует в специальной литературе и справочных изданиях прежде всего как активный деятель восстания 1863г. и автор ряда полумемуарных – полубеллетристических произведений, которые в своё время пользовались значительной популярностью среди патристически настроенных поляков. До недавнего времени мы очень немногое знали о его участии в организации П. Сцегенного, а именно за это он оказался в Омском остроге. Уроженец Замосцкого уезда и выходец из шляхетского сословия, ставший официалистом (частным служащим) в ординации Замойских, Ш. Токарежский в 1833-1839гг. учился в Щебешинской гимназии, а с 1841г. работал винокуром сначала в Замосцком, а затем в Грубешовском уездах. Связанный с организацией П. Сцегенного, он в момент её разгрома в 1844г. бежал за границу и оставался там до весны 1846г. При возвращении на родину из австрийской Галиции был арестован, отдан под суд и по конфирмации И.Ф. Паскевича от 16/28 мая 1848г. отправлен в Сибирь на каторжные работы, получив предварительно 500 ударов шпицрутенами» (Дьяков, с.202).
²⁴⁷ (с.77) – Хотя Достоевский, отмечает В. Вайнерман, «пишет о нём с большой симпатией» (*ГС-4*, с.810).
²⁴⁸ (с.77) – *Достоевский*, т.4, с.281. Курсив наш. *Сост.*
²⁴⁹ (с.77) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*
²⁵⁰ (с.78) – У В. Вайнермана: «Читатели, знакомые с “Записками из Мёртвого дома” Ф.М. Достоевского, с любопытством прочтут воспоминания Токарежского. Их автор идёт вслед за Достоевским, описывая некоторые эпизоды жизни омской каторги» (*ГС-4*, с.372).
²⁵¹ (с.78) – *Достоевский*, т.4, с.281.
²⁵² (с.79) – *Достоевский*, т.4, с.29.
²⁵³ (с.79) – *Достоевский*, т.4, с.283.
²⁵⁴ (с.79) – *СЛК*, с.552.

- ²⁵⁵ (с.80) – *Достоевский*, т.4, с.283.
²⁵⁶ (с.80) – *Достоевский*, т.4, с.285-286.
²⁵⁷ (с.80) – Подробнее: *Достоевский*, т.4, с.286.
²⁵⁸ (с.81) – *Достоевский*, т.4, с.287.
²⁵⁹ (с.81) – *СЛК*, с.570.
²⁶⁰ (с.81) – *СЛК*, с.571.
²⁶¹ (с.81) – С тональностью отзывов Токаржевского о Дурове не согласен *Виктор Вайнерман*. Он пишет: «Отмечу, справедливости ради, что сам Достоевский, которого Токаржевский описывает весьма нелюбезно, отзываясь о поляках взвешенно и весьма уважительно. Нигде в “Записках” он не позволяет себе описаний, подобных тем, что оставил автор “Семи лет каторги”. Так, поэт, член кружка Петрашевского Сергей Федорович Дуров описан им пренебрежительно как фат и низкий сплетник» (*ГС-4*, с.377-378). Но составители *наст. изд.* уже обращали внимание читателя на ряд не очень вежливых выпадов Достоевского в адрес поляков (чего стоит одно только его замечание о «тупом профессоре» Жоховском, так что иной раз за «великого классика» становится неловко). Исследователь *В.А. Дьяков* также указывает на не вполне лицеприятные отзывы о поляках, которые позволял себе иногда Достоевский: «В “Записках из Мёртвого дома” есть ряд негативных характеристик, относящихся к некоторым полякам, иногда явно пристрастных. Сразу же следует заметить, что речь идёт об индивидуальных качествах того или иного лица, а не о специфических чертах, приписываемых всей нации. В большинстве случаев положительные и отрицательные черты писатель как бы делит между различными представителями каждого народа, причём сумма положительного во всех случаях преобладает... Судя по “Воспоминаниям сибиряка”, написанным Богуславским, и по содержащим биографический материал сочинениям Токаржевского, польские политические ссыльные занимали в национальном вопросе примерно такую же позицию...» (*Дьяков*, с.216).
²⁶² (с.82) – *Достоевский*, т.4, с.288.
²⁶³ (с.82) – *Достоевский*, т.4, с.288.
²⁶⁴ (с.82) – *Достоевский*, т.4, с.290.
²⁶⁵ (с.82) – *Достоевский*, т.4, с.290.
²⁶⁶ (с.83) – *Достоевский*, т.4, с.292.
²⁶⁷ (с.83) – *Достоевский*, т.4, с.293.
²⁶⁸ (с.83) – *Достоевский*, т.4, с.297.
²⁶⁹ (с.84) – Здесь и далее в цитате выделено нами. *Сост.*
²⁷⁰ (с.84) – *Дьяков*, с.217-218.
²⁷¹ (с.85) – *СЛК*, с.572.
²⁷² (с.85) – *СЛК*, с.573.

- ²⁷³ (с.87) – *СЛК*, с.573-574.
²⁷⁴ (с.87) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*
²⁷⁵ (с.87) – *Дьяков*, с.218.
²⁷⁶ (с.89) – *Дьяков*, с.218.
²⁷⁷ (с.89) – То есть Достоевскому. *Сост.*
²⁷⁸ (с.89) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*
²⁷⁹ (с.89) – То есть Достоевский и Дуров. *Сост.*
²⁸⁰ (с.90) – *СЛК*, с.574-575.
²⁸¹ (с.90) – Мы опустили в цитируемом фрагменте статьи *В. Вайнермана* те места из Токаржевского, которые уже дословно приводили в нашем предисловии. Смысл и тональность изложения от такого купирования не пострадали, и вывод автора сохранён полностью. *Сост.*
²⁸² (с.90) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
²⁸³ (с.90) – *ГС-4*, с.378.
²⁸⁴ (с.91) – *СЛК*, с.574-575.
²⁸⁵ (с.91) – То есть Достоевскому. *Сост.*
²⁸⁶ (с.91) – Курсив в цитате наш. *Сост.*
²⁸⁷ (с.91) – *ГС-4*, с.384.
²⁸⁸ (с.92) – *ГС-4*, с.376.
²⁸⁹ (с.93) – *ГС-4*, с.378.
²⁹⁰ (с.94) – *В.А. Дьяков* ссылается в этом месте на две книги Токаржевского «Семь лет каторги» и «Каторжники», а также на перевод В.Б. Арндта и статью Храневича в «Русской Старине» за 1910г.
²⁹¹ (с.94) – Здесь и далее в цитате курсив наш. *Сост.*
²⁹² (с.94) – *Дьяков*, с.219. Утверждение *В.А. Дьякова* показалось странным *Виктору Вайнерману*, который объясняет, что «чтение корректуры даёт возможность приблизить к идеалу готовый текст, но не даёт возможности улучшить качество перевода» (*ГС-4*, с.375).
²⁹³ (с.95) – В мемуарах Токаржевского. *Сост.*
²⁹⁴ (с.95) – *ГС-4*, с.380.
²⁹⁵ (с.95) – *ГС-4*, с.387.
²⁹⁶ (с.96) – Хроника содержит только те даты, которые обозначены Токаржевским точно, то есть с указанием по крайней мере года. Для хроники из книг Токаржевского составителями извлечены *все* точные даты. При использовании хроники следует помнить, что она является погодной фиксацией событий глазами Токаржевского, но не составителей.
²⁹⁷ (с.96) – См. 3-ю страницу польского издания: *Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru.* – Warszawa, 1913.
²⁹⁸ (с.96) – См. 27-ю страницу польского издания: *Tokarzewsky Szymon. Bez pasportu. Z pamietnikow wygnania.* – Warszawa, 1910.

²⁹⁹ (с.96) – БП, с.9.

³⁰⁰ (с.96) – Т., с.249.

³⁰¹ (с.96) – См. 24-ю страницу польского издания: *Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru.* – Warszawa, 1913.

³⁰² (с.96) – См. 44-ю страницу польского издания: *Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru.* – Warszawa, 1913.

Шимон Токаржевский СЕМЬ ЛЕТ КАТОРГИ

¹ (с.99) – На титуле первого и второго изданий имя и фамилия автора обозначены не до названия книги, а после, в уточняющем подзаголовке: «Воспоминания Шимона Токаржевского 1846-1857гг.». В первом издании на титуле напечатана приписка: «С тремя портретами автора», а во втором: «Издание второе, значительно расширенное разделами, вычеркнутыми российской цензурой». *Сост.*

² (с.99) – Второе издание опубликовано в Варшаве в 1918г. На обороте титула в библиотечном экземпляре издания 1918г. собственноручная подпись Галины Токаржевской, «увенчивающая» следующий текст: «Специально оговариваются права перевода и перепечатки. Экземпляры, не подписанные мною собственноручно, продаже не подлежат».

³ (с.101) – В издании 1918г. это предисловие дано в другой редакции, с многочисленными вставками, исправлениями и добавлениями: «Слово об авторе воспоминаний».

Третьего июля 1890г. в Варшаве появились оповещения о смерти, сообщающие, что: «Шимон Токаржевский после жизни, полной страданий и самопожертвования, скончался, отдав Богу чистую свою душу...».

В этот же день Станислав Гизпаньский, сын ныне почившего в бозе мастера сапожного дела и деятеля 60-х годов, явился в магистрат за цеховым знаменем, с которым сапожный цех намеревался торжественно выступить на погребении Шимона Токаржевского.

Полиция заглянула в книги, в которых записаны были все грехи, какие приписывались жителям Королевства Польского против российской власти.

Заглянула... и выдать цеховую хоругвию отказалась, а извещение о смерти велела снять.

Зато Варшавская полиция по своему почтила Шимона Токаржевского: на углах улиц, по которым из костёла Святого Антония шёл похоронный кортеж, встали конные жандармы, комиссар полиции, а также наблюдатели по бокам вдовы следовали за гробом...

Кем же именно был этот человек, что даже его смерть так взбудоражила Варшавскую полицию... Кем был он, если даже мёртвые его останки казались Варшавской полиции грозными?...

Тайные «записки» охраны сообщали, что «был он бунтарём, многократно заключённым в тюрьму, двукратный каторжник и трехкратный изгнанник, что принадлежал к старой литовской шляхте, а стал сапожником, чтобы иметь возможность влиять на Варшавских ремесленников и втягивать их в бунт против российской власти».

Да, Шимон Токаржевский был «мастером сапожного дела». И хотя с 1864г. к верстаку не подходил, тем не менее, титулом «мастера сапожного дела» всегда гордился, – поскольку сапожное ремесло выбрал по убеждению, что тем самым легче будет сеять зерно народного просвещения среди Варшавских ремесленников.

Он был один из той череды служивших Отечеству, один из тех энтузиастов, которые отдают ей всю свою душу, и жизнь коих является сплошным мученичеством... Сын состоятельного помещика из Земли Любельской, в свои юношеские годы Токаржевский встретился с ксёндзом Петром Щегинным, стал сторонником его патриотических и демократических идей, и, покинув отчий дом, вошёл в ряды заговорщиков.

Как посланец Ходловского священника, Шимон Токаржевский в мужицкой сермяге, с узелком на плече, пешком исходил Земли Любельскую, Кieleцкую, Краковскую, в крестьянских усадьбах объясняя убеждения ксёндза Петра Щегинного, просвещая народ и приготавливая почву для восстания..

Дело нашего народного трибуна было первым этапом в мученичестве Шимона Токаржевского.

Тюрьма во Львове, крепость, Модлин, омская каторга – это главные моменты в той жизненной эпохе Токаржевского.

В 1857г., при вступлении на трон царя Александра II, он возвращается на родину и намеревается осесть на своей земле.

В Варшаве, в доме Эмилии Госселин, где собирались патриоты, принадлежащие к разным общественным сферам, он встречается с группой ремесленников и, убедившись, что они люди искреннего и горячего сердца, решил сблизиться с ними и поделиться с ними чувствами и убеждениями – войти в их сферу.

Традиции Килинского оказались решающими в выборе ремесла – Шимон Токаржевский стал сапожником.

Вскоре скромный его домик на углу улиц Биелянской и Тломацкиего превращается в очаг, к которому собираются ремесленники, во главе с Станиславом Гизпаньским и молодёжью Школы Изыщных Искусств,

из Медицинской Академии, и, наконец, известные литераторы и деятели: Александр и Владислав Краевские, Эренберг, Титус Халубинский, Йе-зиоранский, Траугут, Точиский, и много других. Наступило восстание...

В 1863г. Токаржевский был вывезен в Рязань, но после четырёх месяцев возвратился, однако вскоре попал в «Павиак», а потом снова в крепость.

В 1864 году его вывезли на каторгу, в Александровск над Амуром. Впоследствии он пребывал в Иркутске, позднее в Галиче в Костромской губернии.

На родину возвратился в 1883г. после коронационного манифеста Александра III.

*Польская газета,
Дня 2 января 1907г.». Сост.*

⁴ (с.101) – Станислав Гизпаньский – уже почивший мастер сапожных дел, сын известного деятеля 60-х годов. *Прим. польск. изд.*

⁵ (с.102) – Далее в издании 1907г. следует разделительный лист с портретом Шимона Токаржевского и подписью: «Шимон Токаржевский после возвращения на Родину с первой каторги». *Сост.*

⁶ (с.103) – Заговорщики эти и осуждённые назывались *Швиенток-жижцами*, потому что собирались на квартире одного из коллег, А. Краевского, поэта и критика, который жил в доме, принадлежащем костёлу Св. Креста в Краковском предместье. *Прим. авт.* [Это подстрочное примечание Токаржевского в издании 1918г. введено в изменённом виде в основной текст книги, что будет особо отмечено нами далее. *Сост.*].

⁷ (с.103) – Подобные воззвания по велению власти священники приходов должны были зачитывать с амвонов в костёлах. *Прим. авт.* [Это подстрочное примечание Токаржевского в издании 1918г. отсутствует. *Сост.*].

⁸ (с.103) – Далее в издании 1918г. вставлен абзац, который представляет собой переработанный вариант уже процитированной выше сноски, приведённой в издании 1907г. Вот текст этого добавления: «Осуждённые, фамилии которых по распоряжению власти приходские священники должны были с амвона читать, как заговорщиков, считались: Швиентокжижцами, поскольку они собирались в квартире одного из коллег Александра Краевского, поэта и критика, проживавшего в доме, который принадлежал к приходу Святого Креста в Варшаве». *Сост.*

⁹ (с.104) – В издании 1918г. стоит другая дата: 15 апреля 1898г. *Сост.*

¹⁰ (с.106) – *Кулонами* мужики в Краковских землях называли мещан. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, а после слова «кулоны» прямо в тексте следует уточнение: «или мещане». *Сост.*].

¹¹ (с.106) – Последнее предложение абзаца в издании 1918г. отсутствует. *Сост.*

¹² (с.108) – В издании 1918г. после этого слова добавлено: «Карашевич». *Сост.*

¹³ (с.108) – Квиечинский, креатура полицмейстера Абрамовича, фаворит сенатора Стороженки, – ему вменялось в обязанность записывать новоприбывших в крепость. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, а текст ссылки полностью введён в основной текст и выделен в отдельный абзац, который начинается после слов «молодой мужчина». *Сост.*].

¹⁴ (с.109) – Этими словами он обычно выгонял узников. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта ссылка отсутствует, а её содержание полностью введено в «привязанный» к ней абзац после слов «Свинская утроба». *Сост.*].

¹⁵ (с.109) – Потом служил простым солдатом в Кяхте. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта ссылка отсутствует, её содержание полностью введено в «привязанный» к ней абзац. *Сост.*].

¹⁶ (с.110) – Да здравствует император! (*фр.*). *Прим. пер.*

¹⁷ (с.115) – Это предложение в издании 1918г. отсутствует. *Сост.*

¹⁸ (с.117) – Ясик хороший был парень! Я встретил его потом в Модлине. Знаю, что его взяли на военную службу в Иркутск, но через Томск он не проходил. Говорили мне, что в окрестностях Минска Ясик сбежал, хорошенько обработав кулаками казака, который его конвоировал. А боксировал он не хуже английского профессионала, и кулаки у него были страшные, одним ударом мог свалить самого сильного атлета. Можно представить, как он отделал того казака... *Прим. авт.* [Эта ссылка в издании 1918г. отсутствует. Её содержание в полном виде вставлено в основной текст как продолжение того абзаца, к которому она «привязана». *Сост.*].

¹⁹ (с.119) – Они приписывались Николаю I. *Прим. авт.* [Эта ссылка в издании 1918г. отсутствует. Фраза, что слова «приписывались Николаю I», вставлена в основной текст книги, в то предложение, к которому ссылка «привязана». *Сост.*].

²⁰ (с.119) – Глубокие шрамы от его когтей остались у Лесчинского до конца дней. *Прим. авт.* [Эта ссылка в издании 1918г. отсутствует. Предложение из сноски перекочевало в основной текст, оно вставлено в тот же абзац целиком после фразы: «А потом посадил в карцер на хлеб и воду» (см. ниже). *Сост.*].

²¹ (с.120) – Которого в 1864 году повстанцы повесили в его имении под Радзимином. *Прим. авт.*

²² (с.120) – Изначально служил в армии, потом ему дали на выбор две должности: дозорного при государственном стаде или директора

гимназии в Люблине и он выбрал второе. То-то получился из него воспитатель молодежи! *Прим. авт.*

²³ (с.120) – Которого мы звали Морок, жену его Нагайка, а детей – Шпицрутены. *Прим. авт.*

²⁴ (с.120) – В крепости он собрал огромное состояние. Потом приумножил его, став управляющим императорских дворцов в Варшаве. После возвращения из второй ссылки (в 1883 году) я встретил его на улице Маршалковского и остановил: «Помнишь, пан, как ты 13 июня в 1846 году записывал меня в список узников крепости? Помнишь, как сидел со мной и запугивал меня? Я Шимон Токаржевский, и вызываю тебя на Божий суд. Русскому кривду простить можно, а поляку, в той должности, которую ты занимал в крепости, ни мы, узники, для которых ты был палачом, ни история не простит никогда!». Я держал его за рукав, чтобы он дослушал меня. Этот человек скользнул взглядом по моему нездоровому лицу, по скромной одежде, и уселся в ожидавшую его карету. *Прим. авт.*

²⁵ (с.123) – Кандалы. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, слово «кандалы», как пояснение, вынесено в скобки в основном тексте после слова «браслетах». *Сост.*].

²⁶ (с.123) – Так жандармы называли каждого, кто прибывал в крепость: если в кандалах – «волк», если – без, то «зайчик». *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, она «вживлена» в структуру «привязанного» к ней абзаца с небольшими стилистическими трансформациями, не меняющими смысла фразы. *Сост.*].

²⁷ (с.124) – Мы сложили целый алфавит, состоящий из следующих друг за другом букв, соответствующих числу стуков в стену. Мы достигли просто удивительного мастерства в этой «выстукивающей» беседе. *Прим. авт.* [В издании 1918г. текст сноски в неизменённом виде был перенесён из подстрочника в основную часть главы, причём выделен отдельным абзацем. *Сост.*].

²⁸ (с.124) – Зиенткевич был присяжным заседателем и притом исполнял обязанности шпики, но глупого шпики, поскольку стремился получить прибыли одновременно от поляков и от русских. И попал впросак, пару лет его продержали в крепости, а потом он просидел ещё несколько месяцев в тюрьме в Замоштье. Приговор его звучал забавно: «Из-за недостатка разума послать его в Замоштье». *Прим. авт.* [В издании 1918г. текст сноски в неизменённом виде был перенесён из подстрочника в основную часть главы, причём выделен отдельным абзацем. *Сост.*].

²⁹ (с.125) – Родной внук Юзефа, последнего Равского воеводы, кавалера Св. Станислава, бригадного генерала, лично представленного генералом Домбровским 3 декабря 1806 года. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска полностью удалена. *Сост.*].

³⁰ (с.125) – Родной племянник Плихтов: Казимира и Андрея. Казимир погиб под Гроховом, а Андрей, секретарь Государственного Совета, участник заговора т. н. «Патриотического Содружества», был судим Сеймом в 1828 году и в 1830 году эмигрировал в Париж, где был видной фигурой в польской эмиграции. Сидел в монастыре отцов кармелитов на Лезне в Варшаве. В монастыре он посадил в саду дубок и когда я вернулся из второго изгнания, я видел этот дуб, за которым любовно ухаживал каноник Франчишек Хмелевский. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска полностью удалена. *Сост.*].

³¹ (с.127) – Такие «беседы» с детьми, которых приводили к узникам, были в большой моде в крепости. Эту функцию брали на себя их милости Блюменфельд и Квиечинский.

Когда жёны в комнате свиданий с узниками вглядывались в мужей, пытаясь запомнить и уловить малейшие изменения, любое выражение родного лица, они на краткие мгновения забывали о детях, – тут же являлись Мефистофель-Квиечинский или Мефистофель-Блюменфельд и пытались расположить к себе ребёнка: обнимали, целовали, дарили конфеты и цветочки, и притом спрашивали: «Кто бывает у твоей мамы?.. Много разных господ?... И как их зовут?... О чём они разговаривают?... А кого мамочка принимает чаще, чем других?» и т.п. Порой, в ответ на такие инсинуации, невинные дети выдавали искусствителям ценную информацию, за которую те получали награды от Следственной Комиссии, и на основании которой та же Комиссия выносила губительные приговоры подследственным. Как-то девочка, которую Квиечинский спросил: «А кто был у вас вчера с визитом?», ответила:

– А был один *фланцуз*.

– Француз? А кто такой?

– *Офицел*.

– Офицер? И что он говорил?

– Класиво поклонился и сказал: «Челез палу месяцев нас тут будет больше».

– Так, значит, сказал! – обрадовался Квиечинский. – Хорошо сказал, ладно сказал...

В ту же ночь в доме матери этого ребенка провели обыск. Не нашли ничего. Подозрительной показалась жандармам только большая коробка, запёртая на ключ, с надписью «Париж» на крышке. Приказали открыть коробку – пусто. Только при нажатии на пружинку выскакивала кукла в мундире французского офицера. Офицер кланялся и протягивал руку с визиткой, на которой была надпись: «Через пару месяцев нас будет тут больше». Коробку с «французским офицером» конфисковали. Отец счастливой обладательницы куклы-офицера попал в тюрьму

надолго. И только через много лет, после того, как он вернулся домой, сопоставляя разные обстоятельства, пришел к выводу, что это Квиечинский упрятал его в тюрьму из-за рассказа дочки про «француза». В ту пору дети состоятельных семей имели такие игрушки, которые якобы изготовляли в Париже специально для польских эмигрантов. *Прим. авт.* [Разбивка на абзацы в этой сноске наши. У Токарежского вся сноска дана единым неделимым целым, что очень затрудняет чтение диалогов. В издании 1918г. она отсутствует, а приведенный в ней фрагмент перенесён в основной текст после абзаца, начинающегося словами: «Мы стояли на скамьях...» (см. ниже). *Сост.*].

³² (с.128) – В издании 1918г. вместо двух рядов точек напечатано:

*Яблочко румяное – Тадеуш Костюшко,
А шишка лесная – императрица...*

Возможно, указанный фрагмент исключён в 1907г. цензурой. *Сост.*

³³ (с.132) – От коллег я узнал, что не все экзекуции проходили одинаково. Некоторых привязывали к доске, как Христа, других прогоняли сквозь строй солдат. Единственно несомненно, что наша Земля, любимая наша Земля, была не только окроплена, но и залита кровью. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска перенесена в основной текст и выделена в отдельный абзац, следующий за тем, к которому она «привязана». *Сост.*].

³⁴ (с.134) – Далее в издании 1918г. вставлено: «У него был титул пана воеводы, или пана генерала, поскольку был сыном последнего Равского воеводы, посла Земли Равской, одного из тех, которые подписали “*требование гарантии конституции*”, кавалера ордена Святого Станислава и генерала бригады Домбровского, который и дал ему это звание (дня 3 декабря 1806г.). Таким образом, пан Антоний Белина-Лесчинский был офицером легионов. Раненый под Москвой, он попал в плен и как простой солдат служил на Кавказе».

³⁵ (с.134) – От нажима рук сильного палача. *Прим. авт.*

³⁶ (с.135) – В издании 1918г. три приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Уже в субботу...», «Наступило общее прощание...», «Провожали нас братья...») объединены в один большой абзац. *Сост.*

³⁷ (с.135) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Увы, не со...», «Счастья и радости...») слиты в один абзац. *Сост.*

³⁸ (с.136) – Почтовое отделение находилось как раз на углу улицы Тренбацкой и Краковского предместья. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

³⁹ (с.136) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «День был прекрасный...» и «С улицы Беднарской...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁰ (с.136) – На Саксонской площади. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

⁴¹ (с.136) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «В Ордонанцгаузе встретили...» и «Мы сразу же...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴² (с.136) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Нам было сказано...» и «Множество знакомых и...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴³ (с.137) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «В двенадцатом часу...» и «Там последовали ещё...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁴ (с.137) – В издании 1918г. три приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «И, наконец, мы...», «Мы страдали, одолеваемые...» и «Мы молчали, чтобы...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁵ (с.138) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Так мы простились...» и «Отдохнув пару часов...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁶ (с.138) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Описывать подробно путь...» и «Между тем, мы...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁷ (с.138) – В издании 1918г. четыре приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Мы въезжали в...», «Холера опустошила город...», «Чиновники выбежали сразу...» и «Тем временем наступила...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁸ (с.139) – В издании 1918г. два приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Москва – огромный город...» и «Воображение рисовало передо...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁴⁹ (с.139) – Написано в 1856г. *Прим. авт.* [В издании 1918г. четыре приведенных выше абзаца (начинающихся со слов «Новгород мне очень...», «Казань, некогда столица...», «Студенты этого университета...» и «В Казани тоже...») слиты в один абзац. *Сост.*].

⁵⁰ (с.139) – В издании 1918г. фраза «после чего отправились в Тобольск» отсутствует. Далее вставлен фрагмент, который мы приводим ниже полностью:

«Кибитками из Варшавы мы ехали без остановок и дня 18 июля 1848г. перед вечером прибыли в Тобольск, губернский город, который считается памятником завоевания Сибири Ермаком.

В губернском тюремном здании нас, Поляков, поместили в такой павильон, который какой-то временный “жилец” назвал: “отель для арестованных и каторжников”. Это название как-то пристало к нескольким избам и сохранялось постоянно в течение ряда лет. Как нынешних

арестантов, и каторжников в будущем, *in spe* [в перспективе (*лат.*), – *прим. пер.*] нас поместили в этот “отель” вместе с партией бродяг, собранных из разных сторон российской империи и ожидающих дальнейшей экспедиции. Квартира, которая нам предназначалась, была обширной комнатой, в виде вытянутого прямоугольника, с шестью высоко размещёнными и густо, накрепко зарешеченными окнами, так что освещение было не из худших. Нам удалось совершенно благополучно занять один угол этой комнаты, наилучший угол, вблизи печи, которая, судя по её высоте и широте, должна была составлять предмет споров.

В Tobольске меня ожидала очень болезненная неожиданность. Кроме пяти, которые нас опередили из Модлина, я застал Юзика Богуславского, а также Юзефа Жоховского. Это был мой учитель из Щебежинской школы, один из тех, кого я больше всего любил и почитал. Когда мы встретились ещё так недавно в Щебежинине, могли ли мы предвидеть, где и в каких условиях встретимся вновь?... Вскоре после нас прибыли: Юзеф и Кароль Рудницкие и Александр Гжегожевский. Неудобства длинного пути исчерпали полностью наши силы. Полуживые, без сил, прямо в одежде, мы рухнули на отвратительно грязные топчаны, заражённые паразитами, следящими за каждым движением человека, ищущего на топчане лишь сна и отдыха. Несмотря ни на что, однако, спали мы, как суслики. Примерно около полудня дозорному удалось нас разбудить и заспанных повести в канцелярию, где начальник тюрьмы после сопоставления наших бумаг с нашими личностями, велел нам выйти. В оригинале это звучало так: “*Пошли вон!*”.

Поскольку в “отеле арестантов и каторжников” не было никаких предписаний, обязующих работать, и никакой регламент не действовал, мы, с наших леговиц, вставали поздно. Это коротало нам дни, гораздо более мерзкие, нежели ночи, когда бандиты уже погрузились в глубокий сон и во всём здании царили покой и тишина. Тогда мы, Поляки, начинали беседовать о разных вопросах. Охотнее и чаще всего мы говорили о тех, которые касались *caram patriam* [дорогой родины (*лат.*), – *прим. пер.*] или хотя бы отдалённо были с ней связаны. Наши посиделки обычно кончались одинаково: профессор Жоховский становился на колени и вполголоса говорил: “Кто под опекой...”, “Все наши дневные деяния...”, а также и иные молитвы и песни. Собравшись около достойного старца, также на коленях, мы повторяли слова молитв... Повторяли их в унисон и в экстазе. Из нашего сознания исчезала тут же и тюрьма, вонючая комната, слабо освещённая масляным фонарём... Из нашего сознания исчезало отвратительное окружение... Исчезала угроза неизвестного будущего... Мелькали образы неизвестной и страшной будущности... Наши взоры, наши руки невольным движением

тянулись вверх... к небу... а юношеские наши сердца были полны веры в триумф идеи, которая была для нас самой дорогой.

Когда мы немного отдохнули, меня одолело непреодолимое желание письменной беседы с родственниками и приятелями. Такое желание для людей грамотных, находящихся в цивилизованном крае, весьма легко осуществить.

Да! Но не в Tobольском “отеле для арестантов и каторжников”! Бумагой и конвертами мы запаслись в изобилии, – а вот раздобыть перья и чернила было труднее. В конце концов, после многих безрезультатных попыток, бутылочку чернил, а также перьев, и то не каких-нибудь! – это были перья орлов карагушев, из тех маленьких сибирских орлов, которые гнездятся в степях кочующих киргизов, – вот такие перья достал нам некий Емельяшка. Это был старый, козёл-пьяница, инвалид, на котором лежала обязанность поддерживать порядок в канцелярии тюремного начальства. Тот же Емельяшка взялся отнести наши письма на почту, и, поскольку клялся всеми небесными и адскими силами и призывал всех покровителей, чудотворцев в свидетели, что выполнил поручение, это нас подвигло продолжить столь дорогую для нас корреспонденцию. Итак, мы целыми днями писали письма, почему наши сожители присвоили нам прозвище “сильно грамотных”, или “крепко пишущих”. Мы сносили насмешки, не переставая писать письма, коли уж так благоприятно сложились обстоятельства для переписки, что, наверное, не скоро опять случится с нами.

“Я видел французов, видел немцев, видел итальянцев, я даже видел пещеры Сивилл, – хвастался перед родственниками Ян Кохановский. – Я не видел тех цивилизованных и живописных краёв, которые восхищали Яна из Чернолесья, – но вчера сумел присмотреться вблизи к чему-то, что в описании посчитал бы вымыслом, и что фактически в первой половине девятнадцатого столетия существует в Tobольске над Иртышем...”

А было так: за мелкие подачки, которые он получал за мелкие же услуги, Емельяшка, как мог и умел, оказывал нам свою благодарность и как-то, когда мог располагать своим временем, – спросил:

– Вы, господа Поляки, не имели бы “охоты” увидеть нашу тюрьму?

– Да нет! Нет! Я, по крайней мере, такой “охоты” не имею, – крикнул я, когда услышал предложение Емельяшки, и вытянул руки перед собой, будто бы чтобы отпихнуть какой-то отвратительный и страшный морок... Ибо вдруг передо мною возникли карцеры в Самборе и во Львове, на улице Сыктуской... Варшавская цитадель... Казематы в Модлине, все тюрьмы, в которых я провёл ряд лет моей столь ранней юности, – всё это встало передо мной со всем сопутствующим набором

физических и моральных унижений... Нет, этим я был сыт по горло... И даже более чем — одним видом вообще какой-либо тюрьмы! И моим товарищам также совсем не хотелось снова увидеть карцеры.

Емельяшка, тем не менее, не разочарованный нашим отказом, так убеждал и так комично и пылко пытался пробудить наше любопытство, что просто для того, чтобы избавиться от его натиска, мы последовали за ним в лабиринт коридоров тобольского тюремного здания, в котором один павильон занимают осуждённые, цепью прикованные к стене.

Длинный, узкий мрачный коридор разделяет череду камер. Над дверьми каждой камеры висит большая белая таблица, на которой чёрными буквами написан номер, который одновременно является теперь и именем жильца этой камеры... Конечно, имя осуждённого “на цепи” и пожизненное заключение фигурирует в канцелярских книгах, но никто о них никогда не спрашивает, никто о них не беспокоится... Никто из родственников, из приятелей ни письменно, ни лично не объявляется к осуждённому этой категории... Так, как будто они вычеркнуты из числа живущих на этом свете...

В коридоре, по которому нас вёл инвалид Емельяшка, таких камер было двадцать, по десять с каждой стороны; двери камеры, означенной номером десятым, стояли отворёнными настежь, как это обычно бывает во время уборки. За “парашником” вошли также и мы. Пол, из красного кирпича, такой же низкий сводчатый потолок, затянутый паутиной, — не оштукатуренный и почерневший от пыли и влажности стены, — топчан, едва-едва чем-то покрытый, что когда-то называлось соломой, в углу наиболее близко к топчану, деревянная ёмкость, переполненная вонючей жидкостью, в другом углу кирпичная печь, такой была камера, означенная номером десятым.

А что же несчастный, который сидел на привязи в этой камере?... Наш взор, одним махом оглянув камеру, и лишь потом увидел её жильца, который тем больше интересовал нас, хотя скорее я должен был бы сказать — возбудил в нас ужас, так что Емельяшка нас предупредил:

— Тут сидит такой, из “панов”, такой один из шляхты и “чиновник”... Ну-с, и много это ему помогло? Смотрите, *господа*, наверное, был ещё той птичкой!

Тот, “из панов”, экс-шляхтич, экс-чиновник, сидел скрюченный на краю своего топчана, когда мы вошли в камеру. Мы ступали тихо и потому он не заметил, как мы вошли, впрочем, наверное, посчитал, что это ходит здесь “парашник”.

— Ну-с, “лумер” десятый! Что? Вы спите... Спите в белый день, при ясном солнце?... Что?... А?... — закричал Емельяшка. — Я должен добавить, что вид белого дня, ясного солнца был совершенно недоступен в этом

мрачном закутке, где имелось под самым потолком только одно маленькое зарешёченное круглое окошко, которое как зонтиком было затемнено каким-то выступающим карнизом верхнего этажа.

— Я вам гостей привёл... И не абы каких! Издалека... “Лумер” десятый, просыпайтесь! — номер десятый дрогнул... Вскочил, покачнулся, как будто внезапно спугнутый со сна, как будто собирал и приводил в порядок мысли, расплывающиеся и бессмысленно блуждающие. Затем он встал и ждал, держа руки на лбу. Он не мог, видно, понять цель визита аж девяти мужчин, прибывших издалека, несомненно, считал нас за чиновников, которые приехали в Тобольск на проверку.

Потому в позе полного унижения молчал, ожидая вопроса и всё время держа руки на лбу.

Юзик Богуславский, лучше всех нас владеющий российским языком, спросил номер десятый, откуда он прибыл в Тобольскую тюрьму?

— Лет три, месяцев пять и дней двенадцать. Это наивернейший счёт... Я не ошибаюсь, хотя у меня нет календаря, — вялым тоном ответил номер десятый.

— А как же без календаря вам удаётся справиться с такими расчётами? — спросил Богуславский.

— Каким способом? Весьма простым. Каждый день отгрызаю кусочек соломки, из той, что лежит в моём топчане. Каждый десяток соломинок я складываю в щели, которых хватает и в полу, и в стенах моей камеры. Когда собирается три десятка соломинок, а в некоторых месяцах три десятка плюс одна соломинка, — я вытаскиваю эти пучочки из щелей и сразу же на кирпиче под моим топчаном, кусочком мела, который, наверное, остался после моего предшественника в этой камере, — пишу, что такой-то и такой-то месяц уже закончился. Также записываю года и таким образом без перерыва кирпич за кирпичом, повторяю эти несложные манипуляции, которые имел честь исчерпывающе объяснить Вашим Превосходительствам с их благоволения.

Не нарушая нашего инкогнито, Юзик Богуславский сказал заключённому, что мы не имеем права на титул *Превосходительство*. Приняв это к сведению, Нумер десятый сразу же изменил выражение лица, голос его стал менее униженным, но говорил он также любезно, почтительно, чтоб заставить нас заинтересоваться его особой, а, может, кто знает?... может, слегка поимпонировать нам своим весёлым будущим...

Он похвалился, что был потомственным шляхтичем по рождению и высоким чиновником по рангу. Имел в Петербурге великолепно обставленное жилище, имел собственного верхового, собственную *коляску* и николаевский плащ, подбитый бобрами... Начальство канцелярии, в которой он работал, очень его ценило...

Мы не смели спросить о причине, которая разрушила так великолепно начатую карьеру... Нумер десятый не спешил с пояснением этих причин, только вздохнул:

– Так вот по-разному встречается на свете.

– Конечно, очень по разному, – поддакнул Адольф Грушецкий.

Нумер десятый, обрадованный неожиданной встречей, сам поддерживал разговор и с неописуемым удовольствием просто растворялся в своих воспоминаниях. Выражался он гладко, часто пользуясь французскими словами и оборотами. По нём было видно, что он не утратил ещё некоторую полировку, которая пока сохранилась в общих карцерах, в общении с неотёсанными бродягами. Он был осуждён на пожизненное тюремное заключение в камере, с закреплением к стене в течение восьми лет. Ах! Емельяшка, наверное, был прав: Нумер десятый должен был совершить какие-то невероятные преступления, если его осудили на такое тяжкое наказание. И притом этот несчастный надеялся, что “вскоре царская милость скоротит ему наказание”. Никогда ничья надежда не была столь беспочвенна и столь нереальна, поскольку ни один манифест не касался осуждённых на цепи.

Нумер десятый, рослый, представительный мужчина, во цвете лет, был мечен калёным железом на щеках и на лбу; наполовину бритый лоб придавал его физиономии странное и комичное выражение... Он был одет в обычную двухцветную одежду каторжника, рваную и грязную, а кандалы были прикованы на ногах. Пояс его облегал широкий стальной обруч с цепью из массивных колец, и этот пояс опирался на бедра осуждённого, – а цепь, довольно длинная, с помощью крепкого крючка была закреплена к стене...

Тот, кого одевают в такой стальной пояс, уже никогда этот пояс не снимет, пока либо не минет число лет, на которые человек осуждён, или когда смерть раньше намеченного срока освободит осуждённого. Тот, кто прикован к стене, порога своей камеры никогда не переступит, до последней минуты назначенного ему срока. В этой мрачной камере этот добровольный “бродяга” и вынужденный “кающийся” будет годы и годы существовать, не видя ясного солнца, не видя света во время долгих северных зимних вечеров... В этой душной, влажной, смердящей темнице, голод не раз будет мучить его внутренности... Здесь, в этой берлоге он не раз будет болеть и терпеть разные физические недуги, привычные для осуждённых, и будет их сносить в одиночестве, забытый людьми, проклятый судами, ненавидимый дозорными и тюремными служками...

Поистине! В таких условиях можно совершить самоубийство, или ошалеть, если смерть не прервёт эту страшную жизнь раньше. Однако, в Тобольской тюрьме ни один из осуждённых “на цепи” ещё не раз не кончал жизнь самоубийством. И случаи смерти у людей не старых, среди осуждённых этой категории, как твердил Емельяшка, происходят очень редко, разве что организм заранее был поражён какой-нибудь болезнью, которую он принёс с собой с воли в тюремные стены...

Когда парашник кончил убирать камеру, мы почувствовали, что уже время прервать этот необычный визит...

Нумер десятый кланялся нам изящно, изысканно, согласно канонам хореографии. Может, припомнились ему петербургские салоны и светскости, принятые в них... Может, в его воображении маячили фигуры товарищей бывших гулянок, – товарищей, знакомством и близостью с которыми гордился... Мы попрощались с несчастным такими словами:

– Пребудьте с Богом!

Скоро дозорный запер двери камеры номер десять, толстые, железные двери, снабжённые с обеих сторон крючками, в которые он просунул задвижки, запер огромным ключом, и отверстие замка закрыл блестяшкой, – Емельяшка начал говорить и, глядя на нас самодовольно, спросил:

– Ну-с, *господа*, разве не красивые у нас камеры в нашей губернской Тобольской *тюрьме*, что? А? таких хоть с фонарём ищи, не найдёшь ни в одной *тюрьме* Западной Сибири, а в Восточной таких не увидишь, потому что это дикий край!

Господи, Боже! Какие же понятия о цивилизации были у инвалида Емельяшки!...». *Сост.*

⁵¹ (с.140) – Восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов: «Это губернский город...», «Через пару дней...», «Более шестидесяти человек...», «Трудно поверить, сколько...», «Одновременно открывался источник...», «В Тобольске, кроме тех...», «Через пять недель...» и «Часто заходил в...») в издании 1918г. отсутствуют. *Сост.*

⁵² (с.141) – В издании 1918г. этот абзац отсутствует. *Сост.*

⁵³ (с.141) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Меж подобных заключённых...», «Другой заключённый, Корнев...», «А что же...» и «Такие беглецы не...») слиты в один абзац. Далее следует завершающий фрагмент главы, который в издании 1907г. отсутствует:

«Во время нашего этапа в Тобольске вспыхнула невиданная доселе холера, ежедневно умирало по несколько десятков людей. Вместо того, чтобы бороться с эпидемией, вместо того, чтобы объяснять, как

обороняться от неё с помощью лекаря, – старые и молодые тобольчане, нищие и богачи, урядники и купцы, ломали себе головы, откуда в Тобольске эта “болячка” появилась в первый раз с самого основания города. Такие споры длились в течение долгих часов, пока, в конце концов, какой-то обыватель эту запутанную проблему разрешил просто: он утверждал, что не кто иной, кроме политических преступников Поляков не мог привезти с собой холеру. *Vox populi* [глас народный (лат.), – прим. пер.] согласился с этим утверждением, объясняя такой факт ненавистью Поляков к россиянам, и желанием поубивать всех жителей Тобольска, что позволило бы Полякам выбраться из тюрьмы и убежать... Тут же нашлись свидетели, готовые признаться под присягой, что якобы видели, как Поляки, привезённые в кибитках через город, вынимали из карманов толстые мешочки и раскидывали их по улицам. Конечно, в этих мешочках, как твердили свидетели, – находилась холера... Она отравила воды в Иртыше и во всех колодцах... отравила воздух. Скоро такая байка улеглась в тёмных и суеверных головах, разошлась по городу и с быстротой молнии разбежалась по всему Тобольску, вызывая чуть ли не революцию.

– Выдайте нам Поляков!... Они не только оскорбили нашего батюшку-царя, но хотят всех нас изжить со света!... Они хотят завладеть всем Тобольском!... Выдайте нам Поляков! – кричали заводилы.

А толпа укрепляла их требования... верещала, метала всяческую клевету, злоречия, проклятья и выла от неудержимой ненависти... Несколько парней хватились за кирки и секиры, чтобы выломать стены и разбить ворота тюрьмы. Когда уверения тюремного начальства не возымели никакого действия на разъярённую толпу, вызвали солдат из казарм. Солдаты оружием разогнали толпу... Но было видно, что делают они это неохотно, несомненно, соглашаясь с толпой в её убеждениях и желаниях. Весть о том, что делается в городе, и что произошло перед тюремным зданием, вмиг дошла до “отеля арестантов и каторжников”, вызвав среди бродяг страшное волнение и тревогу. Ожидая высылки в назначенные им места наказания, в рудники, крепости и разные сибирские карательные предприятия, бандиты на долгих этапах ведут весёлую и беззаботную жизнь. Мысль о будущем не портит им весёлого настроения. Каждый дрожит за свою жизнь, как за самое драгоценное сокровище. Клевета, которая на нас обрушилась, нашла среди бандитов абсолютное доверие. Их волнение и тревога, подкреплённая ненавистью к людям интеллигентным и шляхетного происхождения, обратилась к нам в таком остром виде и обрела такие грозные для нас формы, что тюремная власть потребовала помощи от губернатора... Кого судьба пощадила, не показав, как выглядят бандиты, объятые непреодолимой

яростью, тот, конечно, не может представить, что мы тогда пережили... Мы сгрудились в одном конце комнаты... Печь образовала наш фланг. Впереди мы в мгновение ока смогли составить баррикады из наших топчанов, узлов и чемоданов. Перед этой баррикадой встал Емельяшка и, размахивая какой-то старой заржавленной сабелькой, неустанно кричал:

– Первому, кто приблизится, разрублю лоб на две половины и рассеку на сто кусков!

Бандиты из всего “отеля” ввалились в нашу комнату и, несмотря на угрозы Емельяшки, приближались к нам, окружая нас тесной громадой, объятые жадой убийства, жадой крови... Наше положение было всё критичнее, и всё опаснее... когда вдруг в комнату вломились солдаты с штыками, как для атаки... Бандиты всей купой отступили к дверям и в другие комнаты... Емельяшка умолк и опустил свою сабелку... Мы выбрались из-за нашей баррикады, солдаты тем временем встали полукругом, ограждая нас от бандитов. Тогда в избу вошёл губернатор, в окружении военных и штатских тобольских чиновников.

– Что здесь происходит? – крикнул громким голосом. – Что тут за авантюры? Кто не успокоится – тому сто палок и в яму! Поняли, безмозглые вы чёртовы твари?... Вы бунтовщики... Кто “зачинщик”? Говорите сейчас же! Слышали?...

Конечно же, слышали, но, тем не менее, никто голоса не подавал; ни с чьих уст не сорвалось ни признания, и вообще ни одно слово. Все бандиты молчали. Опустив лбы, стояли одни спокойные, тихие, неподвижные. Вид штыков и угроза “сто палок и в яму!” успокоили их в мгновение ока... Вдруг, из группы, окружающей губернатора, появился кто-то, кого мы до сих пор не заметили. Был это мужчина во цвете сил, красивый, гибкий, высокий, и удивительно приятный. Среди громады разбушевавшихся злодеев, тюремных, разъярённых, нахмурившихся чиновников, этот молодой человек, неожиданно появившийся, показался нам таким испуганным, каким-то гостем с иной, какой-то лучшей планеты. В эту комнату, мрачную, грязную, вонючую, он внёс с собой какой-то тонкий и приятный запах парфюма, и дух высших сфер общества. Был он одет в тёмно-синий фрак, белый галстук, белые перчатки и такие же шёлковые чулки. Бриллианты его орденов, прикреплённых к фрак, сияли ярким блеском. На нас, Поляков, он обратил сочувственный и приязненный взгляд.

– Превосходительство, – вполголоса, спросил он по-французски губернатора, указывая на нас глазами, – все они политические преступники?

– Да, именно, господин граф!

– Шляхта?

– Пониженная до мужиков! – спешно объяснил губернатор.

Граф усмехнулся и очень тихим шёпотом, который только очень чуткий слух мог бы уловить, сказал, скорей как бы про себя, чем обращаясь к своим спутникам:

– Ну, это ничему не мешает! – уже громко добавил он, обращаясь к губернатору. – Позволю себе предположить, что наилучшим было бы обособить этих политических преступников.

– Если господин граф скажет...

– Я позволил себе только выразить свой взгляд, не имея права издавать какие-то приказы, – живо, но очень благосклонно сказал молодой граф, хотя покорные выражения лиц местных чиновников и приниженность их поведения с ним указывали, что именно он имеет все права распоряжаться в Тобольске. Его вежливое: “позволю себе предположить” означало: “так надо сделать! Потому что я так хочу! И так всё и будет!”.

– Есть у нас какая-нибудь свободная камера? – спросил губернатор начальника тюрьмы.

– Все отдельные камеры заняты, *Ваше Превосходительство*, все общие камеры переполнены, – ответил начальник.

– Тем не менее, позволю себе предположить, Ваше Превосходительство, – вновь обратился к губернатору граф, – что при доброй воле в обширном Тобольском тюремном здании найдётся всё же какой-нибудь уголок, где бы можно спрятать этих политических преступников от нападения этих *de ces brigands* [бандитов, негодяев (*фр.*), – *прим. пер.*]. Настаиваю и... очень о том прошу, Ваше Превосходительство, а также ваших подчинённых. Думаю также, что во избежание впредь подобных происшествий, наилучшим способом было бы ускорить отсылку партии, к которой надо присоединить Поляков.

– Мы в точности исполним ваш приказ, господин граф, и не помедлим, издадим соответствующее распоряжение, – в унисон поклонились губернатор и все остальные.

Время Декабристов ещё было достаточно близко. Незнакомый “граф”, вполне возможно, насчитывал среди своей близкой родни “бунтовщиков” и этим мы объясняли его сочувствие к нам. Благодаря ему, мы тут же были переведены в комнатку, при квартире тюремного писаря. А он как раз в это время составлял рапорт о причинах и разрастании этого бунта. Щедро запивая горилкой своё совещание, и покуривая трубку, мы говорили о молодом чиновнике, который так неожиданно и вдруг появился в Тобольске. Через тонкие, полные щелей, перегородки, мы прекрасно слышали разговор двух приятелей.

– Из Петербурга приехал в собственном тарантасе, а четыре кибитки везли его багаж. Там, в губернаторском дворце, говорили, что это такой, который будет осматривать всю Сибирь и записывать всё, что увидит.

– Это человек нежелательный, Петр Андреевич, я в нашей *тюрьме* хочу управляться, как в собственной кухне!... Если бы я был губернатором, я бы ему сказал: “Не суй нос в чужие дела, а следи за своими собственными!”.

– Ну-с, ничего бы вы так не сказали, Антип Степанович, – рассмеялся Петр Андреевич.

– Сказал бы, сказал бы, честное слово, – настаивал подвыпивший собеседник, – почему он заступается за политических преступников? Что? А?

– Потому что в губернаторском дворце говорили, что старый граф единственного сына выслал учиться в Париж, и там он заразился...

– Чем, Пётр Андреевич, говорите быстро, чем он заразился, молодой граф в Париже?

– *Новинками*.

– Ну-с, значит, “пропала его телега”, – крикнул Антип Степанович, – засадят его в Шлиссельбург, а может недолго пан граф приедет и в Тобольск с бритым лбом и в цепях! Гляди-ка! Матушке России не нужны такие графы, которые в проходных дворах ветрами, бурями и “новинками” промышляют». *Сост.*

⁵⁴ (с.142) – Потому подобные ревизии проходили на каждом этапе. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, её текст перенесён в конец «привязанного» к ней абзаца. Пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Дня 11 августа...», «Из ткани, что...», «На пропитание каждого...», «В таком странном...», «Проверяли прежде всего...») в названном издании слиты в один большой абзац. *Сост.*].

⁵⁵ (с.142) – В издании 1918г. отсутствует рисунок, а последнее предложение из предыдущего абзаца (начинающегося со слов «После переклички “разбойникам”...») и первое предложение наст. абзаца заменены одним предложением в новой редакции: «Тех, которым места не хватало, прицепили друг к другу по три или четыре человека с помощью устройства, состоящего из железного обруча, охватывающего шею человека и цепей, соединённых между собой в среднем обруче и закреплённым к кандалам». *Сост.*

⁵⁶ (с.143) – В каждой партии есть свой староста. *Прим. авт.*

⁵⁷ (с.143) – В издании 1918г. девять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «После переклички “разбойникам”...», «Пояснение: а, б...», «Нам, двенадцати Полякам...», «Офицер, который конвоировал...»,

«Когда партия отошла...», «Требования таких выплат...», «Убедившись, что некоторые...», «Когда мы выехали...», «Для этого мы...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁵⁸ (с.144) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–*Ваше благородие!*», «Затем спросил у...», «Но где там!...», «И начался торг...», «Так начался наш...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁵⁹ (с.144) – В издании 1918г. шесть приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Страшно было подумать...», «Когда пришло время...», «В полночь он...», «Остаток ночи мы...», «Когда камеру отперли...», «Должны признаться, что...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶⁰ (с.145) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «После месячного похода...», «Карол Богдашевский, Адам...», «В Таре братья...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶¹ (с.146) – В издании 1918г. двенадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Но вот мы...», «Но всё получилось...», «В Болотном, отдалённом...», «Такие задержки партии...», «Итак, мы должны...», «Проживающий в Болотном...», «Вместе со старостой...», «Пекли его молдаване...», «Хлеб вышел отличный...», «С каждым днём...», «Неплохо жили мы...», «Узелок достался мне...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁶² (с.147) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «В *Варюхине*, где...», «Вечером офицер Лисаков...», «Евгения Петровна имела...», «Но притом гостеприимна...», «Пока мы сидели...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁶³ (с.147) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «После чая и...», «Она пела. Но...», «Конечно, мы очень...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶⁴ (с.148) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Вот тебе на!...» и «Утром Евгения Петровна...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶⁵ (с.149) – Где мы уже не нашли Евгении Петровны. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

⁶⁶ (с.149) – В издании 1918г. десять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «От Томска нас...», «Мороз стоял сильный...», «Всё это – пока...», «Рассказу вторят дикие...», «Наш поход из...», «Восход солнца показал...», «Как только мы...», «Через два дня...», «В Томске мы...», «5 декабря под...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁶⁷ (с.150) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Один из наших...», «Уроженец далёкого севера...», «Из Томска он...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶⁸ (с.151) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Началась игра. Жигалин...», «Стоя рядом, мы...», «Через пару дней...», «По пути в...», «Два раза в...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁶⁹ (с.152) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Глядя на горы...», «На одну из...», «Увидели камень, на...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷⁰ (с.153) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Сперва эти “поляки”...» и «У самого входа...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷¹ (с.153) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Так я твою...» и «Хозяйка и девочка...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷² (с.154) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Если бы ты...», «Этот рассказ, видно...», «В это время...», «Я спокойно ответил...», «Наши слова, видно...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷³ (с.154) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Ничего, хозяин, мы...», «По мнению староверов...» и «Об убийстве речи...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷⁴ (с.155) – Тогда – майор Маценко, малоросс, неплохой человек. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, звание и фамилия «майор Маценко» внесены в основной текст после слова «комендант», однако выражение «малоросс, неплохой человек» из текста удалено полностью. *Сост.*].

⁷⁵ (с.155) – Якублевич. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, фамилия «Якублевич» внесена в основной текст после слова «офицер». *Сост.*].

⁷⁶ (с.155) – Гусев. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, фамилия «Гусев» внесена в основной текст после слова «майор». *Сост.*].

⁷⁷ (с.155) – В издании 1918г. приведённые выше три абзаца (начинающиеся со слов «Вот уже и...», «Крепость Усть-Каменогорск, названная...», «Один батальон линейных...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷⁸ (с.155) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Комендант принял нас...», «Когда мы вошли...» и «Представьте себе такую...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁷⁹ (с.156) – В издании 1918г. двенадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Такое спокойствие и...», «Все праздники Рождества...», «В тот день...», «Ангел сказал пастухам...», «В эту минуту...», «Мы умолкли. И...», «Утром нам выдали...», «Всё такое заношенное...», «В России имеется...», «Когда партию послали...», «Когда

мы с...», «Обметать снег лопатами...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁸⁰ (с.158) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Снова взрыв смеха...», «Весь день мы...», «Это был наш...», «30 января 1849...», «Мы навели порядок...», «Ксёндз Юргелевич привёл...», «Только тот, кто...», «Мороз сотворил из...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁸¹ (с.159) – Которых князь Паскевич перед высылкой велел пороть на площади Бронной. *Прим. авт.* [В издании 1918г. текст ссылки перенесён в конец абзаца, к которому она «привязана». Девять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Между тем, нас...», «По воскресеньям и...», «У Якублевичей мы...», «Сестра полковника сибирских...», «С помощью Маценко...», «Ежедневно мы выходили...», «При каждом разливе...», «Кроме ремонта дамб...», «А тем временем...») слиты в один абзац. *Сост.*]

⁸² (с.159) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Мы провели в...», «Было это в...», «Мы сидели вместе...», «Среди других подсудных...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁸³ (с.160) – Кривоногов. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта ссылка отсутствует, фамилия «Кривоногов» внесена в основной текст после слова «полковник». *Сост.*]

⁸⁴ (с.161) – В издании 1918г. двенадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Господи! Иисус Христос!...», «Такова была его...», «Вахтёром он называл...», «С виду этот...», «У нас обнаружили...», «Полковник, присланный на...», «До нас дошли...», «В июле 17...», «О, нищая, одинокая...», «Но дух Феликса...», «–Вот я, Господи...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

⁸⁵ (с.161) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «И тут мы...», «Добрые люди, что...», «Прощание было скорбное...», «Она плакала и...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁸⁶ (с.162) – «... встретился с Токаревым, ещё очень молодым человеком, свежим, румяным, сильным, смелым, который в дороге полтапа нёс на плечах падающего от усталости Богуславского, что повторялось на протяжении 700 верст. Надо было видеть, какая приязнь связывала их». *Достоевский*, «Записки из Мёртвого Дома», с. 120. [В издании 1907г. это примечание не подписано. В издании 1918г. стоит подпись: «Примечание переписчицы». *Сост.*]

⁸⁷ (с.162) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «20 сентября 1849...», «Велено было заковать...», «Юзек был очень...», «Он отказал...», «Тогда мы взяли...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁸⁸ (с.162) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «У него была переменяющаяся...», «Первый ночлег мы...» и «Как только мы...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁸⁹ (с.162) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Мы очень удивились...», «Гость представился нам...», «Уроженец Познаньского предместья...», «Но в Киеве...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹⁰ (с.163) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся словами «Усталый Жоховский лежал...», «Во время рассказа...», «Я спросил его...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹¹ (с.164) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Я, – рассказал Карпович...», «Карпович с такой...», «Вспоминая разные признаки...», «В другой станице...», «Мы задержались в...», «Посуду для приготовления...», «Я, новоиспечённый повар...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹² (с.164) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Я смутился, попросил...», «Жаркое получилось превосходное...», «С годами я...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹³ (с.165) – Который потом вернулся в Польшу. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

⁹⁴ (с.165) – Гилёв. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

⁹⁵ (с.165) – Тем самым, которых называли Поляками. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

⁹⁶ (с.166) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «В Семипалатинске в...», «От него военные...», «Однако, при заступничестве...», «Утром при смене...», «Собрав наш скarb...», «Были в этой...», «Эти казаки помогали...», «Переночевав с казаками...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹⁷ (с.166) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Нечего вам спешить...», «Мы остались и...» и «Этот писарь возвращался...») слиты в один абзац. *Сост.*

⁹⁸ (с.166) – *Похмелье* – это то выражение, если можно так выразиться, техническое, для обозначения состояния человека на следующее утро после перепоя – каждый сибирский пьяница клин клином вышибает, то есть опохмеляется, то есть напивается во второй раз, и это питьё продолжается до тех пор, пока у пьяницы не кончатся либо деньги, либо силы, чтобы пить дальше. *Прим. авт.*

⁹⁹ (с.167) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Что вы, Ваше...», «И приговорили писаря...», «Больше часа лежал...», «И мы должны...», «“Преступника” подняли

с...», «После двухдневного пребывания...», «В пригороде все...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁰⁰ (с.167) – Хотя стоял только еще сентябрь, но в тех краях зима уже была недалеко. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

¹⁰¹ (с.168) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Я горжусь этими...», «После завтрака Хиршфельд...», «Мы обошли весь...», «В дальнейшем походе...», «Когда мы туда...», «Старшина казаков обходился...», «В кандалах идти...», «До Омска нам...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁰² (с.169) – В издании 1918г. десять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Нам казалось, что...», «Если честно, то...», «В глубине души...», «В таком невесёлом...», «Там жил казачий...», «Это была *каталажка*...», «На дне сундука...», «Когда мы из...», «Вечером мы прибыли...», «Жена Кжижановского, Наталия...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁰³ (с.169) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Несмотря на то...» и «В Очаире у...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁰⁴ (с.170) – В издании 1918г. одиннадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «12 ноября 1849г...», «Между собой мы...», «Сопровождающие казаки всячески...», «С прибытия в...», «Командант крепости, к...», «В Ордонанцгаузе представился...», «Тот момент, когда...», «Жуковский в Брюловском...», «Перед домом, где...», «Вскоре из дома...», «Плац-майор Василий...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

¹⁰⁵ (с.170) – Профессор Жоховский и Богуславский отпустили длинные бороды. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, примечание перенесено в основной текст и заключено в скобки. *Сост.*].

¹⁰⁶ (с.170) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Стоя перед Васькой...» и «Поскольку мы молчали...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁰⁷ (с.170) – Так русские называют бывших каторжников и тех, кто не помнят роду-племени. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

¹⁰⁸ (с.172) – После этого абзаца следует разделительный лист с портретом Шимона Токаржевского и надписью: «Шимон Токаржевский в одежде каторжника в Омске». (В издании 1918г. фотографическая вставка отсутствует). *Сост.*

¹⁰⁹ (с.172) – В издании 1918г. двадцать один из приведённых выше абзацев (начинаются со слов «Вот, оказывается, каким...», «Затем ещё

раз...», «–*Пошли вон!*», «В Ордонанцгаузе мы...», «Было уже темно...», «На улице, перед...», «Ночь мы провели...», «На утро нас...», «Первым пошёл “под...”», «Признаюсь, – мне не...», «Когда он показался...», «После этой операции...», «Было ещё рано...», «Васька собирался ехать...», «В заключение он...», «После Васькиных наставлений...», «Потом в ордонанцгаузе...», «Как? Где? Когда?», «Александр Мирецкий прибыл...», «Это были первые...», «Так возник план...») объединены в один большой абзац. *Сост.*

¹¹⁰ (с.173) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинаются со слов «Однако они остановились!» и «Но и Васька...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹¹¹ (с.174) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Выпустили его без...», «Обычная порция, предназначенная...», «Чтобы быть поротым...», «Умный, злой, мстительный...», «И такому-то человеку...», «Но разве Васька...», «Рассказывая о плац-майоре...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹¹² (с.176) – В издании 1918г. тринадцать приведённых выше абзацев (начинаются со слов «Военным губернатором Западной...», «Она единолично и...», «Балы, прогулки на...», «Кто не хотел...», «Так, князь незаслуженно...», «Алексей Фёдорович де...», «Страстный охотник, стрелял...», «Наибольшую радость доставлял...», «Он был знатоком...», «Жена Алексея де...», «Стараниями Анны Андреевны...», «Во всё время...», «И мужа этой...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹¹³ (с.177) – На следующий день после прибытия в Омск он получил 300 розог, на которые осудил его пьяный Васька. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, её текст перенесён в тот абзац, к которому она «привязана». *Сост.*].

¹¹⁴ (с.177) – В издании 1918г. пятнадцать приведённых выше абзацев (начинаются со слов «Но – возвращаюсь к...», «Итак, привели нас...», «Открылись двери каземата...», «В дверях стоял...», «И эти люди...», «С моей стороны...», «Бывали такие недели...», «Отчаяние овладело мною...», «Однажды я выбежал...», «Мне было так...», «–У меня хватит...», «Наверное, я исполнил...», «От греха, от...», «Это случилось в...», «Я почувствовал себя...») объединены в один абзац. *Сост.*

¹¹⁵ (с.178) – В издании 1918г. шесть приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Позднее, всякий раз...», «В эту безбожную...», «Выше я уже...», «Он приходил в...», «За что?... Ни...», «Причина такого отношения...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹¹⁶ (с.178) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Когда мы прибыли...», «Несчастному Олесю приходилось...», «В результате такой “работы”...», «Толчки, обидный

хохот...», «По Васькиному приказу...», «Вскоре они разошлись...», «По-здоровались, пожали друг...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹¹⁷ (с.179) – В издании 1918г. десять приведённых выше абзацев (начинаются со слов «Это пожелание не...», «Территория крепости являла...», «Вокруг частокола – вал...», «Двустворчатые ворота отворялись...», «Тюремная площадь шириной...», «Казармы размещались в...», «Вечером казармы освещались...», «На нарах мы...», «Из досок было...», «В каждом каземате...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

¹¹⁸ (с.180) – Медных копеек с вензелем Николая I. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, а в основном тексте слово «никтолашек» заменено на «медных копеек». *Сост.*]

¹¹⁹ (с.182) – Тоже из каторжников. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

¹²⁰ (с.183) – Вилки и ножи на каторге были строго запрещены. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует, текст примечания введен в середину предложения, к которому ссылка «привязана». *Сост.*]

¹²¹ (с.183) – В издании 1918г. тридцать четыре абзаца, приведённых выше (начинающихся со слов «С наступлением сумерек...», «Тут и воцарялись...», «Однако, некий каторжанин...», «Контрабандист, доставляющий водку...», «Но поскольку водку...», «Разбойники также играли...», «Держать при себе...», «Обычно ставкой в...», «Так счастливый игрок...», «Одежда омских каторжников...», «Обрывали нам голову...», «Рабочий день начинался...», «На рассвете в...», «Толпа заспанных каторжан...», «Перед казармами становились...», «Потом нас делили...», «Вечером заключённых оглядывали...», «Однажды случилось, что...», «К несчастью, в...», «Выходя на работы...», «Обед получали на...», «Садились мы за...», «Огромные миски с...», «Тем не менее...», «Вскоре после нашего...», «Его вдова с...», «Я уже упоминал...», «Она справила нам...», «Васька позволял арестантам...», «Получив свои деньги...», «Пострадавший не мог...», «Доносительство разбойники тоже...», «Среди нас также...», «Но этому “умельцу”...») слиты в один большой абзац. *Сост.*

¹²² (с.183) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся словами «Для себя я...» и «Когда видел меня...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²³ (с.184) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся словами «С разбойниками отношения...» и «Жоховского называли “святой”...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁴ (с.184) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «“Не тронь его”...», «Иногда разбойники расспрашивали...», «А иногда между...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁵ (с.184) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся словами «Был на каторге...», «Любопытно, при каких...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁶ (с.185) – В издании 1918г. два абзаца, приведённых выше (начинающихся со слов «Из невразумительных слов...», «Итак, старик затаился...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁷ (с.185) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Федька-младший, получив...», «Показалась коляска... Он...», «Испуганные выстрелом рысаки...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁸ (с.186) – В издании 1918г. четыре абзаца, приведённые выше (начинающиеся со слов «В Твери Федька-сын...», «Но каков отец...», «Несколько дней я...», «Федька же поспешил...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹²⁹ (с.186) – А их набирают из тех же каторжников. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

¹³⁰ (с.186) – В издании 1918г. два абзаца, приведённые выше (начинающиеся со слов «Во время моего...» и «Преступник усмехается при...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³¹ (с.187) – Выражение, заключённое в скобки, в издании 1907г. вынесено в подстрочник. *Сост.*

¹³² (с.187) – Выражение, заключённое в скобки, в издании 1907г. вынесено в подстрочник. *Сост.*

¹³³ (с.187) – По убеждению преступника каторга – это искупление за совершенное злодеяние, и полностью это злодеяние смыкает. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*]

¹³⁴ (с.187) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «С большой симпатией...», «Попал он на...», «Глядя на сухонькое...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³⁵ (с.187) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Если надо встать...», «Кроме черкесов, которые...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³⁶ (с.188) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Сергей, сын Фёдора...», «Сергей Фёдорович Дуров...», «Всё это он...», «Иногда, будучи в...», «Он надоедал нам...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³⁷ (с.189) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Съездил по морде...», «Понятно, что такой...», «Невзирая на то...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³⁸ (с.190) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Что касается второго...», «Но речь идёт...», «Как, каким образом...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹³⁹ (с.190) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «*Аристократизм*», «*Дворянство*», «я...», «Иногда, повернувшись к...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴⁰ (с.191) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Однако же, в...», «Достоевский ненавидел Поляков...», «Досадно и больно...», «Он никогда не...», «Прибалтийские провинции, по...», «Слушая эти доводы...», «Все эти абсурды...», «Как-то Достоевский зачитал...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴¹ (с.192) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Чтобы прервать эту...», «По мнению Достоевского...», «Французы, твердил он...», «Помню, когда я...», «При этом Достоевский был...», «Самоуверенный и грубый...», «И тогда нужно...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴² (с.192) – Я не знаю, были ли они напечатаны. *Прим. авт.* [Эта сноска в издании 1918г. отсутствует. *Сост.*].

¹⁴³ (с.193) – О товарищах по каторге, в омской крепости, а именно о поляках, Достоевский в «Записках из Мертвого дома» пишет: «...Кроме тех трёх русских, других из дворянского сословия, во время моего пребывания в остроге было всего восемь человек... Лучшие из них были люди болезненные, обособляющиеся и в высшей степени нетерпимые. С двумя из них я потом перестал разговаривать... Старик Жоховский некогда был профессором математики – старец добрый, большой чудака, и помимо специального образования, как мне кажется, очень ограниченный человек. Совсем иными были Мирецкий и Богуславский. С Мирецким я сразу завязал близкое знакомство, никогда с ним не ссорился, уважал его, но полюбить его, привязаться к нему никак не смог. Это был человек глубоко недоверчивый и раздражённый, но прекрасно умевший владеть собой. Именно эта слишком сильная способность владения собой не нравилась мне в нём. Чрезмерная, иногда даже иезуитская осторожность в общении с людьми выдавала в нем глубокий, скрытый скептицизм. А между тем это была душа, страдающая именно вследствие своей двойственности: скептицизма и глубокой и ничем не омрачённой веры в правильность своих идеалов и их осуществлении... Богуславский был болезненный, с некоторой склонностью к туберкулезу, нервный и вспыльчивый, но, в основном, прекрасный человек. Раздражительность приводила его иногда к чрезмерной нетерпимости и капризам. Я не мог этого вынести и впоследствии расстался с Богуславским. Получилось так, что, порвав отношения с Богуславским, я вынужден был также прервать знакомство и с Токаревым».

с тем самым юношей, о котором я вспоминал в прежних главах книги. Все это было мне тяжело. Токаревым был добрым, мужественным, одним словом, был дельным юношей. Причиной разрыва послужило то, что он так любил и почитал Богуславского, что всех тех, которые хоть сколько-нибудь Богуславского сторонились, считал чуть ли не своими врагами... Все поляки омской каторги, впрочем, были морально нездоровыми, желчными, раздражёнными, недоверчивыми... Ясно, что их угнетала тоска. Для черкесов, татаров и для жидов они были ласковы и предупредительны, но избегали других каторжников. Только один стародубский старовер снискал их полное расположение... Примечательно, и стоит внимания, что никто из каторжников за всё время моего пребывания в остроге не надоедал им, не упрекал их, не пытался понять их образа мышления и узнать их происхождения, что часто бывает с нашим простым человеком в отношении с чужеземцами, особенно немцами. Что касается немцев, то над ними только смеялись; немец для русского общества представляется как нечто удивительно смешное. С нашими поляками каторжники обходились даже с почтением, гораздо лучше, чем с нами, из русского дворянства, и вообще никогда их «не задевали». А те, как мне кажется, не хотели даже видеть этого, или даже замечать» (с. 204-206).

.....
.....

«В сенях перед кухней встретил меня Токаревым, юноша сильного характера и великодушного сердца. Каторжники выделяли его среди прочих и, похоже, даже любили. Он был мужественный, отважный и сильный, и это отражалось в каждом его движении» (с.195).

[Эта сноска в издании 1907г. дана на той же странице, на которой приведён «привязанный» к ссылке абзац (на странице он единственный). Но значка ссылки (*) в абзаце не оказалось, поэтому составители поместили его, как это сделано в издании 1918г., в конце абзаца. В тексте примечания в издании 1907г. отсутствуют также открывающие и закрывающие кавычки до и после приведённых цитат из Достоевского, которые в наст. изд. добавлены. В издании 1907г. примечание не подписано. В издании 1918г. стоит подпись: «Примечание переписчицы». *Сост.*]

¹⁴⁴ (с.193) – В издании 1918г. десять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Возможно, такая неровность...», «Каким же образом...», «Судя по его...», «И он дал...», «Когда эти два...», «Но скоро наступило...», «После освобождения с...», «Справедливости ради, надо...», «Когда слушалось и...», «Я не знаю...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴⁵ (с.194) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Каждое утро на...», «Олеся Мирецкого и...», «Из каземат мы...», «Несколько недель потребовалось...», «Изготовление кирпичей было...», «Сперва приходилось накопать...», «Это был “урок”...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴⁶ (с.194) – С черными латами на плечах. *Прим. авт.* [В издании 1918г. эта сноска отсутствует. *Сост.*].

¹⁴⁷ (с.194) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Но – не довелось!», «Было это, если...», «Мирецкого и меня...», «Однажды я пришёл...», «Я вывез едва...», «Когда я вновь...», «Встревоженный Олесь Мирецкий...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴⁸ (с.195) – В издании 1918г. шесть приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «В каземате я...», «Здесь я отоспался...», «Дозорные постановили дать...», «Ходил я на...», «Можно подумать, что...», «На кирпичный завод...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁴⁹ (с.195) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Вообще, год 1850-й...», «В самый мой...», «Первые двое осуждены...», «С ними Васька...», «Надели на них...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁰ (с.196) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Его зачислили в...», «Владея каким-нибудь ремеслом...», «По моему разумению...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵¹ (с.196) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Как только по...» и «Юзик Богуславский сопровождал...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵² (с.197) – В издании 1918г. шесть приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «В ноябре нам...», «Мы попросились к...», «Черкесы очень плохо...», «Черкесов русские называли...», «Те, которых я...», «Привожу имена выбранных...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵³ (с.197) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «В наш каземат...», «Когда после многих...», «В нашем каземате...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁴ (с.199) – В издании 1918г. одиннадцать приведённых выше абзацев (начинающихся словами «Такие клеймённые бывшие...», «Бумштейн был весьма...», «Мы приняли Бумштейна...», «Около двери стояла...», «Посреди каземата стояли...», «Когда в сумерки...», «У нас был...», «Во время долгих...», «Из наших приятелей...», «Один из них...», «Кто бы его...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁵ (с.199) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «А преступление других...», «Среди наших черкесских...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁶ (с.199) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Обычно, обращаясь к...», «С помощью жестов...», «Во время таких...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁷ (с.201) – В издании 1918г. одиннадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «У нас, у...», «В казематах проводили...», «Офицеры и солдаты...», «Поскольку нас считали...», «Книжками снабжала нас...», «Знакомством с семейством...», «Обычно каторжников, возвращавшихся...», «Я уже говорил...», «Под конвоем из...», «С тревогой в...», «На крыльце, с...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁸ (с.201) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Пойдёмте, слесарь, проходите!», «В комнату, куда...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁵⁹ (с.202) – «Бэм был художником-декоратором, причём весьма искусным художником... Теперь вместе с ним на работы начали посылать и его товарищей... Из тех, кто ходил с ним, двое научились у него этому же ремеслу, и один из них, Токаревичевский, уже рисовал не хуже Бэма», *Достоевский, стр. 217.* [В издании 1907г. это примечание не подписано. В издании 1918г. стоит подпись: «Примечание переписчицы». Кавычки перед и после цитаты Достоевского отсутствуют в обоих изданиях, и проставлены в наст. изд. составителями. *Сост.*].

¹⁶⁰ (с.204) – В издании 1918г. восемнадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Закуска была отменной...», «При своих художественных...», «В Щербезинской школе...», «И в самом...», «А если случалось...», «Во время обеда...», «При первых таких...», «Знал ли сам...», «Во время нашего...», «Вызывали нас для...», «Невозможно было отговориться...», «Сажали нас за...», «А для нас...», «Конечно, сперва трудно...», «Общение с ними...», «Часто они спрашивали...», «Мы, политические каторжане...», «В таких тонах...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶¹ (с.204) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Однажды в острог...», «Бэм и Анчиковский...», «Ординарец постоянно торопил...», «Мы входим в...», «Наконец, в самом...», «Это была уже...», «Такое богатое и...», «Не будучи знатоком...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶² (с.204) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Между тем, она...», «Правила велели каторжникам...», «В эту минуту...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶³ (с.205) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Как только Шраммиха...», «Поместье моего отца...», «Лесник, старый Вавжон...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶⁴ (с.206) – В издании 1918г. одиннадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Точно так этот...», «Она остановилась, удивлённо...», «Через мгновение повелительным...», «Я ответил, что...», «Г-жа Шрамм приняла...», «Тут же внесли...», «Через час! Чтоб...», «Несмотря ни на...», «Свита состояла из...», «Маленькие собачки залиvistо...», «“Свита”, наконец, умолкла...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶⁵ (с.208) – В издании 1918г. двадцать три абзаца (начинающихся со слов «Бандиты были сильно...», «Плац-майор распорядился...», «Бэм с Юзиком...», «Бандиты давно решили...», «Аристов подсказал им...», «Так решено было...», «План был составлен...», «Вдруг в дверях...», «Али-Бек, хотя седой...», «Как будто по...», «С нечеловеческой злобой...», «Двери и стены...», «Тут набежали вооружённые...», «А что в...», «Черкесы поскидали с...», «Крик, гам, ругательства...», «Вся каторга ревела...», «А что происходило...», «Ага! Еврей – неглупый...», «Исай Бумштейн с...», «Усмирённых налётчиков, одного...», «Побеждённые бандиты кинулись...», «Теперь мы спокойно...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶⁶ (с.209) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Зимой для очистки...», «В течение многих...», «В российской глубинке...», «*Несчастный!* – так российский...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶⁷ (с.209) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Мне такое напутствие...», «Но, может быть...», «Тем не менее...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁶⁸ (с.210) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Сильным раздражителем для...», «По-моему, эти окрики...», «Иногда, особенно после...», «Обычно я работал...», «И тут Васька...») слиты в один. *Сост.*

¹⁶⁹ (с.211) – В издании 1918г. двенадцать приведённых выше абзацев (начинающихся словами «А у меня...», «Но тут, зная...», «Вышел также один...», «Он узнал меня...», «Увидел, что Васька...», «Услышав крик, из...», «Юзик рыдал как...», «Вызванные госпитальные служители...», «Оказалось, у меня...», «Я не помню...», «Молодой, учтивый врач...», «Я чувствовал, что...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁰ (с.211) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Мне и самому...», «Я роскошествовал на...», «Я роскошествовал уже...», «Единственно только бряцание...», «Очень сожалею, что...», «От Анны де...», «Очевидно, этим объясняется...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷¹ (с.211) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Пока я лежал...» и «И вновь в...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷² (с.212) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Плац-майору Василию...», «Нет нужды повторять...», «Мы ходили просто-таки...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷³ (с.212) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «За что? Нам...», «А было так...», «Хотя он утратил...», «И такой стал...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁴ (с.213) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Весна и лето...», «Обычно мы работали...», «Эти работы были...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁵ (с.214) – В издании 1918г. тринадцать приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Но дело, конечно...», «Во время отдыха...», «На ясной погожей...», «После возвращения с...», «Когда в десятом...», «Одежду арестантам выдавали...», «В Омске, как...», «В воскресенье и...», «Между разбойниками было...», «Когда такие франты...», «В течение семи...», «На праздники Рождества...», «При делёжке этой...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁶ (с.214) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Надо было затыкать...», «Каторжникам разрешено было...», «И нам, Полякам...», «Госпожи Кжижановская и...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁷ (с.215) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Во время моей...», «Нас, Поляков, горше...», «Нам позволяли отдаляться...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁷⁸ (с.215) – *Варнак* в народном языке значит каторжник. *Прим. авт.*

¹⁷⁹ (с.215) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Прозвища почти всех...», «Но “варнак” в...», «Убийство ради грабежа...», «Их преступления для...», «Об одном из...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁰ (с.216) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Был это сибирский...», «Звали его Осип...», «Молодой и богатый...», «На кокетство своей...», «Человек на каторге...», «Для мира Осип...», «Как-то летней порой...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸¹ (с.216) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Осип колебался, обтирал...», «Потом всё-таки решился...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸² (с.217) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Я убежал, – сказал...», «Я ответил, что...»,

«Гаврилов был грамотный...», «Во время моего...», «Это обстоятельство подало...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸³ (с.218) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Аристов был девятнадцатилетним...», «Он не хотел признаться...», «Распрекрасный Олесь, обуянный...», «Вся эта история...», «Когда мы прибыли...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁴ (с.218) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Притом, мы к...», «Когда прибыли Дуров...», «Родом из губернии...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁵ (с.219) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Потом пребывал в...», «Он обратился к...», «Князь Орлов, ослеплённый...», «Царя Николая I...», «Аристов с казёнными...», «Таким образом он...», «Вместо ответа Аристов...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁶ (с.219) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Князь Орлов посчитал...», «И Аристов третий...», «Обещать легко – труднее...», «Эти совершенно аполитичные...», «Аристов записывает их...», «Страшная весть разнеслась...», «Жестоко скомпрометированный князь...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁷ (с.222) – В издании 1918г. двадцать два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Аристова отдают под...», «До того, высланный...», «Полковник доносит о...», «Любой другой, в...», «На омской каторге...», «Освоившись в своём...», «Сперва-наперво представился...», «Став любимчиком Васьки...», «Кто картёжничал, кто...», «Но вот получилось...», «Васька впал в...», «Сравнивая роспись на...», «Вскоре после этого...», «Злодей и махинатор...», «Жил в Омске...», «Всё было подготовлено...», «В том месте...», «Крапо попал под...», «Следствие тянулось несколько...», «Умеренно строгий суд...», «Все трое с...», «Оказывается, Крапо заблаговременно...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁸ (с.223) – В издании 1918г. семь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Где они укрывались...», «Кулешов получил пятьсот...», «Что стало в...», «Считалось, что такая...», «Комендант де Граве...», «Обязанности коменданта вместо...», «Когда толпа, которая...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁸⁹ (с.223) – Несколько следующих страниц с воспоминаниями Шимона Токарежеского хранились у каноника Теодора Рогожинского, заведующего Вавельской кафедрой в Кракове, и после смерти каноника в 1896г. потеряны. [В издании 1907г. это примечание не подписано. В издании 1918г. стоит подпись: «Примечание переписчицы». *Сост.*]

¹⁹⁰ (с.224) – В издании 1918г. восемь приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «—Поздравляю с амнистией...», «Свободный? Нет! Свобода...», «Я был свободен...», «Такую одежду мог...», «Таким образом я...», «Первое поздравление я...», «И сейчас Попов...», «Я вошёл, а...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹¹ (с.224) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Я принял так...», «С какой радостью...», «Сам комендант пришёл...», «Нелегко было Поляку...», «Как-то раз я...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹² (с.225) – В издании 1918г. пять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «Оказалось, что в...», «Так я стал...», «Малый Участок – местечко...», «Госпожа Лейзер искусно...», «У меня не...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹³ (с.226) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Чтобы не ошалеть...» и «Но претензии покупателей...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹⁴ (с.226) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Вырваться в Омск...», «Так, запираясь в...», «Однажды, когда я...», «Я ответил, что...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹⁵ (с.226) – Далее в издании 1907г. следует разделительный лист с портретом Шимона Токарежеского и надписью: «Шимон Токарежеский в одежде сибирского мужика на Малом Участке». В издании 1918г. фотография в этом месте отсутствует. *Сост.*

¹⁹⁶ (с.227) – В издании 1918г. четыре приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «И я понял...», «Владелец завода тут...», «Каким образом уладилось...», «Подвал (склад) и...») слиты в один абзац.

Далее в том же издании следует дополнение:

«На Большом Участке я получил письмо от моего некогда тюремного коллеги Юзика Беллины Лесчинского. Тот несовершеннолетний “Юзик” из крепости сейчас уже стал паном Юзефом. Вернувшись из изгнания, женился на сестре Игнация Костжицкого, на той прелестной барышне, которая вместе с матерью приезжала в Модлин и так догадливо передавала нам сведения “из мира”. Необычайно трагична была судьба Игнация Костжицкого. Наверняка вследствие какого-то доноса перед вывозом в Сибирь его забрали из Модлина и вернули в крепость. Чтобы вынудить его к признанию, Игнация с ещё не зажившими после палок ранами, бросили в влажную подземную темницу, где он много месяцев пребывал на хлебе и воде и тяжело расхворался. Его мать пани Костжицкая, чтобы освободить своего единственного сына, что называется, потрясала небо и землю, не скупясь на ценные подарки и деньги. И, наконец, после невиданных стараний мать Игнация, пребывающая в

полном отчаянии, получила, наконец, уведомление, что “Игнация Костжицкого можно забрать из крепости”. В означенный день и час его мать спешит в крепость. В своём переполненном радостью сердце, она уже строит планы, как вывезет сейчас Игнация в Паберовиц, в своё имение в Гружецком, где измученный парень оживёт и придёт в себя после своих моральных и физических травм, полученных в тюрьме. На территории крепости “одна из крепостных гиен”, а именно та самая “гиена”, которая получила самый большой выкуп, встречает мать Костжицкого и с язвительной усмешкой говорит:

– Я сдержал слово! Возвращаю вам вашего сына!

Потом указывает на несколько человек, несущих на носилках что-то обёрнутое в серые полотняные лохмотья, что-то, имеющее форму вытянутого, застывшего и бездыханного человеческого тела...

Это были останки Игнация Костжицкого, который накануне в подземной крепостной темнице вдруг скончался...

По рассказу Варшавского обер-полицмейстера, погребение Игнация состоялось в очень ранний утренний час. На нём присутствовало только несколько полицейских, и его мать, – и кроме неё никому из самых близких родственников Варшавская полиция не позволила проводить на Повонзки останки мученика за свободу Отчизны...». *Сост.*

¹⁹⁷ (с.227) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Смотрю в окно...» и «Стучат всё сильнее.») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹⁸ (с.228) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–Господи, Боже! Чтобы...», «В Омске с...» и «Пожимая мне руки...») слиты в один абзац. *Сост.*

¹⁹⁹ (с.228) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Не сбылось! Доброе...», «В 1864 году...» и «Хотя я и...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰⁰ (с.229) – В издании 1918г. девять приведённых выше абзацев (начинающихся со слов «–Шимон Себастьянович! Зачем...», «В те пару...», «Я сбегал также...», «Это было в...», «Стряпки, то есть...», «Жаркое я припас...», «Когда настало время...», «Федька плакал и...», «Я обнял его...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰¹ (с.229) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «“Проклят, стократ проклят...», «Вложил я Федьке...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰² (с.229) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «О! Федька, стал...» и «Когда я уходил...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰³ (с.229) – В издании 1918г. два приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «–До свиданья, до...» и «Я выбежал из...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰⁴ (с.230) – В издании 1918г. три приведённых выше абзаца (начинающихся со слов «Останавливаюсь, вынимаю кошелек...», «Первый мой импульс...» и «Он поднял мутные...») слиты в один абзац. *Сост.*

²⁰⁵ (с.230) – Далее фрагмент до конца главы в издании 1918г. подан в другой редакции:

«Со второй моей каторги и девятнадцатилетнего изгнания я вернулся в Варшаву 15 сентября 1883г., очевидно, чтоб пройти уже последний “этап” в моей жизни. На своё прошлое – тюрьму, каторгу и изгнание гляжу с чувством меланхолии... Без сожаления... Я всего лишь усталый странник, которому не удалось дойти до цели... Что поделаешь!... Однако же я достиг другой цели... Я неустанно трудился для Отчизны с самой юной поры моей жизни и сейчас с не меньшей силой духа и не меньшим жаром сердца желаю лишь одного... Воскрешения Польши! – ибо ничья вражья сила, и ничья милость, – а лишь *Справедливость Божья* помогут *Ей* выжить, – мы, щегииенщики, составили первую строфу песни Легионов:

*Ещё Польша не погибла,
И погибнуть не может,
Ибо Ты так справедлив,
О, Всемогуций Боже!*

И эти строфы мы пели в российских и сибирских тюрьмах, на этапах, на каторге... И всегда кончали её здравницей: “Да здравствует светлейшая Польская Жечьпосполита, свободная, счастливая и независимая!”.

* * *

На Большом Участке я написал свои воспоминания в двух экземплярах. – Один я подарил студентам Московского Университета, Полякам, – а второй товарищам по изгнанию, а именно: пани Терезе Бутхак [очевидно, опечатка, правильно: Булгак, – *сост.*]. Этот последний экземпляр, который был возвращён мне в 1882г., я расширил за счёт дополнительных ранее не описанных обстоятельств – в упорядочении и копировании моих записок деятельно помогала мне моя жена Галина, дочь моего коллеги по цитадели и Модлину: Юзефа Белимы [очевидно, опечатка; правильно: Беллины, – *сост.*] Лесчинского.

Шимон Токаржевский». Сост.

²⁰⁶ (с.230) – В конце изд. 1918г. следует раздел «Голоса прессы» с откликами на творчество Шимона Токаржевского (такой же, но в сокращённом виде – после книги «Из записок 1863 года...»). Приводим дословный перевод:

«ГОЛОСА ПРЕССЫ

О воспоминаниях Шимона Токаржевского

* * *

Из многочисленных оценок, полных восхищения и уважения к воспоминаниям Шимона Токаржевского мы приводим с большими сокращениями лишь некоторые:

Знаменитый польский историк Тадеуш Корзон, в своих воспоминаниях, названных “Мои доисторические воспоминания” пишет:

“...Шимон Токаржевский подарил нам [польским студентам Московского университета. – прим. изд. 1918г.] свои воспоминания о наказании палками в тюрьме в Модлине, а также об омской каторге. Воспоминания Токаржевского содержанием и формой имеют сходство с не менее известными воспоминаниями Сильвио Пеллико ‘Годы моего заключения’, но превышают их объективным, неизменно спокойным наблюдением и повествованием собственных впечатлений о пережитых муках, что объясняется удивительной силой духа”... [В приложениях к изданию «Из записок 1863 года...» отсутствуют приведённые выше абзацы, начинающиеся со слов «Знаменитый польский историк...» и «...“Шимон Токаржевский подарил...». *Сост.*]

В *Иллюстрированном Еженедельнике*, в весьма обширной рецензии, в двух номерах, рассказано о первой части воспоминаний книги “Семь лет каторги”, читаем:

“К многочисленному собранию польских воспоминаний из эпохи после раздела Польши, добавилось ещё одно ценное с точки зрения богатства содержащихся в нём фактов и проникнутое искренностью и правдой, которая обращается к сердцу читателя и приковывает внимание к каждой странице книги от первой до последней. Воспоминания Шимона Токаржевского – это книга, написанная кровью и слезами, в которой мы чувствуем ужас тюремных камер, слышим звон и бряцание кандалов, и вся эта книга проникнута великой, неизбывной любовью к Отчизне, которая как луч никогда не гаснущей звезды освещала печальную долю изгнанников... В последнее время появилось несколько воспоминаний, интересных со всех точек зрения. Как уже сказано, ‘Семь лет каторги’ заслуживает особого внимания. На то есть несколько причин. Во-первых, в ней описана очень мало известная эпоха, во-вторых,

автор точно описывает то, чему был непосредственным свидетелем, что видел собственными глазами, и, в-третьих, вся книга проникнута отпечатком совершенной правды. Трудно найти нужные слова, чтоб достаточно восхищённо пригласить читателя к ознакомлению с литературой такого типа”. *Артур Опelman (Or-Ot)*.

Польская газета пишет:

“... ‘Семь лет каторги’ – воспоминания, которые лежат передо мной, описывают первые времена в тюрьмах и первую каторгу Шимона Токаржевского. Он рассказывает о своей собственной жизни и о своих товарищах, описывает тюрьмы и своё пребывание в Сибири. Может быть, именно потому, что те слова, которыми пользуется автор, так просты, коротки и сжаты, оттого, что нет в них погони за яркими фразами, производят они глубокое и незабываемое впечатление. По мере перелистывания страниц этой книжки, перед нами рисуется облик человека, который принадлежал череде тех героев свободы, каких наш народ выдвинул из своей среды целыми легионами”. *Здислав Денбицкий*.

Библиографический обзор:

“Необыкновенно интересны воспоминания ‘Семь лет каторги’, с точки зрения необыкновенно жизненного и необыкновенно печального содержания этой книги...”.

Варшавский курьер:

“... ‘Семь лет каторги’ написаны необыкновенно образно. С начала до конца они приковывают внимание читателя”.

Новая газета:

“Особого внимания заслуживают воспоминания Шимона Токаржевского, которые называются ‘Семь лет каторги’. Помимо очарования, полного простоты и искренности повествования, эти воспоминания дают почву для многих размышлений, тем, для кого вопрос освобождения Отчизны не безразличен...”

Эти воспоминания – важный источник познания польской души, каждый, кто хочет понять сущность народа, обязан помнить эту книгу”. *Ян Бельчиковский*.

Штандар цитирует большие отрывки из “Тернистого пути” и об этой второй части воспоминаний Шимона Токаржевского пишет:

“Сразу же, с первой страницы, нами овладевает некое знакомое уже настроение, как светлое воспоминание юношеских лет, где о тех, что впоследствии шли тернистым путём, рассказано как бы приглушённым голосом. Это настроение сохраняется до последней страницы. Помимо исключительных своих литературных заслуг, воспоминания Токаржевского являются произведением, к которому надо подходить с иной мерой, чем просто мерой литературной ценности: с мерой почитания...”

Эта книжка должна находиться в каждом польском доме”. *К. Раковский.*

Независимая мысль:

“Воспоминания ‘Тернистый путь’ написал щегиец Шимон Токаржевский. Они, несомненно, вносят интересные добавления не только в историю, но и в само движение щегиев в Польше.

До сих пор, насколько нам известно, никто об этом интересном вопросе не высказывался, никто подробно не освещал идеологию этого движения. Воспоминания Шимона Токаржевского поэтому тем более должны вызывать интерес: во-первых, как воспоминания Токаржевского, а затем как добавление к описанию деятельности щегиев...

Воспоминания проникнуты горячим чувством патриотизма и подтверждают, что Шимон Токаржевский был одним из тех великих сердец, которые породила Польша. Читайте эти воспоминания, читайте!”. *Евстахий Чекальский.*

Литературная беседа:

“В воспоминаниях ‘Тернистый путь’ политический заключённый приводит целый ряд исторических фактов, проливающих свет на последний период нашей деятельности”.

Слово, в нескольких фельетонах, привело много выдержек из книги “Семь лет каторги” и из другой части этих воспоминаний, “Тернистый путь”, о которой рецензент пишет:

“...Это один из разделов нашей мартирологии. Здесь не требовалось авторской фантазии, достаточно было описать факты, тем более, что описывал их именно тот, который сам переживал все притеснения, все беды и всю печаль, какими проникнута эта книжка...”. *Чеслав Янковский.*

Варшавский курьер:

“...‘Тернистый путь’ – воспоминания о тюрьмах, каторге и изгнании. Житие Шимона Токаржевского поистине было единым тернистым путём...

Воспоминания ‘Тернистый путь’ – это насыщенная подробностями историческая страница”. *Ст. Г.*

Варшавская газета:

“Кто читал первую часть воспоминаний Шимона Токаржевского, тот, несомненно, с нетерпением потянется к продолжению этих повествований, написанных рукой, привычной к кандалам... превращая страницы этой второй серии воспоминаний в произведение, которому не перестанешь удивляться; наряду с естественным при таком чтении возбуждении чувств, читатель не раз удовлетворяет также своё любопытство, узнаёт много нового. Достоинство этой книги прежде всего в пересказе

непосредственных впечатлений самого автора и в простом повествовании того, что составляли и составляют страницы, вырванные из жизни народа и освещённые величием мученичества”.

Библиографический обзор:

“...Обычно упоминается вторая книга ‘Тернистый путь’, которая отличается всеми достоинствами, присущими книге первой, – как интересны сцены с ксёндзом Петром Щегием, человеком, забытым молодёжью, но столь выдающимся, оригинальным социально-христианским мыслителем, и как полны горечи страницы мартиролога в тюрьмах, на каторге, в изгнании, – вот что составляет содержание этой необыкновенной книги...”.

Высокоцитимый и заслуженный литератор, юбиляр Станислав Кжеминский о “Тернистом пути” пишет:

“Полученную вторую серию воспоминаний, святой и почитаемой памяти Шимона Токаржевского я перечитал сразу, не прерываясь, поскольку уже первый раздел о ксёндзе Щегием живо меня заинтересовал, и, взявши книгу в руки, я уже не мог оторвать от неё взора...”.

Варшавский курьер:

“...Книга, которая обогатила литературу о Сибири, это новый фрагмент воспоминаний Шимона Токаржевского ‘Без паспорта’.

Токаржевский выдающийся мемуарист, прежде всего, потому что, без всяких литературных претензий, писал просто и искренне, и тем самым сумел заинтересовать и растрогать читателя...

Жизнь Токаржевского была сплошной, или с коротким перерывом, горестной полосой. Но сильный духовный костяк помог ему всё стерпеть, и когда мы видим на титульном листе его воспоминаний портрет хрупкого юноши в каторжной одежде, трудно поверить, что это тот же самый человек, который через несколько десятков лет расскажет нам, непринуждённо, нередко с юмором, о пережитых страданиях, о познанных им печали и сомнениях. Велика была, видимо, сила, которая позволила ему пронести через всю жизнь идею, которая, как зажжённый свечильник, не гасла перед вихрями, что могли так легко его погасить. И именно это придаёт скромным воспоминаниям изгнанника ценность и значение важного документа народной жизни...”. *З. Денбицкий.*

Новая газета:

“Каторжники: сибирские зарисовки. Прочитал все воспоминания и рассказы Шимона Токаржевского, какие уже появились в печати... Меня захватила необычность этих любопытных сцен и описаний природы, мне интересна была жизнь тех, что шли ‘тернистым путём’ к цели своих убеждений и привязанностей... Токаржевский был именно одним из тех твёрдых духом, что стояли у древка знамени. Он стоял около него

более 35 лет и, хотя единственным вознаграждением ему были только каторги и изгнания, он оставался верен словам своего Щегиненного евангелия... В сборнике этих рассказов Токаряевский правдиво описывает жизнь изгнанников, без тенденциозных преувеличений... Шимон Токаряевский, несомненно, был одной из самых любопытных фигур своего времени... Редко можно встретить такой благородный и прекрасный облик идеалиста... Среди рассказов этого тома весьма художественно написан 'Суанго'. В рассказе 'Через тайгу в Монголию', помимо интересных обычаев туземцев, мы находим красочное описание природы, а некоторые сцены проникнуты сильнейшим драматическим напряжением. Интересен также рассказ: 'Видение, или действительность'. Трудно даже представить, что в действительности могли происходить такие сцены, поистине достойные кисти Гойи...". *Евстахий Чекальский*.

Независимая мысль:

"... 'В скитаниях'. Шимон Токаряевский, с семьёй иллюстрациями, на мелованной бумаге. – Воспоминания Шимона Токаряевского из тюрем, каторги и изгнания дождался такого восприятия, какого удостоились и первые три серии: 'Семь лет каторги', 'Тернистый путь', 'Без паспорта'. Теперь читаем четвёртую: 'В скитаниях'. Предыдущим сериям пресса посвятила немало статей, порой, обширных, и даже несколько фельетонных. Думается, что и эта серия будет встречена так же приветственно, поскольку всякий скажет: содержание её принадлежит истории тех *qui ante nos fuere* [тем, кто был до нас (лат.), – прим. пер.] и передано живо и интересно. Сегодня, когда речи доктринёров хотят прервать связь, объединяющую между собой давнишние поколения с нынешним, когда изгнание наиболее благороднейших жертв и мучеников пытаются очернить, поскольку до сих пор стоят пред вратами истории и ключа к ним не подберут, – сейчас потребность издавать такие книги велика и настоятельна...". [В приложениях к изданию «Из записок 1863 года...» отсутствуют приведённые выше абзацы, начинающиеся со слов «Новая газета», «Каторжники: сибирские зарисовки...», «Независимая мысль», «... "В скитаниях". Шимон...»]. *Сост.*

Шимон Токаряевский КАТОРЖНИКИ Сибирские зарисовки

¹ (с.231) – Год издания (1912) указан не на титуле книге, а в библиотечных формулярах. *Сост.*

² (с.235) – *Ангелус* – молебен, посвящённый Ангелу Божьему. *Прим. пер.*

³ (с.238) – То есть к Польше. *Прим. пер.*

⁴ (с.241) – «Сначала до конца» и «опять до начала» (*ит.*). *Прим. пер.*

⁵ (с.242) – Так в Сибири сзывают гусей с луга. *Прим. авт.*

⁶ (с.242) – Род нетопыря. *Прим. авт.*

⁷ (с.247) – Так называется в Сибири помещение, которое во-лость нанимает и содержит для приезжих урядников. *Прим. авт.*

⁸ (с.247) – Вблизи от него месторождение самоцветов: ляпис-лазури, байкалита, горного хрусталя, графита и т.д. *Прим. авт.*

⁹ (с.249) – *Девичник* – вечеринка, устроенная по случаю замужества девицы, на которую приглашены её подруги и знакомые. *Прим. авт.*

¹⁰ (с.250) – *Разлуки* – игра состоит в том, что две девушки бегают, пытаясь схватить друг друга за руку, а третья им мешает. *Прим. авт.*

¹¹ (с.250) – *Parlando* – речитатив (*ит.*). *Прим. пер.*

¹² (с.255) – Истина в вине (*лат.*). *Прим. пер.*

¹³ (с.257) – Автор этих строк семь лет провёл на омской каторге. *Прим. авт.*

¹⁴ (с.258) – Небольшие степные орлы. *Прим. авт.*

¹⁵ (с.268) – *Тай-Пинги* – партия врага правящей династии в середине XIX столетия. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.270) – То есть с араком. *Прим. авт.*

¹⁷ (с.270) – *Бабуля* – смерть. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.271) – *Азиям* – кафтан из верблюжьей шерсти. *Прим. авт.*

¹⁹ (с.271) – *Торбасы* – мягкие сапоги из оленьих ног. *Прим. авт.*

²⁰ (с.271) – *Кухлянка* – длинная меховая блуза с поясом и карманом. *Прим. авт.*

²¹ (с.276) – То есть Польша. *Прим. пер.*

²² (с.277) – Несмотря на то, что нам, изгнанникам, под надзором полиции, нельзя было отлучаться из города, мы всё же позволяли себе иногда вылазки в ближние окрестности. *Прим. авт.*

²³ (с.280) – Первый квартал 1871г. *Прим. авт.*

²⁴ (с.287) – Очень тихо (*ит.*). *Прим. пер.*

²⁵ (с.289) – Каторжник, доставляющий водку в крепость. *Прим. авт.*

²⁶ (с.289) – Victor Hugo. Les chatiments. *Прим. авт.*

²⁷ (с.290) – Лытец (*фр.*). *Прим. пер.*

²⁸ (с.290) – О, нет, нет, я не из тех... (*фр.*). *Прим. пер.*

²⁹ (с.293) – Подышать воздухом (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁰ (с.294) – Житный хлеб, очень вкусный, в Польше зовётся подситковым. *Прим. авт.*

³¹ (с.295) – Через четыре года его оправдали, поскольку он оказался невиновным и был обнаружен настоящий убийца. *Прим. авт.*

³² (с.297) – Таких постоянных странников, в настоящем значении этого слова, следует отличать от так называемых *бродяг*, беглых и всегда готовых на новый побег. *Прим. авт.*

³³ (с.298) – Киргиз, нищий. *Прим. авт.*

³⁴ (с.299) – Ну что ж! (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁵ (с.302) – В летнюю пору каторжане носили белые кители с чёрной латой на плече. *Прим. авт.*

³⁶ (с.303) – Вот он! (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁷ (с.304) – Гервазий Гзовский входил в организацию Швиенток-жигцев, поскольку члены её собирались обычно на улице Швиенток-жигской на квартире у одного из участников, Александра Краевского. *Прим. авт.*

³⁸ (с.304) – Золотая лихорадка (*лат.*). *Прим. пер.*

³⁹ (с.305) – *Полати* – настил из досок под потолком, то, что мы называем *антресоли*, и служит для отдыха. *Прим. авт.*

⁴⁰ (с.306) – Глубокий, низкий бас (*ит.*). *Прим. пер.*

⁴¹ (с.319) – Поляков, политических преступников, в Сибири так и называют: «политические преступники»; а россиян, политических преступников, называют «государственными преступниками». *Прим. авт.*

⁴² (с.320) – Да здравствует император! (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴³ (с.324) – Былую Польшу. *Прим. пер.*

⁴⁴ (с.327) – *Буюмби* – цветок. *Прим. авт.*

⁴⁵ (с.334) – Корень растения с берегов Онона и Уссури, в большой цене у китайцев, как сильнодействующее лекарство при многих болезнях. *Прим. авт.*

⁴⁶ (с.336) – Возможно, изъяны библиотечного экземпляра. *Прим. сост.*

Шимон Токаржевский **СРЕДИ УМЕРШИХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА** **Зарисовки из жизни поляков в Сибири**

¹ (с.337) – Год издания книги указан не на титуле издания, а в библиотечных формулярах. *Сост.*

² (с.340) – *Политиками* преступники называли политических заключённых. *Прим. авт.*

³ (с.342) – «Моя радость» (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴ (с.342) – «Очень громко» (*ит.*). *Прим. пер.*

⁵ (с.342) – «Вольный стрелок» (*нем.*), опера. *Прим. пер.*

⁶ (с.343) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

⁷ (с.343) – Словом «кобылки» в сибирских тюрьмах бандиты гадливо называют тех, которые допустили незначительные преступления. *Прим. авт.*

⁸ (с.344) – Так назывались повара в омском остроге. *Прим. авт.*

⁹ (с.345) – *Балаган* – деревянное строение. *Прим. авт.*

¹⁰ (с.345) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

¹¹ (с.352) – Этими Поляками были: Юзеф Богуславский, профессор Жоховский и автор этих строк. *Прим. авт.*

¹² (с.356) – То есть Поляки. *Прим. авт.*

¹³ (с.357) – «Быстро, весело» (*ит.*). *Прим. пер.*

¹⁴ (с.360) – *Александр Николаевич Радищев* желал увидеть в стране реформы, по типу тех, что существовали в других европейских странах. В таком духе издал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». *Прим. авт.*

¹⁵ (с.361) – *Байгуш*, киргиз, нищий. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.361) – «Что построили руки, то руки и повергнут. Лишь дом свободы построил сам Бог» (*нем.*). *Прим. пер.*

¹⁷ (с.365) – Во время, о котором я говорю, в Сибири китайские ткани были не менее чем в три раза тоньше, чем перкаль и иные хлопчатобумажные материи. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.365) – *Курма* – женское платье. *Прим. авт.*

¹⁹ (с.365) – *Джонка* – китайская лодка. *Прим. авт.*

²⁰ (с.365) – *Арбы* – двухколёсные возки, обычные на Востоке. *Прим. авт.*

²¹ (с.365) – *Джонерикши* – люди, которые впрягаются в арбы вместо коней или других тягловых животных. *Прим. авт.*

²² (с.366) – *Чумиза* – китайское просо. *Прим. авт.*

²³ (с.367) – Автор употребляет латинское *de profundis*. *Прим. пер.*

²⁴ (с.377) – *Щи* – капустный суп. *Прим. авт.*

²⁵ (с.378) – *Дворянский помещик* – благородный обыватель. *Прим. авт.*

²⁶ (с.379) – *Пустомели* – болтушки. *Прим. авт.*

²⁷ (с.384) – «Честное слово!» (*фр.*). *Прим. пер.*

²⁸ (с.386) – *Похмелье* – когда ещё, не протрезвев, собутыльники идут на повторную попойку, это и называется *похмельем*. *Прим. авт.*

²⁹ (с.387) – «Тише, господин!» (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁰ (с.387) – *Хао* – хорошо. Но *хода хао* – очень хорошо. *Прим. авт.*

³¹ (с.397) – «Спасибо!» *Прим. авт.*

³² (с.397) – «К звёздам» (*лат.*). *Прим. пер.*

³³ (с.398) – На языке бандитов это означает «выйти сухим из воды». *Прим. авт.*

³⁴ (с.398) – *Николашка* – копейка с изображением царя Николая I. *Прим. авт.*

³⁵ (с.400) – *Летяга* – сибирская белая летучая мышь. *Прим. авт.*

³⁶ (с.401) – Очевидно, «ножки», от глагола «бродить». *Прим. пер.*

³⁷ (с.409) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Шимон Токаржевский В СКИТАНИЯХ Воспоминания изгнанника

¹ (с.411) – Год издания на титуле и в библиотечных формулярах не указан. *Сост.*

² (с.413) – Прошлого столетия. *Прим. польск. изд.*

³ (с.415) – *Политик* на языке каторжан означало «политический преступник». *Прим. авт.*

⁴ (с.415) – *Намазы* – молитва. *Прим. авт.*

⁵ (с.417) – На наречии каторжан *пойти служить к генералу Кукушкину* означало стать бродягой или странником, укрывающимся в лесах. *Прим. авт.*

⁶ (с.420) – Разделительный лист с названием главы (с.15-16 польского оригинала) в библиотечном экземпляре отсутствует. Недостаёт также и страницы с содержанием. *Прим. сост.*

⁷ (с.422) – *Мелкозвонами* на языке каторжников называются кандалы. *Прим. авт.*

⁸ (с.423) – Переселение души. *Прим. пер.*

⁹ (с.427) – Сибиряки Байкал называли морем. *Прим. авт.*

¹⁰ (с.428) – См. «Тернистый путь». *Прим. авт.*

¹¹ (с.432) – *Балаганы* – деревянные сараи. *Прим. авт.*

¹² (с.435) – Шляхтичи в наказание зачислялись в мужики. *Прим. авт.*

¹³ (с.449) – Жена египетского чиновника, пытавшаяся соблазнить, согласно Библии, юного еврея Иосифа. *Прим. пер.*

¹⁴ (с.449) – Такие растут у нас в Краковской и Любельской землях. *Прим. авт.*

¹⁵ (с.450) – *Аймак* – бурятская деревенька. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.450) – *Тайдзы* – бурятский князь. *Прим. авт.*

¹⁷ (с.450) – *Шуленги* – старшины племени. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.455) – Этот кусок своих воспоминаний Тереза Булгак писала в 1882г. в Гославсчизне. *Прим. авт.*

¹⁹ (с.461) – Ксёндз Людвиг Габриель Трынковский родился 24 марта 1805г. в Виленском воеводстве в деревне Пеленье. Рождённый под

деревенской кровлей, он получил высшее образование и быстро поднялся на вершину костёльной иерархии; в 1836г. он уже был каноником Виленского капитула. Вследствие заключения в Вильно, он впал в меланхолию, его вывезли в Иркутск, там 24 марта 1849г. он умер и был похоронен на тамошнем кладбище рядом с Марианом Подгороденским и Яцеком Голынским. Ксёндз Людвиг Габриель Трынковский был знаменитым златоустом и проповедником, а также автором поэзии, философских исследований, напечатанных в собраниях сочинений: «Борута», «Боян» и «Научное обозрение». *Прим. авт.*

²⁰ (с.466) – В имении Мицкевичей в Новогрудском. *Прим. авт.*

²¹ (с.467) – Тереза, урождённая Вьежицкая-Булгак, умерла 11 июня 1891г. в Мицкевичах. *Прим. переписчицы.*

²² (с.467) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Шимон Токаржевский ПОБЕГ Воспоминания о Сибири

¹ (с.475) – Умер в Кракове в 1891г. *Комментарий переписчицы* (так в польском издании, – *пер.*).

² (с.476) – Литератор, эстет, умер в 1902г. *Комментарий переписчицы.*

³ (с.478) – *Неполным шаманом* называют татары молодого паренька, которому предстоит стать шаманом, но ещё не посвящают во все тайны шаманизма. *Прим. авт.*

⁴ (с.483) – *Чумы* – переносные жилые домики тунгусов. *Прим. авт.*

⁵ (с.483) – *Сикле* – длинные железные трубки. *Прим. авт.*

⁶ (с.484) – *Тенгри* – по верованию тунгусов, божество, опекающее их. *Прим. авт.*

⁷ (с.486) – XIX века. *Прим. переписчицы.*

⁸ (с.487) – Радости стола (*фр.*). *Прим. пер.*

⁹ (с.490) – Лакей (*фр.*). *Прим. пер.*

¹⁰ (с.491) – Как у Байрона (*фр.*). *Прим. пер.*

¹¹ (с.492) – Так называют в Сибири смерть. *Прим. авт.*

¹² (с.494) – Госпожа Тереза Булгакова, урождённая Вьежицкая. *Прим. авт.*

¹³ (с.495) – Пешком, как апостолы (*лат.*). *Прим. пер.*

¹⁴ (с.499) – *Цимес* – лакомое блюдо еврейской кухни из фасоли. *Прим. пер.*

¹⁵ (с.499) – *Варнак* – злодей, бродяга. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.502) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

- ¹⁷ (с.504) – *Биргал* – горняк, рабочий в рудниках. *Прим. авт.*
¹⁸ (с.507) – XIX века. *Прим. переписчицы.*
¹⁹ (с.507) – *Самородки* – маленькие или крупные кусочки золота, лежащие на поверхности. *Прим. авт.*
²⁰ (с.516) – XIX столетия. *Прим. переписчицы.*
²¹ (с.516) – Первых лет XIX столетия. *Прим. переписчицы.*
²² (с.517) – *Жарок* – пурпуровый цветок, в Сибири символ любви. *Прим. авт.*
²³ (с.517) – *Княженика* – очень вкусная ягода. *Прим. авт.*
²⁴ (с.526) – *Джуван* – юнец. *Прим. авт.*
²⁵ (с.526) – *Чопан* – чабан, пастух. *Прим. авт.*
²⁶ (с.528) – *Спиртонос* – заключённый, который приносит водку в каземат. *Прим. авт.*
²⁷ (с.531) – *Пельван* – силач. *Прим. авт.*
²⁸ (с.531) – *Чахир* – горилка. *Прим. авт.*
²⁹ (с.538) – XIX века. *Прим. переписчицы.*
³⁰ (с.538) – То есть совершенно своеобразной (лат.). *Прим. пер.*
³¹ (с.538) – XIX века. *Прим. переписчицы.*
³² (с.546) – Старания и хлопоты о переведении Юзефа в местность с лучшими климатическими условиями. *Прим. авт.*
³³ (с.548) – *Курса* – по-якутски лис. *Прим. авт.*
³⁴ (с.551) – Осуждённый как участник в другом заговоре. *Прим. авт.*
³⁵ (с.551) – События из шестидесятых годов XIX века. *Прим. переписчицы.*
³⁶ (с.561) – В наречии каторжан – «будешь осуждён на порку». *Прим. авт.*
³⁷ (с.562) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Шимон Токаржевский ИЗ ЗАПИСОК 1863 ГОДА и последующих лет

- ¹ (с.563) – Вышло два стереотипных издания: Варшава, 1912 и Варшава-Львов, 1912. Год издания на титулах не указан, но проставлен в библиотечных формулярах. *Прим. сост.*
² (с.565) – Особого рода (лат.). *Прим. пер.*
³ (с.565) – Розы сорта «Слава Франции» (фр.). *Прим. пер.*
⁴ (с.567) – Здравствуйте! Здравствуйте! (венг.). *Прим. пер.*
⁵ (с.568) – Со всеми прочими (ит.). *Прим. пер.*

- ⁶ (с.570) – Точность – вежливость королей (фр.). *Прим. пер.*
⁷ (с.575) – Лъстец! (фр.). *Прим. пер.*
⁸ (с.576) – XIX века. *Прим. изд. 1912г.*
⁹ (с.577) – Только без всяких пустых мечтаний, господа (фр.). *Прим. пер.*
¹⁰ (с.578) – Пляшущий славянин (лат.). *Прим. пер.*
¹¹ (с.578) – Здесь и далее ряды точек – как в польском оригинале. *Прим. сост.*
¹² (с.580) – Что за мысли! (фр.). *Прим. пер.*
¹³ (с.582) – Накидка, закрывающая гребень в волосах (фр.). *Прим. пер.*
¹⁴ (с.583) – Отличное – враг хорошего (фр.). *Прим. пер.*
¹⁵ (с.584) – Как днём (ит.). *Прим. пер.*
¹⁶ (с.592) – Смотри «Тернистый путь», воспоминания Ш. Токаржевского о второй каторге и втором изгнании. *Прим. изд. 1912г.*
¹⁷ (с.592) – Валентий Левандовский родился в 1822г. в местечке Ласкажеве в Подлесье. В 1849г. в Польском Легионе воевал в Венгрии. После конца венгерской компании, вместе с Зигмунтом Мильковским (писатель Йеж), пару лет находился в Турции. С 1857г. преподавал польский язык в Батиньольской школе. См. «Тернистый путь», стр. 198. *Прим. изд. 1912г.*
¹⁸ (с.595) – Ксёндз викарий Бжоско с началом выступления стал начальником повстанческого отдела. Арестованный в монастыре Отцов Капуцинов в Лодзи, он был там повешен. *Прим. авт.*
¹⁹ (с.597) – В году 1849-м. *Прим. изд. 1912г.*
²⁰ (с.598) – Зигмунт Падлевский родился в доме родового поместья Чернявка на Украине, был профессором стратегии в польской военной школе. Когда вспыхнуло восстание, был начальником Варшавы. Погиб во время восстания и почит в неизвестной могиле. *Прим. авт.*
²¹ (с.598) – Оскар Авейда, министр внутренних дел в Народном Совете. Арестованный и помещённый в Крепость, выдал всю организацию и дал показания, очерняющие множество людей (в том числе и пишущего эти слова). Признания Оскара Авейды были по большей части ложными, или, по крайней мере, сильно преувеличенными... Ценой этих показаний была отмена приговора его к повешению и получение чинов, которых он удостоился в роли патриота. В Вятке, куда он попал на поселение, насколько мне известно, он, похоже, живёт в достатке за счёт доходов, что получает как тайный советник. *Прим. авт.*
²² (с.598) – Писано в 1879г. *Прим. изд. 1912г.* [Эта сноска автором или издателями не привязана к какому-либо конкретному слову или предложению польского оригинала. На странице, где расположена сноска, находится окончание абзаца, начинающегося со слов «–Вижу на этой...»,

а также абзацы, начинающиеся словами «Он умолкает, не...» и «Маркграф Виелопольский внёс...». *Прим. сост.*].

²³ (с.599) – От дня 2 февраля 1863г. до 24 марта 1863г. *Прим. авт.*

²⁴ (с.599) – Полковник Валентий Левандовский был тяжело ранен в битве под Сточеком. См. «Тернистый путь», второй том моих воспоминаний. *Прим. авт.*

²⁵ (с.601) – «Ведомости с поля боя», газетка, в то время издаваемая в Варшаве тайно, сообщала, что под Стоцком полегло 16 повстанцев, а 24 были ранены. *Прим. авт.* [Эта ссылка не привязана к какому-либо конкретному слову или предложению, значок (*) в польском оригинале отсутствует, и поставлен составителями в конце абзаца, который на странице польского экземпляра был последним и более всего соответствует содержанию сноски. *Прим. сост.*].

²⁶ (с.602) – Ксёндз Навроцкий, экс-капелан уланского полка в 1830г., в 1863г. выводил свою партию, состоящую из шляхты, из застенка Гуша и мещан из Ломаз. *Прим. авт.*

²⁷ (с.607) – Стану защищать твоё дело (*фр.*). *Прим. пер.*

²⁸ (с.612) – В высшей степени (*ит.*). *Прим. пер.*

²⁹ (с.612) – На войне, как на войне! (*фр.*). *Прим. пер.*

³⁰ (с.614) – Йенджей Плихта, секретарь Совета Общества, участник заговора «Патриотическое Общество», был осуждён судом Сейма в 1828г. и эмигрировал в Париж в 1831г. Выдающаяся личность в польской эмиграции. *Прим. авт.*

³¹ (с.614) – Казимира Плихтянка, дочь Йенджея, вышла замуж за сына известного французского художника Поля Делароша. Муж Плихтянки отлично знал польский язык и писал статьи в польские газеты под псевдонимом Павел Скальский. *Прим. авт.*

³² (с.622) – Впоследствии был повешен на столбах Варшавской крепости. *Прим. авт.*

³³ (с.624) – Из глубин взываю (*лат.*). *Прим. пер.*

³⁴ (с.628) – Так в Сибири называли осенний разлив рек, а весновкой весеннее половодье. *Прим. авт.*

³⁵ (с.628) – *Карагуш* – маленький орёл в степях кочующих сибирских киргизов. *Прим. авт.*

³⁶ (с.628) – Думается, что иркутский приход в ту пору был самым обширным римско-католическим приходом на земном шаре. В него входили огромные территории: губернии Восточной Сибири, Забайкалья, Амурский округ и т.д. *Прим. авт.*

³⁷ (с.629) – См. «Семь лет каторги», первую часть воспоминаний Шимона Токаржевского. *Прим. изд. 1912г.*

³⁸ (с.629) – Годы 1863 и 1864. *Прим. изд. 1912г.*

³⁹ (с.630) – Марчевский – член Народного Совета, начальник города Варшавы. *Прим. авт.*

⁴⁰ (с.631) – См. «Тернистый путь», вторую часть воспоминаний о каторге и изгнании Ш. Токаржевского. *Прим. изд. 1912г.*

⁴¹ (с.631) – Засвидетельствовать своё почтение (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴² (с.633) – О газете «Сибирь» см. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

⁴³ (с.633) – Родом из Земли Миской. *Прим. авт.*

⁴⁴ (с.633) – Грек по происхождению. *Прим. авт.*

⁴⁵ (с.633) – Расстрелян в Иркутске по приказу губернатора Синельникова. *Прим. авт.*

⁴⁶ (с.638) – «Одобрено» (*лат.*). *Прим. пер.*

⁴⁷ (с.641) – Из «Анхелли». *Прим. авт.*

⁴⁸ (с.641) – Из «Анхелли». *Прим. авт.*

⁴⁹ (с.641) – Из «Анхелли». *Прим. авт.*

⁵⁰ (с.642) – Из «Анхелли». *Прим. авт.*

⁵¹ (с.648) – Польским изгнанникам в Сибири позволено было преподавать разные дисциплины, кроме русского языка, и даже на уровне азбуки. *Прим. авт.*

⁵² (с.648) – Деревня около Иркутска. *Прим. авт.*

⁵³ (с.654) – Из «Анхелли». *Прим. авт.* [Далее, в конце книги, как приложение, опубликован раздел «Голоса прессы» с откликами на творчество Шимона Токаржевского. В наиболее полном виде он представлен во втором издании книги «Семь лет каторги» (разночтения между текстами см. в примечаниях к ней). *Сост.*]

Шимон Токаржевский ТЕРНИСТЫМ ПУТЁМ Воспоминания о тюрьмах, каторжных работах и изгнании

¹ (с.657) – См. «Галичское озеро». *Прим. изд. 1909г.*

² (с.657) – Напечатано в 1907г. в книге «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

³ (с.657) – Этим объясняется фрагментарность формы второй части воспоминаний Токаржевского. *Прим. изд. 1909г.*

⁴ (с.658) – См. «Семь лет каторги». *Сост.*

⁵ (с.658) – В книге «Тернистый путь» (изд. 1909) части не озаглавлены и не пронумерованы, разбивка текста осуществляется раздельными листами и виньетками. В наст. изд., во избежание путаницы, введена нумерация глав. *Сост.*

⁶ (с.660) – Слово учителя (лат.). *Прим. пер.*

⁷ (с.665) – В земле Киевецкой. *Прим. авт.*

⁸ (с.665) – Так простой люд называет шляхту. *Прим. авт.*

⁹ (с.665) – Так народ называет мещан, городских жителей. *Прим. авт.*

¹⁰ (с.665) – Людвиг Корчинский, в целях пропаганды и агитации, в одежде смолокура, развозил смолу по Киевецкой и Краковской землям. После ареста ксёндза Щегиенного тоже попал в тюрьму в Варшавской крепости, затем был выслан в Сибирь на омскую каторгу.

В 1857г. по случаю вступления на трон царя Александра II был освобождён амнистией и вернулся в свой край в родную деревню Сиховья под Сташевым.

Мать и невеста, которая столько лет оставалась ему верна, выбегает ему навстречу с распростёртыми объятьями. Людвиг выскакивает из брички, и ломает обе ноги, поскольку под кандалами, в которые был закован столько лет на каторге, у бедолаги начали вырождаться кости. Когда он выздоровел, родственники помогли ему деньгами, чтобы он мог открыть пекарню в Варшаве. Он решился на это, чтобы продолжить пропаганду среди неграмотных рабочих и ремесленников. Заработав в пекарне немного денег, вернулся к своей семье, вскоре пекарню продал и с совершенно расстроенным здоровьем осел в Сиховье, где и закончил свою печальную жизнь. *Прим. авт.*

¹¹ (с.665) – Святославский, сын эмигранта 1831г., странствовал по краю, как ткач, который развозит полотно и столовое бельё. Ладный парень, образованный, с хорошими манерами, по роду деятельности имел доступ в шляхетные поместья, но преимущественно среди городских интеллигентных кругов вербовал ксёндзу Щегиенному сторонников. После катастрофы прятался и долгое время скрывался в домах у знакомых. В конце концов, сумел выбраться за границу.

Пребывая в Париже, постоянно поддерживал связи с родным краем. В 1864г., имея при себе всякие документы, порученные ему для передачи Лангевичу, он пробирался с австрийской стороны к границе. Уже за кордоном, под деревней Вильчковицы, раненый российским пограничником в голову, потерял сознание. Своим спасением обязан проводнику, парню, который на руках перенёс его в деревню Застув, а оттуда отвёз в Краков. В Кракове семейство Зак. сочувственно заботилось о нём и выходило в своём особняке на Весёлой.

Беспомощного беднягу во время горячки мучили видения, ему казалось, что российский пограничник забрал у него документы, и беспрестанно твердил:

– Я предал Отчизну... Отдал документы... Предал Отчизну.

Доктора считали, что на выздоровление надежды мало и полагали, что он уже никогда в жизни не избавится от таких приступов.

Тем не менее, через несколько месяцев, он полностью выздоровел. Именно тогда, когда по официальным рапортам считали, что «наступило полное умиротворение страны». *Прим. авт.*

¹² (с.667) – Покорный слуга (лат.). *Прим. пер.*

¹³ (с.667) – Ксёндз Петр Щегиенный при нашей встрече в Люблине в 1884г. рассказал мне разговор с Биалоскурским, – он запомнил всё дословно, – а я всё то, что услышал, записал. *Прим. авт.*

¹⁴ (с.667) – Любовь к родине (лат.). *Прим. пер.*

¹⁵ (с.669) – В 1884г. ксёндз Петр рассказал мне всё, что пережил, когда стоял под виселицей. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.669) – Ксёндз Щегиенный умер в ноябре 1890г. через четыре месяца после смерти автора этих воспоминаний. *Прим. изд. 1909г.*

¹⁷ (с.671) – Станислав Войтасевич, значительно старше меня, квалифицированный аптекарь, тоже входил в организацию ксёндза Щегиенного.

После предательства Валенция Яница он скрывался в своих родных любельских местах, потом перебрался в Галицию, был на Буковине, в Семигории, в Венгрии, где познакомился и подружился с молодым поэтом и патриотом Шандором Петефи, который восхищался Бэмом и в честь этого польского бойца сложил песнь, которую пели во всех венгерских лагерях:

*Гей! Гей! Братья, кметы, кумовья,
Уставшие пахать,
Гляньте на дорогу!
Шумят, мелькают на ветру,
Снежно-белые орлы,
Знамёна польские и наши.
Ведёт нас вождь, он во главе,
Наши старый Бэм, отец наш!...
Он – вихрь, мы – волны,
Море, что вскипает –
Лишь знак руки – идём на риск,
На смерть идём, не дрогнув.
И есть за что!
Мы чувствуем, мы верим,
Бесстрашный этот лев
Народ Арпадов
Мечом поляков он освободит!*

Стах боролся тогда за независимость Венгрии, участвовал в битвах под Шевенат, под Капольней, под Вилагос, под Шеговар, где погиб Шандор Петефи.

После конца венгерской компании Стах, следом за генералом Бэмом, добрался до Турции – в Константинополе зарабатывал на жизнь как грузчик. В этот период нам, полякам, Франция казалась как бы второй Родиной, благословенным краем всеобщего счастья. Во Францию, вместе с другими, отправился Станислав Войтасевич, на французском паруснике «Кадмея». Но он не смог полностью оплатить за весь путь, и капитан парусника высадил его на Пантеллерии, у берегов которой «Кадмея» задержалась, чтоб набрать пресной воды. Пантеллария, на Средиземном море, принадлежит Сицилии, поблизости от Африки, здесь на $2\frac{3}{4}$ квадратных милях обитает несколько тысяч жителей. В столичном городе с тем же названием находится тюрьма для политических преступников. Стах нашёл здесь работу на восстановлении стен, окружающих тюрьму, и хорошо зарабатывал, что позволило ему через несколько месяцев добраться до Тулона на той же «Кадмее».

Это было в 1850г. во время правления Людовика Наполеона Бонапарта во Французской Республике. – Как только парусник причалил, тотчас же на палубе появились чиновники и полицейские, которые допрашивали каждого прибывшего, кто он, зачем и для чего именно приехал во Францию; очень учтиво. Но не менее решительно объявили Стаху и ещё нескольким ему подобным, Семигорцам и Венграм, что Франция охотно окажет им гостеприимство, но только в Алжире, и что президент республики так милостив, что готов оплатить их дорогу до Алжира. И тогда их пересадили на другой парусник, который сейчас же вышел в открытое море. Дорога из Тулона до Алжира, 108 миль, длилась недолго. С отчаянием в душе, без гроша, без знакомых, без какой-либо помощи, бродили по улицам Алжира бездомные скитальцы. Стах хорошо знал французский и это помогло им всем.

После захода солнца, перед кофейней сидела группа французских офицеров, которым какой-то инженер жаловался, что из-за отсутствия рабочих рук, не сможет в означенный срок закончить шоссе, закладка которого по заказу французского правительства была начата в горах Атласа. Стах подошёл к офицерам. Отчаяние – следствие голода и нужды, придали ему смелости и красноречия. Он сказал, что вот они в любую минуту могут предложить крепкие и умелые руки, готовые взяться за самые тяжёлые работы. Предложение было тотчас же принято. Стах рассказал свою «Одиссею», чем вызвал удивление, сочувствие и энтузиазм французов. Пили тосты за братство польского и

французского оружия, чествовали скитальцев – офицеры пригласили их по своим домам... На следующий день вместе с инженером отправились в горы дробить камень и таранами сшибать щебень на шоссе в горах Атласа. Солнечные лучи пекли их огнём, белая каменная пыль спирала дыхание, но они работали, несмотря ни на что, так усердно, что шоссе было закончено точно в назначенный срок.

Потом им вновь пришлось искать работу.

Стах нашёл её в местечке Буфарики, вблизи от Близы.

У местного аптекаря он получил должность, которую можно было бы назвать *palefrenier a tout faire* [мальчик «за всё» (*фр.*), – *прим. пер.*], а именно, – ему надлежало обиходить аптеку и конюшню, и следить за всем хозяйством, запрягать коней, развозить лекарства, выполнять все заказы и делать покупки, так что на отсутствие работы пожаловаться он не мог.

Как-то вечером хозяин Стаха с женой и дочерью выехал за город на какую-то увеселительную прогулку, а дом и аптеку оставил под присмотром этого *palefrenier*, который пользовался неограниченным доверием.

А в это время в аптеку пришёл молодой человек, сосед. – Отец его внезапно заболел... состояние угрожающее... был доктор, предписал лекарство, но кто его приготовит?... Другой аптеки в Буфарике нет.

Стах досконально приготовил предписанный врачом отвар.

Общее изумление...

Palefrenier показывает дипломы, подтверждающие, что он профессиональный фармацевт, – и драматические происшествия скитальца кончаются наилучшим образом. Стах Войтасевич женится на единственной дочери хозяина, – со временем наследует его аптеку и значительное состояние. – Затем переезжает в город Орлеанвилль на реке Клоелиф. Он разбогател, приглашает к себе родню, тоскует по своим краям, но глубоко в сердце прячет свою горячую любовь к Отчизне, и лишь из писем узнаёт, что привить её сыновьям ему не удалось. Может, это и не удивительно?... В конце концов, может, это даже вполне закономерно – Отчизна матери, Франция, такая большая, богатая, культурная, великодушная. А родина отца – где-то за горами, где-то за морями... Не удалось также Стаху Войтасевичу зажечь в сердцах своих сыновей те религиозные чувства, которыми сам некогда был проникнут... Вот лежит передо мной сообщение о смерти и похоронах одного из сыновей Стаха, – Альфреда. В сообщении сказано, что, согласно воле умершего, погребение будет сугубо гражданским, «*purement civil*», то есть без участия духовенства. Сначала Альфред учился в коллегии отцов иезуитов в Буфарике и закончил медицинский факультет в Париже...

Религиозных вопросов Стах и я в наших письмах никогда не касались. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.674) – Переводчик – предатель (*ит.*). *Прим. пер.*

¹⁹ (с.676) – «Если хочешь истребить собачье племя, то недостаточно убить пса, надо убить и суку, истребить щенят, изничтожить даже собачью будку». – В свете этой инструкции Меттерниха и действовали соответствующие посланцы, которые подготовили и осуществили галицийские события.

Страшные события происходили в округах Богенском и Тарнувском, где разгром был особенно жестоким. В деревне Смержава, откуда был родом и где жил глава места Шела, владелец Богушув, и прибывшие к нему гости, убивали целые семьи. Убито было разом одиннадцать человек, причём двор подожгли. Останки этих жертв покоятся в часовне в деревне Седиска. В одном из соседних деревень временно проживал с женой и маленьким сыном профессор Скалковский из Кракова. Во время нападения мужиков из Шелы на людскую, Скалковского убили лютой смертью: его распилили пилой, ребёнка спрятали, а жена профессора, благодаря слугам, которые переодели её в мужицкую одежду, сумела уехать.

Вскоре пьяная толпа убийц скрылась, а пани Юстина Скалковская, урождённая Сикорская, покланялась у останков мужа и исполнила клятву, что она сама и её сын, когда вырастет, неустанно станут работать для просвещения народа, чтобы никогда в будущем он не поддавался сатанинским наущениям врагов нашей страны. Хочу добавить, что сын убитого профессора, Тадеуш Скалковский, действительно был самоотверженным деятелем на ниве народного просвещения. *Прим. авт.*

²⁰ (с.676) – Под Львовом резня произошла только в одной деревне Горожаны, около Гродка. *Прим. авт.*

²¹ (с.676) – Так в Галиции называли тогда жандармов. *Прим. авт.*

²² (с.677) – Настоящий Феликс Ходкевич, мой знакомый и приятель, действительно сбежал из Люблина в Галицию и умер в какой-то горной деревеньке, о чём я знал. *Прим. авт.*

²³ (с.681) – Политически очень подозрителен (*нем.*). *Прим. пер.*

²⁴ (с.684) – Было это в 1862г. *Прим. авт.*

²⁵ (с.686) – На 1862г. *Прим. авт.*

²⁶ (с.687) – Александр Иванович Герцен, рождённый в Москве, в памятный для России год 1812, сын офицера лейб-гвардии, немецкого происхождения, и матери, чистокровной немки, так что в родительском доме царила полностью немецкая атмосфера. Как студент Московского Университета, за пропаганду там социалистических идей, он

был арестован и выслан в Вятку, где через некоторое время стал урядником. После смерти отца, унаследовав значительное состояние, эмигрировал за границу и жил: в Швейцарии, в Англии, во Франции. Умер в Париже в 1870г. Социалист-радикал издавал статьи и брошюры общественного и политического направления, на немецком, французском, английском и русском языках. В Лондоне имел собственную типографию, в которой на русском языке издавал «Полярную Звезду», а позднее «Колокол». Он был другом Поляков и весьма предан «польскому делу». Поэтому с польскими патриотами и деятелями он поддерживал тёплые отношения, хотя среди нас находил очень мало последователей его собственных идей.

Одним из таких приятелей Александра Герцена был близкий и моему сердцу Францишек Годлевский. [Францишек Годлевский, сын помещика Земли Куявской, горячий патриот, человек, обладающий великолепной внешностью, необычайно интеллигентный, львиной силы и львиной отваги. Во время первых манифестаций пребывал за границей, в Париже и Лондоне, где некогда писал для «Колокола» статьи на польском языке, которые Герцен переводил на русский язык. Украдкой наезжал в Варшаву, чтобы увидеться с матерью-старушкой и роднёй, участвовал в наших собраниях, и в важных вопросах его мнение часто бывало решающим]. Из произведений Александра Герцена читал: «С другого берега», «О развитии революционных идей» (известное во всех европейских странах), «Воспоминания княжны Екатерины Романовны Дашковой», «Воспоминания Радищева», одновременно изданные на французском, английском, немецком и русском языках. Уже в Иркутске над Ангарой читал посланную мне через коллегу Юзефа Шленкера: *Comicia Rossa*, где Александр Герцен описывает пребывание Джузеппе Гарибальди в Лондоне и свои отношения с ним и с Маццини. *Прим. авт.*

²⁷ (с.691) – Многим, наверное, покажется странным и неестественным, и даже психологически неоправданным, что человек, осуждённый на изгнание, в минуты перед отъездом мог говорить стихами. Но, тем не менее, именно таков был общий настрой той поры.

В эту эпоху, когда обладателям печатной поэзии Мицкевича грозила Сибирь, и, самое малое, тюрьма, – когда печатной поэзии Адама в стране было удивительно мало, – именно тогда вся молодёжь интеллигентнейших кругов знала её на память и пользовалась ею при разных жизненных обстоятельствах. Словом: поэзия вошла нам в привычку.

В шляхетных домах, в эту эпоху, дети, ещё не умевшие читать, перечисляли на память целую череду королей, некогда владевших этой страной... Малые дети на грифельных досках рисовали зигзаги, будто это карта нашей страны с границами «от моря до моря»...

А какой настрой царил в Варшаве в 1857-1864гг. на товарищеских собраниях!...

Расскажите вы сами, вы все, которые бывали на этих собраниях, например, у Голембовского на улице Долгой [в 1887 – в гостеприимном, милейшем доме историка Тадеуша Корзона, я встречал литератора Станислава Кжеминского, некогда участника собраний у Голембовского], или в особняке Грабовских на улице Медовой у Нарцизы Жмиховской (Габриеллы), или у господ Грабовских. В великолепных комнатах с плафонами, расписанными кистью Бачьярелли, мы каждый вечер поистине «парили над земной твердью»... Раздражаясь по поводу разницы мнений, во время царящих пламенных диспутов, разногласия, тем не менее, всегда умела уладить хозяйка, панна Грабовская, позднее: Желенская, Тетмайер [мать поэта Казимира Тетмайера], жена Владислава Квиетниевского, и Софья – писательница. *Прим. авт.*

²⁸ (с.693) – Насколько мне известно, министром-казначеем был Гервасий Гзовский. *Прим. авт.*

²⁹ (с.693) – После этого абзаца в польском издании следует страница с автографами тобольских сотоварищей Токаржевского по изгнанию – возможно, теми самыми, о которых он поминал выше в связи с блокнотом, подаренным ему в Варшаве Леонидой Попиелувной. *Сост.*

³⁰ (с.696) – Знать (*ит.*) *Прим. пер.*

³¹ (с.696) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

³² (с.698) – Между 1848 и 1857гг. *Прим. авт.*

³³ (с.699) – Коллеги писали мне в Галич, что Мальчевский обратился в 1874г. во французское правительство с просьбой выплатить ему пенсию, достойную офицера Почётного Легиона – это звание он получил от Наполеона I. В ответ власти Французской Республики предложили ему приют в Доме Инвалидов, не учитывая, что этот почти что столетний старец – нищий, не имеющий никакой финансовой возможности для путешествия из Сибири в Париж. Это правительство не чувствовало себя обязанным предоставить ему такие средства. По совету друзей, Мальчевский несколько раз повторил свою просьбу – но результат был всё тот же... В 1881г. кто-то прислал, наконец, сообщение о подполковнике Яне Адаме Мальчевском в газету «Русские ведомости», и газета выступила против Французской республики с острой статьёй про то, что Франция оказывается столь неблагодарной по отношению к ветерану, который посвятил свои молодые годы Франции и проливал свою кровь в стольких битвах во славу этой страны... Я читал эту филиппику, но не знаю, каковы были её последствия, или же вообще осталась она без ответа? Дата смерти подполковника Яна Адама Скарбека Мальчевского мне неизвестна. Бедолага! В последние свои

годы он жил только на средства, собранные в складчину изгнанниками-поляками. *Прим. авт.*

³⁴ (с.700) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

³⁵ (с.700) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

³⁶ (с.701) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

³⁷ (с.704) – *Струцель* – пирог с начинкой. *Прим. пер.*

³⁸ (с.704) – *Ямышское озеро*, в Томской губернии, окружностью в 9 вёрст. Источник соли. *Прим. авт.*

³⁹ (с.708) – *Куна* – так в стародавней Руси назывались вообще все деньги. Это название идёт от того, что некогда шкурки куницы служили вместо монеты. Выражение *куна* в смысле денег сохранилось в Сибири до сих пор. *Прим. авт.*

⁴⁰ (с.709) – Способ причёсывать волосы в очень крупные длинные локоны, – придуманный Феликсом, парикмахером императрицы Евгении. *Прим. авт.*

⁴¹ (с.709) – Накидках поверх высокого гребня в волосах (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴² (с.709) – О, Боже правый! (*фр.*) *Прим. пер.*

⁴³ (с.712) – См. «Семь лет каторги», *Прим. изд. 1909г.*

⁴⁴ (с.712) – Далее в тексте следует рукописный автограф на итальянском:

«*Луиджи Кароли ди Бергамо.*

На память об Александровске

26 декабря 1864г.».

Прим. пер.

⁴⁵ (с.713) – Ужасный ребёнок, которому всё позволено (*фр.*). *Прим. пер.*

⁴⁶ (с.714) – Николай Гаврилович Чернышевский из духовного сословия, закончил Петербургский университет. Автор этюдов о Пушкине и многих литературных работ, главный руководитель «Современника». За свои статьи, напечатанные в этом же журнале, был осуждён на тюремное заключение в Вилуйск в Якутской области около Ледовитого океана. В 1881г. российская газета «Страна» напечатала пламенную статью о Николае Чернышевском. «Сейчас, когда нам говорят, что настало время “умиротворения”, – пишет “Страна”, – когда сама власть признаёт, что реакция, стремясь к собственным целям, не раз могла представить самой власти факты в неверном освещении, – сейчас практическую мудрость мы видим в прощении, а не в разжигании ненависти и гнева. Сейчас возвращение Чернышевского на Родину было бы убедительным доводом того, что мы действительно вышли на новый путь. Может быть, кто-либо скажет, что мы прекращаем атрибуцию

пройденного пути, обращаясь к властям с просьбой облегчить участь Чернышевского. Это не так. Никто и нигде не может отнять у нас освящённое веками право просить царя о милосердии. – В делах таких, как у Чернышевского, об отмене приговора можно обращаться только к главе государства». После этой статьи Чернышевского перевели в Нижнеколымск в Якутской области – на остров Коломна до пересмотра присуждённого ему заключения. Говорили, что Победоносцев составлял сильнейшую оппозицию против полной амнистии для Чернышевского.

Если перевод Чернышевского из Вилуйска в Нижнеколымск был результатом упомянутой выше статьи, – то «Страна» оказала автору «Что делать» такую услугу, за которую вряд ли могла ждать благодарности.

Ксаверий Обарский за Забайкальское дело пребывал в этих арктических краях, где грунт глинистый, песчаный и чернозём, веками смёрзшийся, – летом тает на 3–4 фута, и то ненадолго. Там несчастный Ксаверий заболел туберкулёзом, с которым его поместили в одну из Варшавских больниц. *Прим. авт.*

⁴⁷ (с.714) – Нечаев пытался организовать заговор революционно-анархистского толка, он сбежал в Швейцарию, которая в 1871г. выдавала его России как криминального преступника. *Прим. авт.*

⁴⁸ (с.715) – В слово учителя (*лат.*). *Прим. пер.*

⁴⁹ (с.715) – Из письма, написанного в Сибири Герцену. Это послание на польских землях было известно повсеместно. *Прим. авт.*

⁵⁰ (с.715) – Из того же письма Герцену. *Прим. авт.*

⁵¹ (с.715) – Так в польском оригинале. *Сост.*

⁵² (с.715) – Из того же письма Бакунина Герцену. *Прим. авт.*

⁵³ (с.716) – Эта тетрабочка находится у потомницы Колонна-Валевских, Адеодаты де ля Клерк. *Прим. авт.*

⁵⁴ (с.721) – Не понимаю! Не понимаю! (*ит.*). *Прим. пер.*

⁵⁵ (с.721) – Ваше Превосходительство! У меня украли деньги! (*фр.*). *Прим. пер.*

⁵⁶ (с.721) – На равных (*фр.*). *Прим. пер.*

⁵⁷ (с.722) – Я не прощаюсь! Не прощаюсь! До свидания! (*фр.*). *Прим. пер.*

⁵⁸ (с.722) – Особого рода, своеобразны (*лат.*). *Прим. пер.*

⁵⁹ (с.723) – Из истории. *Прим. авт.*

⁶⁰ (с.734) – Дух закона (*фр.*). *Прим. пер.*

⁶¹ (с.734) – Если дикари Луизианы хотят получить плоды, они срубают дерево! Вот: это и есть эгоизм (*фр.*). *Прим. пер.*

⁶² (с.734) – Польша (*фр.*). *Прим. пер.*

⁶³ (с.735) – Польши больше не существует! (*фр.*). *Прим. пер.*

⁶⁴ (с.737) – Яблоневые, или Яблонные, горы берут начало в китайских поселениях, тянутся через Иркутскую губернию, Нерчинскую область, Верхнеудинск, и соединяются с горной полосой Станового Хребта, достигая снежной линии. *Прим. авт.*

⁶⁵ (с.737) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1909г.*

⁶⁶ (с.739) – Джорджий Бансаров, бурят, известен тем, что учился в Казани и Петербурге. Пребывал в Иркутске, где умер в 1855 году. Автор интересного труда «О шаманизме». *Прим. авт.*

⁶⁷ (с.740) – Божок ветров у языческих сибирских кочевников. *Прим. авт.*

⁶⁸ (с.740) – Так в польском оригинале. *Сост.*

⁶⁹ (с.740) – Так в польском оригинале. Очевидно, приписка издателя. *Сост.*

⁷⁰ (с.740) – Балаган – летние седбища камчадалов. Сарай в лесах для выжигания угля. Балаганами в России вообще называют деревянные сараи для временного пользования, например, склады товаров. *Прим. авт.*

⁷¹ (с.741) – Польши больше нет (*фр.*). *Прим. пер.*

⁷² (с.742) – Только без мечтаний, господи! (*фр.*). *Прим. пер.*

⁷³ (с.743) – Так некая россиянка, пытаясь говорить по-польски, называла поляков, желая сказать: «чистокровный поляк». *Прим. авт.*

⁷⁴ (с.743) – Глубокий, низкий бас (*ит.*). *Прим. пер.*

⁷⁵ (с.744) – Жива до сих пор, живёт в Варшаве, парализована. *Прим. изд. 1909г.*

⁷⁶ (с.747) – Двухколёсный возок, принятый в Сибири и на Востоке. *Прим. авт.*

⁷⁷ (с.747) – Улус – обоз, лагерь из нескольких жилищ кочующих племён, подчинённых одному начальнику. *Прим. авт.*

⁷⁸ (с.755) – Альфонса Поклевского-Козиелла и его жены Анели сейчас уже нет в живых. *Прим. изд. 1909г.*

⁷⁹ (с.755) – Дела – это чужие деньги (*фр.*). *Прим. пер.*

⁸⁰ (с.763) – Полковник Валентий Левандовский умер в Варшаве весной 1907г. *Прим. изд. 1909г.*

⁸¹ (с.765) – Проводник (*ит.*). *Прим. пер.*

⁸² (с.765) – За и против (*лат.*). *Прим. пер.*

⁸³ (с.767) – В Тамбовской губернии. *Прим. авт.*

⁸⁴ (с.767) – В Тамбовской губернии. *Прим. авт.*

⁸⁵ (с.772) – 6 рублей для шляхты ежемесячно, и 3 руб. для остальных. *Прим. авт.*

⁸⁶ (с.772) – Покушение на Александра II. *Прим. авт.*

- ⁸⁷ (с.773) – Несмотря ни на что (фр.). *Прим. пер.*
⁸⁸ (с.773) – Увы победителям! (лат.). *Прим. пер.*
⁸⁹ (с.773) – Увы побеждённым! (лат.). *Прим. пер.*
⁹⁰ (с.775) – В чрезвычайных условиях; при последнем издыхании (лат.). *Прим. пер.*
⁹¹ (с.775) – С новым Годом! (исковерк. фр.). *Прим. пер.*
⁹² (с.776) – Из неопубликованных воспоминаний бывшего министра (фр.). *Прим. пер.*
⁹³ (с.776) – «Матери – враги», драма Катулла Мендеса (фр.). *Прим. пер.*
⁹⁴ (с.777) – Самоуправление (англ.). *Прим. пер.*
⁹⁵ (с.779) – «Политические Сообщения» (нем.). *Прим. пер.*
⁹⁶ (с.783) – Каноник Рогожинский, приходской священник, в Тулишкуве, в Земле Калишской за доставку провизии и одежды повстанцам был осуждён на смертную казнь.
 Стараниями графов Замоиских освобождён и выслан в Тунцу. После манифеста 1874г. – жил в Галиче. В 1885г. с эмигрантским паспортом выехал в Краков. Краковский епископ ксёндз Дунаевский назначил ксёндза Рогожинского настоятелем кафедры в Вавеле, а графиня Потockая из Кшешовиц назначила его своим духовником и монахом, раздающим милостыню. *Прим. авт.*
⁹⁷ (с.783) – Буйно (ит.). *Прим. пер.*
⁹⁸ (с.788) – Каноник Юзеф Стецкий, викарий костёла Св. Кароля Боромеуша в Варшаве, дня 10 сентября 1880г. умер в Костроме от апоплексии. После его смерти от министра, в ответ на поданную просьбу о выезде для укрепления здоровья, – пришло сообщение об отказе, на основании того, что такое пожелание преждевременно. *Прим. авт.*

Шимон Токаржевский БЕЗ ПАСПОРТА Из воспоминаний изгнанника

- ¹ (с.795) – См. «Тернистый путь», – *прим. изд. 1910г.*
² (с.795) – Цвет жандармского мундира, – *прим. пер.*
³ (с.798) – «Дорога отчизна, но дорожке свобода» (лат.), – *прим. пер.*
⁴ (с.798) – «Грешен!» (лат.), – *прим. пер.*
⁵ (с.799) – Две строчки многоточий – в польском тексте. *Прим. пер.*
⁶ (с.799) – Две строчки многоточий – в польском тексте. *Прим. пер.*
⁷ (с.801) – «Не первого разряда» (лат.). *Прим. пер.*
⁸ (с.803) – «Привет тебе, Родина!» (лат.). *Прим. пер.*

- ⁹ (с.803) – «Спасибо!» (фр.). *Прим. пер.*
¹⁰ (с.804) – Капитан из польского легиона в Венгрии в 1848г., потом профессор в польской школе в Батиньолле – в восстании 1863г. стал полковником, см. «Тернистый путь». *Прим. изд. 1910г.*
¹¹ (с.804) – То есть «летней». *Прим. пер.*
¹² (с.805) – Строчка с многоточиями – в польском тексте. *Прим. пер.*
¹³ (с.805) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1910г.*
¹⁴ (с.806) – Еще цветет сирень? – *Прим. пер.*
¹⁵ (с.807) – Владислав Краевский в 1864г. был арестован и выслан в Минусинск. Получив помилование, но без права возвращения в Польшу, он закончил медицинский факультет в Вене, а потом поселился в Чехии, в Теплиц-Шёнау. У доктора Владислава на вилле, что звалась «вилла Полония», собирались поляки, приезжавшие лечиться в Шёнау. За его бескорыстную медицинскую помощь неимущим два чешских города присвоили ему звание почётного гражданина. Доктор Владислав Краевский умер в Кракове в 1892 году. *Прим. изд. 1910г.*
¹⁶ (с.807) – В середине абзаца помещена фотография Владислава Краевского. *Прим. сост.*
¹⁷ (с.807) – Письмо полковника Петра Высоцкого, адресованное Кжановскому:
 «Уважаемый сородич!
 Не могу описать мою благодарность, и как меня растрогал поступок моих земляков, ибо, что бы я ни сказал об этом, было бы недостаточно, по сравнению с щедрой и благородной поддержкой, которую мои земляки вообще оказывают мне, и это будет понято и оценено, наверное, лишь следующим поколением. Что до меня, прошу моих коллег сообщить всем моим родичам, что помимо благодарности за ваш благородный поступок на склоне моих лет, я не испытываю нужды ни в чём, поскольку с помощью вашей поддержки приобрёл маленький домик и при нём несколько моргов земли, что предостаточно для моего одинокого спокойного и скромного существования, какое я желал бы себе даже при большом достатке и доходах, до самой своей смерти.
 Прошу принять глубокую благодарность и уважение, с каким остаюсь, –
 Петр Высоцкий.
 zlp. 2553 gr. 10
 odebralem». – *Прим. авт.*
¹⁸ (с.809) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1910г.*
¹⁹ (с.809) – См. «Семь лет каторги». *Прим. изд. 1910г.*
²⁰ (с.810) – «Г-ну Шимону де Токаржевскому» (фр.), подчёркивается его дворянское происхождение. *Прим. пер.*

²¹ (с.810) – Шимон Даровский, шляхтич старинного рода и высокообразованный человек, щегленщик, в 40 лет выучился плотничать и, как мастер-плотник, занимался пропагандой в народе. Писал также славные стишки, который часто печатали в «Газете Варшавской» под псевдонимом «Плотник». Одевался как просто мужик и часто носил живописный яркий костюм краковских крестьян и в нём выступал. Художник Ян Матейко написал его портрет. *Прим. авт.*

²² (с.811) – См. «Тернистый путь». *Прим. изд. 1910г.*

²³ (с.812) – После этого абзаца в польском тексте следует вставка с фотографией г-жи Белина-Лесчинской. *Прим. сост.*

²⁴ (с.812) – В польском тексте следует фотография Юзефа Белина-Лесчинского. *Прим. сост.*

²⁵ (с.812) – Как днём (*ит.*). *Прим. пер.*

²⁶ (с.813) – Станислава Мотц, известная деятельница социалистической партии, длительное время жила в Швейцарии и несколько лет назад умерла в Варшаве. *Прим. изд. 1910г.*

²⁷ (с.813) – «Да сгинет» (*лат.*). *Прим. пер.*

²⁸ (с.814) – Юлиан, который всё это собрание и организовал. *Прим. авт.*

²⁹ (с.817) – Позднее профессор Ягеллонского университета, ныне покойный. *Прим. авт.*

³⁰ (с.818) – См. «Тернистый путь». *Прим. изд. 1910г.*

³¹ (с.818) – В польском тексте в середину этого абзаца вставлен фотопортрет Колонны Валевской. *Прим. сост.*

³² (с.819) – «Кто пил, тот всегда будет пить, это непреложно» (*фр.*). *Прим. пер.*

³³ (с.821) – XIX века. *Прим. авт.*

³⁴ (с.821) – Депутат Думы из Калиша. *Прим. изд. 1910г.*

³⁵ (с.822) – «Очерк о сербо-лужицких связях», 1861г. *Прим. авт.*

³⁶ (с.822) – Посредине абзаца в польском тексте – фотография Яна Смолара. *Прим. сост.*

³⁷ (с.823) – Освящённый в 1884г. архиепископом Попьелой. *Прим. авт.*

³⁸ (с.824) – Младший официант. *Прим. пер.*

³⁹ (с.824) – Короля-джентельмена (*ит.*). *Прим. пер.*

⁴⁰ (с.826) – Антоний Пьеткевич, литератор и поэт. *Прим. авт.*

⁴¹ (с.826) – Сабовский. *Прим. изд. 1910г.*

⁴² (с.827) – В польском тексте следует вставка с фотографией каноника Теодора Рогожинского. *Прим. сост.*

Хроника событий, упомянутых в книгах Шимона Токаржевского

Воспоминания Шимона Токаржевского – это книга, написанная кровью и слезами, в которой мы чувствуем ужас тюремных камер, слышим звон и бряцание кандалов, и вся эта книга проникнута великой, неизбывной любовью к Отчизне, которая как луч никогда не гаснувшей звезды освещала печальную долю изгнанников... Вся книга проникнута отпечатком совершенной правды. Трудно найти нужные слова, чтобы достаточно восхищённо пригласить читателя к ознакомлению с литературой такого типа.

Артур Опelman

1782, октябрь, 13, Мазовецкое воеводство, Ленчица – Родился Ян Адам Скарбек Мальчевский, герой книг Токаржевского. *Т.*

1805, март, 24, Виленское воеводство, д. Пеленье – Родился будущий ксёндз Людвиг Габриель Трынковский, о котором Токаржевский рассказывает в книге «В скитаниях» (глава «Венчание в тюрьме»). *В.*

1806, декабрь, 3 – Генерал Домбровский представляет к ордену Святого Станислава бригадного генерала, последнего Равского воеводу Юзефа Лесчинского, дедушку Юзефа Белины Лесчинского, отбывавшего срок в Модлине вместе с Токаржевским. *С-1.*

1812 – Герой книг Токаржевского Ян Адам Скарбек Мальчевский, капитан армии Наполеона I, «участвует в боях под Смоленском, Вязьмой, под Можайском и Малым Ярославцем, где был ранен в левую руку». *Т.*

1812 – Под Москвой взят в плен впоследствии осуждённый на вечное поселение в Минусинском округе знакомый Токаржевского Томаш Корсак. *СУДО.*

1812 – Будущий знакомый Токаржевского, Карпович, «уроженец Познаньского предместья, воюет на стороне Наполеона», попадает в плен, его отправляют в Сибирь. *С-2.*

1812 – Юзеф Нарушевич, «сын поэта, историка и епископа» Адама Нарушевича, участвует в военной кампании на стороне Наполеона. *П.*

1812 – Родился А.И. Герцен, с которым у Токаржевского был общий знакомый – «близкий и моему сердцу Францишек Годлевский». *Т.*

1815, март, 13, остров Эльба – Герой книг Токаржевского Ян Адам Скарбек Мальчевский покидает остров Эльбу, где находился в ссылке вместе с Наполеоном I. *Т.*

1815, март, 20, Париж – Герой книг Токаржевского Ян Адам Скарбек Мальчевский вместе с Наполеоном I прибывает в Париж. *Т.*

1815, июнь, 3, Чехия, Прага – Арестованный Ян Адам Скарбек Мальчевский бежит из Праги. *Т.*

1815, июнь, 17, Васбах – Ян Адам Скарбек Мальчевский встречается с Наполеоном I в деревне Васбах. *Т.*

1816 – Манифест Александра I даёт возможность Яну Адаму Скарбеку Мальчевскому вернуться на родину, в Польшу. *Т.*

1818, *Польша* – Герой книг Ш. Токаржевского Ян Адам Скарбек Мальчевский получает чин подполковника. *Т.*

1818, *Семипалатинск* – «Российская власть упразднила ханство» в Семипалатинске. Это событие показалось примечательным Токаржевскому, который упоминает о нём в книге «Среди умерших для общества». *СУДО.*

1822, *Подлесье, Ласкажес* – Родился Валентий Левандовский, герой книг Шимона Токаржевского. *И.*

1823, *Вильно* – Монастырь Базилианов превращён в тюрьму. Позднее из этого места поляков отправляли в Сибирь. *В.*

1825 – Попадает на каторгу будущий интендантский урядник *Орлинский*, с которым Токаржевский познакомился позднее в Семипалатинске, о чём рассказывает в книге «Среди умерших для общества». В другой книге, «Семь лет каторги», рассказывается о знакомстве в Семипалатинске с неким *Ордынским*, «сосланным ещё в 1825 году на тяжёлые работы, он обычно служил в интендантстве». Очевидно, речь идёт об одном и том же лице. *СУДО, С-2.*

1827 – На Петровские заводы прибывает упомянутый в книге «Побег», но не названный по фамилии, декабрист Андрей Константинович, с которым Токаржевский познакомится 29 лет спустя. *П.*

1828 – Сейм судит Андрея (Йенджея) Плихта, секретаря Государственного Совета, участника заговора т.н. «Патриотического Содружества», дядю Игнация Костжицкого, отбывавшего срок в Модлине вместе с Токаржевским. *С-1, И.*

1830 – Как следует из книги «Семь лет каторги», эмигрирует в Париж Андрей Плихт, бывший секретарь Государственного Совета, дядя Игнация Костжицкого, отбывавшего срок в Модлине вместе с Токаржевским. В книге «Из записок 1863 года...» указана другая дата: 1831 год. *С-1, И.*

1830 – Ксёндз Навроцкий служит экс-капеланом уланского полка. *И.*

1831 – Подполковник Скарбек Мальчевский, герой книги Токаржевского «Каторжники», за участие в ноябрьском восстании

«вывезен в Сибирь, в Тобольскую губернию», где 20 лет пребывает «в Барабинской степи». *К., Т.*

1831 – Эмигрирует из Польши отец Святославского – одного из будущих эмиссаров Петра Щегиевского, товарища Токаржевского. *Т.*

1831 – «Арестован и отправлен на службу в сибирский батальон» Карол Кжижановский, с которым Токаржевский познакомился в Очаире в 1849г. *С-2.*

1831 – Начинается очередная волна принудительных выселений поляков в Сибирь, с некоторыми из них знакомится Михаил Бакунин, о чём Токаржевский упоминает в книге «Тернистый путь». *Т.*

1831 – До этого года будущий Виленский епископ ксёндз Андрей Клагевич работает профессором теологии в Виленском Университете (упоминается Токаржевским в книге «В скитаниях»). *В.*

1831-1883 – Согласно «периодизации» Токаржевского, этот период польской истории прошёл под знаком Сибири: «Можно смело сказать, что в период с 1831 года вплоть до манифеста по поводу коронации Александра II, на польских землях в российском секторе, в каждом владении шляхтича-помещика, в каждом шляхетском доме долгие печальные разговоры всегда начинались со слова: “Сибирь”, “В Сибирь”, “Из Сибири”...». *К.*

1834, *Вильно* – Поэт Георгий Эристави «изгнан и перевезён в Вильно». Об этом достопримечательном факте Токаржевский посчитал необходимым упомянуть в книге «Среди умерших для общества». *СУДО.*

1834 – Выходит из печати то самое издание «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, которое, как повествует Токаржевский в книге «Среди умерших для общества», Григорий Руставолли подарил Юзефу Хиршфельду в Семипалатинске. *СУДО.*

1836, *Вильно* – Ксёндз Людвиг Габриель Трынковский, герой книги Токаржевского «В скитаниях», становится каноником Виленского капитула. *В.*

1839, *марта, 22, Вильно* – На это число «назначена высылка из Вильно участников заговора Конарского», которых

должны были отправить в Сибирь, в том числе Томаша Булгака, одного из героев книги Токарежвского «В скитаниях». *В.*

1839, *Замощье* – Токарежвский побывал «в Соборе на литургии, где выступал мой дядя, декан, и с амвона огласил имена тех, кого объявили “политическими преступниками”, лишёнными всех гражданских прав и осуждёнными на каторжные работы в Нерчинских рудниках». *С-2.*

1839 – Томаш Булгак, знакомый Токарежвского, сослан в Сибирь на вечное поселение «за участие в списке Конарского». *П.*

1840 – Токарежвский: «Трудно, поистине, поверить, что Катков в 1840г. в Москве принадлежал к той молодёжи, к какой относился и критик Белинский, что он принадлежал к молодёжи, которая группировалась около уважительного в обхождении и глубоко мыслящего Станкевича». *Т.*

1843 – Неизвестный автор сочиняет аллегорические стихи «Плавные воды старой Вислы», разошедшиеся среди польской интеллигенции. Токарежвский цитирует их в книге «Тернистый путь». *Т.*

1844, *июль, ночь с 16 на 17, Ходельский приход* – Токарежвский: «Ксёндз Пётр Щегиенный излагал передо мной свои социальные теории, которые меня сразу же поразили, ошеломили...». *Т.*

1844, *июль, 18, Ходельский приход* – Токарежвский отправляется в путь по деревням нести в массы учение Петра Щегиенного: «С сияющим лицом, с лёгким узелком на плечах, с корзинкой в одной руке и суковатой палкой в другой... после мессы, отслуженной за меня, ранним утром я вышел из Ходельского прихода, резвый, бодрый, весело напевая». *Т.*

1844, *октябрь, 4, Крайно* – Эмиссары ксёндза Петра Щегиенного, в том числе Токарежвский, Людвиг Корчинский и Святославский прибывают в Крайно, где уже собрались толпы народа. [Возможно, опечатка, и речь идёт не о 4-м октября, а о 24-м]. *Т.*

1844, *октябрь, 24, Польша, Крайно* – Состоялось памятное для Токарежвского, но не описанное им в книге «Побег» подробно, собрание единомышленников. В книге «Семь лет

каторги» об этом рассказано куда более обстоятельно: ксёндз Пётр Щегиенный обратился с речью к «мужикам, шляхтичам, кулонам» с призывом выступить против российского режима. «В земле Киелецкой, в колыбели рода Щегиенных, – пишет Токарежвский, – в 1844г. должно было вспыхнуть восстание». В книге «Тернистый путь» этот день назван «одним из самых красивых дней осени... и одновременно он был самым прекрасным и торжественным днём для последователей Петра Щегиенного». *П, С-2, Т.*

1844, *декабрь* – Арест Шимона Токарежвского и Юзефа Воздецкого. Токарежвский бежит из-под стражи. *Т.*

1844, *Польша* – Объявлена подписка на издание «Скитаний вечного жида». Этому факту, в спорах с Токарежвским, не хотел верить Ф.М. Достоевский. *С-2.*

1846, *март, 2, Самбор* – Токарежвского арестовали и привезли в Самборскую тюрьму; он назвался Феликсом Ходкевичем. *Т.*

1846, *июнь, 13, Варшава* – Заключённого Токарежвского перевезли из Люблина в Варшаву. Этот день особенно памятен Токарежвскому. В 1883г., встретив в Варшаве на улице Квиечинского, Токарежвский ему напоминает: «Помнишь, пан, как ты 13 июня в 1846 году записывал меня в список узников крепости? Помнишь, как сидел со мной и запугивал меня?». *С-2.*

1846, *декабрь, 12* – Из камеры №15, в которую был заключён Токарежвский, удалили его товарища по несчастью, ксёндза Станишевского. *С-2.*

1846, *Омск* – В омский острог прибывает Александр Мирецкий, будущий товарищ Токарежвского: «До нашего прибытия он был единственным поляком и политическим заключённым среди толпы бандитов». *С-2.*

1846 – Галицкая резня. Токарежвский называет этот год «страшным»: «Земские помещики во множестве бежали во Львов. Во всей Галиции объявили военное положение». *Т.*

1846 – Генрих Волинский, упоминаемый в книге «Семь лет каторги», приговорён к ссылке. Токарежвский встречается с ним в Перми двумя годами позднее. *С-2.*

1846-1857 – Хронологические рамки повествования Токарежского, которые обозначены на титуле книги «Семь лет каторги». С-1, С-2.

1847, *Париж* – Михаил Бакунин выступает «на торжественной годовщине ноябрьских событий». Как пишет Токарежский, «такие слова глубоко западают в сердце, такие слова никогда не забываются». Т.

1848, *апрель, 29, Варшава* – Токарежского и группу его товарищей ночью помещают в «чёртовы брички» и везут в Модлин. С-2.

1848, *июнь, 7, Модлин* – Токарежскому объявили приговор: 2000 батоков, 10 лет каторги с лишением прав и конфискацией имущества. В тот же день была проведена экзекуция. С-2.

1848, *июнь, 14, Модлин* – Пятерых товарищей Токарежского, отбывавших вместе с ним заключение в Модлине, отправляют «в Москву, а потом дальше... в Сибирь на каторгу». С-2.

1848, *июнь, 17, Модлин* – Токарежский с группой товарищей покидает Модлин. Начинается «путь на каторгу». С-2.

1848, *июнь* – Токарежский: «...нас вывозили в кибитках в Сибирь из ордонанцгауза около Саксонской площади». Конвойный офицер передаёт Токарежскому маленький свёрток от плачущей женщины. Позднее оказалось, что это была Эмилия Госселин. БП.

1848, *июль, 18, Тобольск* – «Перед вечером» Токарежский с группой товарищей прибывает в город. С-2.

1848, *август, 11, Тобольск* – Токарежский: «В партии номер двадцать мы двинулись из Тобольска... Всего нас было двенадцать – ровно по числу апостолов». С-2.

1848, *декабрь, 5, Проскоково* – По пути из Томска «под конвоем пяти инвалидов, обратной дорогой через Калтай и Варюхино, мы добрались до Проскокова...». С-2.

1848, *Венгрия* – Знакомый Токарежского Валентий Левандовский служит капитаном в польском легионе в Венгрии. БП, Т.

1848, *Петербург, Москва* – Разворачивается дело проходимца Аристов, с которым Токарежский позднее познакомился на омской каторге. С-2.

1848 – Именно этот год стоял на штампе экспедиции ссыльных, которым метилась одежда Токарежского и его товарищей в Тобольске. С-2.

1848-1857, *Омск* – Согласно «периодизации» Токарежского, в этот промежуток времени происходит становление и укрепление «традиций, которые поляки-каторжники и поселенцы оставили после себя в Омске». Т.

1849, *январь, 5, Усть-Каменогорск* – Токарежский с группой товарищей прибывает в Усть-Каменогорск. С-2.

1849, *январь, 30, Усть-Каменогорск* – Токарежский: «В Усть-Каменогорск приехал ксёндз Юргелевич для отправления службы в присутствии затерянных тут католиков». Ксёндз Юргелевич справляет мессу. С-2.

1849, *январь, 31, Усть-Каменогорск* – Ксёндз Юргелевич, справив ещё одну мессу в Усть-Каменогорске, уезжает из города. С-2.

1849, *январь, Усть-Каменогорск* – Токарежский в первый раз развернул свёрток с «подарками», переданный ему через конвойного офицера Эмилией Госселин в июне 1848г. БП.

1849, *март, 24, Иркутск* – Скончался ксёндз Людвиг Габриель Трынковский, герой книги Токарежского «В скитаниях». Похоронен на Иркутском кладбище. В.

1849, *май, Усть-Каменогорск* – Майор Гусев возводит на заключённых поляков обвинения в заговоре, якобы имевшего целью захватить местную фортецию. Обыски у поляков. С-2.

1849, *июнь, 15, Усть-Каменогорск* – С поляков сняты обвинения в подготовке заговора, якобы имевшего целью захватить крепость. Токарежский: «Наша жизнь вошла в обычную колею». С-2.

1849, *июнь, 17, Усть-Каменогорск* – Умер Феликс Фиалковский. Токарежский: «Мы одели его и уложили в убогий деревянный гроб... Мы сами вырыли могилу и сами вынесли его на носилках. Справили панихиду... О, нищая одинокая могила!...». С-2.

1849, сентябрь, 20, Усть-Каменогорск – Токаревский с группой поляков покидают Усть-Каменогорск, начинается путь к Омской крепости. С-2.

1849, сентябрь, Семипалатинск – Шимону Токаревскому, ещё двум полякам и нескольким десяткам рецидивистов по пути на каторгу «полагался трёхдневный отдых в Семипалатинске». СУДО.

1849, ноябрь, 12, Омск – Токаревский: «Перед вечером за семь вёрст предстал пред нами Омск». С-2.

1849 – Валентий Левандовский, герой книг Шимона Токаревского, воюет в Венгрии в Польском Легионе. И.

1850, январь, Омск – На омской каторге появляются Фёдор Михайлович Достоевский и Сергей Фёдорович Дуров. С-2.

1850, июль, 17, Омск – В острог конвоируют четырёх поляков, будущих товарищей Токаревского: Яна Мусьяловича, Людвиг Корчинского, Кароля Бэма и Юзефа Анчиковского. С-2.

1850, ноябрь, Омск – Все поляки, заключённые в остроге, в том числе Токаревский, перемещаются на жительство в один каземат вместе с черкесами и кабардинцами. С-2.

1850, Омск – Токаревский с группой товарищей работает на изготовлении, потом – на вывозке кирпичей за пределами острога; вследствие физических перегрузок попадает в госпиталь. «Вообще, год 1850-й был для меня наиболее тяжёлым за всё время каторги». С-2.

1850, Омск – Как следует из текста книг «Тернистый путь» и «Из записок 1863 года...», герою книг Токаревского, Яну Адаму Скарбеку Мальчевскому, позволяют переехать из Барабинской степи в Омск. В книге «Каторжники» – другая дата: год 1851-й. Т, И, К.

1850, Усть-Каменогорск – В начале года скончалась знакомая Токаревского Елизавета Бартошевич. С-2.

1850, Алжир – Двоюродный брат Шимона Токаревского, Станислав Войтасевич, последователь ксёндза Петра Щегинного, после пребывания в Польше, Галиции, Буковине, Семигорье, Венгрии, Турции, Франции оседает в Алжире. Т.

1851, ноябрь, Омск – По свидетельству Токаревского, арестанты Омского острога пребывают в надеждах, что плац-майор В.Г. Кривцов разрешит постановку новогоднего театрального представления силами заключённых. К.

1851, Омск – Кончина профессора Жоховского. Токаревский опять попадает в госпиталь. «Пока я лежал в госпитале, совершенно беспомощный, профессор Жоховский в том же госпитале вручил Господу Богу свою чистую непорочную душу». С-2.

1851, Австрия – Австрия выдает Михаила Бакунина России. Т.

1852, Кострома – На одной из площадей в Костроме «поставили памятник, состоящий из необыкновенно высокой колонны со статуей Михаила Фёдоровича на вершине. У подножья колонны вырезаны сцены, представляющие убийство Сусанина». Т.

1853, Омск – Побег из острога арестантов Аристова, Кулешова и Громова. С-2.

1854 – Генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьёв-Амурский «покорил и присоединил к России край над Амуром». Т.

1855, ноябрь, 26, Омск – С Токаревского снимают кандалы. Последний день Омской каторги. В.

1855, Иркутск – Скончался Джорджий Бансаров, «бурят, известный тем, что учился в Казани и Петербурге..., автор интересного труда “О шаманизме”». Т.

1856, январь, Омск – Омский лекарь Борис (фамилия не называется) в специальном письме подтверждает, что найденный Токаревским на дороге умирающий декабрист Андрей Константинович действительно принадлежал к знатной фамилии, а умер в Омске. Возможно, в дате опечатка. Либо упомянутое письмо датировано началом января 1857г., либо декабрист Андрей Константинович был найден на дороге Токаревским 31 декабря 1855 года. П.

1856, декабрь, 31, Большой Участок – По пути от Большого Участка до Омска Токаревский случайно встречается с А.Ф. де Граве и просит его определить в больницу найденного на дороге умирающим декабриста Андрея Константиновича

(фамилия не упоминается). В той же книге Токаржевский сообщает: декабрист скончался в Омске, что было подтверждено письмом омского лекаря, датированным концом января 1856г. Несостыковка в датах. Одно из двух: либо обнаружение декабриста на дороге относится к 31 декабря 1855г., либо написание письма следует отнести к последним числам января 1857г. *П.*

1856 – Токаржевский написал часть главы «Путь на каторгу», которая позднее вошла в книгу «Семь лет каторги». Фрагмент заканчивался побывкой Токаржевского и группы его товарищей в Казани. *С-2.*

1857, *Люблин* – Ксёндз Пётр Щегийенный, бывший наставник Шимона Токаржевского, по случаю воцарения Александра II, возвращается из Сибири в Польшу «как частный человек, поскольку амнистия не вернула ему священнического сана». *Т.*

1857, *Омск* – Герой книг Токаржевского, Ян Адам Скарбек Мальчевский, получает разрешение вернуться на Родину в Польшу, но не имеет такой возможности из-за отсутствия достаточных для такого переезда средств. *Т.*

1857, *Варшава* – По прибытии в Варшаву Токаржевский первым делом посещает Эмилию Госселин, с которой переписывался в каторжные годы. *БП.*

1857, *Батиньоль* – С этого времени Валентий Левандовский, герой книг Шимона Токаржевского, преподаёт в Батиньольской школе. *И.*

1857 – После пребывания в омском остроге возвращается на родину товарищ Токаржевского, Людвиг Корчинский. *Т.*

1857 – «Распался» политический кружок, участником коего был Токаржевский. Из письма Терезы Булгак Токаржевскому от 1874г.: «С той поры, как в 1857г. распалось наше братское кольцо, никогда уже и нигде для нас не появилось никакое другое подобное...». *В.*

1857 – Манифест по поводу вступления на трон Александра II, как писала Токаржевскому его единомышленница Тереза Булгак, «открыл нам закрытую доселе для нас дорогу поближе к родной земле». Именно в этот год, как сообщается в «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном в книге «Семь лет

каторги», «при вступлении на трон царя Александра II», Токаржевский «возвращается на родину и намеревается осесть на своей земле». В книге «Из записок 1863 года...» в одном месте проставлена иная дата: «...Царский Манифест 1856 [выделено нами, – *сост.*] года вернул из Сибири под родные крыши многих участников событий сороковых годов». *В, С-2, И.*

1857-1864 – Согласно «периодизации» Токаржевского – время «царящих пламенных диспутов». Участие в многочисленных политических собраниях. *Т.*

1860 – В это время в Благовещенске насчитывается всего 20 домов, о чём Токаржевский упоминает в книге «Тернистый путь». *Т.*

1860-1864 – Согласно «периодизации» Токаржевского – период «мимолетных надежд, которые недолгие мгновения манили нас» (имеется ввиду всплеск польского освободительного движения, которое наблюдается в указанное время). *С-2.*

1861, *Александровск* – Михаил Бакунин из Александровска-на-Амуре «ускользнул в Японию, а оттуда в Европу». *Т.*

1861, *Польша* – Вспышка польских национальных манифестаций, о которых упоминает Токаржевский в книге «Из записок 1863 года...»: «Все женщины одеты в чёрное. Ещё не отменён наказ, который после первых манифестаций 1861г. в тысячах экземплярах кочевал по всему краю и приказывал в знак национального траура одеваться соответственно». *И.*

1861 – Опубликован «Очерк о сербо-лужицких связях» Вильгельма Богуславского, на который ссылается Токаржевский в книге «Без паспорта». *БП.*

1861 – Токаржевский: «В год бегства Михаила Бакунина Муравьёв-Амурский перестал быть губернатором Восточной Сибири. Возможно, его устранение с поста было следствием тщательно продуманного и успешно проведенного побега Бакунина?». *Т.*

1862, *июль, 20, Поланувка* – Герой книги Токаржевского, Пшемислав Хожевский, покидает своё поместье. *И.*

1862, *август, 20, Хута* – Герой книги Токаржевского «Из записок 1863 года...» Пшемислав Хожевский приезжает в гости в Хуту и встречается со своей будущей невестой. *И.*

1862, октябрь, 12, Пулава – Открытие политехнического института, в который поступает Владислав Грабовский, близкий знакомый Токаржевского. *БП.*

1862, декабрь, Варшава – В конце месяца состоялось конспиративное собрание с участием Пшемислава Хожевского, Валентия Левандовского, Опьенского, Йезиораньского, Жулинского, Муклановича, Юзефа Стецкого. Перед польским национальным восстанием обсуждаются назревающие события. *И.*

1862 – Токаржевского арестовывают по вымышленному обвинению, как мнимого редактора газеты «Застава», и впоследствии отправляют в Рязань. *Т.*

1863, январь, 5, Польша – Валентий Левандовский, герой книг Токаржевского, получает от повстанческого Центрального Комитета «назначение военного начальника в землях Подлеской и Любельской». *И.*

1863, январь, 18, предместье Сиедлец – Военный начальник земель Подлеской и Любельской, Валентий Левандовский, получает от Народного Совета призыв к вооружённому восстанию, намеченному на 22 января. *И.*

1863, январь, 22 – На это число намечено польское вооруженное восстание. Призыв к восстанию подписали Зигмунт Падлевский, Оскар Авейда, Агатон Гиллер и др. *И.*

1863, февраль, 2 – март, 24 – Герой книги Токаржевского «Из записок 1863 года...» Пшемислав Хожевский в этот период времени посещает следующие населённые пункты: Биала, Ласкажев, Семятыче, Станин, Сточек. *И.*

1863, март, 4, Польша – В Гошчи сконцентрировалось четыре национальных повстанческих отделения. *И.*

1863, осень – Действие книги Токаржевского «Из записок 1863 года» переносится в Краков: «...Наши мечты разлетелись, как стеклянная банка, швырнутая на мраморный блок...». *И.*

1863, Франция – Токаржевский: «Тогда один из комиссаров [повстанческого] Центрального Комитета заказал в Льеже пятнадцать тысяч карабинов, дал задаток и обязательство, что остаток наличности бельгийская фабрика получит в Париже в течение 1863 года». *И.*

1863 – Токаржевский: Ксёндз Навроцкий «выводил свою партию, состоящую из шляхты, из застенка Гуша и мещан из Ломаз». *И.*

1863 – Как сообщается в «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном в книге «Семь лет каторги», именно в этот год «Токаржевский был вывезен в Рязань, но после четырёх месяцев возвратился, однако вскоре попал в “Павиак”, а потом снова в крепость». *С-2.*

1863 – Знакомый Токаржевского Валентий Левандовский в ходе польского восстания становится полковником, он возглавляет группу повстанцев в Подлеском. *БП, Т.*

1863 – К польскому восстанию примыкает близкий знакомый Токаржевского, Владислав Грабовский (вскоре «сгинул без вести»). *БП.*

1863 – Герой книги Токаржевского «Каторжники», Ольгерд Малькевич, становится жертвой политической реакции, вызванной польским восстанием. «Одного из побеждённых в 1863 году, Ольгерда Малькевича, – пишет Токаржевский, – судьба загнала в местечко Колымка в Сибири». *К.*

1863 – Высылаются в Россию поляки Михаил Микutowич и Статкевич (позднее умерли от голода в Спасске). *Т.*

1863 – В польском восстании участвует Франчишек Соколовский, он «был ранен при захвате Дома Инвалидов в Раве, попал в плен и осуждён на каторгу в Сибирь». *Т.*

1863-1864, Омск – Токаржевский: «Лишь ураган последней поры [уточнение польск. изд. 1912г.: “Годы 1863 и 1864”] снова пригнал в Омск немало пострадавших из Польши, Литвы, России...». *И.*

1864, январь, 4 – Будущего героя книг Токаржевского, Валентия Левандовского, вывозят из варшавской крепости. *И.*

1864, февраль, 4 – Токаржевского арестовали по вымышленному обвинению, как «известного агитатора», и препроводили в Павиак. *Т.*

1864, июнь, 20, Варшава – Токаржевского переводят из Павиака в крепость. *Т.*

1864, июнь, 22, Варшава – Начинается путь Токаржевского из крепости на каторгу. Отъезд из Варшавы. *Т.*

1864, июль, 23, Тобольск – Токаржевский с группой товарищей вечером прибывает в Тобольск. *Т.*

1864, июль, 24, Тобольск – Ранним утром Токаржевскому зачитывают приговор: 15 лет работы на рудниках и бессрочное проживание в Сибири за то, что якобы «принимал участие в [тайной] организации, как начальник первого района города Варшавы». *Т.*

1864, декабрь, 24, Монастырка – Токаржевский: «Под вечер мы остановились в деревне Монастырка, на правом берегу Шилки, напротив устья Нерчи». Поляки отмечают Сочельник. *Т.*

1864, декабрь, 26 – Луиджи Кароли ди Бергамо, знакомый Токаржевского, подарил ему автограф на итальянском: «На память об Александровске». *Т.*

1864, Польша – Польские повстанцы повесили майора Лейхте в его имении под Радзимином. *С-2.*

1864, Омск – Встреча Токаржевского с его бывшим работодателем купцом Поповым: «Осуждённый на каторжные работы в Александровск-на-Амуре, с партией таких же, как я, осуждённых, довелось снова проходить через Омск... и Попов из любопытства вышел поглядеть на арестантов... он сразу меня узнал...». *С-2.*

1864, Омск – Встреча Токаржевского с героем его книг Яном Адамом Скарбеком Мальчевским. *Т.*

1864, Омск – Токаржевский: «В 1864г. в Омске, наверняка, ещё сохранились барьеры и частоколы, которые соорудили мы, поляки-каторжники [из первой волны осуждённых в 1840-е гг.]; конечно, ещё стояли придорожные столбы, обтёсанные и вколотенные нашими руками...». *И.*

1864 – При переходе австрийско-польской границы был ранен российский пограничником Святославский, один из бывших эмиссаров ксёндза Петра Щегиевского, товарищ Токаржевского. *Т.*

1864 – По свидетельству Ш. Токаржевского, именно с этого года он с ксёндзом Рогожинским «идёт одним путём». В «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном в книге «Семь лет каторги», находим сообщения, что именно в этого

года Токаржевский «к верстаку не подходил, но, тем не менее, титулом “мастера сапожного дела” всегда гордился...». *БП, С-2.*

1864 – Умерла Эмилия Госселин, близкая знакомая Токаржевского («через пару недель после моего заключения»). *БП.*

1864 – Арестован и выслан в Минусинск упоминаемый Токаржевским Владислав Краевский. *БП.*

1864 – Ксёндз-декан Менье благословляет Терезу Булгак на второй путь в Сибирь (глава «Венчание в тюрьме» в книге Токаржевского «В скитаниях»). *В.*

1864 – Как сообщается в «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном в книге «Семь лет каторги», именно в этом году Токаржевского «вывезли на каторгу, в Александровск над Амуром. Впоследствии он пребывал в Иркутске, позднее в Галиче Костромской губернии». Токаржевский: «Партия приговорённых, к которой принадлежал и я, ...остановилась на долгий отдых в Омске. Нам позволили посетить Скарбека Мальчевского». Встреча Токаржевского с будущим героем его книги «Каторжники», подполковником Скарбеком Мальчевским. *К, С-2.*

1865, сентябрь, 5, Варшава – Токаржевский: «На крыше Варшавской крепости были повешены мои самые близкие приятели: Йезиоранский, Краевский, Точиский, Траугут, Жулинский». *Т.*

1865, октябрь, 20, Иркутск – встреча Токаржевского с Гервазием Гзовским и Эваристом Жабицким. *Т.*

1865, Париж – Издана брошюра «*Plus de Pologne*» («Польша больше нет»), которая была прочитана Токаржевским в Благовещенске и вызвала его ярость: «Брошюру мы разорвали на мелкие куски – и сожгли». *Т.*

1868, июль, 15, Александровск-на-Амуре – Токаржевский получает известие о Манифесте, «облегчающим и сокращающим наказание поселенцев и каторжан... я был тронут благожелательностью Манифеста. Меня увольняли с каторги, но с обязательством жить в Восточной Сибири, а именно в Иркутске». *Т.*

1868, июль, 29, Александровск-на-Амуре – Токаржевский с группой товарищей выезжает из Александровска-на-Амуре в Иркутск. *Т.*

1868, сентябрь, 1 – Токаревский: «В Укирзе... ночуем у Цыгла». Т.

1868, сентябрь, 5, *Восточная Сибирь* – Токаревский: «В 11¼ часов пополудни я стоял на вершине Яблоневого гор за Бианкином». Т.

1868, сентябрь, 7, *Нерчинск* – Токаревский прибывает в Нерчинск. Т.

1868, сентябрь, 10 – Токаревский: «В Посолит... наш багаж плывёт на барже, которая должна нас доставить через озеро Байкал шириной в шестьсот вёрст, отделяющее Забайкальский край от Иркутска...». Т.

1868, сентябрь, 11 – Токаревский: «В Литвинничную прибываем... Буряты прощаются с нами запанибрата, будто после долголетних приятельских отношений». Т.

1868, сентябрь, 12, *Иркутск* – Токаревский: «Вечером... в субботу прибываем в Иркутск». Т.

1868, декабрь, 29, *Казань* – Тереза Булгак отправляет Шимону Токаревскому письмо, которое он цитирует позже в своей книге воспоминаний «В скитаниях». В.

1868 – Знакомый Токаревского, Пётр Боравский, «двукратный каторжанин Нерчинских заводов», освобождён от каторги по амнистии. П.

1868-1974, *Иркутск* – Токаревский пребывает в Иркутске, «шесть лет я довольно сносно жил... [в Иркутске] была настоящая колония изгнанников из поляков, но в иных местностях Сибири, даже наиболее отдалённых от очагов цивилизации, – по моему мнению, нам, поселенцам, было куда лучше, чем после переселения в Россию, где совершенно нельзя найти работу, пребывая среди этой скуки, этой узости взглядов, которые оглуляют и обессиливают дух полностью, среди этой общей и безграничной апатии». Т.

1869, июль, 19, *Дрезден* – Ксаверий Шленкер пишет Токаревскому письмо, в котором просит об опеке над сыном Юзефом. П.

1869, август-октябрь – За этот промежуток времени выходит три номера «Отечественных Записок», которые в следующем году посылает Токаревскому и его товарищам в Иркутск бывший каторжанин Пётр Боравский. П.

1869, *Флоренция* – Встреча Марианна Завиши, близкого знакомого Токаревского, с королём Виктором Эммануилом. БП.

1870 – Бывший каторжанин Пётр Боравский, владелец Первостретенского прииска, присылает полученные им журналы Токаревскому и его товарищам в Иркутск. П.

1870 – Скончался А.И. Герцен, с которым у Токаревского был общий знакомый – Францишек Годлевский. Т.

1871, январь-март, *Польша* – Выход в свет тех номеров «Иллюстрированного Еженедельника», которые Токаревский и группа его товарищей получит по почте в Иркутске. Этому событию посвящена глава «Друг изгнанников: “Еженедельник” в Сибири» в книге «Каторжники: сибирские зарисовки». К.

1871 – Швейцария выдаёт России Нечаева «как криминального преступника». Т.

1874, январь, 9 [в другом месте стоит число 6-е] – Очередной Манифест. Токаревский «по своей воле и без всякого принуждения выехал из Иркутска в Галич Костромской губернии». Этот же Манифест освобождает Ромека, героя книги Токаревского «Каторжники», от работ на Нерчинских заводах. Другого знакомого Токаревского, Валентия Левандовского, Манифест не коснулся. К, Т.

1874, май, 13, *Галич* – Токаревский, временно «осевший» в Галиче, замечает: «Галичское озеро освободилось ото льда». Т.

1874, май, 23, *Галич* – Токаревский: «Мы топили печи, грязь замёрзла, образуя кочки, о которые спотыкаются пешеходы, но никакие атмосферные изменения не заставят Галицкий муниципалитет очистить улицы города, о котором он призван заботиться». Т.

1874, *Омск* – Токаревский: «Многие поляки в омском крепостном батальоне дослужились до чина ефрейтора. После Манифеста 1874г. они подали прошения о помиловании и возвращении на Родину. В ответ на их просьбу из Петербурга последовал приказ исключить этих поляков из войска и отправить в отдалённые местности Восточной Сибири в качестве политических поселенцев». И.

1874 – Токаржевский получает послание от Терезы Булгак. Она писала: «...Мы встречали земляков, товарищей по несчастью, приятелей, даже родственников, но таких братьев по духу, в которых объединялось всё, что нам было дорого, какими были: ты, почивший пан Юзеф, почивший пан Ксаверий, Антоний Левицкий и Миечеслав, мы никогда уже не встретили...». В этом году семья Булгаков получает свободу по амнистии. В.

1874 – Герой книг Токаржевского Ян Адам Скарбек Мальчевский обращается к французскому правительству «с просьбой выплатить ему пенсию, достойную офицера Почётного Легиона». Т.

1874 – Близкий знакомый Токаржевского и герой его книг, каноник Рогожинский, после Манифеста 1874г. проживает в Галиче.

1876 – Начало нового, более активного, по периодизации Токаржевского, этапа социалистического движения, инициированного Людвигом Варынским. БП.

1877, март, 4 – Близкий знакомый Токаржевского, Гервазий Гзовский, расстаётся с Валентием Левандовским, «с которым жил вместе, и который получил позволение вернуться в Варшаву». Т.

1879 – Токаржевский написал тот фрагмент книги «Из записок 1863 года...», который заканчивается призывом к вооружённому восстанию 1863г. И.

1880, март, 29, Галич – Токаржевский пишет ту часть воспоминаний «Тернистый путь», которая посвящена покушению на Александра II и отзвукам на эти события в Галиче. Т.

1880, сентябрь, 10, Кострома – Скончался каноник Юзеф Стецкий, бывший викарий варшавского костёла Св. Кароля Боромеуша. Т.

1881, март, 20 – Токаржевский: «Царь Александр III созвал Совет Министров с целью решения вопроса, нужна ли России конституция?», чему посвящена одна из главок в книге «Тернистый путь». Т.

1881, июль, 1 – Токаржевский закончил работу над главой «Друг изгнанников: “Еженедельник” в Сибири» для книги «Каторжники: сибирские зарисовки». К.

1881 – Юзеф Игнатий Крашевский основал «фонд для подготовки молодёжи к служению Отечеству». БП.

1881 – Газета «Страна» «напечатала пламенную статью о Николае Чернышевском», что показалось Токаржевскому весьма достопримечательным. Т.

1881 – В газете «Русские ведомости» появляется острая статья о том, что Франция оказалась неблагодарной по отношению к ветерану наполеоновских войн Яну Адаму Скарбеку Мальчевскому, одному из героев книг Токаржевского. Т.

1882, февраль, 12 – Токаржевский: «наконец-то я дождался, что с меня сняли полицейский надзор. Я имею право проживать в Российской Империи, включая Сибирь – словом, везде, кроме столиц, западных губерний и Королевства Польского. Мы переезжаем в Кострому, каноник Рогожинский и я». Т.

1882, август, 2, Кострома – Ш. Токаржевский рассказывает ксёндзу Рогожинскому о своём решении нелегально вернуться в Варшаву. БП.

1882, август, 4, Кострома – Нелегальная поездка Токаржевского в Варшаву «решена», ксёндз Рогожинский, как общается в книге «Без паспорта», помогает ему собраться в дорогу. В книге «Тернистый путь», возможно, опечатка: дата отъезда падает на 11 августа: «Выезжаю в Варшаву тайно. Что меня там ожидает?...». БП, Т.

1882, август, после 4, Ярославль – По дороге из Костромы в Москву Токаржевский останавливается в Ярославле и встречается с архиепископом Фелинским. БП.

1882, август, после 4, Москва – По пути из Ярославля в Варшаву Токаржевский останавливается в Москве. БП.

1882, август, после 4, Варшава – Токаржевский нелегально прибывает московским поездом в Варшаву. БП.

1882, август, 15, Варшава – Встреча с пани Лесчинской, которая предлагает Токаржевскому поселиться в её доме. БП.

1882, август, 22, Варшава – Токаржевский совершает прогулку по городу, полученные впечатления послужили отправной точкой для воспоминаний о встречах с покойной Эмилией Госселин. БП.

1882, сентябрь, после 22, Варшава – Токаржевский «неявно» (скрываясь от собравшихся в соседней комнате) наблюдает за сходкой молодёжи в доме пани Лесчинской. *БП.*

1882, октябрь – После пребывания в Варшаве Токаржевский в третий раз пересекает границу Европы («Я направлялся в Пермскую губернию зарабатывать себе “на хлеб”...»). *БП.*

1882, Гославсчизна – Тереза Булгак написала фрагмент своих воспоминаний, которые позднее послужили основой для главы «Венчание в тюрьме» в книге Токаржевского «В скитаниях». *В.*

1882 – К Токаржевскому вернулся тот экземпляр фрагмента его воспоминаний, который был многими годами ранее оставлен на хранение Терезе Булгак. *С-2.*

1883, сентябрь, 15, Варшава – Прибытие Токаржевского в Варшаву. *С-2.*

1883, Люблин – Бывшему наставнику Токаржевского, ксёндзу Петру Щегиевному, вернули священнический сан: «Разрешение отправлять священнические обязанности выправил для ксёндза Щегиевного светлой памяти любельский епископ, ксёндз Вноровский... по случаю коронации царя Александра III». *Т.*

1883, Варшава – Встреча Токаржевского с Квиечинским на улице Маршалковского. *С-2.*

1883 – Выход Коронационного Манифеста, который вернул III. Токаржевскому права свободного человека. В «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном в книге «Семь лет каторги», сказано, что на родину он «возвратился в 1883г. после коронационного манифеста Александра III». *БП, В, С-2.*

1884, Земля Равская, Садковице – Архиепископом Попьёлой освящён костёл, построенный Марианом Завишей, близким знакомым III. Токаржевского. *БП.*

1884, Люблин – Встреча Токаржевского с его бывшим наставником, ксёндзом Петром Щегиевным. *Т.*

1885, Краков – Встреча Токаржевского с Юзефом Лесчинским и Заденбским в доме Иенджея Дескура. *С-2.*

1885, Чехия, Телице – Встреча III. Токаржевского с одним из героев его книги «Каторжники», Ольгердом Малькевичем. *К.*

1885 – Один из героев книг Токаржевского, каноник Рогожинский, «с эмигрантским паспортом выехал в Краков». *Т.*

1886, Варшава – Токаржевский читает «какую-то российскую брошюрку», в котором сообщалось, что он якобы в начале 60-х «был министром польской казны в [тайной] организации». *Т.*

1887, Мицкевичи под Несвижем – Токаржевский записывает рассказ Терезы Булгак о Юзефе Нарушевиче, который позднее вошёл в книгу «Побег». *П.*

1887 – Токаржевский: «В гостеприимном, милейшем доме историка Тадеуша Корзона я встречал литератора Станислава Кжеминского, некогда участника собраний у Голембовского». *Т.*

1889, апрель, 15 – Тереза Булгак в письме к Шимону Токаржевскому сообщает, что ещё раз перечитала свои воспоминания, копия которых у него уже имела и была использована им позднее при подготовке книги «В скитаниях». В тот же день Токаржевский закончил работать над главой «Присяга», которой начиналось его повествование в книге «Семь лет каторги» (дата приведена во втором издании 1918г., в первом же, очевидно, ошибочно, проставлена другая дата: 15 апреля 1898г.) *В, С-2.*

1890, июль, 3, Варшава – Как сообщается в «Слове об авторе воспоминаний», опубликованном во втором издании книги Токаржевского «Семь лет каторги» (которое представляет собой цитирование статьи из «Польской газеты» за 2 января 1907г.), именно в этот день «появились оповещения о смерти, сообщающие, что “Шимон Токаржевский после жизни, полной страданий и самопожертвования, скончался, отдав Богу чистую свою душу...”». В тот же день «Станислав Гизпаньский... явился в магистрат за цеховым знаменем, с которым сапожный цех намеревался торжественно выступить на погребении Шимона Токаржевского», но полиция «выдать цеховую хоругвию отказалась». *С-2.*

1890, ноябрь – Скончался ксёндз Пётр Щегиевний, бывший наставник Токаржевского. *Т.*

1891, июнь, 11, Мицкевичи – Умерла Тереза Булгак, сомышленник и корреспондент Токаржевского. *В.*

1891, *Краков* – Умер Владислав Краевский, которому Токаржевский в книге «Побег» посвящает отдельную главу. (Краевский упоминается также в книге «Без паспорта», в примечаниях к которой находим иную дату смерти: 1892г.). *БП, П.*

1900, *июль, 1, Варшава* – В «Слове об авторе воспоминаний», в первом издании книги «Семь лет каторги», сказано, что именно в этот день скончался Шимон Токаржевский. Однако во втором издании книги эта информация исправлена: так, упоминается, что сообщения о смерти Токаржевского появились в Варшаве десятью годами ранее, а именно 3 июля 1890г. *С-1, С-2.*

1902 – Умер Кароль Матушевский, герой первой главы книги Токаржевского «Побег». *П.*

1907, *январь, 2* – В «Польской газете» выходит статья о Токаржевском, которая позднее публиковалась как предисловие к книге «Семь лет каторги» (в первом издании – в урезанном и несколько изменённом виде). *С-1, С-2.*

1907, *Варшава* – Издана книга Токаржевского «Семь лет каторги» (на польском языке). *С-1.*

1907, *Варшава* – Скончался близкий знакомый Токаржевского, полковник Валентий Левандовский. *Т.*

1909, *Варшава* – Издана книга Токаржевского «Тернистый путь» (на польском языке). *Т.*

1910, *Варшава* – Издана книга Токаржевского «Без паспорта» (на польском языке). *БП.*

1911, *Варшава* – Издана книга Токаржевского «Среди умерших для общества» (на польском языке). *СУДО.*

1912, *Варшава, Краков* – Издана книга Токаржевского «Каторжники: сибирские зарисовки» (на польском языке). *К.*

1912, *Варшава, Львов* – Напечатана книга Токаржевского «Из записок 1863 года и последующих лет» (двумя стереотипными изданиями, Львов и Варшава-Львов). *И.*

1913, *Варшава* – Издана книга Токаржевского «Побег: воспоминания о Сибири» (на польском языке). *П.*

1918, *Варшава* – Напечатано второе, расширенное и исправленное, издание книги Токаржевского «Семь лет каторги». *С-2.*

Указатель имён

Особого внимания заслуживают воспоминания Шимона Токаржевского, которые называются «Семь лет каторги». Помимо очарования, полного простоты и искренности повествования, эти воспоминания дают почву для многих размышлений тем, для кого вопрос освобождения Отчизны не безразличен... Эти воспоминания – важный источник познания польской души, каждый, кто хочет понять сущность народа, обязан помнить эту книгу.

Ян Бельчиковский

- Blake E. – см. Блэйк Э.
 Byron – см. Байрон
 Dostojewski – см. Достоевский Ф.М.
 Fajnhaus D. – 838
 Hugo V. – см. Гюго В.
 Nowaczewski A. – см. Новачевский А.
 Pogonowski I.C. – см. Погоновский И.Ц.
 Uglik J. – см. Углик Я.
 Ungureanu R. – см. Унгуреану Р.
 Абаза – 777
 Абдул-Арсанбек – 197
 Абрамович – 622, 819, 820, 849
 Абросимов – 282, 284, 287
 А-в – см. Аристов
 Августовский В. – 783
 Авейда О. – 598, 893, 922
 Адам – см. Мицкевич А.
 Адлерберг – 777
 Аким Акимыч – см. Белых И.
 Акорд К. (Кириак) – 125, 131, 133, 143, 144, 146, 147
 Александр I – 321, 699, 912
 Александр II – 101, 233, 465, 487, 576, 669, 774, 847, 896, 905, 913, 928, 930
 Александр III – 204, 669, 777, 778, 848, 928
 Али Исмахан Оглы – 197
 Али-Бек, Али Ферды Оглы – 197, 207, 876
 Алиберт – 430-433, 436, 441, 447
 Алмазов А. – 34, 257-260
 Альбертов – 683
 Амурский (Муравьев-Амурский) Н.Н. – 723, 724, 726, 919
 Амфитрион – 724, 725
 Амьенский П. – 663
 Анисьев – 458
 Анненков И.А. – 81
 Анненкова О.И. – 81
 Анчиковский Ю. (А-чуковский) – 59, 60, 195, 204, 207, 299, 301, 840, 875, 918
 Арендт В.Б. – 94, 845
 Арефьев – см. Баклушин
 Аристов П.П. (А-в, Крапо) – 37, 38, 47-50, 58, 69, 70, 77, 80, 206, 207, 214, 217-222, 837, 876, 878, 917, 919

Аустотович – 557
 А-чуковский – см. Анчиковский
 Б. – см. Богуславский Ю.
 Бадушинский Т. – 588, 589
 Базанов – 158
 Байрон – 491, 891
 Баклушин – 36, 78, 282, 283, 285
 Бакунин М. – 714, 715, 718, 722-726, 904, 913, 916, 919
 Банковская Ю. – 808
 Бансаров Д. – 739, 905, 919
 Барабаш – 783
 Барановский – 808
 Барильский К. – 159, 559
 Бартошевич – 808
 Бартошевич (Иванова) Е.Е. – 68, 158, 159, 161, 467, 562, 842, 918
 Барятинский – 746
 Баторий С. – 280, 354, 578
 Бачьярелли – 902
 Безназвания И. – 141
 Безотчества И. – 141
 Белинский – 740
 Белинский В.Г. – 508, 773, 914
 Белихов – 165, 352
 Белорусин О.С. – 469
 Белых И. (Аким Акимыч) – 46, 47, 528-535
 Бельчиковский Я. – 883
 Бемштейн И.Ф. – см. Бумштейн И.Ф.
 Бенвенутий – 807
 Бер – 465
 Бергамо ди Л.К. – 712-714, 720, 721, 903, 924
 Бжоско К. – 125, 595
 Биалоскурский (Биалоскурский) – 106, 113, 666, 667, 897
 Биалоскурский – см. Биалоскурский
 Б-й – см. Богуславский Ю.
 Блэйк Э. – 8, 833
 Блюменфельд – 107, 108, 118-120, 170, 622, 685, 820, 851
 Б-м – см. Бэм
 Бобович-Потоцкая З. – 75
 Богданович – 457
 Богдашевский К. – 144, 397, 402-405, 410, 864
 Богдыхан – 268

Богуславский В. – 822
 Богуславский Ю. (Б., Б-й, Б-ский, Юзеф, Юзик, Южек) – 31, 45, 49, 51-54, 56, 60, 61, 63-66, 68, 75, 84, 87, 88, 92, 95, 140, 157, 159, 161, 162, 164, 168, 171, 178, 184, 187, 196, 201, 202, 204-207, 210, 211, 218, 221, 224, 282, 299, 301, 320, 351, 352, 359, 409, 463, 467, 502, 629, 837, 838, 841, 842, 844, 854, 857, 866, 868, 872-874, 876, 889
 Болеская Э. – 780
 Болеский А. – 780, 781
 Болеский С. – 781
 Болеский Я. – 781
 Болеслав Великий – см. Болеслав Храбрый
 Болеслав Храбрый (Болеслав Великий) – 235, 822
 Бонапарт – см. Наполеон I
 Бонапарт Л.Н. – 898
 Боравский П. – 550, 551, 926, 927
 Борисов – 34-36
 Боромеуш К. – 906, 928
 Босакиевич – 119, 120, 820
 Брагин А.В. – 2
 Бродзинский К. – 455, 657
 Бронишевский – 783
 Брохоцкий М. – 103
 Брынк Е. – 459
 Брюллов – 37, 48, 494
 Б-ский – см. Богуславский Ю.
 Будда – 450
 Буйковский – 783
 Булакит – 740, 748
 Булгак (Вьезбицкая) Т.И. – 13, 462, 463, 465, 466, 494, 507, 508, 510, 511, 513-517, 519, 522, 524, 557, 881, 890, 891, 925, 926, 928, 930, 931
 Булгак Т.Ю. – 322, 323, 457-466, 508-514, 516, 517, 520, 522-524, 697, 914
 Булгаки – 426-428, 463, 466, 510, 511, 928
 Булгаровский – 826
 Бумштейн (Бемштейн, Бумштель) И.Ф. – 16, 44, 45, 66, 67, 78, 197, 198, 200, 208, 210, 214, 283, 498-502, 874, 876
 Бумштейн Х. – 499
 Бумштель И.Ф. – см. Бумштейн И.Ф.
 Бурдалу Л. – 236, 237

Бутвилло Ф. – 125
 Былевский Я. – 459
 Бэм К. – 37, 59, 60, 195, 196, 201, 202, 204, 207, 221, 282, 299, 301, 629, 840, 841, 875, 876, 897, 898, 918
 Вайнерман В.С. – 7, 22, 23, 28, 29, 32-34, 39, 40, 71, 72, 90-93, 95, 833-835, 839-841, 843-845
 Вайнштейн Л. – 225, 226, 879
 Валевская Ж. – см. Колонна-Валевская Ж.
 Валентинович – 457
 Валецкий А. – 103, 826
 Валиханов Ч. – 81
 Валуев – 777
 Ванькович М. – 465
 Варсанофьев – 458
 Варынский Л. – 828, 928
 Васька – см. Кривцов В.Г.
 Вели Исмахан Оглы – 197
 Венгерский Т.К. – 798
 Венда А. – 110, 121, 125
 Вендриховские – 429, 431-434, 436-440, 444, 445, 449, 450
 Вендриховский А. – 426-429, 431, 434, 436, 438-443, 445, 448, 451
 Вендриховский Ю. – 429, 431, 432, 438, 439, 442, 444-452
 Венжик А. – 103
 Виежбовские – 808
 Виелопольские – 115
 Виелопольский З. – 598, 779, 811, 894
 Виенцовский – 744
 Виктор Эммануил, кор. – 824, 927
 Виктория Английская, кор. – 725
 Вильконская П. – 839
 Витгенштейн – 838
 Вишневская М. – 6
 Владимир Александрович, кн. – 630, 631
 Власов (Чикарев В.) – 79, 172
 Влодек Т. – 125
 Вноровский – 669, 930
 Вожняковский (Возняковский) Я. – 95, 171
 Воздецкий Ю. – 670, 915
 Возняковский Я. – см. Вожняковский Я.
 Войтасевич А. – 899
 Войтасевич С. – 671, 897-900, 918

Войтковский – 783
 Волинский Г. – 139, 915
 Вольский В. – 823
 Вольфф – 13
 Воробьёв – 69, 221, 222
 Воронеж – 125, 130
 Вохл Г. – 751, 752
 Врангель А.Е. – 8
 Выжыковский В. – 690
 Высоцкий П. – 807, 907
 Въежбицкая Т. – см. Булгак Т.И.
 Въежбицкий – 678, 679
 Въелунский А. – 767
 Г. – см. Горчаков П.Д.
 Габриелла – см. Жмиховская Н.
 Гаврилов О. – 214, 215-217
 Гаденик – 676
 Газин – 289, 296, 417-419, 528
 Гарибальди Д. – 577, 901
 Гебетнер – 13
 Гегель – 715
 Гейденштейн – 280
 Гейне Г. – 323
 Гергей – 167
 Герс – 777
 Герсон В. – 808
 Герцен А.И. – 687, 714, 900, 901, 904, 911, 927
 Гете – 715
 Гжегожевский А. – 125, 140, 141, 146, 149, 399-401, 405, 854
 Гжибовский А. – 125
 Гжимайло – 308
 Гзовский Г. – 103, 104, 304-319, 551, 702, 740-743, 745, 761, 762, 783, 792, 807, 888, 902, 925, 928
 Гизпаньский С. – 101, 102, 846-848, 931
 Гикольд – 452-454
 Гилев – 165, 867
 Гиллер А. – 598, 922
 Гильдебранд – 459
 Годлевский Ф. – 596, 722, 901, 911, 927
 Гоя – 886
 Голембовский – 808, 902, 931

Голубев – 517, 524
 Голубевы – 516, 523
 Голынский Я. – 891
 Горник М. – 821
 Горчаков П.Д. (Г.) – 68, 160, 174, 175, 207, 263, 287, 290, 291, 293, 299, 303, 339, 343, 349, 355, 494, 629
 Госселин Э. – 101, 691, 710, 789, 807, 809, 810, 847, 916, 917, 925, 929
 Грабовская – 744, 902
 Грабовские – 808, 902
 Грабовский В. – 817, 922, 923
 Граве, де – 226
 Граве, де А.А. – 39, 40, 175, 200, 201, 211, 214, 224, 227, 282, 836
 Граве, де А.Ф. – 29, 39, 40, 70, 174, 175, 202, 223, 423, 493, 508, 701, 842, 878, 919
 Грант К.М. – 552
 Гриневецкий Л. – 778
 Громов К. – 207, 222, 919
 Гросс В.Д. – 508-510, 512-514, 518-522, 524
 Гросс Д. – 518
 Грушецкая – 280
 Грушецкий А. – 125, 131, 159, 467, 559, 858
 Грушецкий М. – 103, 104, 275, 277, 278, 280, 541-543, 545, 551, 552, 744
 Гусев – 68, 69, 155-157, 159, 160, 560, 865, 917
 Гутковский – 673
 Гутовский – 459
 Гюго В. – 291, 887
 Данбровский – 718
 Данте – 176, 646
 Даровский Ш. – 810, 908
 Дашкова Е.Р. – 901
 Деларош К. – см. Плихте К.
 Деларош П. – 894
 Демидов Н. – 503
 Ден – 838
 Денбицкий З. – 832, 883, 885
 Дескур Б. – 595
 Дескур И. – 116, 930
 Джемал-Еддин (Мурза бек Кубанов) – 47, 525, 531-534, 536
 Дибич – см. Дибич Забалканский

Дибич Забалканский – 380
 Добжич С. – 116
 Добрич С. – 838
 Добромир – 822
 Добрская – 789
 Добрский – 709-712
 Долгорукий Й. – 455, 456
 Домашевская Г. – 691
 Домашевская Е. – 818
 Домашевская О. – 691
 Домбровский – 740, 850, 852, 911
 Домбровский Б. – 838
 Доминик – см. Ходаковский
 Доморадзкий – 125
 Дороткевич К. – 144, 397
 Достоевский М. – 188, 189
 Достоевский Ф.М. – 5, 7-94, 97, 98, 100, 188-193, 218, 257, 259-261, 263, 282, 284, 285, 289, 340, 342, 351, 526, 528, 529, 534, 833-838, 840-845, 866, 872, 875, 915, 918
 Драженников – 422
 Дранишников – 51
 Дрейер – 762
 Дроздовский – 457, 459-461
 Дубельт – 218
 Дубровский Т. – 557
 Дулкиевич С. – 125
 Дунаевский – 906
 Дуров С.Ф. – 41, 77, 81, 89, 188, 191, 218, 340, 342, 345, 528, 529, 844, 845, 871, 878, 918
 Дуров Ф. – 188
 Дыбовский Б. – 790, 791
 Дымницкий Я. – 676
 Дьяков В.А. – 31, 32, 45, 60, 61, 74, 83, 85-88, 90, 92-94, 97, 835, 837-845
 Дягилев И.С. (Дятлов) – 43, 61, 169, 170, 262, 263, 841
 Дятлов – см. Дягилев И.С.
 Евгения, имп. – 575, 903
 Екатерина II – 153, 781
 Елизавета – см. Бартошевич Е.Е.
 Ермак – 139, 752, 853
 Жабицкий Э. – 702, 783, 785, 925

Желенская – 902
 Желкин – 421, 422
 Жемцев – 685, 688
 Жигалин – 149, 150, 865
 Ж-й – см. Жоховский Ю.
 Ж-кий – см. Жоховский Ю.
 Жмийевский Е. – 103
 Жмиховская Н. (Габриелла) – 807-809, 902
 Жоховский Ю. (Ж-й, Ж-кий) – 16, 51-59, 63, 68, 82, 140, 141, 157, 161, 163, 170, 171, 177, 178, 183, 195, 211, 230, 351, 352, 354, 355, 359, 408, 467, 471, 501, 529, 838-840, 844, 854, 867, 868, 870, 872, 889, 919
 Жуковский – 108, 119, 120, 170, 868
 Жулинский – 592, 702, 807, 922, 925
 Жучковская (Нагайка) – 850
 Жучковские (Шпицрутены) – 850
 Жучковский (Морок) – 117, 118, 120, 121, 685, 820, 850
 Забалканский – см. Дибич Забалканский
 Заблоцкая В. – 691
 Завадовская – 217
 Завино Кугалит – 748
 Завиша М. – 823, 824, 927, 930
 Заденбский – 115-117, 930
 Замойские – 843, 906
 Замойский Т. – 779
 Заренбский М. – 125, 747
 Звездовский – 577
 Зданович – 622, 623, 685, 690, 803
 Зелинский – 165, 353, 356
 Зигмунтович – 814
 Зиemiецкая Э. – 807
 Зиенткевич (Зиенткиевич) – 124, 125, 850
 Зиенткиевич – см. Зиенткевич
 Златоуст – 389
 Иванов – 142, 144, 158
 Иванов К.И. – 81
 Иванова Е.Е. – см. Бартошевич Е.Е.
 Ижевская Х. – см. Хожевская Х.
 Ижевские – 619
 Иисус Христос – 105, 311, 319, 367, 368, 446, 449, 472, 499, 543, 559, 567, 591, 653, 663, 666, 705, 707, 719, 773, 830, 852, 866

Иловайский – 815
 Иоанн Златоуст – см. Златоуст
 Исай Фомич – см. Бумштейн И.Ф.
 Истeneв С.Д. – 434-438, 440-447, 451, 452
 Истeneва А.П. – 439-448, 451, 452
 Истeneвы – 449-451
 Иуда – 105, 625, 666
 Йеж – см. Мильковский З.
 Йезиораньский – 102, 592, 702, 848, 922, 925
 Йенике Л. – 822
 Йордан Ф. – 125
 Йордан Ю. – 125
 Калембах – 680
 Калиновский К. – 159, 559
 Каминский – 362
 Каминский Ф. – 125
 Канчугович – 674
 Карасинская – 130, 137
 Карасинский А. – 125, 130-133, 137
 Карпович – 162, 163, 911
 Карпович Н.П. – 200, 201, 836, 867
 Карчмарский – 767
 Катков – 644-646, 653, 654, 767, 772, 773, 914
 Катулл М. – 780, 906
 Качоровский – 767
 Квазимодо – 48
 Кванг-си-тун – 391-397
 Квасневский А. – 7
 Кветницкая – 456
 Кветницкий – 455, 456, 459
 Квиетниvская – 902
 Квиетниvский В. – 902
 Квиечень – см. Квиечинский
 Квиечинский (Квиечень) – 108, 109, 111, 116-120, 127, 170, 622, 685, 820, 849, 851, 852, 915, 930
 Квятковская А. – 726
 Кеневич С. – 84
 Кенниг Я. – 125
 Керпит Нияз Оглы – 197
 Кжановский – 807, 907
 Кжанстовский – 670

Жеминский С. – 885, 902, 931
 Кжижановская (Криванка) Н. – 169, 320, 321, 868
 Кжижановская А. – 169, 182, 183, 214, 224, 321, 877
 Кжижановская О. – 169
 Кжижановские – 809
 Кжижановский (Крыжановский) К. – 95, 168, 169, 182, 200, 308, 320, 868, 913
 Килинский – 810, 847
 Кириак – см. Акорд К.
 Клагевич А. – 453, 913
 Клерк, де ля А. – 904
 Клечинский Я. – 817
 Клосовский А. – 144, 397, 405
 Ковальский – 125
 Кожневский М. – см. Кожениовский М.
 Кожениовский (Кожневский) М. – 125, 131
 Козакевич – 459
 Коллер – см. Котлар
 Колонна-Валевская (Валевская, Хжановская) Ж. – 789, 818, 908
 Колонна-Валевские – 904
 Конарский Ш. – 452, 508, 838, 913, 914
 Конрад – 784
 Контер Л.Я. – 5, 94
 Коперник – 280
 Корзон Т. – 230, 882, 902, 931
 Корнев – 140, 859
 Корсак Т. – 368, 372, 387-390, 392, 393, 395, 396, 911
 Корчинский Л. – 195, 665, 896, 914, 918
 Косевич Б. – 125, 159, 467
 Костжицкая – 130, 879
 Костжицкий И. – 117, 125, 130, 879, 880, 912
 Костомаров – 765
 Костюшко – 354, 852
 Котлар – 69, 70, 222, 842
 Котлярский – 645
 Кохановский Я. – 125, 855
 Коцебу – 781
 Краевский – 702, 925
 Краевский А. – 102, 103, 807, 825, 826, 848, 888
 Краевский В. – 96, 102, 475-482, 807, 848, 907, 925, 932
 Краевский Г. – 807

Крапо – см. Аристов
 Красинская М. – 789
 Красинская Ф. – 824
 Красинский З. – 455, 789, 790
 Краусхар А. – 839
 Крашевский Ю.И. – 581, 779, 821, 929
 Крез – 383
 Крейц – 685
 Кремер – 604
 Криванка Н. – см. Кжижановская Н.
 Кривоногов – 160, 866
 Кривцев В.Г. – см. Кривцов В.Г.
 Кривцов В.Г. (Васька, Кривцев) – 15, 16, 22, 40-44, 48-50, 55-61, 78, 79, 82, 95, 166, 168-174, 177, 178, 180, 182, 183, 194-197, 199, 200, 207, 210, 212, 214, 220, 221, 229, 230, 281, 287, 288, 294, 415-417, 496, 497, 502, 528, 712, 837, 869, 874, 876-878, 919
 Кригнер – 672
 Криницкий – 674, 676
 Крушинский – 767
 Крыжановская Н.С. – 82
 Крыжановский К. – см. Кжижановский К.
 Кукушкин – 417, 890
 Кукуль – 633
 Кулаковский – 784
 Кулешов А. (Куликов) – 69, 70, 80, 222, 878, 919
 Куликов – см. Кулешов А.
 Кулишов – см. Кулешов А.
 Кульчицкий И. – 376, 537, 538
 Купленников – 178
 Кьетлинский – 767
 Лангевич – 896
 Ландовский П. – 538
 Ласковский З. – 592, 791
 Латусек Н. – 6
 Левандовский В. – 539, 592-595, 597-599, 610, 627, 762, 763, 804, 805, 818, 825, 893, 894, 905, 912, 916, 918, 922, 923, 927, 928, 932
 Левинский – 808
 Левицкий А. – 463, 928
 Левицкий Ц. – 785, 787
 Лейхте – 108, 119, 120, 127, 170, 622, 685, 820, 924

Лелевель И. – 714
 Лесчинская – 805, 812, 908, 929, 930
 Лесчинская (Токаржевская) Г. – 763, 775, 776, 846, 881
 Лесчинские – 813, 822, 830
 Лесчинский А.Б. – 130, 134, 852
 Лесчинский Ю.Б. – 117, 119, 123, 125, 130, 134, 691, 805, 820, 823, 849, 879, 881, 908, 911, 930
 Ливен – 777, 778
 Лидерс – 685, 693
 Липинский – 107, 683
 Лисаков – 146, 148, 864
 Лисакова Е.П. – 147, 148
 Логиновская Е.В. – 5
 Лойевский – 670, 671
 Ломов – 35, 78, 263-267
 Ломовы – 35
 Лопатин – см. Ломов
 Лорис-Меликов – 777-779
 Лоурс – 823, 829
 Людовик XIV – 236
 Людовик-Филипп – 125
 М. – см. Мирецкий А.
 Магомет – 277
 Мазараки Л. – 125, 127, 128
 Май Я. – 165, 167, 353
 Майевский – 767
 Македонский А. – 351
 Маков – 777
 Максименко – 397-402
 Максимов – 551
 Малькевич О. – 248, 249, 252-257, 923, 930
 Мальчевский С. – 320-324, 428, 631, 632, 698, 699, 902, 911, 912, 918, 924, 925, 928, 929
 Мамед Мустафа Оглы – 197
 Мамед Хан, Мухамед Хан Оглы – 197
 Манюшко – 823
 Марат – 780
 Марков – 126, 127
 Мартьянов П.К. – 75, 81
 Марчевский В. – 630, 895
 Маршанд Я. – 159, 559

Матейко Я. – 280, 908
 Матушевский К. – 476-480, 932
 Матыньская В. – 813
 Маурусов – 820
 Маценко – 68, 157-159, 409, 410, 468, 865, 866
 Маццини – 901
 Мельничук – 677
 Мендельсон-Бартольди – 252
 Мендес К. – 780, 781
 Менье – 454, 455, 458, 925
 Мерзбах – 699
 Меттерних – 106, 672, 900
 Миерославский – 125, 770, 771
 Микошевский Я. – 125
 Микуловский Я. (Ясько) – 117, 122, 124, 125, 130, 849
 Микутович М. – 784, 923
 Милорадов О. – 508
 Милорадов С.Л. – 508-515, 517-520, 522, 524
 Милорадова К.А. – 507, 510-524
 Милорадовы – 510
 Мильковский З. (Йеж) – 893
 Мильтон – 808
 Милуков А.П. – 8
 Милютин – 777
 Минковская А. – 839
 Мирабо – 814, 816, 817
 Мирецкая М. – 838
 Мирецкий А. (М., М-кий, М-цкий, Олесь) – 11, 27, 43, 49-51, 56-58, 64-66, 68, 95, 172, 176-178, 193, 194, 217, 218, 220, 299, 301, 351, 502, 535, 837, 838, 840, 869, 872, 874, 878, 915
 Мирецкий В. – 838
 Мисячневич – 107, 682
 Михаил Федорович – 919
 Михайлов – 714-719
 Мицкевич А. – 352, 358, 455, 571, 715, 901, 913
 М-кий – см. Мирецкий А.
 Моджейовский В. – 125
 Моисей – 333, 501
 Мойковский А. – 792
 Мольер – 607
 Мониковский Г. – 109

Монтескье – 734
 Морок – см. Жучковский
 Мотц С. – 908
 Мохнацкий – 742
 Мукланович – 592, 922
 Мулла-Хадззи Мухамед Хасан Гусейн Оглы – 197
 Муравьев С. – 314
 Муравьев-Амурский Н.Н. – см. Амурский Н.Н.
 Муразов – 405, 410
 Мурза бек Кубанов – см. Джемал-Еддин
 Муровец – 482
 Мусьялович Я. – 195, 918
 М-цкий – см. Мирецкий А.
 Мьешковский – 125
 Мюссе – 573
 Набоков – 777
 Навроцкий – 602, 894, 912, 923
 Нагайка – см. Жучковская
 Назарбаев Н. – 7
 Наполеон I – 5, 110, 162, 321, 322, 324, 354, 428, 555, 574, 595, 698, 699, 741, 902, 911
 Наполеон III – 577, 742
 Нарушевич (пани) – 553, 554
 Нарушевич Ад. – 552, 554, 556, 911
 Нарушевич Ан. – см. Тухановская А.
 Нарушевич Ю. – 552-557, 911, 931
 Немврод – 552
 Немцевич – 455
 Непомнящий И. – 141
 Нестор – 428
 Неустроев – 33, 36, 260, 261, 263, 266
 Нецветаев – 281
 Нечаев – 714, 904, 927
 Николай I – 14, 116, 192, 218, 307, 488, 723, 839, 849, 870, 878, 890
 Новачевский А. – 9, 833
 Новицкий Н. – 459
 Нурра Шахмурла Оглы – см. Нурра-Шахнурра Оглы
 Нурра-Шахнурра Оглы (Нурра Шахмурла Оглы, Нурра-Шах-Нурра-Оглы) – 45, 46, 95, 96, 197, 210, 414-420
 Нурра-Шах-Нурра-Оглы – см. Нурра-Шахнурра Оглы

Обарский К. – 702, 703, 705, 904
 Огарев – 714
 Олден Л. – 433, 434, 436-438, 440, 445, 449
 Олесь – см. Мирецкий А.
 Ольшевский М. – 103
 Оноприенко А. – 349, 350
 Опиенцы – 807
 Оппман А. – 883, 910
 Опьенский Ф. – 592, 691, 922
 Орда Л. – 459, 462
 Ордынский – см. Орлинский
 Орлинский (Ордынский) – 95, 165, 353, 912
 Орлов – 218-220, 576, 712, 878
 Орнатская Т.И. – 833
 Оскьерский – 744
 Осман Паша – 771
 Осолинский – 808
 Островский – 779
 Падлевский З. – 577, 598, 893, 922
 Палашенков А.Ф. – 28
 Панговский В. – 125
 Панцер Ф. – 808
 Парчевский А. – 821
 Паскевич И.Ф. – 108, 116, 559, 668, 818, 819, 838, 839, 843, 866
 Пастрана Ю. – 379
 Пеллико С. – 882
 Пенский – 767
 Пентефрий – 449
 Петефи Ш. – 897, 898
 Петр I (Петр Великий) – 503
 Петр Великий – см. Петр I
 Петрашевский – 9, 844
 Петров – 51
 Пиуро – 826
 Платон – 816
 Плихте (Деларош) К. – 614, 851, 894
 Плихте А. – 308, 614, 851, 894, 912
 Плихте Й. – см. Плихте А.
 Плотник – см. Даровский Ш.
 Плуг – 826
 Победоносцев – 777, 904

Погоновский И.Ц. – 12, 833
 Подгороденский М. – 891
 Подгорский М. – 125
 Подлевский К. – 103
 Подолецкий А. – 676-678
 Поклевская-Козиелл (Рымзова) Анеля – 752, 754, 755, 905
 Поклевская-Козиелл Аннета – 754
 Поклевская-Козиелл В. – 755
 Поклевский А. – см. Поклевский-Козиелл А.
 Поклевский-Козиелл А. – 752-755, 772, 905
 Поклевский-Козиелл В. – 754
 Попиелувна Л. – 691, 693, 902
 Попов – 164, 165, 167, 352, 353
 Попов М.М. – 224, 225, 226, 228, 879
 Попов Н.Н. – 696-698, 700, 924
 Попьела – 908, 930
 Поссиет – 777
 Потанин Г.Н. – 81
 Потоцкая – 906
 Потоцкая В. – см. Томашевская В.
 Потоцкий А. – 676
 Почейкин – 284
 Пулавский К. – 354
 Пустовойтова – 609
 Пушкин А.С. – 903
 Пьеньенжек М. – 691
 Пьеткевич А. – 908
 Пьяст – см. Пяст
 Пяст (Пьяст) – 105
 Рабцевич В. – 103
 Раджеба Хассан-Гусейн (Раджеба Хассан) – см. Реджебай Кан-
 балай, Хассан-Гусейн Оглы
 Радзивилл Д. – 557
 Радищев А.Н. – 360, 889, 901
 Раковский К. – 884
 Рахманина – 740
 Рациборский – 131, 145
 Рациборский Г. – 125
 Рациборский И. – 125, 149
 Рачинский – 125
 Ревенская Ц. – см. Ходзко Ц.

Реджебай Канбалай, Хассан-Гусейн Оглы (Раджеба Хассан-Гу-
 сейн, Раджеба Хассан) – 197, 525, 526, 528, 529
 Рейнер – 645
 Реннер А. – 838
 Реомюр – 732
 Рер Я. – 838
 Ришелье – 356, 358
 Рогожинский Т. – 12, 756, 757, 760, 763, 764, 774-776, 782, 783,
 788, 792, 795-798, 827, 829, 878, 906, 908, 924, 928, 929, 931
 Родкевич А. – 103, 826
 Рокицкий – 165, 353
 Романов А. – 175
 Романов М.Ф. – 765
 Романова А.А. – см. Граве, де А.А.
 Ротшильд – 696
 Руднев А. – 468
 Рудницкий – 676
 Рудницкий К. – 125, 140, 141, 149, 854
 Рудницкий Ю. – 125, 140, 854
 Рупрехт К. – 838
 Руставолли Г. – 357, 913
 Рылеев – 307, 314
 Рымзова А. – см. Поклевская-Козиелл А.
 Сабаудские – 824
 Сабовский – 908
 Сабуров – 777
 Саватиев – 747
 Савичевский К. – 103
 Савчинский З. – 604
 Саковский – 146
 Салецкий – см. Солецкий
 Санд Ж. – 581
 Сарасате – 796
 Светилкин Е.П. – см. Светилкин К.М.
 Светилкин К.М. (Светилкин Е.П.) – 268, 274, 324, 325, 328, 336,
 363, 364, 372-374, 376, 379, 387, 388, 483-485
 Светилкин С.К. – 325, 327, 334
 Светилкина И.А. – 487, 489
 Святославский – 665, 896, 913, 914, 924
 Себович – 676, 680
 Семенский Л. – 604

Сераковский – 577
 Серно-Соловьевич – 544
 Сикорская Ю. – см. Скалковская Ю.
 Симонич – 112, 113, 119, 120, 820
 Синельников – 538, 632, 633, 895
 Сипневский – 726
 Сиротко – 297-299, 301, 302
 Сичинский – 778
 Сиянов – 119, 120, 170, 820
 Скавронский – 139
 Скалковская (Сикорская) Ю. – 900
 Скалковский – 900
 Скалковский Т. – 900
 Скальский П. – 894
 Скворцов – 773
 Скжинецкий – 714
 Скиба В. – 826
 Скивский – 144, 397
 Скимборович – 807, 808
 Скуратов – 343, 344, 350, 536
 Словацкий Ю. – 455, 571, 654
 Смолар Э. – 821, 822
 Смолар Ю. – 822
 Смолар Я. – 821, 822, 908
 Смолары – 822
 Собиеранский – 125
 Собиеский Я. – 280
 Соболевский – 125
 Соколовские – 784
 Соколовский Фел. – 784
 Соколовский Фр. – 784, 923
 SOLEцкий (Салецкий) – 676, 680, 682
 Сольский – 777
 Соффианос – 633
 Софья – 902
 Станислав, кор. – 622
 Станиславский О. – 808
 Станишевский Ю. – 110, 111, 114, 115, 117, 118, 915
 Станкевич – 773, 914

Статкевич – 784, 923
 Статтлер – 622
 Стельмовская К. – 808, 809
 Стецкий Ю. – 592, 906, 922, 928
 Стороженко – 110, 120, 127, 170, 820, 849
 Строганов – 752, 777
 Суворов А. – 553
 Сулимиерский Ф. – 822
 Сулистровская – 458
 Сусанин – 765, 919
 Сушилов – 340-342
 Сцегенский П. – см. Щегинный П.
 Таганцев И. – 377, 378, 383-386
 Танаевский – 767
 Танская – 455
 Тарасов Н.Н. – 165, 167, 353, 355, 360-362
 Тебаида – 627
 Телль В. – 362
 Теренкочи – 632
 Теренкочи Ад. – 568, 571, 573-576, 579-583, 585-588, 605-610, 612-616, 618-620, 651, 652, 654
 Теренкочи Ал. – 572, 574-576, 579-583, 585-590, 605-608, 610, 613-616, 619, 620, 626
 Теренкочи К. – 567, 568, 573-576, 579-581, 583, 585, 587, 607, 610-616, 626, 651, 652, 654
 Терлецкий – 459, 461, 462
 Тетмайер – 902
 Тетмайер К. – 902
 Т-жевский – см. Токаржевский Ш.
 Тимовский – 808
 Токажевский Ш. – см. Токаржевский Ш.
 Токаржевская Г. – см. Лесчинская Г.
 Токаржевские-Карашевичи – 104
 Токаржевский (Токажевский) Ш. – 1-932
 Токаржевский С. – 104, 108
 Томашевская (Потоцкая) В. – 808
 Томашевский Я. – 672, 677
 Тотлебен – 781
 Точиский Ю. – 102, 125, 131, 702, 848, 925

Траугут – 102, 702, 807, 848, 925
 Трентовский – 715
 Трепов – 475
 Трубецкой – 458
 Трынковский Л. – 459, 461, 462, 890, 891, 911, 913, 917
 Тухановская (Нарушевич) А. – 553
 Тухолко – 622, 623, 685, 691
 Тучинова А.Р. – 628
 Тышкевич – 714
 Углик Я. – 17, 834
 Ужейский К. – 476
 Унгуреану Р. – 10, 11, 15, 833, 834
 Урусовы – 807
 Уссольцев – 633
 Федеренко – 123, 124, 127, 128, 134
 Федоренко Б.В. – 80
 Федоров – 145, 146
 Фелинский – 792, 798, 799, 929
 Фиалковский Ф. – 159, 161, 162, 559-562, 917
 Филарет – 455
 Филиповский – 125
 Фишер – 783
 Францкиевич – 808
 Фрибен К. – 811
 Фридлендер Г.М. – 82
 Фуке А. – 735
 Халубиньский Т. – 102, 822, 848
 Хжановская Ж. – см. Колонна-Валевская Ж.
 Хжановская Ю. – 691, 763
 Хиршфельд Ю. – 164, 165, 167, 352-358, 360, 868, 913
 Хлопицкий – 555
 Хмелевский – 851
 Хмельницкий Б. – 81, 188
 Ходаковский Д. (Доминик) – 125, 131, 155
 Ходзко (Ревенская) Ц. – 456, 457
 Ходзко Д. – 456
 Ходзковы – 456, 457
 Ходкевич Ф. – см. Токаржевский Ш.

Хожевская (Ижевская) Х. – 568-571, 573, 575, 579, 580, 582-591, 605-608, 613-620, 626, 628, 629, 631-638, 640, 641, 644, 647, 648, 650
 Хожевская Б. – 643, 644, 651, 652-654
 Хожевские – 635, 639, 644, 647, 648, 651
 Хожевский А. – 611, 612
 Хожевский П.З. – 565-571, 579, 583-588, 590-592, 595, 599, 601-603, 611-618, 620, 621, 626-628, 632-634, 636-641, 644, 647-651, 654, 922
 Хожевский С. – 644, 654
 Хомницкий – 144, 397
 Хофгаузер – 622
 Хоффман – 673
 Храневич – 845
 Христос – см. Иисус Христос
 Цыгл – 747, 926
 Чаплицкий Ш. – 125
 Чарковский – 767
 Чарторьский А. – 84
 Чаховский – 609
 Чекальский Е. – 884, 886
 Червинский А. – 118, 125, 131
 Черноцкая И. – 457
 Черноцкий К. – 457, 467
 Чернышевский Н.Г. – 714, 903, 904, 929
 Чешковский – 715
 Чикарев В. – см. Власов
 Чим-Хань – 267, 268
 Чулков Г. – 82
 Чухонов Т.В. – 243-246
 Чухонов Т.Г. – 239-243
 Чухонова М.И. – 243
 Чухонова Н.Т. – 240, 242-246
 Чухоновы – 243
 Шамиль – 526
 Шарамович – 645
 Швермицкий К. – см. Шверницкий К.
 Шверницкий К. (Швермицкий) – 276, 544, 545, 628, 633, 634, 702, 744
 Швидерский – 465
 Швидзинская – 824

Швидзинский – 824
Шекспир У. – 752
Шиллер – 362
Шлезигьер – 740
Шленкер К. – 546, 926
Шленкер Ю. – 544-548, 551, 552, 778, 892, 901, 926
Шнядецкая – 458
Шпицрутены – см. Жучковские
Шрамм – 174, 176, 204-206, 291, 293, 298, 343, 348, 349, 629, 875, 876
Шувалов – 768, 780, 781
Шульгин – 70, 223
Шчигельский – 682
Щегиенные – 105, 915
Щегиенный (Сцегенный) П. – 76, 101, 104-106, 112, 113, 131, 413, 485, 658-670, 737, 843, 847, 885, 886, 896, 897, 913-915, 918, 924, 930, 931
Щегиенный Д. – 106
Щегиенный К. – 106
Щепановский – 609
Щербинские – 767
Эйхмилер – 538, 633
Эренберг Г. – 102, 103, 807, 848
Эристава Г. – 357, 913
Юзик – см. Богуславский Ю.
Юлиуш – см. Словацкий Ю.
Юргелевич – 157, 158, 469, 471, 472, 866, 917
Ягеллоны – 354
Якублевич – 68, 69, 158, 160, 560, 842, 865
Якублевичи – 68, 158, 159, 467, 866
Якубович И.Д. – 740, 833
Якушкин – 29
Ян III – 716, 771
Яниц В. – 106, 234, 666, 667, 897
Янковский Ч. – 884
Янь-Сань – 333, 335, 336
Яржина Л. – 139
Ярошевич – 139
Ясинский Д. – 125
Ясько – см. Микуловский Я.

Указатель географических названий

Токарежский выдающийся мемуарист, прежде всего, потому что, без всяких литературных претензий, писал просто и искренне, и тем самым сумел заинтересовать и растрогать читателя... Жизнь Токарежского была сплошной, или с коротким перерывом, горестной полосой. Но сильный духовный костяк помог ему всё стерпеть, и когда мы видим на титульном листе его воспоминаний портрет хрупкого юноши в каторжной одежде, трудно поверить, что это тот же самый человек, который через несколько десятков лет расскажет нам, непринуждённо, нередко с юмором, о пережитых страданиях, о познанных им печали и сомнениях. Велика была, видимо, сила, которая позволила ему пронести через всю жизнь идею, которая, как зажжённый светильник, не гасла перед вихрями, что могли так легко его погасить. И именно это придаёт скромным воспоминаниям изгнанника ценность и значение важного документа народной жизни.

З. Денбицкий

Абакан – 477-480
 Августов (Августовское) – 152
 Августовское – см. Августов
 Австрия – 106, 671, 722, 723, 919
 Азия – 691, 830
 Айгун – 707
 Алакай, оз. – 732
 Алатау – 732
 Александровск – 106, 702
 Александровск на Амуре – см. Александровск-на-Амуре
 Александровск над Амуром – см. Александровск-на-Амуре
 Александровск-на-Амуре (Александровск на Амуре, Александровск над Амуром) – 102, 228, 413, 711-714, 720, 722-724, 726, 729, 730, 734, 735, 747, 752, 848, 903, 921, 924, 925
 Алексинач – 771
 Алжир – 898, 918
 Алиберта, г. – 430, 432, 433, 435, 437, 438
 Алматы – 28
 Алтай – 464, 470, 472, 501-503
 Алтай Малый – см. Малый Алтай
 Амур, р. – 551, 657, 707, 708, 723-725, 729, 733-736, 801, 919
 Амурский край – 707, 711, 720
 Амурский округ – 894
 Ангара, р. – 277-279, 750, 901
 Англия – 84, 724, 725, 764, 901
 Аргун, р. – 791
 Армения – 673
 Архарка, р. – 408
 Астраханская губ. – 783
 Атлас, г. – 898, 899
 Аустерлиц – 320
 Африка – 898
 Байкал, оз. – 247, 427, 485, 490, 495, 657, 747-750, 790, 791, 801, 890, 926
 Байкальские горы – 750
 Балаганский округ – 767
 Бараба – см. Барабинская степь
 Барабинская степь (Бараба) – 321, 322, 699, 913, 918
 Барнаул – 150, 151, 483, 524

Батиньолль – см. Батиньоль
 Батиньоль (Батиньолль) – 762, 779, 907, 920
 Беланы – 784
 Беларусь – см. Белоруссия
 Белоруссия (Беларусь) – 15, 247, 838
 Бельгия – 596
 Бельфельд – 764
 Бергамо – 713, 721
 Березина, р. – 138
 Берлин – 790
 Биала – 138, 599, 922
 Бианкин – 737, 926
 Биелина – 591
 Бийск – 166
 Бийский округ – 738
 Билча – 106, 667
 Благовещенск – 413, 707, 708, 734, 741, 921, 925
 Блида – 899
 Бобруйск – 138
 Богенский округ – 900
 Боготол, р. – 438
 Богушув – 900
 Болгария – 777
 Болехов – 678
 Болотное – 145, 146, 864
 Большой Участок – 96, 225, 227, 228, 230, 325, 326, 363, 376, 388, 483, 484, 486, 657, 879, 919
 Босфор – 351, 758
 Брест-Литовск – 138
 Брестский уезд – 838
 Брюссель – 714
 Будышин – 821, 822
 Буй – 769
 Буковина – 897, 918
 Буфарик – 899
 Бухара – 354, 532
 Вавель – 235, 603, 604, 906
 Вавилон – 293, 303
 Ваграм – 320

Варшава – 2, 6, 7, 13, 76, 96, 99-101, 106, 107, 117, 123, 126, 127, 129, 134, 137, 138, 159, 164, 231, 232, 237, 308, 337, 338, 358, 411, 412, 473-475, 538, 539, 553, 559, 561-564, 576, 591-594, 596, 597, 602, 621, 626, 628, 630, 655-657, 668, 683, 684, 687, 689, 691-693, 702, 705, 709, 711, 712, 755, 760, 762, 763, 768, 771, 772, 776, 779, 781, 784, 785, 787, 790-794, 796, 797, 799, 804, 807, 809-811, 819-821, 823, 827-830, 838, 839, 845-848, 850, 851, 853, 881, 892-896, 901, 902, 905, 906, 908, 915, 916, 920, 922-925, 928-932
 Варюхино – 146-149, 864, 916
 Васбах – 699, 911
 Ватерлоо – 699, 741
 Великобритания – 552, 725
 Великое Можейково – 744
 Вена – 125, 280, 354, 612, 716, 771, 779, 790, 907
 Венгрия – 167, 588, 589, 762, 893, 897, 898, 907, 916, 918
 Венгров – 597, 678
 Верхнеудинск – 747, 905
 Ветлянка – 757
 Видома – 116, 117
 Вилагос – 898
 Виленское воеводство – 890, 911
 Вильно – 139, 280, 357, 456, 462, 463, 465, 576, 628, 891, 912, 913
 Вильчковицы – 896
 Виллойск – 650, 731, 903, 904
 Висла, р. – 123, 124, 604, 629, 632, 686, 705, 706, 712, 914
 Витим, р. – 650
 Владивосток – 791
 Волга, р. – 139, 764, 769
 Вологда – 139
 Вольнь – 15, 85, 90, 190, 767
 Ворки – 807
 Восточная Сибирь – 149, 277, 278, 429, 478, 536-538, 547, 552, 627, 628, 631-633, 649, 695, 711, 720, 722, 726, 729, 731, 733, 734, 859, 894, 921, 925-927
 Вязьма – 698, 911
 Вятка – 757, 893, 901
 Вятская губ. – 754, 769
 Гаета – 698

962

Галиция – 15, 107, 508, 589, 603, 609, 671, 676, 843, 897, 900, 915, 918
Галиция Западная – 676
Галич – 102, 237, 239, 247, 281, 551, 658, 691, 756-759, 761, 764, 765, 767-769, 772, 774, 782, 787, 789, 795, 796, 828, 829, 848, 902, 906, 925, 927, 928
Галичское, оз. – 657, 757-759, 761, 895, 927
Геллеспонт (Дарданеллы), пр. – 351
Гер-зе-аул – 525, 531-534
Германия – 323
Горожаны – 900
Гославсчизна – 890, 930
Гошча – 609, 922
Гриньон – 565, 587
Гродко – 900
Гродненская губ. – 108, 838
Гродно – 104
Грохов – 851
Грубешовский уезд – 843
Гружецкое – 880
Грузия – 356, 357, 673
Гуща – 894, 923
Дагестанская обл. – 371
Дальний Восток – 650, 702
Дальний Север – 650
Дамга – 735
Дарданеллы – см. Геллеспонт
Делиград – 771
Джин-шан – см. Алтай
Джунис – 771
Днепр, р. – 629
Дрезден – 546, 926
Дунай, р. – 612
Европа – 110, 254, 278, 293, 322, 323, 356, 430, 434, 438, 465, 496, 522, 544, 575, 577, 598, 603, 607, 628, 642, 657, 720, 722, 729, 730, 753, 755, 766, 770, 791, 819, 830, 839, 921, 930
Египет – 501
Екатеринбург – 754
Екатеринославская губ. – 783

963

Енисей, р. – 325, 365, 479, 482
Енисейская губ. – 364, 483
Ески-Загра – 771
Жечь Посполита – см. Польша
Жулква – см. Жулкевка
Жулкевка (Жулква) – 681
Забайкалье – см. Забайкальский край
Забайкальская область – см. Забайкальский край
Забайкальский край (Забайкальская область) – 233, 319, 371, 398, 537, 633, 650, 702, 705, 732, 737, 738, 740, 747, 801, 894, 926
Залешики – 676
Замостье (Замосць, Замоштье) – 103, 107, 657, 670, 682, 850, 914
Замосцкий уезд – 843
Замосць – см. Замостье
Замоштье – см. Замостье
Западная Галиция – см. Галиция Западная
Западная Сибирь – 174, 290, 303, 339, 353, 398, 426, 463, 503, 628, 722, 859
Застув – 896
Звежинц – 670, 671
Зея, р. – 537, 707, 734, 735
Змеиногоorsk – 151
Ивонич – 732
Израиль – 197, 283
Иосафата долина – 750
Иркутск – 102, 139, 146, 237, 276, 278-280, 413, 451, 465, 536-540, 542, 543, 551, 627-629, 632, 633, 638, 641, 645, 650, 657, 691, 693, 702, 726, 729, 730, 734, 739, 741, 747, 750, 751, 755, 760, 761, 763, 770, 778, 785, 848, 849, 891, 895, 901, 905, 917, 919, 925-927
Иркутская губ. – 429, 449, 747, 767, 905
Ирландия – 725
Иртыш, р. – 27, 28, 139, 154, 159, 174, 184, 204, 209, 213, 215, 248, 254, 257, 258, 290, 293, 294, 296, 298-303, 321, 339, 340, 342, 343, 345-347, 349, 353, 409, 416, 423, 468, 470-472, 528, 535, 558, 559, 629, 696, 855, 860
Италия – 621, 712, 824
Кавказ – 16, 46, 85, 191, 279, 314, 354, 368-370, 373, 414, 525, 528-530, 553, 726, 852
Када – 413

Казанская губ. – 769
 Казань – 139, 465, 853, 905, 919, 920, 926
 Казахстан – 7
 Каинск – 145
 Калиш – 821, 908
 Калишская земля – 906
 Калтай – 148, 149, 916
 Каменец-Подольский – 673
 Камчатка – 147, 277, 790, 791
 Капольна – 898
 Кара, р. – 279
 Карлсбад – 766
 Карпаты – 151
 Карчувце – 666
 Качуг – 546
 Келецкая земля (Киелецкая земля) – 105, 588, 847, 896, 915
 Кельце (Киелце, Киельце) – 106, 235, 611, 667, 668, 841
 Кемерово – 1, 2, 833
 Керемз-аул – 526
 Киев – 162, 744, 867
 Киелецкая земля – см. Келецкая земля
 Киелце – см. Кельце
 Киельце – см. Кельце
 Кильтук – 790
 Киренск – 544, 546, 650
 Кирсанов – 767
 Китай (Небесная Империя, Небесное Царство, Поднебесная Империя) – 354, 365, 390, 514, 537, 544, 552, 732, 735, 736
 Клоелиф, р. – 899
 Кокса, р. – 732
 Кологрив – 769
 Коломна, о. – 904
 Колывань – 145
 Колымка – 248, 249, 252, 254, 255, 923
 Константинополь – 14, 17, 71, 85, 86, 191, 254, 319, 320, 351, 758, 898
 Корея – 791
 Королевство Польское – см. Польша
 Корона – см. Польша

Кострома – 96, 761, 764, 765, 775, 788, 792, 795-797, 828, 830, 906, 919, 928, 929
 Костромская губ. – 102, 237, 281, 657, 691, 756, 758, 759, 782, 784, 788, 848, 925, 927
 Крайна – 234, 665, 666, 914
 Краков – 12, 115, 116, 235, 555, 603, 604, 606, 608-610, 612, 620, 631, 675, 810, 837, 838, 841, 878, 891, 900, 906, 907, 922, 930-932
 Краковская земля – 105, 847, 890, 896
 Краковский округ – 841
 Краковское, предместье – 136, 826, 848
 Красна, р. – 138
 Красное море – 501
 Красноярск – 238, 544, 546, 770
 Красноярская губ. – 763
 Красноярская, станица – 163
 Краснымстав – см. Красныстав
 Красныстав (Краснымстав) – 107
 Крушевач – 771
 Крым – 291
 Кубанская – 747
 Кунео – 577
 Куртук – 247
 Куявская земля – 901
 Куявы – 110
 Кшешовице – 906
 Кяхта – 551, 552, 849
 Лаба – 822
 Ланд – 784
 Ласкажев – 599, 893, 912, 922
 Ледовитый океан – см. Северный Ледовитый океан
 Лежно – 817
 Лена, р. – 149, 546-548, 650
 Ленчица – 698, 911
 Ленчицкая земля – 321
 Лигостаево – 150
 Лида – 820
 Липница – 664
 Листвянка (Литвинничная) – 750, 926
 Листочек – 632, 634-638, 640, 644, 647-649, 651-654

966

Литва – 9, 11, 85, 90, 175, 190, 369, 458, 463-465, 516, 554, 556, 557, 594, 629, 744, 805, 820, 838, 923
Литвинничная – см. Листвянка
Лодзь – 893
Ломазы – 894, 923
Лондон – 68, 160, 687, 779, 901
Луизиана – 904
Лысая, г. – 235
Львов – 101, 106, 168, 411, 413, 563, 564, 657, 664, 672, 673, 676, 678, 847, 855, 892, 900, 915, 932
Льеж – 596, 922
Любельск – 897
Любельская губ. – 107
Любельская земля – 104, 105, 205, 485, 502, 595, 597, 657, 676, 847, 890, 922
Любельский край – 101
Люблин – 106, 107, 168, 658, 661, 669, 677, 678, 682, 683, 850, 897, 900, 915, 920, 930
Люблинская губ. – 76
Маджента – 721
Мазовецкие равнины – 570
Мазовецкое, воеводство – 6, 698, 911
Макарьев – 769
Малый Алтай – 151, 154, 505-507, 509, 514, 558, 562
Малый Участок – 225, 879
Малый Ярославец – 698, 911
Мальчице – 609
Маньчжурия – 707
Марсаново – 738
Меховский уезд – см. Мехувский уезд
Мехув – см. Миехов
Мехувский (Меховский) уезд – 841
Миелиш – 104, 670-672
Миехов (Мехув) – 116
Милосна – 137
Минск – 368, 369, 849
Минусинск – 268, 325, 334, 362-365, 372, 374, 379, 385, 387, 389, 391, 475, 477-479, 907, 925
Минусинский округ – 363, 368, 911

967

Миская земля – 895
Мицкевичи – 557, 891, 931
Модлин – 101, 117, 123-128, 130, 133-135, 140, 168, 413, 664, 763, 805, 847, 849, 854, 855, 879, 881, 882, 911, 912, 916
Можайск – 138, 698, 911
Монастырка – 704, 924
Монголия – 335, 537, 544, 886
Москва – 13, 134, 138, 218, 230, 277, 311, 340, 368, 381, 385, 441, 508, 524, 551, 600, 629, 657, 685, 766, 773, 799-801, 829, 852, 853, 889, 900, 911, 914, 916, 917, 929
Московская губ. – 314
Московское княжество – 686
Мурень, р. – 735
Надамурский край – 233, 537, 633, 724, 726, 801
Надамурский округ – 650
Нарва, р. – 124, 135
Неаполь – 698
Небесная Империя – см. Китай
Небесное Царство – см. Китай
Неман, р. – 629
Нерча, р. – 704, 924
Нерчинск – 135, 139, 153, 203, 279, 304, 551, 669, 737, 744, 747, 926
Нерчинская обл. – 905
Нерчинский округ – 731, 732, 737
Несвиж – 557, 931
Нижеколымск – 731, 904
Нижеудинск – 429, 431, 442
Нижеудинский округ – 429
Нижний Новгород – 220, 385
Никольская – 750
Новгород – 139, 853
Новогруд – 557, 891
Новый Бжешек – 124
Обь, р. – 145, 151, 152, 321, 746
Одесса – 356, 358
Ока, р. – 139
Оксфорд – 299
Олекма, р. – 650

Оломоуц – 722
 Ольхон – 750
 Омск – 11, 15, 28, 29, 39, 42, 44, 50, 57, 58, 60, 61, 68, 90, 96, 101, 158, 160, 161, 166-169, 171, 172, 175, 178, 182, 183, 185, 186, 192, 195, 196, 199-201, 203, 209, 212, 213, 215, 217, 220, 221, 223-226, 228, 230, 256, 258, 259, 261, 262, 267, 274, 275, 290, 320, 322, 325, 340, 342, 345, 346, 348, 363, 376, 413, 416, 420, 423, 425-428, 462, 463, 484, 490-495, 497, 498, 501, 508, 522, 629-631, 640, 657, 696, 698, 699, 712, 726, 806, 833, 836, 868, 869, 877-880, 915, 917-919, 923-925, 927
 Онон, р. – 537, 791, 888
 Опатов – см. Опатув
 Опатув (Опатов) – 235
 Оренбург – 685
 Орлеанвилль – 899
 Остенд – 775
 Охотск – 550, 552
 Очаир – 168, 169, 171, 182, 809, 868, 913
 Паберовиц – 880
 Палиа-дута – 371
 Пантеллерия – 898
 Париж – 68, 116, 160, 244, 246, 255, 292, 293, 303, 385, 575, 577, 592, 596, 614, 615, 631, 698, 699, 712, 718, 735, 779, 791, 851, 852, 863, 894, 896, 899, 901, 902, 911, 912, 916, 922, 925
 Пеленье – 890, 911
 Переяславль Рязанский – см. Рязань
 Пермская губ. – 830, 930
 Пермь – 139, 755, 783, 915
 Персия – 361
 Песчаная, станица – 167
 Петербург – 147, 151, 171, 188, 206, 207, 211, 217-221, 237, 242, 314, 339, 342, 343, 349, 381, 431, 434, 437, 440, 441, 488, 491, 494, 530, 534, 553, 631, 695, 722, 723, 729, 763, 767, 775, 780, 786, 801, 823, 857, 863, 889, 905, 917, 919, 927
 Петровск – 319, 368, 371, 487, 488, 491
 Петровская земля – 807
 Плоцкая земля – 778
 Погулянки – 460
 Поддавельская столица – см. Вавель

Поддавельский город – см. Вавель
 Подлеская земля – 595, 597, 922
 Подлесье – 539, 762, 893, 912, 923
 Поднебесная Империя – см. Китай
 Подол – 168
 Подолье – 85, 90, 190
 Познань – 162
 Познаньское, княжество – 125
 Познаньское, предместье – 162, 867, 911
 Покутье – 508
 Поланувка – 565-567, 586, 587, 590, 592, 595, 611, 613, 617, 621, 626, 653, 654, 921
 Польская, земля – см. Польша
 Польское, королевство – см. Польша
 Польское, царство – см. Польша
 Польша (Жечь Посполита, Земля Польская, Королевство Польское, Корона, Царство Польское) – 5-7, 11, 15, 17, 20, 24, 52, 68, 84, 85, 90, 92, 104, 105, 107, 109, 112, 119, 129, 138, 147, 152, 160-162, 165, 179, 181, 190, 196, 202, 217, 276, 314, 325, 353, 369, 407, 409, 434, 435, 465, 486, 555, 576, 577, 588, 589, 596, 603, 604, 616, 625, 626, 628, 629, 632, 650, 652-654, 660-664, 668, 676, 685, 693, 701, 716, 730, 735, 737, 773, 780, 782, 792, 796, 805, 812, 813, 819, 823, 824, 829, 838, 840, 841, 846, 867, 881, 882, 884, 887, 888, 904, 905, 907, 912-915, 918, 920-925, 927, 929
 Посолит – 747, 926
 Прага, польск. – 135, 691
 Прага, чешск. – 698, 911
 Приамурский край – 6
 Прибалтика – 872
 Приморский округ – 650
 Проскоково – 146, 149, 916
 Пруссия – 162, 841
 Псков – 578
 Пулавы – 817, 922
 Рава – 784, 923
 Равская земля – 784, 823, 852, 930
 Радзимин – 849, 924
 Рим – 596, 673, 779
 Российская Империя – см. Россия

Россия (Российская Империя, Русь) – 5, 8, 10, 14, 15, 17, 23, 41, 84, 85, 93, 139, 140, 152, 156, 158, 185, 186, 190, 191, 199, 268, 286, 292, 293, 314, 364, 369, 382, 406, 410, 414, 448, 476, 486, 491, 508, 518, 525, 531, 534, 594, 629, 630, 644, 645, 650, 671, 686, 689, 693, 694, 720, 722, 723, 726, 730, 731, 735, 752, 754, 756, 763, 770, 773, 777, 778, 780, 783, 785, 792, 799, 801, 811, 818, 823, 830, 854, 863, 864, 900, 903-905, 919, 923, 926-928

Румыния – 777

Русь – см. Россия

Рыбинская вол. – 628, 629

Рыбное – 649-651

Рязань – 102, 685, 686, 688, 689, 811, 848, 923

Савиче – 557

Садковице – 823, 930

Самбор – 676, 678, 680, 855, 915

Самборский округ – 673

Сандомир – 235, 632

Сандомирская земля – 105, 588

Санциньов – 116

Сарагоса – 555

Саратов – 785

Свентокшиские (Швиентокжыские) горы – 235, 485, 600, 604

Севастополь – 279

Северный Ледовитый океан – 544, 547, 577, 731, 751, 795, 903

Северный Океан – см. Северный Ледовитый океан

Седлецкая губ. – 762

Седлецкий уезд – 839

Седлиса – 900

Седльце (Сиедлице) – 134, 597, 600, 762, 922

Селенгинская долина – 449-451

Семигорье – 897, 918

Семипалатинка – 353

Семипалатинск – 7, 8, 14, 42, 71, 95, 164, 166-168, 192, 352-354, 360, 867, 912, 913, 918

Семипалатинская обл. – 353, 732

Семипалатинский округ – 732

Семярск – см. Семярская

Семярская, станица (Семярск) – 165, 166

Семятыче – 599, 922

Сена, р. – 244, 735

Сербия – 770, 784

Сибедь, р. – 686

Сибирь – 4, 6, 7, 11-13, 17, 68, 70, 71, 73, 77, 78, 85, 106, 115, 116, 128, 130, 134-136, 139, 149, 151, 152, 158, 160-164, 174, 191, 192, 198, 203, 209, 220, 226, 228, 233, 239, 248, 253, 257, 262, 275, 277, 280, 293, 297, 310, 314, 320, 321, 325, 334, 337, 338, 362, 363, 366, 374, 381, 382, 397, 402, 407, 410, 413, 425, 426, 429, 430, 435-437, 448, 449, 452, 453, 455, 457, 459, 463, 465, 466, 469, 473, 474, 485, 495-499, 508, 512, 515, 518, 529, 539, 546, 550, 576, 611, 618, 626, 627, 632-634, 637, 640, 642, 644, 645, 648, 651, 669, 687, 690, 691, 693, 699, 704, 714, 723, 726, 730-732, 745-747, 752-754, 756, 770, 778, 779, 784, 785, 790, 792, 801, 806, 807, 809, 810, 818, 832, 833, 837, 843, 845, 846, 853, 863, 879, 883, 885, 887-889, 891, 892, 894-896, 901-905, 911-914, 916, 920, 921, 923-929, 932

Сибирь Восточная – см. Восточная Сибирь

Сибирь Западная – см. Западная Сибирь

Сиедлице – см. Седльце

Сизино – 145

Сикисовка – 153, 558

Сиховья – 896

Сицилия – 898

Сколе – 678

Сломник – см. Сломники

Сломники (Сломник) – 116

Смаржава – 900

Смирна – 532

Смоленск – 138, 698, 911

Соколов – 597

Солигалич – 769, 788, 789

Солоны – 732

Сольферино – 721

Сомосьерра – 555

Спасск – 767, 778, 783, 784, 923

Средиземное море – 898

Сретенск – 228, 551

Станин – 599, 922

Становой хр. – 905

Старое Замоштье (Замостье, Замосць) – см. Замостье

Сташев – 896
 Стопницкий уезд – 841
 Сточек – 599, 600, 602, 610, 620, 894, 922
 Сунгачи, р. – 735
 Сургут – 467, 746
 Сургутский округ – 746
 Сухедннов – 838
 Талица – 754, 755, 772
 Тамбов – 784, 838
 Тамбовская губ. – 218, 291, 292, 303, 905
 Тара – 144, 145, 397, 398, 402, 405-410, 864
 Тарнувский округ – 900
 Татрские горы – см. Татры
 Татры (Татрские горы) – 235
 Таштып – 325
 Тверская губ. – 185, 499
 Тверь – 186, 871
 Телецкая долина – 505-508, 515, 517, 518
 Теплице – 257, 930
 Теплиц-Шенау – 907
 Тисуль – 464, 505, 506, 508, 510, 511, 514, 516, 518, 520, 523, 524
 Тихий океан – 790
 Тобольск – 41, 135, 138-144, 203, 217, 378, 397, 399, 692-695, 744, 853-855, 859, 860, 862, 863, 916, 917, 924
 Тобольская губ. – 144, 321, 397, 699, 913
 Томашов – 682
 Томск – 68, 144, 145, 148-151, 159, 406, 465, 849, 864, 916
 Томская губ. – 504, 507, 732, 738, 903
 Томь, р. – 145, 148
 Топорница – 657
 Триест – 698
 Трубеж, р. – 686
 Тулишув – 906
 Тулон – 898
 Тунка – 648, 756
 Тунца – 795, 906
 Туркестан – 355
 Туруханск – 731
 Турция – 84, 85, 191, 314, 768, 893, 898, 918

Тюмень – 755
 Уварова, станица – 162
 У-горск – см. Усть-Каменогорск
 Укирза – 747, 926
 Украина – 15, 85, 90, 190, 893
 Ульба, р. – 154, 468, 470
 Урал – 6, 277, 410, 413, 434, 485, 628, 632, 642, 657, 754, 772, 787, 823, 830
 Уральский хребет – см. Урал
 Усмань – 761, 767
 Усолье – 203, 279, 744, 747
 Уссури, р. – 537, 733, 735, 736, 791, 801, 888
 Уссурийский край (Уссурия) – 733, 735, 801
 Уссурия – см. Уссурийский край
 Усть-Зейск – 707
 Усть-Каменогорск (У-горск) – 7, 55, 68, 149, 151, 153-155, 157-159, 161, 184, 222, 409, 413, 467, 469, 470, 558-560, 809, 864, 917, 918
 Фара – 805
 Фаргас – 433
 Финляндия – 433
 Флоренция – 824, 927
 Франция (Французская Республика) – 84, 292, 303, 323, 374, 723, 762, 892, 898, 899, 901, 902, 918, 922, 929
 Французская республика – см. Франция
 Фридлянд – 320
 Хамар-Дабан – 791
 Ханка, оз. – 735
 Хатын-тус, р. – 548
 Хваловице – 672, 677
 Ходель (Ходл) – 104, 112, 395, 485, 658
 Ходл – см. Ходель
 Хоцебуж – 821
 Хробж – 115, 116
 Хрубешув – 672
 Хуанхэ, р. – 365
 Хута – 567, 570, 573, 576, 579, 582, 584, 587, 590, 604, 611, 614-616, 618, 626, 632, 921
 Царев – 783

Цареград (Царьград) – см. Константинополь
 Цивильск – 465
 Чаны, оз. – 699
 Челюскин, м. – 751
 Ченстохов – 140
 Черниговская губ. – 303
 Чёрное море – 254, 317-319, 722
 Чернолесье – 855
 Чернявка – 893
 Чехия – 907, 911, 930
 Чуприя – 771
 Чухлома – 769
 Швейцария – 813, 901, 904, 908, 927
 Швиентокжыские горы, – см. Свентокшиские горы
 Шевенат – 898
 Шеговар – 898
 Шела – 900
 Шенау – см. Теплиц-Шенау
 Шилка, р. – 704, 736, 924
 Шимчиц – 807
 Шленск – 764
 Шлиссельбург – 293, 303, 722, 723, 863
 Шотландия – 725
 Щебжешин – 140, 854
 Эльба, о. – 698, 911
 Эривань – 818
 Юдинская – 699
 Яблоне́вые горы – см. Яблоновый хребет
 Яблонни – 123
 Яблоновый хребет (Яблоне́вые горы) – 737, 905, 926
 Якутск – 149, 547-549, 552, 763
 Якутская обл. – 549, 763, 792, 903, 904
 Ямки – 239
 Ямышское, оз. – 704, 903
 Янцзы, (Янцзы-Кианг) р. – 268, 365
 Янцзы-Кианг – см. Янцзы
 Япония – 722, 921
 Ярославль – 792, 798, 929
 Ясное – 687

Список сокращений

Сразу же, с первой страницы, нами овладевает некое знакомое уже настроение, как светлое воспоминание юношеских лет, где о тех, что впоследствии шли тернистым путём, рассказано как бы приглушённым голосом. Это настроение сохраняется до последней страницы. Помимо исключительных своих литературных заслуг, воспоминания Токарежевского являются произведением, к которому надо подходить с иной мерой, чем просто мерой литературной ценности: с мерой почитания... Эта книжка должна находиться в каждом польском доме.

К. Раковский

БП – Tokarzewsky Szymon. Bez pasportu. Z pamietnikow wygnania. – Warszawa, 1910. [Токарежевский Ш. Без паспорта. – Варшава, 1910. – На польском языке].

В – Tokarzewsky Szymon. W ucieczce. Opowiadania wygnanka. – Warszawa, {b.r.}. [Токарежевский Ш. В скитаниях: воспоминания изгнанника. – Варшава, {год изд. не указ.}. – На польском языке].

ГС-4 – Голоса Сибири: литературный альманах / Сост. Кушникова М.М., Тогулев В.В. – Выпуск четвёртый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 824с.

Достоевский – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Л.: Наука, 1972-1990.

Дьяков – Дьяков В.А. Каторжные годы Ф.М. Достоевского (По новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX-XXв. Историография и источники / Отв. редактор Горюшкин Л.М. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.196-220.

И – Tokarzewsky Szymon. Z roku 1863 i lat nastepnych... – Warszawa, Lwow, {1912}. [Токарежевский Ш. Из записок 1863 года и последующих лет. – Варшава-Львов {1912}. – На польском языке; Стереотипное издание: То же. – Львов, {1912}. – На польском языке].

К – Tokarzewsky Szymon. Katorznicy. Obrazki syberyjskie. – Warszawa, {1912}. [Токарежевский Ш. Каторжники: сибирские зарисовки. – Варшава, {1912}. – На польском языке].

П – Tokarzewsky Szymon. Zbieg. Wspomnienia z Sybiru. – Warszawa, 1913. [Токарежевский Ш. Побег: воспоминания о Сибири. – Варшава, 1913. – На польском языке].

С-1 – Tokarzewsky Szymon. Siedem lat katorgi. – Warszawa, 1907. [Токарежевский Ш. Семь лет каторги. – Варшава, 1907. – На польском языке].

С-2 – Tokarzewsky Szymon. Siedem lat katorgi. – Warszawa 1918. [Токарежевский Ш. Семь лет каторги. – Варшава, 1918. – На польском языке].

СЛК – Токарежевский Ш. Семь лет каторги // Кушникова М.М., Тогулев В.В. «Кузнецкий венец» Фёдора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга вторая. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С.461-626 [Приложение].

СУДО – Tokarzewsky Szymon. Posrod cywylnie umar?ych. Obrazki z zycia Polakow na Syberyi. – Warszawa, [1911]. [*Токарежевский Ш.* Среди умерших для общества: зарисовки из жизни поляков в Сибири. – Варшава, 1911. – На польском языке].

Т – Tokarzewsky Szymon. Ciernistym szlakiem. – Warszawa, 1909. [*Токарежевский Ш.* Тернистым путём. – Варшава, 1909. – На польском языке].

ЦГВИА – Центральный Государственный Военно-Исторический Архив (в настоящее время переименован).

Составители выражают благодарность:

За неизменную многолетнюю дружественную и сердечную поддержку – Сергею Николаевичу и Анне Владимировне Прокопьевым, Юрию Гинатулину, без которых книга бы не состоялась и которые постоянно помогали и помогают многим культурным проектам Сибири, вдохновляя нас уверенностью в их осуществлении.

А также: Светлане Владимировне Василенко, Виктории Кинг и Ливии Которча, Елене Васильевне Логиновской и Альберту Григорьевичу Ковачу, Сеиуту Аскарновичу Каскабасову и Светлане Викторовне Ананьевой.

За профессиональную техническую помощь – Алексею Викторовичу Брагину, Вере Ивановне Дятловой и всему коллективу издательства «Кузбассвуиздат».

За помощь в розыске первоисточников – Лиану Яновичу Контеру, Марине Вишневской и Нине Латусек, коллективу главной библиотеки Воеводства Мазовецкого.

За подготовку презентации альманаха «Голоса Сибири» в рамках международного симпозиума переводчиков, к которому и был приурочен выход в свет сочинений Токарежевского – Михаю Чимпою, Валериу Матей, Мирославе Лукьянчиковой-Метляевой.

Содержание

<i>Мэри Кушникова, Вячеслав Тоголев. Предисловие к «Сибирскому лихолетью» Шимона Токарежевского</i>	3
<i>Шимон Токарежевский. Семь лет каторги</i>	99
<i>Шимон Токарежевский. Каторжники</i>	231
<i>Шимон Токарежевский. Среди умерших для общества</i>	337
<i>Шимон Токарежевский. В скитаниях</i>	411
<i>Шимон Токарежевский. Побег</i>	473
<i>Шимон Токарежевский. Из записок 1863 года и последующих лет</i>	563
<i>Шимон Токарежевский. Тернистым путём</i>	655
<i>Шимон Токарежевский. Без паспорта</i>	793
<i>Примечания</i>	831
<i>Хроника событий, упомянутых в книгах Шимона Токарежевского</i>	909
<i>Указатель имён</i>	933
<i>Указатель географических названий</i>	957
<i>Список сокращений</i>	975

**Шимон Токаржевский
(Токажевский)**

СИБИРСКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

Подписано к печати Формат
Бумага офсетная № Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48

internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru